

М. БЕЛЛЕР

ПСИХОЛОГИЯ
ЭНЕРГОЭВОЛЮЦИОНИЗМА

Энергоэволюционизм

Михаил Веллер

Психология энергоэволюционизма

«Издательство АСТ»

2010

Веллер М. И.

Психология энергоэволюционизма / М. И. Веллер —
«Издательство АСТ», 2010 — (Энергоэволюционизм)

ISBN 978-5-17-071875-7

Психология выступает в энергоэволюционизме Веллера как связующее звено между естественными жизненными потребностями человека и процессами изменения Вселенной, орудием которой мы являемся.

ISBN 978-5-17-071875-7

© Веллер М. И., 2010
© Издательство АСТ, 2010

Содержание

Предварение первое	6
Энергоэволюционизм как философия	6
1. Космологическая составляющая	6
2. Психологическая составляющая	7
3. Логика существования	8
4. Системный уровень	8
5. История и цивилизация	9
6. Заключение	9
Предварение второе	10
Человек в послойном срезе	10
Психическая константа	18
Психология роли	23
Глава 1	36
Смысл жизни	36
Свобода	60
Слава	68
Власть	76
Мораль	85
Справедливость	93
Совесть	96
Зависть	100
Мечь	106
Предательство	110
(Предатель)	115
Жестокость	117
Доброта	121
Добро и зло	126
Глава 2	130
Любовь	130
Ревность	150
Страдание	157
Секс	161
Мужчина и женщина	187
Мужчина не женщина	193
Три сорта желанных лиц	196
Несовпадение вершин	200
Дон-Жуан	204
Глава 3	206
Искушение	206
Уровень некомпетентности	210
Грех	212
Умопомрачение	214
Агрессивность	216
Стремление к поражению	218
Самоубийство	222
(Самоубийца)	232

Унтерменш	234
Кумир	236
Прощание	238
Оптимизм и пессимизм	238
Старость	241
Два возраста глупого короля	249

Михаил Веллер

Психология энергоэволюционизма

Предварение первое

Энергоэволюционизм как философия

Любая серьезная философия – это цельная система представлений о мире. Она включает в себя две крайние составляющие – космологическую и психологическую. Что есть объективное Всё (Космос, Вселенная, Бытие) – и что есть субъективно Человек, осознающий себя в Мире и Мир через себя. Все прочие процессы и объекты познания лежат между этими двумя «крайними отметками всеобщей шкалы».

Энергоэволюционизм рассматривает психическую и физическую сущность Человека как единое целое с Космосом, существующее по одним законам и согласованно действующее в одном направлении. Сущность и смысл любого объекта и явления могут быть поняты только в соотнесении и связи с его местом и ролью в Космосе. То есть все должно мериться единой «всеобщей шкалой» Бытия.

Жизнь и ее высшая форма – психическая деятельность центральной нервной системы человека – рассматривается как высшая форма единой Энергии Космоса. Общие законы Энергии определяют сущность и функцию жизни, эволюции и психики.

Энергоэволюционизм определяет психофизическую сущность человека как дуалистическую. Как субъект он действует в требованиях психики, которые могут не совпадать с требованиями реальной среды, в том числе собственной физической субстанции. Как объект он действует в требованиях материально-энергетической реальности, которые могут не совпадать с требованиями его психики.

Разум, высшая форма жизни, есть психическое оформление энергетической «избыточности» человека и, субъективно обслуживая психические потребности человека, объективно подчинен и служит увеличению преобразования Энергии Космоса.

1. Космологическая составляющая

1. Сингулярная теория происхождения Вселенной – Точка и Большой Взрыв.
2. Теория пульсирующей Вселенной (на уровне сегодняшней науки оформлена модель Фридмана).
3. Теория образования и усложнения материальных структур в процессе существования Вселенной (на уровне сегодняшней науки обосновывается теорией диссипативных систем Пригожина).
4. Все сущее есть «нечто» и «может что-то», т. е. обладает энергией. Имеет энергетический эквивалент. Можно сказать, что базовый агрегатный уровень Вселенной – это Энергия. Бытие – это Энергия. Энергия понимается как способность к каким бы то ни было действиям, то есть вообще к существованию.
5. История Вселенной – это история эволюции Энергии. Из «чистого» состояния она преобразуется во все более сложные материальные структуры. От частиц до Галактик.
6. Одновременно во Вселенной нарастает энтропия.
7. Убывающая энергия частично «консервируется» в материю. Этот процесс носит обратимый характер: материя может выделить энергию «обратно». Звезды излучают и т. д.

8. В результате энергоэволюции от звезд остается «косный остаток» сверхплотного вещества, энергию из которого уже «не вышибешь». Косная масса Вселенной нарастает – что придает всему процессу энергоэволюции необратимый характер и работает скорее в пользу теории «тепловой смерти».

9. Жизнь – это качественно более высокий уровень энергоэволюции. Энергия Солнца и вещества Земли в кратчайшие сроки преобразуется в недолговечные и саморазмножающиеся материальные структуры небывалой сложности, постоянно совершающие работу по своему перемещению и изменению. (На уровне сегодняшней науки оформлено в теорию Вернадского.)

10. Человек – часть Космоса – это высшая (известная на сегодня) ступень энергоэволюции. Как материальная структура (биосистема) содержит в себе на много порядков меньше энергии, заключенной в собственном веществе – нежели способен потребить и выделить, преобразовать, синтезировав и запустив своими действиями процесс во внешней среде. Своего рода запал-синтезатор энергопреобразования Космоса в доступной ему части.

11. История жизни на Земле – это эволюция энергопреобразования, происходящая во все возрастающей прогрессии. Биологическая форма – от растений к приматам круговорот энергии в биосфере все повышался – сменилась формой технической, рационалистической, цивилизационной. Растения, животные, человек – цивилизация огня, рост всех производств, действия геологического масштаба, ядерная энергия. Человек как фактор энергоэволюции.

2. Психологическая составляющая

1. Человек – это двухуровневая система, существующая субъективно на уровне ощущений – и объективно на уровне действий.

Субъективно для человека жизнь сводится к сумме ощущений. Вне ощущений (в их полное отсутствие) он для себя не существует. Все сущее – он воспринимает прямо или косвенно через ощущения. Объективно же, глядя со стороны «глазами космического наблюдателя», жизнь человека – это сумма всех действий, совершенных в течение жизни. Т. е. суммарная энергия, преобразованная им за жизнь.

2. Субъективно человек стремится к максимальным ощущениям. Базовый инстинкт – инстинкт жизни (т. е. заряд самой энергии существования субъекта) – определяет ему жить в мощностность его энергетического уровня, т. е. возбуждений и усилий центральной нервной системы, т. е. чувствовать максимум всего, на что он способен. Ибо по силе и объему ощущений сознание человека ориентируется, насколько активно, в полную для него силу, он живет.

3. Объективно человек стремится к максимальным действиям. Что и вытекает из сущности его как энергетической структуры. Объективно: жить – это действовать. Инстинкт жизни диктует человеку действовать в полную силу своих возможностей, реализовать их.

4. Запертый внутри собственного субъективного сознания, человек соотносится с внешним миром и своими действиями в нем через ощущения и представления. Так летчик в зашторенной кабине ведет самолет по показаниям приборов. Субъективно человек побуждается ко всему только ощущениями – но они есть реакция на внешнюю среду и действия в ней.

5. От природы человек наделен не разумом, но лишь способностью к разуму. Разум – это структурное оформление избыточной энергии центральной нервной системы. Разум – это способность с минимальными затратами собственной физической энергии максимально преобразовывать субъективное и объективное Бытие, т. е. добиваться максимальных действий в Бытии.

6. В двухуровневой системе «ощущения – действия» разум играет роль трансмиссии, двустороннего проводника, мультипликатора и декодера. Он дает возможность преобразовывать ощущения в максимальные действия, невообразимые и недостижимые без его участия.

А сторонние действия, нейтральные для человека или даже без посредничества разума неизвестные, может преобразовывать в разные и сильные ощущения.

7. Разум занимает подчиненное положение по отношению к чувствам и действиям. Доминируют они. Разум обслуживает базовые потребности человека: субъективную – в максимальных ощущениях, и объективную, связанную с ней – в максимальных действиях.

3. Логика существования

1. Извечный парадокс заключался в том, что сплошь и рядом человек, в ясном уме и твердой памяти, добровольно и осознанно совершает поступки, ведущие его к нежелаемому ему несчастью. Зная, как надо поступить себе во благо – понимает, что поступает себе во вред.

2. Человек в общем сознательно стремится к счастью и в общем подсознательно стремится к страданию. Это – стремление к максимальным ощущениям, как положительным, так и отрицательным, что в сумме и есть субъективно полнота жизни и реализация инстинкта жизни в максимуме всех проявлений.

3. Стремление к счастью – это стимул к действию.

4. Стремление к страданию – это стремление к положению, где будет стимул к действию (стремление избавиться от страдания).

5. Стремясь к максимальным ощущениям (счастьем и страданием), человек объективно стремится к максимальным действиям.

Потребность психической сущности человека в счастье и страдании – это «приборное отражение» материально-энергетической сущности человека, реализующейся в максимальных действиях.

6. Если совершаемое действие вредно человеку (для здоровья, карьеры, в рамках общего дела) – значит, вызвавшее его и связанное с ним ощущение потребно его психике по логике максимальных ощущений, максимальной субъективной самореализации. Если ощущение как результат действия вредно человеку (нежеланно, дискомфортно, разрушающе) – значит, это действие вызвано физическими потребностями его энергетики в максимальных действиях. Совпадение двух плюсов может называться гармонией. Совпадение двух минусов возможно только как психическое заболевание, расстройство системы – ибо невозможно никакое действие без мотива субъективного либо объективного.

7. Стремление к риску и экстремальным действиям – крайнее выражение стремления к максимальным ощущениям и действиям.

8. Стремление большинства избегать риска и экстремальных ситуаций – это стремление в сумме в течение жизни получить максимум ощущений и совершить максимум действий, что и обеспечивает большинству продление рода и развитие цивилизации.

4. Системный уровень

1. Социальная система ограничивает экстремальные действия индивида, стимулируя к производству большей суммы действий в течение жизни.

2. Социальная система позволяет в общем и среднем получить индивиду в течение жизни больше ощущений и совершить больше действия, чем в одиночку. То есть повышает энергопреобразовательный уровень человека. Система энергетически эффективнее простой суммы своих индивидов.

5. История и цивилизация

1. Человек как биосистема энергетически неравновесен с окружающей средой, имея особенность преобразовывать больше энергии, чем необходимо для простого физического выживания популяции (в отличие от прочих живых существ).

2. История цивилизации – это история совершения человеком действий и создания объектов, избыточных и излишних для простого выживания.

3. Человек не созидатель и не разрушитель. Человек – переделыватель, изменитель, переструктуризатор. Все действия человека носят неопределенный, избыточный, максимальный характер – он делает все, на что вообще способен, во всей сфере возможного. *Принцип производимых в сумме человеком действий един с принципом биологической эволюции с ее неопределенными изменениями, мутациями: есть вредные, нейтральные и полезные с точки зрения выживания и дальнейшего развития.* Время производит отбор через катаклизмы, перипетии, борьбу за существование. Результирующий вектор социальной и научно-технической эволюции также направлен к усложнению систем – и, добавляем мы, к повышению их уровня энергопреобразования.

4. Совершение действий и создание объектов – иначе говорят, структуризация окружающей среды, или энергопреобразование, – происходит в истории со все нарастающим положительным балансом и в увеличивающейся прогрессии.

5. Этот процесс принципиально не имеет ограничения, как не имеет его сущность Развития и Становления. (Бытие есть Энергия, Энергия есть способность к действиям, действия есть изменения, изменения неразрывно связаны с самим наличием времени, материи и пространства.)

6. Стремление к максимальным ощущениям диктует и отражает неизменное стремление человека к максимальным действиям, т. е. к максимальному изменению мира, т. е. к максимальной переструктуризации Бытия. В идеальной перспективе и ее конечно удаленной идеальной точке – это есть стремление к Максимальному Действию (самому максимальному из всех вообще возможных). А таковым является Большой Взрыв – уничтожение Вселенной и одновременно и тем самым создание Новой Вселенной.

6. Заключение

1. Место человека в Космосе – это звено в цепи эволюции энергопреобразования Вселенной.

2. Функция человека в Космосе – это преобразовать, выделить и «запустить в оборот» часть энергии Вселенной, которая иначе останется косной, что ведет к смерти Вселенной.

3. Невозможность предсказать конкретные будущие формы эволюции Вселенной и Жизни не может отменить уже известных законов, по которым мы движемся к Максимальному Действию.

4. Психика человека – это встроенная система самоуправления, заставляющая человека ради собственных целей и интересов действовать в целях и интересах энергоэволюции Вселенной.

5. Феномен человека следует понимать на едином для Вселенной энергетическом уровне. Наделенный рефлексивным сознанием, человек субъективно структурирует Бытие-внутри-нас – объективно тем самым структурируя Бытие-вне-нас. Разницу, степень совпадения и несовпадения его действий на этих двух уровнях можно считать КПД человека как части Космоса.

Предварение второе

Человек в послонном срезе

Полжизни я повторяю гениальную строчку Фитцджеральда: «Признаком первоклассных мозгов является способность держать в голове две взаимоисключающие мысли одновременно, не теряя при этом способности думать». Может, он был и не сильно образованный америкашка, но диалектику понимал правильно.

Если бы все ученые, социологи и биологи, а также экономисты и философы, понимали суть понимания подобно... « – Если бы все? А как вы здесь, собственно, очутились? – Я? Приехал поездом шесть тридцать пять с Черинг-Кросс... – А если бы в с е приехали сюда поездом шесть тридцать пять с Черинг-Кросс?! Так что не говорите глупостей! Все...» Пристли. Тоже не лишенный понимания был мужчина.

Этот блиц-парад сокровищницы мировой мысли закончим еще одной убойной цитатой – из мово любимого Блейка: «Если бы дураками не были окружающие – волей-неволей дураками оказались бы мы».

01. Как говорил в финале старого советского фильма «Две жизни» блестящий офицер, ставший седым парижским официантом: «Страшная мысль приходит иногда мне в голову...»

Мне тоже, как застенчиво признаются девушки.

Гениальность – это когда кругом с каждым годом становится все больше идиотов, не понимающих элементарных вещей. Вот. Серьезно.

1. Человек есть существо разумное.

А также биологическое, живое то есть, организм.

А также существо социальное, общественное.

А также материально-энергетическая структура из тех же частиц с их полями, что и остальные объекты Вселенной.

А также он духовный, носитель моральных ценностей.

А также деятельный, производитель, работник.

А также... гм, в основном все.

Ну. И что? Это понятно, это известно, это просто.

2. А то, что эти его уровни существования давайте сейчас выстроим последовательно, так сказать. От самого нижнего уровня, базового, вселенского, – до самого высшего, как бы истинно человеческого в высоком и красивом смысле этого слова. Тогда:

– Самый *общий уровень – материально-энергетический*. И он есть всегда. На этом уровне человек существует всегда. Материальные частицы, из которых он состоит, были до него, будут и после. А в нем они были собраны вот в такую комбинацию. В такую систему сложнейшую. И эта система преобразовывала огромное, по сравнению со своим собственным составом, количество энергии.

– Следующий уровень – биологический. И он тоже функционирует всегда. Пока человек существует как единое целое.

– Следующий уровень... пожалуй, деятельный. Деятельность – она впереди ума идет. Бобры строят плотины, термиты – термитники, барсук роет потрясающие норы, белка делает склады на зиму. Строительство гнезда – это труд по улучшению и обеспечению своей жизни и потомства. В конце концов, любой биологический организм живет во взаимодействии с окружающей средой, и чем сложнее организм – тем сложнее и активнее взаимодействие.

– Дальше появляется уровень разумный. Думать много стал. И посредством этого своего разума резко усилил и усложнил всю свою деятельность. А также организацию своей стаи, – и:

– Следующий – социальный, политический уровень. Структуризация многофункционального высокопроизводительного общества.

– А превыше всего – дух человеческий: благородные порывы, поклонение Красоте, тяга к Истине, служение Добру, борьба со Злом.

3. Так вот весь фокус в иерархии этих уровней. А это вещь не такая простая, как кажется. Потому что надо договориться о системе отсчета. Что считать за более главное, нужное, принципиальное, характерное, показательное. Что есть в первую очередь определяющее для человека?

От винта отойдите, пожалуйста. Студентов пропустите вперед, они наше интеллектуальное будущее.

Последовательный физик мыслит категориями системными, кибернетическими, где принципиальной разницы между системами живыми и неживыми нет. Системные, кибернетические расчеты и закономерности ему понятны, но результаты могут не нравиться. Тогда он вспоминает о разуме и духе человека, и говорит, что на них надо уповать и напирать, чтоб было с человечеством не ужасно завтра, а как надо. Типа умом и духом подправить физическую природу.

Биолог видит везде биологию. Он норовит из биологии вывести все остальное. Биология первична. Физика объясняет биологию. Из биологических инстинктов происходит все общество и его деятельность. Или иначе – из потребностей организма и из обучения получается человеческая личность и ее поведение. Иногда получается ужасно. И тогда надо призвать на помощь разум и дух, потому что мы умные и знаем, в чем добро, а природа наша хорошая биологическая просто искажена гадостями цивилизации: немного по неправильному пути пошла (как-то...) наша цивилизация.

Социологи вообще и экономисты в частности цель всего мироздания видят в удовлетворении потребностей человека. Устройство общества и его производственная деятельность имеют целью осчастливить человечество. Это и есть главная цель Истории, чего ж еще. А борьба разных групп объясняется жадностью захватить больше благ. А дух и разум – это конечно, это хорошо, но это вторично: было бы меньше корма, как в прошлом, – и никакого искусства, ничего высокого. Жратва всему голова! В сущности, пан-экономическая теория человеческой истории – это вульгарный биологизм, оснащенный научно-техническим прогрессом.

Истинные и последовательные рационалисты утверждают, что разум – главное и принципиальное отличие чел-ка от волка. И поскольку чел-к не дурак же, он понимает, как жить лучше, он и должен стремиться к этому лучшему для всех. К добродетели, выражаясь по-древнегречески. Но поскольку несовершенен бродяга чел-к, нужны, конечно, законы, в том числе и суровые. Доверяй, но заставляй.

Лица же духовные, склонные к мировоззрению божественному, те полагают Дух Божий, вдунутый в нас, всего главней. На все воля Божья. Вся история – воплощение замысла Его. Если Он может раздвинуть воды морские и остановить солнце на небе – довольно глупо искать более главные силы в мироздании. И к таковым духовным людям примыкают поборники морали, служители Добра, которые полагают Мораль, Добро и Справедливость главными движущими силами. Моральный Императив превыше всего! В этом и сущность человеческая, в отличие от звериной, что духом своим мы поднимаемся над биологией, преодолеваем ее и делаемся Человеками с Большой Буквы. Это и есть цель. Счастье. Но не потребительское, а духовное. Тоже хорошо. Дешевле обойдется. Сольемся в Боге. Вечный кайф!

...Это напоминает Соломонов суд, где преданные матери хотят разорвать младенца на шесть частей. Почему шесть? Потому что на Седьмой день Бог отдыхал. Больше у нас нет для вас основных уровней человеческого бытия.

4. *Основная ошибка существующих концепций человека в том, что полагается постоянное и принципиальное доминирование одного базового уровня.*

Постоянства доминанты какого-либо уровня существования человека нет.

ЧЕЛОВЕК – МНОГОУРОВНЕВАЯ СИСТЕМА С ПЕРЕМЕННОЙ ДОМИНАНТОЙ

5. Это что значит?

Это значит, что ради удовлетворения биологических инстинктов человек может наплевать на доводы Духа и Морали. А может наоборот – руководствуясь душой благородной, наплевать на пользу телесную!

Руководствуясь разумом – откажется от благородного порыва души. Или наоборот – совесть повелевает наплевать на доводы разума.

Что бы ни делал человек – это все равно энергопреобразование среды. Но под доводом духа человек может пожертвовать собой – и самому разрушить ту совершеннейшую материально-энергетическую систему, которой является. И поступить вопреки самому базовому из базовых уровней – энергопреобразовательному. Перейдут его атомы порознь в разную дрянь земную.

Он производил-производил – а потом в общественном механизме разладилось всякое-разное, и стал меньше производить, и толком не может объяснить почему. А экономисты ищут этому чисто экономические причины. А под другими столбами им темно, там для них фонарей не повешено.

6. Если нарушено руководство Духа – полезно объяснить Дьяволом. Рогатый жутко изощрен. Им можно объяснить все, что не нравится.

Если нарушено руководство Разума – инстинкт жадности обуял, или похоти, или Злу предался, или голову перетрудил.

Если нарушен уровень биологического руководства и биологической целесообразности – это экономика с социологией навредили.

То есть:

Адепт любого направления полагает свое направление основополагающим, а отклонения от него вызваны помехами, нежелательными и необязательными. Помехи необходимо устранить, и тогда все будет правильно и хорошо. Помехи есть вмешательства других направлений. Другие направления – второстепенны, и занимают подчиненное положение к главному.

Нет-нет, адепт понимает, что и разум, и дух, и экономика, и биология – очень даже взаимосвязаны и влияют друг на друга в положительном и необходимом смысле. Но – «мой уровень главнее!» – и все тут.

Для «экономиста-материалиста» Энгельса – человека создал труд! Разум и культура в их развитии – следствие растущей экономики.

Для рационалиста-«разумника» – вся культура и уровень экономики есть следствие развития разума.

Для христианства – все дело в Духе. Правда, дальше протестантизм и православие расходятся насчет значения труда и его угодности Господу.

Для биолога – культурные наслоения на хорошую и главную биологическую основу бывают хорошие (живут дольше), а бывают плохие (двигаются меньше). И задача культуры – работать в унисон с биологией, ей помогая, или где надо подправляя.

7. То есть:

Плохого здесь что? – плохого здесь то, что «нужное» направление развития – к счастью! хотя это счастье и атрибутируют разные специалисты по-разному! – хотят проследить на одном базовом уровне. И регулярно сталкиваются с парадоксами: вместо того чтобы дружно стремиться к счастью (на уровне духа, или тела, или разума, или производства) – человек вдруг начинает делать не то. И эту ошибку – о ш и б к у! необходимо исправить.

Но:

В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ОШИБОК НЕТ

и —

в человеческой жизни ошибок нет.

Случайности есть. Закономерности есть. Точки бифуркации, то бишь решающие и неустойчивые моменты – есть. Но ошибок – нет.

Ибо:

Ошибка предполагает неправильность действия только в одной, избранной, системе координат; системе отсчета.

Но! —

У ЧЕЛОВЕКА ШЕСТЬ СИСТЕМ КООРДИНАТ

Шесть измерений, если хотите. Может, больше? Пока вроде получается так. Повторить? *Материально-энергетическое, биологическое, деятельно-экономическое, социально-политическое, разумное и духовное.*

И то, что явно противоречит интересам человека в одной системе координат – может быть безразлично в других трех и полезно в других двух.

Но чаще всего, и явнее всего, вред в одной системе обуславливает пользу в другой. Что упрощает картину на первый взгляд. Может показаться, что речь о простой дилемме.

8. Дилеммный подход к проблематике человека вполне хорош с практической точки зрения: или – или, делай так. Но с точки понимания всей сложности человеческой структуры – это примитивное упрощение дает принципиальную ошибку.

Дилеммный подход к проблематике человека неверен и не позволяет понять суть.

9. Как говорит мой друг и тезка сатирик и юморист Михаил Задорнов: ну? вы готовы? приготовились? все готовы? Тогда слушайте:

ЧЕЛОВЕК – ШЕСТИУРОВНЕВАЯ СИСТЕМА

– и каждый уровень имеет свою систему координат, свою систему измерений, свою шкалу ценностей. Свою пользу и вред, свое развитие и регресс. Свое лучше-хуже и больше-меньше.

Совокупная деятельность этого всего и есть человеческая деятельность. Совокупная деятельность этого всего и определяет объективную и субъективную мотивацию всей деятельности человека как такового.

Еще раз и в более общей форме:

ЧЕЛОВЕК – ЭТО МНОГОУРОВНЕВАЯ СИСТЕМА

с многоуровневыми шкалами измерений и ценностей.

10. Пример. Для наглядности. Смены форм понимания. Голография. Типа фильма ДДД.

Представьте себе такую бескрайнюю темную пустоту. Это наша вселенная. Наш мир. Бытие. По окраинам пустота черная, к центру светлеет. Цвет посветления от бело-желтых иглолок к плотно-зеленоватому ядру. Шар в центре туманный, облачно-пупыристый, светится изнутри глухо-зеленым. Из этой безмерной черной пустоты, вверх и по направлению к нам, этот светящийся шар вытягивается постепенно в конус. Конус такой формы, будто из клубничины хвостик вырвали. Он тоже зеленоватый, и от основания своего шарообразного он светлеет и светлеет. Ярче и ярче. Светло-насыщенно-зеленый, салатový, беловато-голубые трещинки-прожилки в нем, и все выше и тоньше светится ярче, как бенгальский огонь, как сварка, а внутри переливается ослепительный живой свет. И самое острие конуса – как кончик иглы, ослепительно белый, и свет внутри бежит единой сетью внутри всего конуса.

Это иллюстрация Вселенной, Бытия, Материи, Природы, Жизни, – а на самом кончике тонком ослепительном – Человечество.

А так. Для зрительного впечатления.

11. Есть у Брэдбери гениальный среди прочих рассказ «Уснувший в Армагеддоне». Как сознание человека является полем боя для двух армий, и победа любой – его смерть.

Как художественный гений, Брэдбери часто сам не понимал, что написал. А то бы оно не соседствовало с рассказами сравнительно... менее.

12. Для нас важно следующее:

Противоречия между ценностями и потребностями разных уровней и есть суть человеческой парадоксальности.

Или иначе:

Противоречивость многоуровневой ценностной ориентации человека и есть его пресловутая сложность.

Или:

Результирующий импульс всех уровней человеческого существования и определяет конечную мотивацию конкретного действия.

Короче, человеческая натура вечно раздирается между противоречивыми желаниями и потребностями. Это известно.

Руководствуется в поступках эта натура потребностями и желаниями то одного уровня, то другого, то третьего. Это тоже не очень сложно, да?

Но. Ни один из этих уровней не является главным, основным, какового только и надо в первую очередь слушаться. Вот что интереснее и важнее для нас сейчас.

13. У Лондона в «Дороге» есть дивная сцена: сплавляющиеся на лодках к Вашингтону безработные проходят перекат. Мелко, порожиисто, лодки то и дело садятся на мель, стаскивать их долго и трудно. И только команда морячка Джека лихо прет вперед, обгоняя армаду и снимая сливки с береговых припасов, заготовленных ждущими жителями. А Джек применил китайскую речную технологию: две лодки связаны нос к корме гуськом короткой цепью. И когда передняя лодка садится на мель – ее экипаж перелезает в заднюю. Та еле держит двойной груз, зато передняя облегченно приподнимается – и проскакивает над кучкой камней. Зато в свою очередь на этом же месте садится вторая, задняя. Раз-два! – оба экипажа из задней перелезают в переднюю, уже сошедшую с камней на нормальную глубину, – задняя облегченно поднимается: и обе несутся дальше; задний экипаж занимает свое место. Генерал Келли был просто в ярости от наглой пронырливости этого мальчишки!

14. Человек плывет в своей лодке по реке жизни и истории. Время от времени его лодка садится на мель или наталкивается на препятствие. Он переходит на другую! И эта другая движется дальше. А застрявшая может мешать движению этой другой своей массой, затруднять сопротивлением, и вообще иногда казаться балластом. Тем более что в связке целых шесть, предположим, лодок! Которые порой кажутся маловажными. Но в каждой лежит груз, абсолютно необходимый для жизни и движения в какие-то моменты. Еда, одежда, Библия, ружье, лекарства, одеяло, – все это необходимо. Но используется не одновременно, а в разные моменты и в разных условиях. Довольно глупо спорить ружью, еде и пенициллину. «Кто важней...»

Время от времени Цивилизация переходит с одной лодки на другую.

Связка неразъемна, потому что в одну лодку всего не нагрузить. Она застрянет, утонет, не пройдет, растрескается.

15. Теперь – о масштабе.

Человек, конечно, мера всех вещей. И Протагор был чистокровный грек, кто спорит. Но мерить мерой тоже нужно с умом.

Результат зависит от масштаба измерения. В масштабах Вселенной муравья не существует, в масштабах муравья расстояние от Москвы до Петербурга равно бесконечности.

Закономерности десяти лет человеческой жизни и десяти веков цивилизации необходимо мерить разным масштабом.

А чтобы понять все, надо настраивать микроскоп на индивидуально нужное разрешение – но постоянно соотносить результаты с результатами телескопа, также настроенного на нужное разрешение – но уже в другую, так сказать, сторону.

Мы не сможем понять сути человека, не соотнося его со Вселенной и его законами. Но если вот так перенести законы Вселенной на жизнь человека, а да хоть бы и жизнь страны за двадцать лет, – результат будет некорректным. Ошибочным, неполным, невразумительным, ненаучным, глупым, бредовым. (Хотя там могут быть формулы и графики!)

Произвольно малый отрезок процесса может противоречить общему направлению процесса.

Ну, петляющая в горах дорога. Путь стекающей по стеклу капли. Взметенный ветром палый лист.

Путь Вселенной – усложнение структур и повышение энергопреобразования.

Путь жизни на Земле – то же самое с бешено возрастающей скоростью.

Путь человеческой цивилизации – энергопреобразование окружающей среды с сумасшедшим ускорением и в сумасшедшем объеме. Это цивилизации в общем смысле, от крома-ньонцев до нас.

Путь отдельной цивилизации – оп... вот тут масштаб уже меняется.

Не забудьте только пока, пожалуйста, о человеческой шестиуровневости и джеклондон-новской двойной лодке.

16. Как квантовая механика действует в пустотах громоздкой ньютоновской, можно сказать. Так закономерности конкретной цивилизации или тем более отдельного человека действуют то и дело в пустотах Главного Общевселенского Закона – мощных, общих и громоздких. Чем сложнее система – тем больше в ней разных мелочей и побочных следствий. Ибо каждой мелкой детальке сложной системы чего-то надо своего. В результате она, деталька, работает на общее главное, – но в разные моменты может просто делать черт знает что в узких личных интересах.

Для человеческой деятельности безмерной нужен разум. А разум этот начинает заниматься всем подряд. Он для себя имеет самооценку. И иногда ему глубоко плевать на замысел Создателя – чтоб разум этот энергопреобразовывал Мир до максимального и последнего предела. Это только один момент...

...Представим инопланетного наблюдателя, который живет в миллион раз быстрее нас. Он прилетел в тарелке наблюдать нашу войну. И поражен! Солдаты не воюют. Они жрут! Уж жизнь его, наблюдательская, кончается, а они все жрут! Кашу! Из котелков! У них явный сбой программ на Земле! Они всю жизнь только жрут кашу! Это дебилы, тупик эволюции, моноэнцефалограмма. Заводи, летим отсюда.

Конкретно нас интересует следующее:

Поступок отдельного человека в отдельный момент может не соотноситься с общей тенденцией повышения энергопреобразования Вселенной или противоречить ей. Скисает конкретный человек, сдыхает, работает на энтропию.

Так же и конкретная цивилизация. Может слабеть, разрушаться, действовать во вред себе, сменяться непроизводительным варварством.

Что есть человек? И что есть цивилизация? Родился – вырос – поработал – состарился – умер.

Что есть человек или цивилизация с точки зрения Вселенной? *Дискретная подсистема.* Точка во времени и пространстве. Вот она есть – вот ее нет. Разве можно требовать от каждой точки отражения целого?

Для себя и человек, и цивилизация – системы. По мере усложнения системы множатся и усложняются обеспечивающие, вторичные подсистемы, обеспечивающие подсистемы начинают оттягивать на себя все больше энергии и времени основной, командной, материнской системы. Она материнская начинает метаться туда-сюда, поскольку и платье купить надо, и пол подмести, и в магазин сбегать, и некогда уже работать, спать с мужем и радоваться жизни. Тогда материнская пьет и плачет... но мы далеко зашли в сравнениях.

С Вселенской точки зрения – все, что делает человек помимо повышения энергопреобразования через работу, думанье или потребление, а также размножение, и все чтобы с целью перелопачивать мир, – вот все прочее, поэзия и любовь, религия и эстетика – все это побочные следствия.

А с гуманистической точки зрения – цель это совершенство и счастье человека, а энергопреобразование – это так, получилось, может, лучше не надо бы, побочный эффект.

Законы дискретной подсистемы принципиально отличны от законов Общей Системы. Количество переходит в качество. Очень маленький существует не так, как очень большой.

17. Резюме.

Существование человечества соответствует Закону структуризации Вселенной и энергоэволюции Бытия.

Но.

Частные отрезки существования конкретных цивилизаций неизбежно противоречат Закону структуризации Вселенной и энергоэволюции Бытия.

А также.

Жизнь отдельного человека, целиком или в частностях, может противоречить этим законам.

И более того.

Жизнь полностью или частные поступки отдельных людей неизбежно противоречат этим законам.

18. Почему противоречат, и почему неизбежно?

Потому что улитка к пище ползет зигзагами.

Потому что парусник зигзагами против ветра галсирует на курсе.

Потому что для эволюции «преодолевать сопротивление инерционного материала» – нелегкое дело. Зигзаг, колебание, цикл, – это Высшая технология, чтоб захватить и испробовать на пути к цели больше вариантов, мест, комбинаций.

Цикл рождение-смерть уже включает в себя как антиэнтропийный, так и энтропийный момент. А без этого нет замены худшего на лучшее, в смысле более энергетичное.

ЭНТРОПИЯ ЕСТЬ НЕОБХОДИМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЭВОЛЮЦИОННОГО ЦИКЛА

19. Так что когда человек вполне в развитие энтропии умирает или убивает другого – это необходимый цикл общей эволюции. Для него самого это кранты. Но в масштабах мировой революции – жизнь отдал за святое дело.

20. И когда цивилизация деградирует перед смертью – это тоже вклад самоубийцы в улучшение генофонда. Она подохнет от ожирения и жадности, забыв старые идеалы и вершины, чтобы через тысячу лет, или пять тысяч и три промежуточные цивилизации, другая стала еще мощнее, совершеннее и – всегда! – энергетичнее.

21. Итак, с парой энтропия – антиэнтропия нам понятнее.

Но дальше – нужна другая линейка и другой масштаб.

Вот человек движется по дуге своей жизни, от рождения через буйства молодости, труды зрелости и опыт старости к смерти. И един он в шести своих ипостасях – как матэнергоструктура, биосистема, производитель, разумный, социальный, духовный.

И дуга его жизни проложена по маршруту *максимальных действий*.

И для этого *стремится он к максимальным ощущениям*, ждущим его на этом маршруте.

Он самореализуется. Энергия, воплощенная в нем, ищет и требует выхода и реализации. Во всех аспектах его бытия. Все узлы сложной системы получают свою долю энергии, иначе бы эта система и не возникла, и не существовала. Доли разные, переменные, индивидуальные.

Шесть узлов-аспектов между собой спорят. Ссорятся. Тянут одеяло на себя. Но ни расстаться, ни уравновеситься надолго не могут. Жизнь. Динамичная система.

Определить границы и территории каждого из этих шести аспектов. Найти между ними оптимальное соотношение в конкретный момент. Накормить волков и овец сытыми и целыми. Как-то к общему благу с ними договариваться. Вот что нам остается.

И, двигаясь зигзагами по дуге своей жизни, человек вскакивает то в лодку духа, то разума, то труда, то биологии, то общества, а то плевать как, но перелопачивать все максимально. Остальные лодки здесь же в связке.

Противоречие между одной ипостасью человека и равноправной другой – вот главный человеческий конфликт и парадокс. В этой же биполярности энергоприложения – движущая сила и развитие.

Необычайно наивно искать единственное и верное решение исключительно в системе координат разума. Или духа. Или труда. Или чего угодно одного остального.

Путь человеческий – совокупное, компромиссное, максимально эффективное для совокупности аспектов, существование.

И если в одном из аспектов возникает сильная доминанта – она подчиняет другие себе жестоко и безоговорочно. Тогда в быту говорят о целеустремленности, или самоограничении, или жертвенности. Или гадстве.

22. Литературой начали – почему ею же и не кончить.

С кем протекли его боренья? С самим собой, с самим собой.

Вот через эту головную боль – к звездам.

К небу наш путь!

.....

(Пометка на полях:) В спектакле жизни человек играет несколько ролей. Он и мужчина, и муж и отец, и строитель по профессии, и член клуба собаководов в качестве хобби, и язвенник как больной на учете в поликлинике, и поклонник «Машины времени» как фанат и меломан, и сержант запаса с военно-учетной специальностью. В зависимости от свободного времени, или количества свободных денег, или самочувствия, или любви, – он делает то одно, то другое, то третье. Предпочтение действий в одном уровне действиям в другом – зависит не только от важности и значимости. Но и просто от желания, вспышки сильной чувств! В блокадном голоде он весь сосредоточится на корме для семьи. Но в нормальной жизни он наорет на семью и даст в глаз жене, если эти дубины не понимают его высокой страсти к музыке и собакам! При этом он может быть умным, и прекрасным работником. Но требует понимания своей сложной натуры, и не позволит сводить ее к чему-то одному!

Психическая константа

Вот есть мозг. Центральная нервная система. Кора и подкорка. Нейроны и сосуды.

И вот есть мощь человеческого организма. Которую в сущности можно измерить. Надо взять потребляемую энергию на килограмм веса – и суммарную производимую работу на килограмм веса в сутки в среднем. А также максимальные значения.

Потребление энергии на кило – в пять раз выше обезьяны. Общая работа – по перемещению себя и все усилия на срывание плодов, копание корешков и т.п. – тоже выше, хотя и не в пять раз. Время бодрствования в сутки – тоже больше, чем у животных. «Человек активный» и «человек энергоизбыточный».

Коли: объем и устройство мозга то же самое, что и 30–50 тысяч лет назад у человека современного; энергопотребление то же самое; размер и масса те же самые; потребляемая энергия на природном уровне «подразумевает» тот же расход энергии, тот же объем энергопреобразования у того же самого организма в тех же планетных условиях; а мозг, этот штаб организма, должен так же командовать этим перераспределением энергии и контролировать его, то – следует предположить, и исследовательскими данными это подтверждается:

1. Мощь мозга, то есть суммарная активность очагов возбуждения центральной нервной системы животного вида хомо сапиенс, есть величина постоянная.

2. В зависимости от подпрограмм, вписанных в «обучаемые емкости» генетически заданной мозговой программы при адаптации и обучении младенца-ребенка тому или иному образу жизни, – в зависимости от воспитания, от усвоенной культуры, мозговая деятельность человека принимает форму деятельности Эйнштейна или Маугли. Но! – но: активность коры головного мозга и управляемой ею эндокринной системы есть в среднем величина постоянная, не меняющаяся с уровнем культуры и образом жизни. Для всех времен и народов. Если человек не дебил, разумеется.

3. Если младенца вырастить в инкубаторе, без общения с людьми и даже животными, без каких бы то ни было форм передачи культуры – мы получим человекоподобное существо, обладающее инстинктами, но не умеющее их удовлетворить.

Его необходимо хоть как-то научить, пусть машинным способом, есть и пить, хоть соску подsunуть, задействуя сосательный рефлекс. Он будет в своей комнате-клетке-лаборатории «знать» только основные инстинкты – есть-пить, жарко-холодно, испражняться и сексуально разряжаться.

Абсолютно необученный человек тупее любого животного. Генетические инстинктивные программы у него выражены слабее и детализированы куда меньше, чем у животного. А культурной программы, обучения в своей среде он не получил.

Вот у этого унтерменша вся заложенная мощь мозга сосредоточится на этих нескольких желаниях. Удовольствие при получении пищи и ярость при поломке кормушки будут достигать огромной силы. Величайшее счастье и величайшее горе, эти внутренние состояния психики, будут иметь точками внешней привязки примитивное удовлетворение базовых потребностей.

3-А. Силу и объем мускулов можно накачивать, а при безделье они дрябнут, однако объем и форма мышц заданы и наследственностью и могут впечатлять даже у физически не напрягающихся людей. При нужде – поднимет мешок или даст в рог. Аналогично способности мозга можно развивать или нет, но генетически заданный уровень сохраняется.

4. Анатомическое строение и физиологический уровень функционирования мозга есть величина постоянная.

Уровень возбуждения мозга, то есть мощь эмоциональной деятельности центральной нервной системы, есть производная от анатомического и физиологического уровня.

Из чего следует:

С уменьшением внешних раздражителей эмоциональная деятельность центральной нервной системы сосредотачивается на остающихся раздражителях.

Или:

Вся эмоциональная деятельность мозга, будучи величиной постоянной, сосредотачивается на имеющемся количестве внешних раздражителей независимо от их силы и масштаба.

Чуть точнее и короче:

Эмоциональная сфера как константа распределяется между наличными раздражителями независимо от их количества и масштаба.

5. Маугли не умеет говорить, читать-писать, готовить пищу и работать. Зато: он быстро скачет на четвереньках, по-обезьяньи взлетает на деревья, переваривает сырое мясо и корни, чует запахи, улавливает тихие звуки и понимает значение следов. Обучаемые емкости генетической программы инстинктов заполнены протокультурой волков и обезьян (нет, я помню про Бандер-Логов, Маугли враждовал с обезьянами, но это Маугли в широком смысле слова у нас).

Физически человеку чудовищно трудно вести образ жизни волка. Но энергетика и мощь мозга компенсируют телесную немочь.

Мощь мозга Маугли идет на дифференциацию неразличимых для нас деталей жизни и адаптации к ним.

6. Младенцу показывают пять золотистых хомячков, неразличимых меж собой, как игрушки из-под одного штампа. И, каждый день играя с ними, малыш вскоре отлично их различает! Он нашел отличительные признаки, не видные взрослым.

А потом хомячков забрали. А через полгода подросший ребенок различить их уже не смог. Его распознавательная система формируется в другом секторе объектов.

7. Аналогично европейцы и азиаты затрудняются различать друг друга в среде подобных. Европейец удивляется, что у европейцев же разные волосы, глаза, носы, подбородки. «А у вас глаза одинаковые, волосы черные, носы... тоже похожие». Азиат недоумевает: как можно, это не главные признаки, мы же такие разные!

Один и тот же участок мозга у нас и у них словно настроен на разную резкость. Но ни одни не глупее и не рассеянее других.

...Распознавание суть один мелкий аспект деятельности одного маленького участка мозга. Но показательный. Для толпы, не знакомой с другой расой, не только все представители другой расы одинаковы. Но и любой из них, попавший в инорасовую среду и не различающий «нас» – немного дурак. Не, нормальный, но кое в чем каплю идиот.

8. «Умность» и «глупость» человек понимает по собственному трафарету.

Аналогично *значимость и незначимость поводов и причин для сильного проявления эмоций человек расценивает по своему трафарету.*

А трафарет зависит от его группы. Возрастной, исторической, социальной, культурной, профессиональной и т.д.

9. *Значимость повода для проявления эмоций относительна.*

Средняя суммарная мощь проявления эмоций абсолютна.

(Хотя понятно, что если пытаться человека в подвале Святой Инквизиции, то эмоции будут – откуда что взялось! Но боль в экстремальной ситуации – это уже другое дело. Это не душевные муки, это тело вопиет от муки. Дай Бог всю жизнь не испытать.)

(А вот ночь с Клеопатрой – либо же деревенскому парубку с первой деревенской же красавицей – это объем и класс эмоций один, хотя уровень исполнения может быть очень даже разный.)

10. Можем сказать иначе:

Сила и объем эмоций – первичны.

Причины и поводы для эмоций – вторичны.

11. Более того!

Сила и объем эмоций изначально заданы.

Поводы для объективизации эмоций человек находит.

12. У людей обычно паршивая память. А кроме того, родители часто подавляют детей, руководимые древним животным инстинктом перворанговых особей в стаде, охраняющим свои привилегии. В результате большинство родителей строго подавляет детские плачи по мелким поводам: надеть ту или иную одежду, идти или нет сегодня в детский сад или в гости, ехать на дачу или играть с друзьями во дворе.

Обычно родители не отдают себе отчет, что ребенок, маленький человек с мощной растущей эмоциональной сферой, *всю силу отпущенных ему переживаний привязывает к доступным ему поводам.* Брать или не брать с собой котенка – может быть так же важно, как получить давно мечтаемую работу или тебя несправедливо обойдут по службе. Надеть одежду, которая девочке почему-то не нравится – точно то же самое, что украсть у мамы на улице только что купленную шубу, на которую она два года копила деньги, мечтая о ней и отказывая себе во всем.

Горький плач ребенка по тому, что его не взяли в гости – может быть равен твоему рыданию по обманутой любви.

13. Поэтому в примитивных культурах дикарей малейшие отличия в украшении, татуировке, обряде – играют огромную роль, несоразмерную для таких мелочей по мнению цивилизованного европейца. Но в скудном быте туземцев – деталей и разнообразия быта гораздо меньше, чем у нас!

Вся сфера семантики и психики, то бишь весь объем имеющихся у людей смысловых восприятий и эмоций – по факту привязываются к очень ограниченному числу внешних объектов! Ездить в «майбахе» или носить повязку из орлиных перьев – эти два объекта равны по эмоционально-семантическому значению. Публично обматерить человека или стереть одну линию на праздничной раскраске – равновеликие знаки оскорбления.

Чем примитивнее и скуднее культура – тем выше эмоционально-семантическая нагрузка на ее единицу-элемент.

Могут убить за то, что зашел на территорию табу, или тронул чужую вещь, или еще неведомо как нарушил обычай: который покажется тебе неразлично мелким. Могут прийти в ярость из-за непонятной тебе мелочи.

14. *Форма оскорбления условна. Сущность оскорбления абсолютна* – в смысле всегда сходна по содержанию, направлению, тяжести.

Можно вложить большой палец руки между указательным и средним. А можно стукнуть ребром ладони по локтевому сгибу другой руки. А можно похлопать себя по гениталиям. Или показать ягодицы. Или произнести различные фонетические сочетания, которые сами по себе есть не более чем разной частоты колебания воздушной среды.

То есть. Оформление этики условно. Содержание знака условно. Знаковое оформление любой культуры условно. В координатах одной знаковой системы – знаки другой системы воспринимаются как мелкие детали, не несущие смысловой и эмоциональной нагрузки. Что всегда служило источником многих недоразумений, опасностей и бед при контакте цивилизаций.

Когда молниеносным броском змея вонзает ядовитые зубы тебе в ногу – это не потому, что она сволочь. Лишнего яда для тебя у нее нет. И как добыча ты для нее непомерно велик. Но твое приближение есть для нее знак смертельной опасности, знак прямой угрозы ее жизни! Если бы ты заметил ее вовремя и знал ее повадки – ты бы обошел ее за пределами той территории, которую она полагает необходимой для своей спокойной жизни.

Когда японец в гостях у англичанки стряхнет со своего стула хозяйского кота – больше этого хама в дом не пригласят.

Некогда в Италии грызть ноготь большого пальца, глядя на человека, было знаком выказывания ему оскорбления.

И т.д. без числа.

То есть:

Если условна форма знака, выражающего оскорбление и вызывающего сильнейшие эмоции, как обида, гнев, ярость.

То не менее условен масштаб знака, несущего ту же смысловую и эмоциональную нагрузку.

В системе координат богатой развитой культуры знаки культуры бедной кажутся мелкими несообразно силе вызываемых эмоций.

В системе координат бедной культуры мощные семантико-эмоциональные знаки богатой культуры – тоже не читаются! – и выглядят просто нелепой ерундой как поводы к злобе, ярости и мести. Хотя предметно и ритуально эти знаки могут быть обильно атрибутированы. Но для дикаря это просто невинные и бессмысленные предметы и действия, из-за которых абсолютно не стоит дергаться!

15. Да, чтоб было понятно, о чем речь.

Оскорбление есть агрессивный акт иерархической структуризации группы, где оскорбляемого пытаются опустить на самое низкое место.

Оскорбление – это ритуальная форма социального опускания.

Социальный инстинкт человека противится этому! Социальный инстинкт повелевает занимать и защищать как можно более высокое место в иерархии! Социальный инстинкт включает боевой механизм: адреналин, сахар, антикоагулянты, – бей гада! Дерись за свое место! Это – твой корм, твоя самка, твои гены, переданные дальше! Это твой инстинкт жизни!

А уж рычать, или бить копытом, или глядеть в глаза, или мочиться на голову, – не суть важно.

16. Мы потому заговорили об оскорблении, что это наиболее понятный и расхожий повод для сильных эмоций. И здесь условность формы оскорбления наиболее понятна.

Потому что положительные эмоции – они и послабее, и поразнообразнее в поводах, и менее очевидны в причинах.

17. В подводной лодке в поход ушла муха. Муха жила на камбузе и любила отдыхать в центральном посту. Муху любили всем экипажем и подкармливали сахарной водичкой. Однажды замполит сел на муху. Его чуть не убили. До конца похода экипаж с замом не разговаривал, нарушая субординацию.

18. Мало вы слышали о зеках старых времен, которые сидели в отдельных камерах, питались так, что не умрешь, и мучились бездельем, не подвергаясь работам? Общества вот не хватало. И они привязывались к мышам и крысам, воробьям и паукам, кормя их, дрессируя, разговаривая с ними, и жутко переживали, если с теми что-нибудь случилось.

Чувства-то надо кому-то отдавать!

18-А. А какое значение придают нынешние российские зеки – месту в камере, чтоб внизу у окна, робе, чтоб новая и черная, татуировкам, которые есть послужной список, погоны и ордена блатного.

И каждое слово, каждый жест, невиннейший внешне поступок – могут послужить к серьезнейшим разборкам с тяжкими последствиями.

Все богатейшие смысловые и эмоциональные отношения современной культуры – блатная, тюремная культура словно кодирует, сворачивает компактно, и перемещает в масштаб мельчайших деталей и жестов скупого камерного бытия.

А поскольку вор – человек повышенной энергетики: неконформист, антисоциален, рисков, агрессивен по жизни. А жизнь замкнутого мужского коллектива ведет к повышению агрессии. То эмоциональную насыщенность тюремной жизни – при внешней ее скудости! – вы можете себе представить.

Когда шлепают в «очко» клееными из газеты картами, а на кону стоит жизнь – отдыхает ваш вонючий Лас-Вегас с его гламурными страстями!.. А сколько счастья от банки сгущенки. А кружки водки! А от письма. А от свитера зимой...

19. Слушайте – хрен ли солдату с того, что генерал объявил ему благодарность? А от цветных узоров в дембельском альбоме?

Какой гигантской ценностью становится для закрученного службой солдата половой акт! Вам и не снилось... Солдат может измордовать сослуживца, если тот спер у него крысятнически значок классности, например.

Солдат как ребенок: придает огромное значение каким-то фантикам, железкам, лишней печенке или конфетке, стакану компота, похвале или выговору старшего.

Все эмоции при нем, да еще как! – но Боже мой, на какую фигню они обращены! Кто не служил – тот не поймет значение этой фигни.

20. И наиболее ярко: любовь зла – полюбишь и козла. Где берет природа столько ужасных козлов, чтоб их любили так преданно и беззаветно?! Где-где – везде.

«Замуж хочу – трубу сворочу». Самое яркое чувство – дифференциация и окультуривание инстинкта размножения, выполнение природной репродуктивной функции. Приходит пора – и гормоны зашкаливает, глаза блестят, кожа на лице светится, походка играет невыразимо, и неподконтрольные горячечные сны мучат ночами. Какой же тут «объективный взгляд», когда наличествует объективная потребность и объективно мощная эмоция, судорожно ищущая предмет привязки и реализации!

И замухрышка сделает блестящую партию в сплошь мужском коллективе, где она единственная. И плюгавый мозгляк будет объектом соперничества бригады оголодавших сезонниц-рыбораздельщиц?

Старая дева отдаст все свои инстинктом заготовленные запасы любви, заботы и нежности поганой истеричной болонке. И если вы ненароком придавите эту суку, горе бедной женщины будет безмерным.

О любви отшельника к козе мы вообще говорить не будем, у нас приличная книга.

21. И то мы затаянули. А все коротко и просто.

Сила эмоций по какому-либо поводу – определяется не объективной значимостью этого повода, но нашим субъективным к нему отношением.

Важность же повода для нас определяется не объективной его ценностью – но активностью нашей эмоциональной сферы, нуждающейся во внешней объективации.

Когда внешняя объективация вовсе не найдена, принято говорить о беспричинной радости, или беспричинной грусти, и т.п.

Психология роли

Психологическое обеспечение социальной роли.

Собственно, в этом и заключается весь предмет социальной психологии.

Социальную психологию следует понимать как *индивидуальное психологическое обеспечение структурированного социального инстинкта*. Или в конкретном случае – индивидуальное психологическое обеспечение локально обозначенного социального инстинкта. Или:

Социальная психология – это изучение психологической мотивации социальной роли.

Переводим с доступного, но специального языка – на нормальный человеческий:

Почему на самые поганые и ужасные работы – всегда находятся люди? Не только под страхом расстрела или умирая с голоду – но и добровольно, и находя в своем деле грязном и ужасном какой-то интерес, профессиональные детали, кайф даже? Откуда берутся ассенизаторы, убойщики скота, палачи?

И второе. И как это получилось, что бандиты и проститутки были нормальными мальчиками и девочками? И будешь где-нибудь рядом с ними пить кофе, скажем, так и не подумаешь о нормальных внешне людях ничего такого.

И третье. Вот люди, которые правят, власть, – они что, не понимают, сколько эгоистичного вреда в их действиях для страны и народа? Их крышевание коррупции, сколачивание миллиардных состояний, публичная ложь, – зачем она? Неужели совсем совести нет, или вправду врагам продались? Кстати: если у тебя есть миллиард – ну сколько же тебе надо, ведь не истраишь, правнукам останется: так хватит же воровать и жульничать, ну отдохни, или живи честно, или уйди на покой, да что ж ты все хапаешь, прорва?..

Для начала констатируем, что разные социальные группы плохо понимают друг друга. И:

Психологическое обеспечение групповых противоречий составляет единое целое с индивидуальным психологическим обеспечением социальной роли.

1. Когда в детстве мы играли в войну, быть фашистом никто не хотел, конечно, все хотели быть нашими: спорили. Но когда фашисты были уже назначены – в них мгновенно просыпалась нехорошая, но искренняя злодейская радость. Мы засучивали рукава, делали зверские рожи, выкрикивали пять известных немецких слов и старались глумиться над партизанами и патриотами, наслаждаясь своей властью, и страшностью, и гнусностью, садизмом и беспощадностью. Подчеркиваю: искренне получали удовольствие от того, что было нам не просто чуждо – было враждебно и ненавидимо! Э?

2. А вот студенческий стройотряд едет в эшелоне на Мангышлак. И мы, кончившие первый курс шесть орлов, едем в штабном вагоне как «опергруппа» – типа патруля, красные повязки. И раз в час мы, добровольно, по собственной инициативе, из рвения молодого служебного, проходим в оба конца весь эшелон, пробираясь меж полок, и властно смотрим, не нарушил ли кто «сухой закон»: за выпивку – высаживание из эшелона и возможные неприятности с комсомольскими выговорами и т.п. Мы не трезвенники, и не любим начальство, и не гады, мы нормальные, мы как все. Чего мы пытаемся поймать кого-нибудь на выпивке? Зачем оно нам? Пока начальство эшелона, ребята уже по 25–30, не уняли наше рвение, чтоб сидели себе тише.

3. И тогда вспоминается опыт знаменитый и страшный. Отобранные добровольцы-испытываемые делятся на две группы: тюремщики и заключенные. Все – здоровые, психически устойчивые, без дурной наследственности, с приличным ай-кью и неагрессивные. И вот одни должны сидеть за решеткой, а другие следить за соблюдением тюремного режима. Срок – два месяца. В любой момент можно отказаться от участия. Опыт прекратили через месяц. Две группы приятелей-одноклассников люто ненавидели друг друга, вредя друг другу всеми доступ-

ными способами. Тюремщики уже почти увечили заключенных, а заключенные были близки к убийству сук-тюремщиков.

4. А теперь вспомним опыт, когда актер за стеклом изображает приговоренного преступника, а доброволец должен дать рубильником напряжение, причем доброволец думает, что его никто не видит, а шкала рубильника имеет полукруг делений несмертельного напряжения. И почти все не «убивают» преступника сразу, а медленно проходят контактом всю шкалу, и «преступник» корчится от изображаемых мук. Боже. Добропорядочные граждане почти все оказались любознательными садистами!

5. Ну, и в заключение вспомним еще более знаменитый опыт, и совсем не страшный. Про длинную и короткую линии и девять подговоренных участников из десяти. Девять называют короткую линию длинной, а длинную короткой. И десятый не просто колеблется. Но в большинстве случаев не хочет верить собственным глазам, не верит очевидному, а верит большинству мнений.

За каждым из вышеописанных случаев и опытов стоит огромное количество подобных. Большие числа позволяют говорить о закономерностях.

А закономерности таковы.

6. Имеет место правило первое. Социальный инстинкт в человеке часто подавляет и подчиняет себе индивидуальный. Человек *совершенно искренне* предпочитает верить своему окружению, нежели своим органам чувств.

Про это и была сказочка про голого короля, которую мы играем сегодня и ежедневно.

Человек – существо групповое. Быть членом группы – означает придерживаться мнений группы, мировоззрения группы, ценностей группы. Это не приспособленчество, не лицемерие! Это могучий и главный социальный инстинкт сплавляет человек в группу как единый надорганизм.

Группа должна действовать воедино. Информация – основание для принятия адекватного решения и действия. Группа должна воспринимать и декодировать информацию единым образом. *Для группы верно то, что ведет к достижению нужного результата.* Единство – первейшее необходимое условие группы для достижения желаемого результата. Поэтому для группы декодирование информации должно быть в первую очередь единым. Это как принцип единоначалия в бою и беспрекословного выполнения приказа.

Если ты вождь группы – ты можешь трактовать информацию по-своему вопреки всем, и группа обязана послушаться. Если ты рядовой член группы – ты должен думать как все. Так для всех легче, проще, и группа остается единой. Еще раз: это не притворство! не лицемерие! Это – инстинкт.

Рядовой член группы искренне принимает любое мнение всей группы за истинное.

Групповой конформизм – это проявление социального инстинкта.

Групповое единомыслие – это проявление социального инстинкта.

Член группы читает информацию иначе, чем чужой.

Член группы видит мир иначе, чем чужой.

Групповая истина субъективна.

Групповая истина корпоративна.

Я не знаю, как еще доходчивее и проще выразить важнейшую и основополагающую мысль о субъективности корпоративной истины. Здесь необходимо понять последовательность:

Не потому истина, что она отвечает их интересам – а потому и отвечает их интересам, что она истина! и они ее познали и применили.

7. Стремление к выживанию группы – это закон природы.

Стремление к единству группы – это закон природы.

Стремление к единомыслию группы – это закон природы.

Групповая истина служит групповому выживанию.

Истинность групповой истины определяется ее полезностью для группы. Истинно то, что ведет к результату. (Да: здесь мы имеем дело с прагматизмом в чистом виде, Чарли Пирсу привет.)

Социальный групповой инстинкт мы можем сейчас назвать инстинктом единства. А индивидуальный инстинкт выживания можем сейчас назвать инстинктом самосохранения и инстинктом информационного ориентирования в пространстве, скажем условно. Так и вот:

Инстинкт единства сильнее инстинкта индивидуального выживания. Подумай сам: их много, у них много умов и много опыта, и они все выжили вполне успешно, и ты тоже выживешь среди них, а один, вне группы, без них, ты не выживешь, это смерть. И тогда для тебя *жизнь, истина и общее мнение – сливаются воедино.*

Инстинкт повелевает разумом. Разум обслуживает инстинкт.

Если инстинкт приказывает признать длинное коротким – разум ищет доказательства тому, что длинное коротко.

Групповой конформизм – залог выживания.

Групповое единство видения мира – база конформизма.

8. У группы только одна пара глаз.

У группы только одна пара ушей.

У группы только одна голова.

Много рук, ртов и гениталий.

В этом ее сущность и сила.

9. Влюбленный видит любимую не теми глазами, что все. Так и член группы видит истину. Группа существует в своем измерении, в своей системе координат. Общечеловеческие ценности, мораль, ментальность в группе подвергаются корпоративному искажению. Коррекции. Довороту.

Корпоративное рассмотрение информации отличается от «общегуманитарного». Корпоративное зрение выборочно, как у орла на дальность, змеи на движение и пчелы на цвет. Одно приближается, другое удаляется; одно ярко освещается, другое притемняется. В этом нет злого умысла или индивидуального эгоизма! Это следствие и аспект самого существования группы, ибо и существует она как единый надорганизм для выполнения определенных функций, существует группа только в динамике своего группового действия!

Сущность группы – групповая функция.

Групповая функция определяет отбор и трактовку информации.

Групповое ориентирование в информации – функционально.

Сытый голодного не разумеет.

10. Представьте себя на берегу речки: луг, рошица, небо в облачках, даль безбрежная, и переходит та даль непосредственно в Космос бескрайний, черный и звездный, сейчас не видный сквозь атмосферу. И теперь представьте себе комнату объемом в кубический километр, выгороженную вокруг вас в этом пейзаже. Стены площадью в квадратный километр – не то зеркало, не то картина, повторяющая пейзаж: трава зеленая, роши, небо в облачках. Потолок в небо расписан. То есть живая природа переходит в выгородку, в декорации неотличимые, отражающие и продолжающие природу. Даже похоже, что стены километровые – это стекло, сквозь которое просвечивает дальше натуральная природа. Но на самом деле – это такое отражение в замкнутом километровом кубе. Но – ощущение простора. Вам этого куба для жизни вполне хватает, вы в середине его находитесь.

Это – ваша зона, обиталище, здесь дом и работа.

Ваше зрение, ваш слух и обоняние, ваши планы построить дачу и половить рыбу, работа ваша и друзья иногда в гости – оно все здесь, в этом километровом кубе. Вся ваша энергия и ваши эмоции – внутри этих стен. Ваши чувства и интеллект – они способны контролировать

этот километр, вы снимаете информацию с этого пространства. И все ваши психические реакции и вся значимая для вас информация – в пределах этой кубокилометровой комнаты: за ее стенами другой мир, отграниченный от вас, не касающийся вас, вы по жизни отвечаете только за свой участок, не за всю Вселенную.

Человек – не ограничен своим телом. Человек – открытая система, функционирующая заедино с окружающим пространством обитания. Все окружающее влияет на нас, а мы – на него. Геосфера, биосфера, ноосфера и т.д. – аспекты и срезы того же пространства. И вот ваши эмоции, силы, разум, чувства, – они распределены по этому километру и существуют заедино с ним. Это такой ограниченный кусок мира, объект – где вы субъект.

Вы чувствуете? этот кубический километр – это вы и есть, он наполнен вашей энергетикой, воспринят вашими чувствами. Ваше восприятие, ваше мышление – они имеют форму кубического объема.

Так вот:

Мы не можем одновременно всех помнить, обо всех заботиться, всех слушать. Не можем одновременно всем заниматься. Не можем одновременно все делать и везде быть.

Мы переходим из одной комнаты в другую. И у каждой комнаты – свой размер и форма, там своя температура и там делаются свои дела. И, заходя в комнату, мы очень быстро адаптируемся к ее условиям. Буквально переключаемся.

Большая комната или крошечная – наше зрение мгновенно настраивается на даль или близь. Жарко или холодно – организм потеет или отводит кровь от поверхностей. В тихой – слух обостряется, а где гремит музыка – слух тупеет, зато ритмы сердца и мозга реагируют. В спальне расслабляемся, у станка напрягаемся.

С жизненными ситуациями, с групповым поведением, с психологией социальной роли – происходит то же самое. Очень быстрая перенастройка психики. Смена психологии со сменой социальной роли. Как костюм переодеть.

Мы переходим из одной социальной комнаты в другую. И психика мигом адаптируется к климату в новой комнате.

Каждой социальной комнате соответствует свой психологический стереотип. Входя в другую социальную комнату, мы меняем психологический стереотип быстро и легко, как костюм. Таков человек с его емкой и мощной лабильной психикой, с его чудовищным адаптационным ресурсом.

11. Человеческая психика подобна конструктору «Лего». Комплекты могут состоять из разного количества деталей, и прочность материала тоже может быть разная. Но в принципе из любого конструктора можно быстро собрать что угодно, вновь разобрать и перемонтировать.

Смена, перемонтирование психологического стереотипа происходит быстро, легко, безболезненно и как бы незаметно для самого субъекта.

12. Обычная цепь такова:

Чтоб что-то делать, надо хотеть. И полагать, что это стоит хотеть, оно неплохо. Или: желание – рассмотрение и одобрение желания – действие. Или оно же: желание – анализ – действие.

Теперь смотрим в ином порядке, очень даже жизненном: сначала – действие. Из меркантильных побуждений, по жизни так вышло, надо чем-то кормиться и т.п., но вообще это кормящее занятие я в гробу видал. Но: если ты что-то делаешь – твой глубинный инстинкт включает и налаживает всю цепь! И тогда уже желание следует за действием: терпится – слюбится, любым делом можно увлечься, профессиональный интерес можно найти во всем. И тогда разум создает и подбивает под твои действия и желания рациональные обоснования; ибо во всем можно найти положительные, полезные стороны, и всему можно построить оправдания.

И тогда действие сует впереди себя желание, как платформу перед паровозом на заминированном пути. А за желанием прицепляет перед собой вагон с рациональным обоснованием. А само едет сзади. И сознанию тогда хорошо и спокойно. Потому что все как надо.

Это вроде как улыбайся через не хочу – и настроение улучшится, ибо ощущение напряжения тех мышц подсознательно связано с хорошим настроением. Вот и народный рецепт: делай через не хочу – глядишь, оно и захочется.

Наши действия, желания и обоснования связаны устройством нашей психики. Триада.

13. Если человек хочет одно, а должен делать другое, – это называется конфликт между чувством и долгом. Оно же психологическая сшибка. Опять же:

Если он считает разумом, что должен поступить вот так, – ну так он х о ч е т так поступить, испытывает стремление, тягу поступить так. Хотя это и опосредованное желание: он не хочет самого такого поступка – но он хочет, испытывает психическую потребность исполнить свой долг, т.е. поступить согласно разуму, анализу. Психика требует совмещения анализа и желания!

Разлад анализа и желания – это разлад двух желаний разной степени опосредования. Это что? – причина и база невроза. Это мешает действовать, т.е. жить. Психологическая сшибка нарушает функции организма, снижает иммунитет, ввергает в депрессию, провоцирует болезни, и резко снижает вероятность успеха, лишая человека уверенности и сил. То есть: это состояние организму нежелательно. Противоестественно даже. И нормальная психика устроена так, что от этого избавляется. Она принимает конкретное решение! И тогда одно желание утверждается, а другое выбрасывается.

Ликвидация психологических сшибок – это гаечный ключ, которым быстро и крепко свинчивается конструкция психологии социальной роли. Любой роли: лакея, палача, шлюхи.

14. В любых социальных условиях человеком владеют два стремления: самосохранение – и выполнение системной задачи в той роли, которую он занимает в системе.

Фокус в том, что *это двуединая задача*. Ибо сохранить себя можно только в рамках системы, а выполнение системной роли и есть сущность твоего индивидуального существования.

Но это вообще. В больших числах. В социальном и историческом аспекте. На уровне эволюции и прогресса.

А в частности – человек монада самообеспечивающаяся, с огромным индивидуальным адаптационным ресурсом и большим радиусом свободы воли. Это многовариабельность и автономность монады сообщают социальной системе гигантский запас устойчивости – и гигантские возможности самонастройки.

И в массе частных индивидуальное самосохранение противоречит выполнению системной задачи. Не хочу на войну, хочу кушать и жениться. Это всем видно и понятно. Явное и конкретное системное противоречие «монада – система» заслоняет итоговое единство «монада – система». Стр-руем, в ногу, запе-вай!! Если только система защитит тебя при опасности – то будь любезен являться полноценным членом системы. Не то все сдохнем, если не сейчас – то при первой же опасности. И:

Стремясь к самосохранению, организм стремится как минимум к самосохранению (какова максима?!). К здоровому нормальному функционированию всех органов.

Поэтому организм стремится к здоровью психики, она всем рулит.

Психика стремится сохранить свою нормальную структуру, нормальный стереотип функционирования. А именно, в рамках нормы:

Восприятие, отбор и оценка информации по важности – сортировка и анализ информации, необходимой для ориентирования и функционирования во внешней среде – выводы и рекомендации к действиям – планирование действий – совершение действий.

Образ действий диктует нашему зрению.

Цель действий определяет, какую информацию мы воспринимаем, а какую сознание отбрасывает. Отбрасывает всерьез, как горох от стенки: психика самосохраняется, избегая уродования.

15. В состоянии аффекта человек неадекватен: психически другой. Он может геройствовать или злодействовать, идти на костер или резать беззащитных. Картина его эмоционального мира искажена, окружающая информация читается им не так, как здоровым человеком. Суд, экспертиза, врач, лечение. И никто не спрашивает: «Как же он мог?» Его эмоции, энергетика и шкала желаний продиктовали ему вот такие выводы из картины мира.

Но он не сумасшедший! Он видит все правильно. Просто акценты сменились. Масштабы разных участков информации изменились. Карта желаний там вздулась, а там опала.

Состоянием аффекта мы считаем такое возбуждение, когда срывает сдерживающие центры. И сознание не властно над желанием. Гормонов и сахара столько, что боль и труд нипочем.

Но. Возбуждение той или иной силы и направленности присутствует у нас всегда. Карта мира и карта наших эмоций всегда искажена в каких-то участках и направлениях.

Человек в с е г д а видит окружающий мир необъективно, но под углом своих желаний и целей. А также лабильности и мощности своей психики, своего темперамента. Поэтому часто даже дружески настроенным людям нелегко понимать друг друга.

16. Позавтракать в анатомичке, облокотясь на вскрытый труп – шик медика первокурсника. Эмоции страха, брезгливости, суеверия, отвращения – подавляются, вытесняются цинизмом и бравадой, обрести профессионализм врача нелегко. Патологоанатомы – такие же нормальные отличные ребята, как все. Вот только в своем деле не такие, как все: другие в обморок падают и тошнят, а они работают. Ничего. Обвыкли, насмотрелись, приняхались.

А сунь им на вскрытие немедика в напарники – тот лучше в подметалы пойдет.

17. Работая в молодости на промысловой охоте и разделывая туши, я вдруг поймал себя на остраненной мысли, что точно так же можно разделать человека. Тем же ножиком, те же разрезы, тот же спуск крови и вынимание потрохов. Ничего особенного. То же мясо и хрящи. Палач, мясник, охотник за разделкой – один черт, работа. Первый-то раз страшновато. И курице голову отрубить страшно, и барана зарезать. А потом – нормально.

Тогда я и вспомнил бытовой роман Садриддина Айни «Бухарские палачи». Усталые рабочие люди...

Психика быстро прилаживается к обстановке, сохраняя нормальный стереотип эмоций и реакций при любых привычных действиях.

Сознание? А сознание словно блокируется. Работа и работа, делаешь свое дело. Да ножик поточить, да руки в ведре с водой ополоснуть от крови и лимфы, да перекурить раз в час, а то поясница устает. А потом помыться, поесть горячего и попить чифирку через затяжку.

18. Все смертны, всем родных хоронить в свой час приходится. Не дай Боже никому, а куда денешься. И вот эта анестезия чувств знакома с возрастом всякому. Сам делаешь, а сам до конца не осознаешь, а сам как со стороны смотришь. А потом все года вспоминаешь и сам немного не понимаешь того своего остраненного состояния.

И непривычная это роль, да инстинктом запрограммированная. И психологическое ее обеспечение инстинктом запрограммировано. И состояние свое, не совсем адекватное, ты помнишь. И делал ты то, что надо, иногда вспоминая свою деревянную выдержку и покой.

19. В любой ситуации, где можно выжить и функционировать, психика обретает устойчивый стереотип состояния. Любая экстремальная информация, входя обычной составляющей в эту ситуацию, перестает восприниматься как экстремальная, но будничная.

В расстрельном 38-м году в страшных сталинских концлагерях зачитывание в бараке расстрельного списка воспринималось как еще один пункт распорядка. Расстрел так расстрел.

В 1793 году французские аристократы шутили и рассказывали истории, прощаясь перед гильотиной. Большой террор. Палач был шокирован столь безответственным отношением к смерти.

20. Надо ли удивляться, что в любой постоянной житейской ситуации, в составе абсолютно любой социальной группы, психика человеческая «полагает, что все в порядке»?

Жить захочешь – привыкнешь, и все тебе будет в порядке.

21. Стремление психики к устойчивому, уравновешенному состоянию – это инстинктивная самонастройка организма и избавление от стрессовой ситуации.

Если ты не можешь изменить положение – измени свое восприятие этого положения.

Если ты не делаешь то, что тебе нравится – тебе понравится то, что ты делаешь.

22. И наконец: что такое Истина в этом нашем конкретном, социопсихологическом плане? Не физико-математическая, не археологическая или естественнонаучная. А Истина в плане человеческого общежития?

Вообще: соответствие наших представлений о действительности самой действительности.

В нашей частности: соответствие наших представлений о благе, справедливости, морали, счастье, – им, родимым, какие они есть в действительности. Оп: а в действительности они относительны и субъективны. Корректируются социумом и группой. Не считая индивидуальных различий.

Социальный инстинкт повелевает члену группы видеть благо, справедливость и мораль в том, что приносит наибольшую желаемую пользу наибольшему количеству членов группы и группе в целом. И ему самому! – поскольку он тоже член группы!

И этот феномен, простой, как мычание, и древний, как земля, этот феномен, известный на уровне факта всем нормальным людям, – тем же людям все-таки непонятен. «Ну почему они так... гады?»

23. Вот рухнул СССР, настала рыночная Россия. И это же поразительно – сколько умных образованных людей отождествляют благо страны с собственным!!! Нет – не политики, не бизнесмены, хрен бы с ними. Режиссеры, журналисты, художники: «Вот тогда я ничего не мог, а теперь я вот как хорошо живу, так что все хорошо в стране». Пенсионеры, официальные писатели, офицеры: «Раньше я был человек, и жил достойно, и труд мой ценился, а теперь все воровство, нищета и дерьмо».

Они не тупы. Они не жлобы. Они искренни! Они эгоисты не больше других. Они меряют мир критериями своей группы. Это инстинкт.

24. Стадный инстинкт – это пг'еинтег'еснейшая разновидность социального инстинкта. Сформулировал это выражение в научном смысле впервые британский хирург в I Мировую войну.

На миру и смерть красна. За компанию и жид повесился.

Стадная истина решается голосованием.

И:

Вся эмоциональная сфера человека сообразуется таким образом, что стадная истина эмоционально обслуживается точно так же, как религиозная священнику, научная ученому, моральная интеллигенту.

То есть: это Истина! – и все тут.

25. Что такое социальная истина? А-А-А-А!!!:

Социальная истина – это Категорический Императив.

26. Для того, чтобы группа могла существовать, ей нужна не просто единая система взглядов, – ей нужен Категорический Императив. Жестко повелевающий по ряду моментов придерживаться вот таких единых взглядов, и никак иначе.

Категорический Императив – есть необходимый системообразующий элемент любого социума. Стержень. Игла Кашея.

27. Разные социальные группы естественно необходимы для культурной эволюции социума, повышения его энергопреобразовательной деятельности. Разность групп повышает социальный энергопотенциал.

Противоречия и борьба между социальными группами – они источник социального развития, прогресса культуры и всякого такого.

Разность категорических императивов, т.е. идеологических стержней социальных групп, есть объективная заданность.

Групповая истина – это развертывание группового категорического императива.

Групповая психология – это реализация группового категорического императива через психологию членов группы.

Психологическое устройство человека (с индивидуального конца) – соответствует разнотипному устройству социума (с общесоциального конца).

28. Таким образом, и шлюха, и палач, и банкир, и бомж живут в нормальном мире, который в принципе ничем не отличается от твоего. Деталью отличается. А чувства те же, и отношение то же. И каждый познал н о р м а л ь н о с т ь с в о е й ж и з н и.

29. И. И. И. Каждый средненормальный человек рассматривает интересы страны и народа только и исключительно в том секторе, где расположены его собственные интересы. Там его эмоции и мысли. Там его категорический императив. Там живет его группа, и края ее обитания – это границы его сферы достижения.

Поэтому.

Главвор во власти – искренний патриот! Он любит родину и работает на ее благо день и ночь. Но! Только в том секторе, где лежит интерес и польза его группы и его лично. За пределами этого сектора он не видит ни родины, ни ее пользы. Это – далеко, туманно, абстрактно, необязательно, и совершенно непринципиально, и невозможно по целому ряду объективных причин.

Истина вора – зона воровства. А патриотизм – это пожалуйста.

Поэтому миллиардер куёт бабки. Этим занято все его окружение! Они это обсуждают, завидуют успехам друг друга, сравнивают яхты и замки. И чтоб ощущение дела! – а это уже только от движения миллионных потоков. Ну, есть такая профессия – миллиарды воровать! И здесь – свой кайф, и профессионализм, и чувство власти, и самоутверждение, и все как у людей. А кушать можно бутерброды с колбасой, не в этом суть.

30. Вспомним кубокилометровую комнату с тобой посередине и сформулируем к завершению:

Весь эмоциональный ресурс человека распределяется по объему и форме его существования, действия, внутри их границ.

А также:

Весь интеллектуальный, рациональный ресурс человека распределяется по объему и форме сферы его существования, функционирования.

А также:

Весь физический, энергетический ресурс человека реализуется и расходуется в пределах объема и формы его сферы существования.

И то, о чем говорилось в этой главе:

Психологический ресурс человека,

в принципе принимая форму мотивировок его действий,

и в принципе выполняя функцию соединения поступающей информации с предпринимаемыми действиями,

в принципе диктует отбор и угол анализа информации и такой образ действий,

которые наиболее эффективны в пределах объема и сферы существования и функционирования человека.

Dixi.

Или оно же:

Психологический ресурс человека принимает форму системы психологических мотивировок для действий, целесообразных и эффективных в сфере группы и системе группы.

То есть:

Психология так выстраивается, чтобы в этой природной кубокилометровой комнате оптимально обслуживать органы чувств и удовлетворение всех потребностей в тех формах и объемах, что эта кубокилометровая комната может предоставить. То есть: психология подгоняет себя под жизнь в этом кубе, максимально пристраивается обслуживать все действия, которые к форме и объему этой комнаты наилучше подходят. И одновременно – обратной связью – психология пристраивается получать максимальное удовлетворение, максимальные потребности комплексы ощущений – от тех действий, которые в этой кубокилометровой комнате возможны, эффективны, получаются, необходимы.

Функция нуждается в психологическом обеспечении – функция диктует психологическое обеспечение.

Информационный стереотип, психологический стереотип и функциональный стереотип жестко коррелируют.

То есть:

31. В одной и той же окружающей среде две группы (системы) для выполнения двух разных функций – выбирают для анализа и ориентирования два разных информационных блока – и два разных соответствующих им психологических стереотипа, мотивирующих связь между избранной информацией и намеченным действием.

Обе группы (системы) испытывают те же отрицательные эмоции от недостижения цели и те же положительные от достижения. Психическая структура личности остается та же. Мотивационная модель остается та же.

Разница психологических стереотипов лишь в том, что избирается разная информация для загрузки на входе – и намечены разные действия для выгрузки на выходе. А суть механизма одна.

32. Разные действия и коррелируемые им разные психологические стереотипы – диктуют доминирование для них разных информационных блоков окружающей среды.

И если волку несравненно важнее и естественнее съесть зайца, нежели сдохнуть с голоду – то для зайца нет сомнений, что его спасение куда важнее смерти поганого волчары. При этом оба они патриоты родного леса и пацифисты.

Точно так же ты предпочитаешь выпить чашку кофе – не думая даже, что эти деньги можно дать на буханку хлеба для спасения умирающего ребенка в Африке. Африка далеко, всех не накормишь, а выпить кофе на свои трудовые ты имеешь право. А твой банкир имеет право в кризис кинуть тебя и заныкать твои деньги. Всех не пережалеешь, а поддерживать свой законный банковский бизнес надо.

33. Разность групповых интересов повышает возможности переделывания мира во все направления и всеми формами. Т.е. работает на повышение культурной эволюции и в конечном счете энергоэволюции.

Разность групповых интересов есть один из стимулов для большего напряжения сил каждой группой и совершения больших дел каждой группой.

Разность групповых интересов – это конкуренция и естественный отбор, неотменимые факторы человеческой и культурной эволюции.

Разность групповых интересов повышает возможности выживания социума в катаклизмах.

Разность групповых интересов – это эволюционный ресурс социума: природа сама отберет, в какую сторону двигаться дальше; и природа сама отберет, что останется и пойдет в развитие при катаклизме, изменившем условия жизни и сгубившем многие другие группы.

34. Н-ну-с, а чтоб человек, член группы, монада системы, напрягал в группе все свои силы и пахал во всю мочь, – он должен быть свято убежден в ценностях своей группы! В истинности ее образа действия, в правильности ее целей и действий!

Вот он и убежден.

35. Похоже, что:

Психологическое обеспечение социальной роли – это проекция корпоративной модели на индивидуальную психологию;

это субъективная картина мира, определяемая корпоративным отбором и анализом информации;

это корпоративная целесообразность в качестве личной сферы достижимых целеположений, т.е.:

корпоративная целесообразность – это объективная цель корпорантов;

и психологический стереотип, свойственный группе, становится личной психологией человека.

36. Истина группы, как откорректированная информация об окружающем, – с принятием психологического стереотипа есть искренняя индивидуальная истина члена группы.

.....

(Заметки на полях:)

– Психическая сущность ценностной ориентации: что важно и что не важно, с чем считаться и с чем не считаться, что останавливает и что не останавливает.

Четкая связь: нужность информации

желаемость информации

важность информации

истинность информации.

Нужность определяет желаемость.

Желаемость определяет ценность.

Ценность определяет истинность.

Информационная картина окружающего – комплексная и комбинированная: те же элементы разными группами воспринимаются в разном масштабе как разные массы и силы. – Мир зайца и мир волка – это два немножко разных мира.

Все групповые картины мира истинны. Но соотношение элементов этих картин масштабно разное. Как карты в проекции Меркатора и других. Как круг местности, приближенный биноклем. Заячья жизнь для зайца и волка – ценности разного масштаба, хотя в принципе сходны. Вообще ты любишь птичек, а в частности любишь цыпленка табака. Если, покупая сорочку, ты не думаешь о нищем индусе, который ее строчил за грош, – почему богач, покупая бриллианты, должен думать о пенсионере без лекарств?..

– Групповые противоречия – это разность социальных потенциалов, источник социального развития, аспект социальной энергии.

– Мораль – это групповая истина как ценностная система и шкала приоритетов. А групповая истина – это максимум пользы для максимального числа корпорантов.

–

<Комментарии к информации:>

1. Канцлер Германии негодуяще высказалась в адрес немецких солдат в Иране, которые фотографировались с найденным черепом в руке. Осудить и наказать! За циничную аморальную бравату! Садистские прихваты, понимаешь... – Но, милые мои! Долг и профессия солдата – быть убийцей по приказу, и убивать указанного командиром умело, профессионально и эффективно! И психология солдата мигом формируется в психологический стереотип бойца, воина, вояки, – сильного, наводящего страх, смертоносного для врагов! – Уволившись из армии, солдат опять становится законопослушным гражданином, работником, заботливым родственником. Бравирование атрибутикой смерти и жестокости – неотъемлемый аспект солдатской психологии! Ей манко быть инфернальной. Дьявол, кости и череп, мы смертники и расходный материал, трепещите от ужаса перед нами! – это необходимая часть психологии бойца!

Человек не машина, его психологический стереотип целен, солдат – не святой, убивающий со вздохом и кающийся всю жизнь. Если солдату не нравится быть бойцом, не нравится наводить страх на врагов, реальных либо воображаемых, не нравится сеять смерть среди врагов, реальных либо воображаемых, – это не солдат, это психологический брак, это моральная эклектика, ошибка природы.

2. Тридцатилетним старшим лейтенантом запаса я был призван на двухмесячные офицерские сборы. Только приехав в гарнизон и переодевшись в х/б, курим мы в тени, полста учителей и инженеров, семейные интеллигенты. И вдруг! – через плац! – в просвечивающем платье! – проходит молодая женщина! И мы все дружно ведем ей вслед носами и восторженно тянем: «У-у-у!..» Ну, будто год бабы не видели, будто одичалые пацаны. Аж сами поразились. Мгновенная смена стереотипа: женщина через полк идет! Армия тут... И все здесь иначе. И женщина тут выглядит иначе, и отношение к ней иное. И ценности тут другие. И баба – ценность особая, огромная, редкая, завидная. Мало их, практически нет, не подкатишься. Не важно, что все только от жен, не важно, что не красавица. Ты в полку, ты в солдатской шкуре, и изнутри этой шкуры ты видишь мир солдатскими глазами. Стереотип уже в твоей сущности, как марсианин в твоём сознании!

И в столовой мы, как в детсадыке, закатывали бенц повару, если порции казались маленькими или печенье (пять печенок самых дешевых, маленьких!) из офицерского доппайка забыли выдать. Взрослые мужчины с высшим образованием, насмешливо относящиеся, вроде, к этой «игре в солдатики». Ценности и поводы относительны – стереотип непреходящ, приняв форму ценностей солдатских, наличных, реально доступных.

3. Ничего приятного в том, чтобы отрезать барану голов у, нет.

Есть захочешь – зарежешь. И вот мы, обычные мужички, скотогоны, раздобыв выкинутый кем-то дешевенький фотоаппарат «Смена-3», фотографируемся – позируя зверски с отрезанной головой в одной руке и ножом в другой, подражая «зверствам Иностранного Легиона» в советских газетах. Мы дебилы? Нет, вроде... Игра такая. Уж если все равно резать – и вдруг тебе весело и кайфово выглядеть крутым резателем, которому кровь нипочем, и жизнь чужая нипочем, и вообще ты головорез и оттого балдеешь. Тебе приятно шокировать этим слабонервных гуманистов. Нейтрально-неприятный поступок вдруг прорастает в тебе неким... нет, даже не желанием повторить его – но удовлетворением от роли совершателя этого поступка.

Желание испытывать удовлетворение от себя в качестве совершателя конкретных поступков – имманентное качество человеческой психологии. Оно остается основой, осью, несущим каркасом любых психологических стереотипов, меняющимся в деталях мгновенно и легко.

4. Проститутки разговаривают между собой – с чуть дополнительной ноткой взаимоуважения, взаимопонимания и взаимосочувствия (когда не ругаются, конечно). Опущенные другими. Их общение выткано по канве корпоративной солидарности. К уважительным профессиональным ценностям относится умение развести клиента и закосить оплаченное время. А

клиенту подаются как достоинства, скажем, прибытие девочек этой фирмы точно в срок или высокий профессионализм процедур. Это обычный профессиональный кодекс! Он может быть наполнен дойкой коров или шитьем обуви. Просто в данном случае он наполнен проституцией. А стереотип тот же!

Вот и психологический стереотип проститутки тот же. Работа есть работа. Радости и неудачи в работе в принципе везде те же. Детали не принципиальны. Принципиальна сама структура ценностей и отношений.

(Хотя, конечно, поскольку группа нелегитимна и социально неравноправна, – присутствует не комплекс неполноценности даже, а комплекс именно социальной ущербности своей профессии...)

5. Милиционер может рассказать, сколько есть профессиональных способов изувечить или убить человека и остаться по суду безнаказанным. Упасть на землю, выстрелить в воздух, второй выстрел – в человека: чтоб траектория пули была снизу, из падения. Потом рвануть на себе одежду и дать себе по губе. При отсутствии свидетелей или равном их количестве с той и другой стороны – по экспертизе ты был сбит с ног и защищался, произведя предупредительный выстрел. И т.д.д.д.д.

Мент – садист? Отнюдь. Нормальный парень. Он живет в ментовской группе корпоративных ценностей и взглядов.

6. Как омовец бьет дубинкой по голове пенсионерку?! Молча, с размаху. Как учили. Работа есть работа, неслушающиеся люди есть неправильно себя ведущие, мешающие, не понимающие, выводящие из себя, враждебные, должны быть вразумлены, наказаны, приведены в надлежащее положение. И вся моя команда, взвод и рота, и командир полка, и министр Внутренних дел, государство и правительство так считают. Я – действую по Конституции, охраняю правопорядок, имею приказ, предупреждал мирно. А они – несанкционированно, беспорядки мутят, нарушают Закон. Сто раз не поняли!! Ну, врезал им, аж за жопы схватились – и мелкими скачками!

7. Прекрасно у Джером Джерома в «Троих в одной лодке». Трое друзей гребут на лодочке – и так и взорвали бы вонючие пароходы, которые нагло сгоняют их с фарватера! А потом едут на пароходе – и так и утопили бы пару лодчонок, нагло болтающихся под носом и мешающих! Шютка? А всерьез: смена ценностной ориентации диктует смену мировоззрения.

8. Друг-собутыльник. Боец-задира. Бригадир-трудяга, футбольный фанат. Сын. Муж. Отец. И каждой социальной роли соответствует свой стереотип поведения и ценностей. И свой психологический стереотип, диктующий свою систему отношений. Психологические стереотипы могут меняться мгновенно – с выражением лица. Суровому директору звонит внученька – подчиненные аж удивляются его лицу. Исполнитель-расстрельщик может до слез переживать, что друг-сослуживец на услугу ответил ему черной неблагодарностью.

9. Нервная система, получая информацию от органов чувств, мигом корректирует функции организма, адаптируя к холоду снаружи, или жаре внутри, или предмету вблизи, или пейзажу вдаль, или напрягая мышцы под нагрузкой, и т.п. Тут же меняется физиологический режим, режим функционирования организма, так сказать. Жрешь больше или меньше – организм перенастраивается больше-меньше переваривать, запасать, пускать в энергию сразу.

Смена психологического стереотипа – это адаптация высшей нервной системы, адаптация разума и эмоций, к сменившемуся образу действий, к сменившейся информации и новой группе.

10. Блокадные ленинградцы знали, как изменяет голод сознание и мысли человека. Еда становится главной ценностью, все мысли вращаются вокруг доставания еды, сравнительных достоинств разных продуктов, способов утолить голод. И без того ослабший интеллект дистрофика структурируется вокруг проблемы питания. Абстрактные ценности исчезают, интеллек-

туальные ценности растворяются. Сознание занято проблемой выживания, то бишь прокормления, и психика заточена на это.

11. Ипохондрия – это человек заиклен на своих болезнях, реальных и мнимых. Грань, за которой мнительность переходит в психопатологию, неопределима. Здоровому человеку ипохондрик несносен или смешон. У здорового человека – нормальная система ценностей.

Да? Вот ему доктор сказал такое, что он побелел. И – весь мир для него изменился! И ценности сменились. И суета тщеславия его больше не интересует. И смерти он больше не желает даже лютым врагам, пусть все живут... И к малейшим симптомам своим он прислушивается с надеждой и страхом. И теперь он живет своим здоровьем и своей болезнью. Друзья и родственники качают меж собой головами: что случилось с нашим железным и мудрым... Диссертацию забросил, а читать хочет забойные боевики, отвлекают и увлекают, и по телику боевики хочет.

Стресс меняет психологический стереотип как кузнечным молотом сминает. Человек становится не адекватен сам себе. И это всем понятно.

12. Вчерашний раб – худший хозяин. Со сменой стереотипа он превращается из угнетенного в сущую сволочь.

Как только Дон Кихот освободил каторжников, страдальцы стали гадами и показали ему кузькину мать.

В России любили жалеть арестантиков. Арестантики бежали, освобождались, и резали жалельщикам глотки и кошельки. А пока страдает – уж так мил!..

13. Русский человек угнетен чиновником. Вот он сам становится чиновником – и через два года эту сволочь невозможно узнать со стороны. Стереотип бесправного гражданина сменился стереотипом государственного вершителя, плюющего на мешающие конкретности.

14. Зулусское сальто: если бью я – это хорошо, если бьют меня – это плохо. Искренне!!! Вот обнаженный каркас смены психологического стереотипа.

Психологический стереотип преступника и жертвы взаимозаменяются особенно мгновенно. И тут же сопровождаются сменой всего мировоззрения!

15. Характерно: именно великие злодеи, впав в великие страдания, видели из глубин мир совсем иным, чем с вершин зла, и порой становились великими святыми. Смена стереотипа – смена ценностей – смена видения мира – смена Истины.

Таки каждому свое...

Глава 1

Решение вечных вопросов

СМЫСЛ ЖИЗНИ

Вот уж вопрос вопросов.

Чтоб не впадать в патетическое (либо скептическое) словоблудие, разделим сначала этот вопрос на «ступеньки», конкретно оговорив каждую:

- что такое вообще «смысл»?
- что такое вообще «жизнь»?
- что такое в частности жизнь человека?
- почему человеку нужен смысл жизни?

§ 1. Вообще «смысл» – это решение (ответ) задачи, в рамках которой для ее решения совершается действие (существует процесс), конечная цель которого ведет к или способствует решению этой задачи, более общей, чем предпринятое частное действие.

То есть смысл отличается от цели тем, что достижение цели опосредованно ведет к обретению смысла. Цель по отношению к смыслу – не «самоцель», но лишь средство. Смысл – это цель второго рода, «сверх-цель», «над-цель». Смысл оправдывает и объясняет, зачем вообще нужно было ставить цель и достигать ее.

Смысл относится к цели, как общее к частному, конечное к промежуточному.

Цель заливки бензина в автомобильный бак – наполнение бака. Смысл – работа двигателя. Если двигатель не исправен, наполнять бак бессмысленно. Цель работы двигателя – вращать вал и колеса. Смысл – передвижение. Если поддомкращенные колеса не касаются земли, работа двигателя бессмысленна – автомобиль не движется. Цель движения автомобиля – доставить вас к нужному месту. «Нет смысла ехать туда на машине» означает: дороги забиты пробками, путь недалек, погода хорошая, быстрее и приятнее дойти пешком, – то есть цель-то будет достигнута и на машине, но смысл – быстрота, удобство, комфорт передвижения – будет отсутствовать.

Цель атаки – захватить высоту. Смысл – выигрыш сражения через обладание господствующей высотой. Цель сражения – захватить плацдарм для форсирования реки. Смысл – развитее наступления всего фронта. Цель наступления – окружение вражеской армии. Смысл – сокрушение его военной мощи и победа в войне. Если ты окружишь врага, а у тебя кончатся боеприпасы, горючее и провиант, окружение бессмысленно: никого ты не уничтожишь, тебя самого уничтожат. А смысл победы в войне – твоих людей не будут больше убивать, твоей стране не будет грозить враг, с побежденного можно содрать репарации и жить сытно, мирно, счастливо, и быть могущественным.

Как правило, в обыденной жизни вся цепочка промежуточных целей, задач и смыслов опускается сознанием человека, как нечто само собой понятное и разумеющееся. Начальное исходное действие «закорачивается напрямую» на конечную цель, т. е. ряд промежуточных задач объединяется в общую задачу, и решение этой общей задачи является смыслом, выступает в качестве смысла – как исходного действия, так и всех промежуточных, по отдельности и вместе. Смысл заливки бензина – в быстром комфортном передвижении в автомобиле. Смысл рискнуть жизнью в атаке – победа в войне. Смысл конечной цели – это то, что мне надо, я этого хочу, тогда мне будет хорошо (или моей семье, родине, человечеству, которых я люблю, и за их благо готов отдать жизнь).

§ 2. Мы имеем смысл как целесообразность всей цепочки целей и действий от начала до конца. Эта целесообразность нам видна, понятна. Понятно, для чего нужно каждое промежуточное усилие, действие, и к чему оно ведет. Причем – причем – конечная цель человека как-то устраивает, он с ней согласен, она для него приемлема. В какой-то степени желанна. Овчинка стоит выделки. Потопаешь – зато и полопаешь.

§ 3. Жизнь вообще – это эволюция Вселенной, ее энергопреобразование, во всем многообразии существующих форм.

§ 4. Жизнь человека объективно – острое этого процесса. Энергоизбыточному человеку всегда всего мало, ему все не так, все всегда надо переделывать.

Субъективно это проявляется в постоянной неудовлетворенности, несогласии, в ощущениях – а через ощущения в сознании – что «что-то не так, неправильно, недостаточно хорошо».

§ 5. Когда человек больше всего озабочен поиском смысла жизни? В подростковом и юношеском возрасте. Это возраст формирования личности, формирования взглядов и представлений о мире. Возраст познания себя и мира. Это возраст наибольшего энергетического подъема.

А вот старцы к смыслу жизни относятся гораздо спокойнее. Хотя он у них есть (полагают они), хоть его вообще нет (полагают они), но как-то они внутренне уравнились, успокоились...

Что мы имеем в юности? Энергии много, а понимания еще маловато. Сил много, а полностью они не заняты. Хотя ты пацана на пятнадцать часов в сутки в шахту уголь отбивать загоняй – силы у него восстанавливаются быстро, и в свободные минуты он все равно может размышлять, на кой черт нужна эта пахота и какой смысл во всей этой жизни. А уж если «золотой молодежи» вообще делать что бы то ни было необязательно – здесь поиски смысла жизни могут часто вести к опустошенности, нигилизму, наркомании и т. д. А зачем все, если жизнь по большому счету смысла не имеет?..

Кроме того. Молодости необходимо утверждать себя, а для этого нужно подвергнуть сомнению и в чем-то отрицать старшее поколение – его ценности, его достижения и образ жизни. И молодой ставит вопрос себе и старшим: «Вот, пахали вы всю жизнь, накопили и сделали то-то и то-то, – а какой в этом смысл? Может, лучше было бродяжить, на пузе в тени лежать. Мне предстоит всю жизнь работать, семью заводить, дом строить – а какой, по большому счету, в этом смысл?»

Отсутствие смысла жизни, кто о нем задумывается, именно в молодости больше всего гнетет, пригибает, и – и! – заметьте, гонит в авантюры. На войну, в наемники, в Иностраннный легион – и даже не мир посмотреть и себя показать, а – рисковать, испытывать напряжения, убивать врага (какого врага?.. неважно!..) и рисковать жизнью самому. В экспедиции, в горы, через пороги, вокруг света. И вот как тебя прищучит покрепче, что аж дух из груди вышибает, – вопрос о смысле жизни как-то растворяется, забывается, исчезает. Вот смысл сейчас в том, чтобы выжить и победить, это важно и безусловно, это берет все силы: ох туго, ребята, превозмочь надо, ни фига, прорвемся.

Вопрос: это поиск смысла жизни – или это уход от поиска смысла жизни, а? Правильный ответ такой: и то и другое одновременно. Это уход от поиска смысла жизни вообще, в высшем и всеобщем понимании – зато это обретение смысла своей жизни конкретно, здесь и сейчас, вот в этом деле и в этих ситуациях. Ситуации трудные, забирают все силы, риск для жизни – но есть какая-то общая цель, общая для взвода, политической партии, страны: установить более справедливый политический режим – или хотя бы открыть месторождение нефти, и людям будет тогда теплее и лучше жить. То есть: ты ощущаешь свое соучастие в каком-то большом деле, конечные цели которого далеко выходят за рамки твоих личных интересов, и сознание этого тебе отраднo, дает удовлетворение, ощущение своей значительности.

Ребята, но ведь это романтика. Это условность, в конце концов. Работа, скажем, бухгалтера тоже по большому счету необходима. Да, но уж больно скучна и неинтересна молодому... в чем смысл жизни бухгалтера? Считать деньги миллионера, чтоб тот продолжал наживаться? Спасибо.

§ 6. Смысл жизни подразумевает, что имеется какая-то здоровенная задача, общая и достойная, куда не жалко и стоит подключать все свои силы, все возможности, все помыслы.

Но где же границы этой задачи? Где конечная сверх-цель, которая придает смысл всему?

Вот, условно говоря, ты строишь огромный дом, в нем будет жить масса людей, им будет тепло и сухо, удобно, хорошо, и в этом большой смысл твоей работы (не считая конкретного смысла, который можно считать твоей личной целью – заработать на жизнь). А если подумать – эти люди лживы, эгоистичны, подловаты, и пошли бы они к черту, какой смысл ради них горб ломать?.. Да пусть сами устраиваются как хотят.

О'кей – это сплошь хорошие люди, добрые, честные, самоотверженные, и вообще твои друзья, которые тоже тебе как-то помогают в жизни. Построим им дом, ладно. А что в итоге? Все равно все они когда-нибудь умрут. А их дети? И дети в свой час умрут, и внуки, и правнуки, и все когда-нибудь умрут. Эх... Вот все живут-живут, работают-работают, радуются, огорчаются – и какой в этом в конце концов смысл?.. Все умрут... Так для чего же оно все вообще в жизни вертится?..

Постижение конкретным человеком смысла жизни – как бы всеобщего, главного, Высшего Смысла – имеет такой механизм: к любому действию, к конечной его точке, человек приставляет вопрос: «А зачем это?» Зачем – строить дом, создавать семью, крепить страну, способствовать процветанию человечества? Все равно – человечество когда-нибудь прекратит свое существование, и Вселенная когда-нибудь прекратит свое существование, и ничего когда-нибудь не будет. Хоть ты дергайся, хоть ты не дергайся, что ты жил на свете, что ты не жил на свете, – конечный итог один, по большому счету твое существование ничего в жизни Вселенной не решает, и существование всего человечества тоже ничего во Вселенной не решает. Возникли, посуетились и сгнули. Хо-па.

И тогда получается, что никакого Высшего Смысла в существовании человечества нет. И нет никакого смысла жизни. Закуривай.

§ 7. Религия отвечает на вопрос о смысле жизни в духе бессмертного пожелания кайзера Вильгельма I: «Не рассуждать!» Есть Бог, рай, ад, вечная награда, вечное наказание, и данные Богом законы. И смысл жизни в том, чтоб жить так, как он велел, и тем самым выполнять свое предназначение на земле согласно Его замыслу, и тогда тебе потом вечно будет хорошо. А если тебе неохота? Вася, тогда ты не прав.

Смысл – в служении Ему. Просто и внятно. Лучше всего принять схиму, уйти в аскезу, посвятить всего себя Ему, вот и смысл жизни. А зачем – Он лучше знает.

Или – смысл в пожизненном и все более глубоком постижении Его замысла и заветов, а замысел Его бесконечно всеобъемлющ, и дела тебе хватит на всю жизнь. И с каждым шагом в своем постижении ты приближаешься сам и приближаешь человечество к постижению Его истины и к жизни по этой истине, и эта жизнь делается тем самым все лучше и правильнее, а в конце концов она должна стать вообще царством Божиим на земле, и тогда все будут счастливы, а плохие ребята будут наказаны, и настанет вечная справедливость, и счастье, все будет очень хорошо.

А если ты в этом сомневаешься? Тем хуже для тебя, несчастный.

Ну, настало царство Божье. А дальше что? А чего тебе дальше, еретик неблагодарный?! Хватит, уже будет отлично!..

В более общей форме: смысл жизни в том, чтобы на стороне Добра бороться со Злом, Добро должно в конце концов победить. И что? И тогда все будет хорошо. Ладно, а зачем? А

дальше что? А чего тебе еще? Да это и есть цель всего человечества: вечное торжество справедливости, блага, Добра.

Тогда вопрос смысла жизни упирается в веру. Вот если твоя вера более или менее имеет такие религиозные формы – смысл жизни у тебя есть, и он тебе ясен.

§ 8. Большинство людей заявляют, что они придерживаются той или иной религии. Но по большей части их религиозность носит весьма поверхностный и формальный характер. Отправление основных обрядов, в христианстве – крещение, причастие, исповедь, пост, венчание и т. п. Тем не менее люди, формально принадлежащие какой-либо религии, могут страдать от отсутствия смысла жизни. Вот как-то внутренне не устраивает их то, что известно им от отцов церкви. Знать-то они это знают, понимать-то вроде понимают, и даже вроде верят... им кажется, что верят, ну похоже, что верят. А смысла в своей жизни не видят.

Ну согресишь, ну покаешься. Ну, в рай попадешь, ну, в ад попадешь. А что это по большому счету меняет?.. Все равно грешников кругом полно, все равно твоя жизнь по большому счету ничего не изменит. И таких людей – обычных, нормальных – всегда было большинство. Крепко и «подробно» верующих людей, т. е. законченных ортодоксов того или иного рода-вида, всегда было меньшинство. Все должны к этому стремиться? Положим даже так. Но по жизни так никогда не получалось. Какие основания полагать, что получится когда-нибудь?

Добро со Злом боролось всегда. С чего вы взяли, что Добро должно победить? Да это диалектическая пара, единство противоположностей, одно и определяется через другое, отдохните от ваших абстракций.

Если человек начинает сомневаться в том, что проповедует религия, и хочет разобраться сам – ага, он впадает в грех сомнения, неверия. Вы ему советуете перестать думать? Большое спасибо. Этот номер не пройдет. Думать – удел человека, познавать – его неотъемлемое свойство.

Опять же, религия говорит одно, а практическая жизнь другое. По религии надо жить так, а на практике все живут эдак, и священники ловко подгоняют теоретическую базу – что, мол, ничего страшного в такой практике нет: ну, дает банкир деньги в рост, ну, посылает политик солдат на убой, ну, пашет трудяга, чтоб иметь барахла не меньше, чем соседи, – и все это отлично согласуется с религией. Богу Богово, а кесарю кесарево не отдашь – кишки выпустит. Отдаешь... Какой в этом смысл жизни?..

§ 9. Представления человека о жизни – ш и р е религиозных. Можно говорить еще о представлениях научных, философских, практических. Ограничение поисков смысла жизни религиозным аспектом большинство людей не устраивает. Можно бесконечно вести теоретические споры об этом – но практика такова, и все тут. Вот большинство людей так устроены. И замучишься их изменять. Нет у меня для вас другого народа, справедливо заметил Господь.

Мы лишь констатируем, что обретение смысла жизни по религии многих людей совершенно не устраивает. Не видят они такого смысла.

§ 10. Смысл жизни по религии – это достижение Идеала. А насчет достижения идеала мы уже говорили неоднократно. Не будет вам достижения идеала, граждане. Религиозный идеал – не более чем одна из разновидностей идеала вообще. Недостижим идеал. Потому что он идеал. Противоположность и противопоставление реальности.

Чего хочет религия? Маненечко не того, что мы имеем в жизни. Ага. Все то же самое стремление изменить, переделать то, что мы уже и так имеем. Аспект все того же самого стремления человека переделывать мир.

Смысл жизни по религии сводится все к тому же самому преобразованию мира. К созданию не того мира, который мы имеем. Э? Этот передел мира возводится в абсолют, объявляется самоценным, идеал объявляется достижимым, в это категорически предлагается верить.

Верить – это невредно. Но мы хотим знать.

§ 11. Вот террористы захватили заложников. Они понимают, что шансы на успех не гарантированы, и изначально готовы погибнуть. Еще более готовы они перебить заложников, хотя по натуре могут быть отнюдь не садистами. У них есть цель – освобождение своей родины, скажем. Может, это никакое не освобождение, а наоборот выйдет мерзкое порабощение, но они искренне полагают, что это освобождение, цель благая и великая. Как у них насчет смысла жизни? Хорошо. А иначе фиг бы они себя взрывали. Они обретают в своей борьбе, в стремлении к своей цели, смысл жизни. Для них – это так.

На войне, в сплошной критической ситуации, в условиях труднейших, в постоянном нервном и физическом перенапряжении, при постоянном риске смерти, у солдат со смыслом жизни в основном все более или менее понятно. Выжить, победить, обрести мир вместе со своей страной – вот и весь смысл жизни, и он солдата куда как устраивает.

Всегда? Нет. Это если он полагает войну необходимой, справедливой, дело свое – правым. Условно – Великая Отечественная, а также все народно-освободительные движения, «неприказные» партизанские войны. А если в целях войны есть сомнения? Тогда в периоды затишья, когда можно перевести дух, отдохнуть чуток, солдат неизбежно задумывается: чего же ради люди друг друга истребляют, да ведь эти «враги» лично ему ничего плохого не сделали, они такие же точно люди. Тогда насчет смысла жизни солдат не убежден...

То есть:

- а) для обретения смысла жизни человека полезно ткнуть в такую ситуацию, чтоб все его силы и помыслы были заняты, напряжены, целиком работали на конкретную задачу;
- б) цель задачи должна представляться человеку желанной и достойной;
- в) цель общей задачи, в которой он соучаствует, должна быть ему ясна и должна его устраивать, – выходя при этом за пределы его чисто эгоистических интересов.

§ 12. Теперь вернемся к § 6 и повторим некоторые его положения. Где границы нашей «самой общей задачи»? Где последний, итоговый ответ на вопрос «а зачем?», который постоянно приставляется пытливым человеческим умом к ответу-решению каждой все более общей задачи? – этот вопрос «а зачем?» превращает общую задачу в конкретную, промежуточную, не конечную, не всеобъемлющую.

Ну, обеспечишь своей стране свободу, независимость, процветание – но ведь нет в мире ничего вечного, пройдут века, тысяча лет, две тысячи, четыре, – и не будет твоей страны, твоего народа, сменится цивилизация. Где Ассирия, Вавилон, Египет?.. Великая Эллада стала мелкой третьестепенной Грецией, и нынешние греки – не те эллины, а малозначительные потомки растворивших их и смешавшихся македонцев, балканских славян, персов и тюрков. Остались лишь название, память и хилая инерция. Великий Рим стал второстепенной Италией, крикливой, жуликоватой и трусоватой, веками успешно проигрывающей все войны, в которые ее втягивали, и итальянцы давно не имеют почти в себе той римской крови – наслоились и перемешались германцы, кельты, левантинцы. А какие страсти кипели, какие жертвы приносились, какое величие духа являли борцы! И что?.. Руины, туристы, кодак и сникерсы.

Ради чего, по большому счету, жить? Ради мирового прогресса? Это что значит? Чтоб потомки больше и слаще жрали? Вот – мы потомки. Ну и что? Много нам смысла в изобилии жратвы?

Ради прогресса науки? Наука идет на потребительство и войны: груды барахла и водородная бомба. А смысл?

Ради прогресса культуры? Послушайте эту поп-музыку, посмотрите эти голливудские махаловки, почитайте эти глянцевого триллеры – или вкусите зауми «интеллектуалов». В создании этого подкрашенного и ароматизированного дерьма в качестве пищи для духа – смысл жизни? Яду мне, шприц мне дайте, трубку с опиумом!

Нравы улучшаются? Ознакомьтесь с полицейской хроникой – эта иллюзия сразу пройдет.

Как горели глаза фанатичных революционеров всех времен и народов – и на морях крови, пролитой в результате в землю, фермеры собирают урожаи пищи, которая красиво упаковывается, жретя и испражняется либо выкидывается. А дети фермеров тоскливо ищут смысл в своей жизни. Хау.

Раздвинем границы задачи до краев планки – до пределов познания, до границ Бытия. До последней черты. До последней Цели, за которой уже вовсе ничего нет.

И в неизмеримой дали времени мы увидим гибель нашей Вселенной.

Конец мира.

И все тут.

И никакого более смысла за этими пределами нет. Ничего за ними нет.

Нет в жизни никакого высшего смысла.

Увы и ах. Зараза. Кто б мог подумать.

Если бы не одно «но».

§ 13. До сих пор наука практически не придавала никакой роли существованию человечества в существовании Вселенной. Удивительно, трудно поверить, но это так. То есть что Вселенная породила человека и он есть часть Ее – это давно стало общим местом. А вот что человечество есть значимая часть Вселенной, реальная сила, которая что-то может, что-то делает, как-то на все существование Вселенной влияет – этим наука как-то свои помыслы не занимала. Потрясающе.

Масштабы Вселенной казались уж больно несопоставимы с масштабами возможностей человеческих. Ну ничтожная же пылинка в необозримых пространствах колоссальных сил. Спасибо, что вообще существует.

В XX веке Циолковский сообщил, что человечество «не останется вечно на Земле, но проникнет к звездам». Не он первый сказал это в веках, но заявление пришлось вовремя: воздухоплавание обрело свою теоретическую науку и подступало к ракетостроению. Мысль о том лишь, что человек может – реально, «по науке», – выйти за пределы Земли в межпланетное и межзвездное пространство, выглядела дерзкой, революционной, грандиозной. Не переделять – куда там! – но хоть добраться куда-нибудь и жить там, – о, это выглядело фантастикой, пьянило умы.

В XX веке другой естественник, геохимик и биогеохимик Вернадский, увязал геологическую эволюцию Земли с разумной деятельностью человечества: преобразование земных пород, как органического происхождения, так и «косных» (неживого происхождения), посредством деятельности человека пошло гораздо быстрее, активнее; разумная деятельность является тут весомым геологическим фактором. Никакой «космической экстраполяции» Вернадский не проводил: он был добросовестнейший ученый, скрупулезно обрабатывавший достоверно подтвержденные научные факты, и проблем более общих, характера космофизического, старался не касаться. Психология в круг его интересов вообще никак не входила, философию же он, с корректным (и справедливым!) пренебрежением за науку вообще не считал. То есть: человек здорово перелопачивает Землю – и баста; больше науке пока ничего не известно. (Ну, а поскольку он разумный – он должен в будущем Землю преобразовывать разумно, во благо себе и планете, полагал Вернадский, рассматривая разум как некий самодовлеющий фактор и никак не вдаваясь в его анализ.)

На этом – все. «Дальнейшее – молчанье».

То есть один полагал, что мы по Вселенной в конце концов разбредемся, расселимся, но «делать с ней» ничего не будем, кроме как на уровне колонизации, мелкого приспособления Ее для своего выживания: на Марсе будут яблони цвести, в созвездии Альфа Центавра построим Нью-Москву, и красивые космические корабли будут на радость людям бороздить бескрайние просторы мироздания.

Другой полагал, что мы «разумно» преобразуем планету максимально удобно и полезно для себя, и это полностью соответствует ускорению ее геологической эволюции. Может, и похоже, Земля для того и создана. А космос – это дело темное, сомнительное, никто ничего толком не знает.

А ведь эти еще из лучших, с сожалением заметил Атос. Без смеха – поклонимся великим умам.

Но все это – на тему, зачем Вселенная нужна человеку. Но – в свою-то очередь, с другой-то стороны – зачем человек нужен Вселенной?! Что он в ней делает, что он может, куда крутится этот крошечный винтик, в какое место механизма всажен и с какой целью: вот он есть – ну и что с того будет? Взаимосвязь-то какова? До сих пор связь была какая-то односторонняя, полупроводниковая, в одни ворота: Вселенная сделала человека, а человек все делает для себя. Ага. Больше у Вселенной и дела нет, как создавать человека, «венца творения», для его блага. Или наоборот, по теориям пессимистов: для его страдания, в результате.

По одним теориям – сплошной антропоцентризм: вот пуп мироздания, и все рассматриваем с его точки зрения, с позиции его нужд и пожеланий. По другим теориям – «бессмысленный объективизм» – ну есть такое явление во Вселенной, как человек, это достойно изучения и обмозгования, как и все явления Вселенной: как, что, почему, для чего. А зачем?! Ну, это ненаучная постановка вопроса, мы имеем объективную реальность, этого достаточно. Таковы законы природы. Каковы законы природы?! Таковы.

Господа, глаза же лезут на лоб: ну ни одна же научная падла неким не понятным даже образом не ставила себе задачей рассмотреть *все* устройство и *всю* деятельность человека в неразрывной, совокупной, взаимной, двусторонней связи со всем устройством и всеми процессами Вселенной.

(Возможно, я самую малость преувеличиваю. Возможно, меня обвинят в стремлении к вульгарному детерминизму. Но сути это не изменит!)

Наука рассматривала существование человечества как наличие некоего милого и дорогого тупикового отростка в общей кишке: вот он так-то выглядит, такого-то размера, цвета, из таких-то клеток, которые так-то функционируют, ужасно он занимательный и очень сложный. Организм его питает, а он организмом немножко пользуется в своей жизнедеятельности. А вообще, если его ампутировать, кишка будет работать дальше. Организм огромный, кишка длинная и толстая, этот отросток на общем фоне и заметить-то трудно.

А отросток вопит: зачем я нужен, в чем смысл моего существования, не может быть, чтобы я организму был ни за чем не нужен!!!!!!

И он прав, этот отросток, прав более, чем отдельные микробы, которые считаются окружающими клетками за самых умных и образованных.

Полста лет назад сильно умные американцы додумались, что аппендикс не нужен ни за чем, кроме аппендицита, т. е. своего воспаления. И стали его младенцам поголовно удалять. И очень быстро оказалось, что как раз младенцам-то аппендикс и нужен, чтобы толком переваривать материнское молоко. Бросили удалять. И стали скромнее. А не учи отца ебаться. Не мни себя мудрее природы. Она лучше знает, что к чему.

Мал золотник, да дорог.

Крошечного, в несколько граммов весом, взрывателя достаточно, чтоб, хлопнув, инициировать взрыв гигантской многотонной бомбы, хоть всего склада боеприпасов, были бы они соответственным образом уложены.

Внимание.

Вот человечество – крошечный боек этого взрывателя. А бомба – вся Вселенная.

И по всему судя, взорвем ее именно мы. Больше, вроде, и некому. И – тем самым действием – Новую Вселенную создадим тоже мы.

Это – Максимальное Действие, Самая Общая Задача, Предельное Сверхшение.

Это – тот Идеал максимального энергопреобразования, к которому стремится человечество – изначально, постоянно, без пределов, по одиночке и все вместе.

Таким образом, если кто хочет правды, реальности и логики – Смысл Жизни Человечества – в том, чтобы, уничтожив Вселенную, создать Новую Вселенную.

§ 14. Энергопреобразующая деятельность человека есть часть и острое энергопреобразовательной деятельности Вселенной.

Посредством самого энергомощного – «запального» – своего создания – человека – Вселенная преобразует себя. Вот роль человека во Вселенной.

Если человечество Земли во Вселенной одиноко – тогда вообще все в порядке.

Если есть цивилизации более «энергомощные», чем наша – возможно, тем хуже для нас: мы, быть может, тупиковая ветвь во Вселенной, типа неандертальцев, а Вселенная создала несколько человечеств, чтобы «подстраховаться»: кто-то вымрет, чья-то звезда раньше времени погаснет или взорвется, а кто-то должен выжить и развиваться до конца, чтобы исполнить свое предназначение. Но в принципе – в принципе – это ничего не меняет в нашем устройстве, наших стремлениях.

Если человек – или вообще жизнь – «имплантированы» на Землю с какой-то другой планеты – это также ничего не меняет в принципе. Ибо это никак не меняет суть энергетической эволюции Вселенной, Земли и человечества. Не меняет направленность этой эволюции.

§ 15. Кстати, такая роль должна весьма льстить представителям человечества, которые сильно огорчаются, если им говорят, что они не пупы мироздания и не цари природы. Ибо в имеющемся устройстве Вселенной человеку принадлежит столь важная роль, что он «имеет полное право» считать себя если не хозяином Вселенной (Хозяин – это круто будет) – а все-таки чем-то вроде главного оперуполномоченного, главнее всех прочих на своей – видимой и достижимой – территории.

Привет, начальники!

§ 16. У Платона было много друзей. И все они говорили: «Платон мне друг, но истина дороже». Опечаленный этим Платон собрался в конце концов на поиски истины и отбыл надолго. Когда он вернулся, друзья пили древнегреческое вино и пели древнегреческие песни. И усталый, грязный, постаревший Платон спросил: «Так кто вам дороже – друг или истина?..» – И друзья упрямо и терпеливо повторили: «Платон мне друг, но истина дороже». – Платон вздохнул, плюнул, снял с плеч мешок и вытряхнул на стол Истину. Звякнули разбитые черепки, пролилось вино. – «Ну?» – спросил Платон. Друзья мрачно молчали. Потом один сказал хмуро: «Уходи, Платон. Ты нам больше не друг».

Я глубоко неуверен, что истина в данном случае может кому-то облегчить жизнь или улучшить настроение.

«Ты этого хотел, несчастный Жорж Данден».

Поиск смысла жизни подразумевает оптимистическую установку ищущего. Он хочет иметь такой смысл, чтоб опереться на него духом. Чтоб жить было лучше – не ему лично сейчас, так хоть другим, любимым, или вообще людям, – тогда и ему будет морально легче и лучше.

А тут... Хрен ли нам Новый Супервзрыв неизвестно когда в будущем. Вдохновляться тут нечем. Что – когда-нибудь в Новой Вселенной будет новое человечество? Тоже временное, да? Большое спасибо. Да иди ты на хрен, пророк хренов. Вася, давай выпьем!..

Слушайте, ну же вы зануды. Ну же вы привереды. Вот вам конечный результат, вот вам конечная цель, вот вам конечный смысл – в самом-рассамом общем плане смысл вашей жизни.

Таки вы знаете? Они не хотят!

§ 17. Безвыходным мы называем положение, выход из которого нам не нравится, сказал великий Станислав Ежи Лец.

Ушибленный правдой человек злобно соображает, что вовсе не это он имел в виду, когда требовал истины.

Такой хоккей нам не нужен, возмущенно завопил телекомментатор.

Под смыслом жизни человек желает иметь некую положительную величину. То есть: он хочет, чтобы это была истина, но еще он при этом хочет, чтобы эта истина ему нравилась. Чтобы сознание ее грело его, вдохновляло, помогало переносить трудности, добровольно идти на лишения и т. д.

Под смыслом жизни человек подразумевает истину, которая для него имеет положительную эмоциональную окраску. А законы природы не могут иметь никакой эмоциональной окраски. Как может нравиться или не нравиться Второй закон Ньютона? Или Закон всемирного тяготения?

А где же моя свобода, возмущенно вопит человек. А для чего же мои прекрасные моральные качества?

§ 18. Вы знаете? Человек может прекрасно это все понимать (я полагаю, что хоть теперь уже может) – но внутренне это его все равно как-то не устраивает, да. И вот тогда может, опять же, возникнуть вера. Он з н а е т – но все равно очень х о ч е т иначе (см. «Вера и религия»). И из этого «хотения вопреки разуму» он формирует себе веру – систему иррациональных представлений, которая удовлетворяет его эмоциональной структуре. И в этой системе желательных иррациональных представлений находит моральное убежище, подкрепление своему духу, положительные эмоции.

А вера «договаривается» с его сознанием: старик, это обстоит вот так-то, это вопрос мой, вопрос веры, мы с тобой верим ведь, что это так, – и тогда такие-то твои мысли, представления, поступки обретают понятный смысл: ты только установи ножки этой мебели на мне, поглубже – и тогда мебель отлично будет стоять, все будет объяснимо, логично, хорошо, полезно, во благо.

Это дивно, прекрасно, – верить в бессмертие души, в окончательную победу Добра, в грядущее пришествие царства Божия и т. п. – и на этой почве, на почве веры, сознание утвердит ножки всех своих рациональных конструкций насчет пользы, целесообразности, правильности и праведности. И, главное, насчет Смысла Жизни.

Веруйте, кто может, вам же будет лучше.

§ 19. Причина и источник поисков смысла жизни лежит в эмоциональной сфере. Как всегда, как всегда – сознание ищет рациональное объяснение эмоциональному стремлению. Сознание хочет подбить рациональную, целесообразную базу под «хотение» и действие.

Рефлексирующего человека не устраивает просто «хотение» – ему потребно его осознать. Я не просто чего-то хочу – я должен знать, что хочу правильно, истинно, и что это хорошо. А иначе вступает в действие обратная связь, обратное влияние: если это не истинно, если в конечном итоге в этом ничего хорошего – так и делать неохота: «хотение» теряет свою направленность, теряет конкретность, исчезает точка привязки во внешнем мире, и нереализуемая эмоциональная энергия приобретает форму общей неудовлетворенности, разочарованности, беспокойства.

Механизм здесь на самом деле несложный. Потребность в ощущениях первична и безусловна – первична и безусловна нервная энергия человека, устройство его центральной нервной системы задано природой. Потребность в действиях – тоже безусловна, тоже задана природой, но по отношению к потребности в ощущениях вторична: потребность в ощущениях, в удовлетворении ощущений – предшествует действиям. А между ощущениями и действиями у человека помещается сознание, разум, – это трансформатор, трансмиссия, коробка передач, преобразователь. Только физиологические потребности первого порядка удовлетворяются напрямую: дышать, испражняться, а уже даже есть и пить – напрямую только тогда, если пища и питье тут же, под рукой, чтобы не надо было напрягать разум насчет прокорма, увидел –

съел; а чаще подумать надо, как прокормиться. А уж вся «человеческая» деятельность – только через осознание психические возбуждения переходят в действие.

А ответной, обратной реакцией является: через осознание получить ощущения от действий. Иначе заработать миллион или создать шедевр не принесет ни малейших ощущений: а на кой черт тут торчит что-то, что я же и сделал, если я и так могу существовать.

И вот это до ужаса умное «посредническое» сознание стремится: в одну сторону – переводить ощущения в максимальные действия, а в обратную сторону – получать от них максимальные ощущения.

А как через сознание получить максимальное ощущение от действия (к чему сознание и стремится)? А это осознать действие таким образом, чтоб оно явилось для тебя предельно важным, значительным, желанным, нужным. О радость, о счастье, пляшет поэт, написавший гениальный стих. Чего ты радуешься, пожимает плечами жлоб, вот если б ты хорошую машину в подарок получил, а то – ну, какие-то слова сложил в рифму, зачем это надо. Я завоевал всех, гордо объявляет император. Все равно это через триста лет развалится, а сам ты скоро умрешь от язвы желудка, усмехается мудрец, три обеда не съешь, во всех дворцах одновременно жить не будешь, всех баб не перетрахашь, ты уже вообще импотентом стал в этих походах и волнениях.

Все «человеческие», «созидательные» ценности – условны, и таковыми ценностями являются только через осознание; только через осознание способны доставлять какие-то эмоции, ощущения. (А если нет никаких эмоций и ощущений, то и делать никто ничего не будет: как может прийти в голову делать то, что необязательно, для выживания не нужно, не дает никакой радости, никакого удовлетворения, к чему нет ни малейшего желания, даже от скуки. Ведь даже пол веником подмести – и то: в результате этого действия твоим эмоциям чуть комфортнее – либо в чистоте приятнее быть, либо в детстве в тебе привычку к порядку вбили, либо от движений тонус приподнялся хоть на микрон.)

И вот наше умное и логическое сознание стремится от всех действий получить максимум ощущений.

И именно поэтому стремится придавать всем действиям как можно большее значение.

А как этого добиться? А это – через сознание подключиться, осознать себя как-то причастным, как можно к большему количеству разных действий, и этим разным действиям, к которым ты осознал свою причастность, придать как можно большее значение. Чем больше действий, чем более значительными они осознаются, тем лучше – тем в большей мере удовлетворяет сознание потребности центральной нервной системы в ощущениях.

Смысл жизни – это Максимальное Значение, Максимальная Ценность чего-то, к чему ты осознаешь свою причастность. Через эту причастность твои собственные действия также приобретают Максимальное Значение, как часть великого общего. Через осознание своей причастности к великому делу тут осознаешь собственную значительность, ощущаешь удовлетворенность своей самореализацией, своим самоутверждением. О, тебе не вовсе безразлично будущее твоего народа и всего человечества – хотя сам ты и слабоват, и глуповат, и помрешь скоро.

§ 20. Поэтому наличие смысла жизни увеличивает твои силы, стимулирует, прищипоривает, придает «активную жизненную позицию»: ты не пыль на ветру, от тебя тоже в этом мире кое-что зависит, что имеет значение, нужно, потребно, желанно. С обретением смысла жизни у тебя появляется «так или иначе дополнительный» стимул к действиям – а вся-то жизнь есть действия, есть преобразование мира.

Стремление к смыслу жизни – это стремление к своей значительности. И не только субъективно – через осознание своей причастности к общему великому делу, но и объективно – это придает желание больше делать, активнее действовать. Это позволяет совершать значительные поступки, большие действия, даже ценой предельных напряжений всех сил, даже ценой самой жизни.

Стремление к смыслу жизни – это аспект стремления к максимальным действиям.

§ 21. Прекрасный пример субъективного, «пассивного», «внутреннего» стремления к смыслу жизни – это придание большого значения таким условным ценностям, как победа спортивной команды для ее оголтелых фанатов. Только не надо про «гимн человеческому телу и духу»! Искалеченные в схватках гладиаторы, с гипертрофированными группами тех или иных мышц, щерясь от «спортивной» злобы к соперникам и норовя вывести их из строя «в рамках правил» или вне рамок, пихают круглый предмет в большую деревянную рамку или маленькое металлическое кольцо. Фанаты ревут и стонут! Ездят за ними из города в город, тратят деньги, празднуют победу, оплакивают поражение, лупят фанатов другой команды, учат наизусть биографии кумиров и гордятся своей преданностью. Кому, чему, для чего?! Они находят в этом смысл. Самый ничтожный, безмозглый и бесполезный индивид «подключается» к огромной толпе себе подобных и вместе с толпой – к сильным, жестоким, храбрым и богатым парням на спортивной арене. У мозгляка появляются основания для радости, горя, экстаза – и ощущения своей значительности как части общего: да мы сейчас разнесем весь стадион, весь город, проломим головы фанатам соперников, посмей меня тронь – толпа моих корешей-болельщиков тебя ногами забьет! «Спар-так чем-пи-он!!!» – и мы люди вместе со «Спартаком», а вы дерьмо, пошли с дороги вон, и вообще вы ничего не стоите, вы и в футболе-то не разбираетесь; вот такие мы ребята, вот такие у нас ценности, а лучшие из нас готовы правую руку отдать, лишь бы наши выиграла, вот!

Убога тупая толпа, а ведь и у нее потребность иметь смысл жизни.

§ 22. «Я не знаю, в чем смысл жизни» означает: я осознаю эгоистическую ограниченность своих действий, мне этого мало, меня это не устраивает, я хочу осознавать свою причастность к большому, нужному, важному делу, которое могло бы меня устраивать.

«Я знаю, в чем смысл жизни» означает: я полагаю, что мне известно такое очень большое общее дело, нужное, истинное, хорошее, для которого действия отдельного человека нужны, целесообразны, полезны, и осознание этого дает удовлетворение и ощущение своей значительности.

«В моей жизни есть смысл» означает: в чем-то главном я живу хорошо и правильно (пусть даже трудно, бедно, страдаю): мне есть за что себя уважать, я осознаю свою внутреннюю значительность, и – и! – моя жизнь хоть чуть-чуть, хоть немножко, идет на то, что значительнее меня лично, что больше меня, сильнее меня, главнее меня, находится вне меня, ради чего я готов добровольно пожертвовать какими-то личными, сугубо эгоистическими, интересами, и от этого я же испытываю удовлетворение. Примерно.

Это все так. Именно так. Но не всегда и не только так.

§ 23. Можно быть врачом, и не видеть смысла в своей жизни и работе, хотя и заключается она в принесении блага другим людям, больным, что им безусловно нужно: а вот подумаешь, что в конце концов они все равно умрут, а кроме того, все они сволочи. Какой смысл?

А можно сбежать с любимым человеком на необитаемый остров, и никого никогда больше не видеть, кормиться, наслаждаться природой, любить друг друга – и обрести в этом смысл жизни, и быть совершенно счастливым и удовлетворенным своей жизнью.

Более того: жить отшельником, вообще уйдя от всех людей, созерцать мир, размышлять о жизни, и находить в этом великий смысл своей жизни. Даже при этом не только не веря в Бога, но и полагая, что и человечество отнюдь не вечно, и весь мир к концу идет.

Как же так? Где же причастность к большому и благому общему делу, а?

§ 24. Ай-я-я-я-я-я-я-яй, закричал глупый король, потому что слов от возмущения у него уже не было. Мы не короли, нам приходится выражать свои мысли через членораздельную речь.

Получается страшная вещь, получается нехорошее ругательное слово под названием «релятивизм». Получается, что насчет смысла жизни многое весьма относительно.

Получается, что смысл жизни может быть для каждого свой собственный. Получается, что смысл жизни человека – штука субъективная. (Буквально навряд ли счастья.)

Вот два врача. Живут, работают и зарабатывают совершенно одинаково. У одного есть смысл жизни, а у другого нет. Э?

Вот два книгочея. Один читает мудрые мысли, глаза у него горят, что-то такое значительное в них светится, и смысл жизни у него есть. Другой читает мудрые книги, глаза у него делаются все печальнее, никакого смысла в своем занятии он уже не видит, и от отсутствия такового смысла жизни лезет на свой книжный шкаф и вешается.

Можно взять людей любой профессии и с любой судьбой, и найти такую во всем одинаковую пару, где один будет полагать в своей жизни смысл, а другой – нет.

Из справедливости и добросовестности заметим, что в разных профессиональных, социальных и возрастных слоях процент «страдальцев без смысла жизни» различный. Их больше среди молодых, и меньше среди старых. Больше среди богатых и благополучных, и меньше среди бедных и плохо устроенных. Больше среди живущих в безопасности, и меньше среди живущих «под прессом» опасности – солдат-наемников в работе, профессиональных революционеров, спасателей. Больше среди «думающих», и меньше среди «бездумных» конформистов.

И еще одно примечательно и принципиально. Жил-был человек, работал-работал, и вдруг обнаружил, что смысла в его жизни нет, – а раньше вроде как-то был, не очень он задумывался об этом, но вообще смысл в своей жизни и в жизни вообще видел, полагал. Ничего в его жизни не изменилось – а смысл пропал! И обратный вариант: страдал-страдал человек в поисках смысла своей жизни – и как-то со временем его обрел, нашел, ощутил; ничего не изменилось, а смысл появился. Хорошо стало.

Смысл жизни конкретного человека субъективен.

§ 25. Что такое «смысл жизни»? Это категория сознания. Через осознание себя и своих действий, через осознание устройства мира, через осознание связи своих действий с устройством мира и происходящими в мире процессами – человек обретает для себя какую-то Высшую Ценность, и осознание своей «пристегнутости», причастности к работе на эту Высшую Ценность и есть для него лично смысл жизни.

Но придает чему-либо Высшую Ценность он сам!!!

Это можно называть «обретением смысла», можно «нахождением смысла», а можно «созданием смысла» – разницы тут никакой. Осознал смысл – есть он у тебя, не осознал – нет его у тебя.

Потому что объективно, вне человека, никакого смысла не существует. Если из мира условно изъять человечество – то абстрактно, вне человека, не применительно к человеку, никакие человеческие действия никакого смысла никак не имеют и иметь не могут.

(Ибо остается только «внегуманизированное» энергопреобразование Вселенной на уровне естественного закона – а человеческое сознание категорически отказывается признавать «Взрыв-Уничтожение-Созидание» за смысл своей жизни, о чем мы уже говорили.)

И вот один врач втолковывает другому: да ты что, у нас самая благородная работа в мире, пусть сами мы и грешные, и люди плоховатые, но мы лечим людей, избавляем от страданий, спасаем от смерти, да ты посмотри в глаза матерей, которым мы спасли детей, – и сразу поймешь, что мы делаем великое, прекрасное, необходимое дело, и в этом великий смысл нашей жизни! А второй ему горько возражает: и те из этих спасенных нами детей, которые вырастут умными сволочами, будут помывать и доставлять страдания тем, которые вырастут хорошими людьми, и пороки мира исправить мы не в силах, и правительство наше дерьмо, и любое правительство всегда было и будет дерьмо, и перестанет человечество вообще когда-нибудь существовать, и нет в нашей работе по большому счету, по самому большому, никакого смысла,

потому что нет по большому счету смысла вообще в существовании человечества и в существовании самого-то мира.

Кто прав? Оба правы.

Кто живет лучше? Тот, у кого есть смысл жизни.

§ 26. А у кого есть смысл жизни?

Когда Эварист Галуа перед дуэлью, в свою последнюю ночь, спешно записывал свои формулы – в этом был для него великий смысл его жизни. Сделать, сказать, явить свое и оставить людям.

В тридцать шестом году мятущиеся интеллигенты разных стран ехали в сражающуюся Испанию, сводились в Интербригады и клали жизни, воюя против Франко – за свободу Испании, как они ее понимали. И в этом обретали смысл своей жизни, которого не видели ранее.

Когда летчик сажает неисправный лайнер с сотней пассажиров, со смыслом жизни у него все в порядке. Ворочая штурвалом, он об этом не думает, не до того, цель проста и неоглабаема, пот рукой и все чувства на пределе, – потом, когда сядет, выпьет, успокоится, время пройдет, в любой момент своей неладной и заковыристой жизни он может себе сказать: есть в моей жизни смысл, да для того я, видимо, и был создан, чтоб в черной ситуации спасти жизнь сотни человек.

Смысл жизни был у каждого, кто сам и добровольно свою жизнь укорачивал ради своего дела, которое полагал нужным и благим – солдаты и ученые, врачи и революционеры, художники и изобретатели. Всегда их была масса, и сейчас много.

§ 27. Итого, *один вариант обретения смысла жизни – экстенсивный*. Найти, организовать себе, прилепиться к такому делу, которое способно забрать все твои силы, все помыслы, всю энергию (ну, не вовсе всю, если говорить добросовестно, но много, совсем много).

И тогда происходит такая вещь. Смысла в мироздании ты не видишь. Но конкретная цель твоей работы – и цель ближайшей общей задачи, в которую входит твоя работа одной из составляющих – тебе ясна, тебя устраивает, ты полагаешь ее достойной, хорошей, большой. И чем больше сил ты отдаешь своей работе, чем больше проходит времени, чем больше ты сделал и чем лучше оно у тебя получается – тем меньшее значение для тебя начинает иметь устройство мироздания вообще, и тем большее значение имеет для тебя твое конкретное дело и его конкретный результат. И твоя работа начинает становиться для тебя смыслом жизни. Понимать тщету мира ты можешь так же, как раньше – но тебе на это делается как-то плевать, эта высшая проблематика перестает тебя мучить, слегка рассеивается, как туман – а конкретное твое дело увеличивается в твоём сознании и ощущении, делается само по себе важным, большим, начинает становиться для тебя с а м о д о с т а т о ч н ы м, оправдывает смысл твоего существования.

Делай самое большое, на что ты способен; рецепт стар и верен.

§ 28. Но при этом твое сознание должно позаботиться о «точке прицепки» твоего конкретного дела к более общей задаче.

Чтобы цель обрела смысл – надо как минимум прилепить к своей личной задаче еще одну «ракетную ступень», хотя бы «однопороговую» удаленность общей цели от твоей конкретной – эта хотя бы одна степень возвышения общего дела над твоим частным и сделает то, что на порядок более общая цель выступает в качестве смысла по отношению к твоей конкретной цели и «осмысливает» ее.

Если миллионер полагает, что все – дерьмо, его миллионы нужны только ему самому для его хорошей жизни, – в один прекрасный день он может ощутить отсутствие смысла в своей жизни, и тогда в лучшем случае он отправится к психоаналитику и начнет принимать антидепрессанты, а в худшем – пустит себе пулю в лоб.

Если же он полагает, что он дал работу тысячам людей – а с другой стороны внес свою нужную лепту в движение мировой экономики, которая без таких, как он, пришла бы в упа-

док и ничтожество, – о, тогда он имеет основания видеть в своей буржуйской деятельности смысл своей жизни. Дергается, нервничает, инфаркт наживает, но для него лично жизнь его осмысленна.

§ 29. *Второй вариант обретения смысла жизни – интенсивный.*

Грубо говоря, это означает: «Если ты не можешь делать то, что тебе нравится – пусть тебе нравится то, что ты делаешь». (Этим примерно и занимается логотерапия: психоневропатолог не может переделать мир для пациента – но пробует переделать его отношение к этому миру, чтоб бедолаге стало лучше и он обрел смысл в жизни своей многогрешной.)

Вглядишься в свою жизнь, «прицепи» конкретную цель (цели) своей работы и вообще любой своей деятельности, своей семейной жизни, отношений с друзьями и т. п., к чему-то более общему, чтобы цель этого более общего сама по себе тебя устраивала и «давала смысл» твоей конкретной деятельности – и «ставь перегородки». Отгораживай свое сознание от проблем более общих.

Ты ночной сторож, жена – сука, дети – шпана, а охраняемая тобой фабричка выпускает упаковку для собачьего корма. Зарплата дерьмо, никто не уважает. (Вероятнее, кстати, такой человек весьма вял и туп от природы, и вопросы смысла жизни его волнуют очень мало. Но предположим, волнуют.) – Э. Зато твоя жена держит дом в кулаке и не дает тебе пропивать зарплату. А дети энергичны, может, их дети станут великими людьми. А собака – друг человека. Но это пока – просто положительный взгляд на вещи, который тоже куда как невретен. А самое главное – ты стоишь на страже честности. Ты один из тех винтиков, которые не дают грабителям и хищникам отбирать все у честных простых людей. Без тебя ограбили бы фабрику, и простые честные люди, работяги с этой фабрики, остались бы без работы и заработка. Да ты – соль земли, простой мужик, на таких все и стоит, порядок только на таких и держится, вас таких большинство, это для вас все и производится. Да убрать всех ночных сторожей – это что тогда будет?.. Не-ет, без таких, как ты, государству никак. Оно тебе еще должно в ножки кланяться, что ты за такую маленькую зарплату честно работаешь. Ну, спишь иногда на посту, но ведь, с другой стороны, жизнью рискуешь, мало ли какой наркоман захочет спереть что с фабрички и даст тебе по башке.

Вот примерно в таком духе. Что называется, меняем установку.

§ 30. Каждый, кто когда-нибудь в составе небольшой группы участвовал в экспедиции, зимовке, сезонной работе на выезде, знают: через несколько недель мелкие хозяйственные работы по самообслуживанию команды, вроде носки воды и колки дров, начинают как-то обременять сознание каждого. Даже забавно. Отношения в команде приятельские, условия жизни и труда тяжелые, никто не отлынивает и на чужом горбу ехать и не думает, все друг другу помогают, – а такую ерунду, как принести вдвоем за сто метров четырехведерную флягу воды или потратить четверть часа на колку двух охапок дров, никто почему-то не горит желанием делать... неохота, мнутя, начинают считать, кто сколько раз уже это делал. Поэтому человек бывалый с самого начала устанавливает строгую очередность исполнения этих малых, но необходимых обязанностей. В первый день все, такие друзья горячие, кричат ему: да ты что, считаешься в такой ерунде, да давай я сейчас сделаю, нам еще вместе пахать и пахать. А через месяц ругаются, если кто-то пытается отлынивать от своей очереди: тут тебе и справедливость, и желание полежать, и неприязнь к тому, кто ссылается на какие-то причины, чтоб этой мелкой дребедени не делать.

При регулярном повторении эта малость начинает занимать в сознании больше места, начинает казаться тяжелее, важнее, «нагружает». Хотя, повторяем, по сравнению с тяжестью основной многочасовой ежедневной работы – это семечки, пустяк, причем на основной работе каждый пашет от души, в полную силу, и если товарищ слабее или неумелее – никто не осуждает, не проявляет недовольства: работает добросовестно, в полную меру своих сил – молодец,

все хорошо, а если я делаю больше – мне только приятнее, что я здоровее, умелее и значительнее. Это при том, что денег все получают поровну.

Место, которое занимает твоя постоянная работа в сознании, можно уподобить тому, как газ полностью занимает объем помещения, в котором содержится. Независимо от давления газа и размеров помещения – но по всему объему он распространен. Поначалу струя выходит из баллона, лежащего в комнате – подумаешь, баллончик, места кругом до фига. Ан проходит немного времени, давление во всем объеме уравнено, и весь объем «при деле» – газ, значит, заключает в себе и содержит.

Поступает человек на пустяковую работу: сидеть в будке на входе и пропуска проверять у входящих. Да он раньше в горячем цеху вламывал, на износ. Там не повольнишь! А тут – и покурить можно, и чайничек на плитке, и книжка на столике, и телефончик, поболтать можно, – да это же сплошной отдых, ребята. Хе! Во устроился. Еще и деньги платят. И даже внутренне неловко чуток: почти ведь задаром платят.

Проходит год. И человеку уже отнюдь не кажется, что платят ему задаром. И работа давно уже не кажется отдыхом. Неким удивительным образом стал от нее слегка уставать. И в выходной наслаждаешься тем, что на работу идти не надо (чай пить, книжку читать, в пропуска взгляд кидать время от времени). И чувствует себя уже человек не бездельником, который ловко устроился – на грани обмана работодателя, – а тружеником. И сидение на стуле для него уж не отдых, как год назад в первые дни, а труд. Так-то.

Вот так устроена человеческая психика. Вот так «саморегулируется» загрузка ощущений и сознания. Дело в том, что «объем пространства» ощущений и сознания – величина довольно постоянная. И требует загрузки. А загружается «подручным материалом». Что имеет, то и использует. И даже самая легкая и малоответственная работа со временем воспринимается человеком как все-таки значительная.

Перестраивается восприятие. И перестраивается сознание. И уже больше пищи для ощущений, для эмоций.

Дело не меняется. Количество труда не меняется объективно. А субъективно – меняется. Потому что сменилась установка. Сменилось отношение к труду. И, заметьте, происходит это без всякого сознательного вмешательства самого работника. Напротив, в сознании своем он предпочел бы, чтоб его труд оставался отдыхом.

Почему сменилось отношение к труду? Сменилась самооценка себя как трудящейся единицы. Потому что человек, хоть тресни его сознание, стремится к самореализации, самоутверждению, значительности. Для его психической структуры противоестественно быть менее значительным, чем он может.

И если он не идет по экстенсивному пути, все увеличивая важность своего труда объективно – он идет по интенсивному, увеличивая важность своего труда субъективно, в своем восприятии, через свое отношение.

Советские редакторы старались исправлять любой текст, даже у блестящих писателей-стилистов. Потели, работали, доказывали свою правоту, ругались, переживали, валидол принимали вместе с авторами. «Я имею право! – вопил автор. – Так тоже можно! Ну почему ты за ту же зарплату не хочешь ничего этого не делать, сдал в типографию – и отдыхай спокойно!» А старые умные авторы поучали: «Потому что редактор – тоже человек, ему надо отдать что-то на его исправление». При этом редакторы отлично знали, что все шедевры мировой литературы созданы без всякой стилистической правки-редактуры. Что с того? Малооплачиваемым этим литературным неудачникам была непереносима мысль о своей ненужности, бесполезности. Им тоже было необходимо самоутверждаться! Они могли быть умны и образованны во всем, кроме одного – как только речь заходила об их деятельности, они свято верили в ее нужность и важность: они искренне полагали, что делают лучше. Больше они ничего не могли, больше от них ничего не зависело, советская редактура – это образец бессмысленности

человеческой деятельности. Так они находили в ней смысл: они «улучшали» литературу! Они обретали самоутверждение: ощущали себя умнее, грамотнее писателей. Реализовывали свои возможности: штудировали словари и грамматики, прочеркивали рукописи вдоль и поперек, напрягали свои мозги и потели.

§ 31. То есть. Человек может даже не заботиться о том, чтобы осознать важность своего труда. За него это сделают время и природа. Система его ощущений со временем «подкорректируется» так, что возникнет ощущение значительности его работы – и это ощущение будет «подано наверх» в сознание – и сознание оформит это ощущение в аргументы, почему его работа достаточно важна и значительна. Аргументы могут быть на любом уровне – от «Сегодня не моя очередь таскать воду!» до «Куда прешь, нельзя, у тебя на пропуске печать не с той стороны!».

И мудрый старый лингвист будет снисходительно пояснять зеленому первокурснику: «Вначале все филологи допытываются ответа на вопрос, в чем смысл посвящать жизнь истории редукиции большого и малого юсов в старославянском языке. Но потом часть из них становится лингвистами, и начинает заниматься этой наукой, и со временем они уже не задаются вопросом, зачем это надо, а просто этим занимаются; и иногда достигают больших успехов».

§ 32. Вот поэтому у стариков неплохо со смыслом жизни. Они давно свыклились со своей профессией, и полагают ее более или менее значительной, и любят порассказать о секретах и тонкостях своего ремесла, ловят на этом кайф, и во владении своим делом обретают значительность сами.

Старики, как правило, давно бросили искать смысл жизни в чем-то таком общем и большом. А вот то малое, что у них есть (или было в жизни конкретно), и делается смыслом их жизни – часто ретроспективно.

Человеку, когда перспективы уже нет, возможностей изменить свою прожитую жизнь уже нет, совершенно несносна мысль о том, что в жизни прожитой не было смысла. «Что пройдет, то будет мило» – человек обычно изменяет чуток свое прошлое в сторону своего хотения. Он по-прежнему хочет изменять мир и свою жизнь – но впереди и реально такой возможности у него нет. И старик стремится к своему прошлому – это его субъективное изменение мира, его субъективная самореализация. Он по-прежнему хочет того, чего нет у него сейчас – но теперь хотение направлено назад, в прошлое, в память.

Он ревизионист. Он ревизует свое прошлое.

Он эскейпист. Он убегает в свое прошлое.

Он идеалист. Память о прошлом ему часто дороже реальности, и имеет значение большее, чем небогатая и нерадостная реальность.

И он очень хочет, чтоб жизнь его прошедшая была хороша. Он уже ничего не может изменить – но может изменить свое отношение к прошедшим событиям и отношениям, и тем самым обрести сейчас в своем прошлом то, чего не было у него раньше.

И ретроспективно он начинает ощущать и оценивать иначе. Какая радость была в прекрасной связи с девушкой (хотя скоро от нее стало воротить). Каким счастьем было быть молодым, сильным, здоровым (тогда не задумывался). Как много он трудился (не больше других).

Вот теперь – плевать ему на мироздание. Жизнь его обретает смысл сама по себе – в массе случаев и поступков, в напряжениях сил и нервов.

И это ощущение смысла жизни старику отрадно.

Это – одна из немногих привилегий и радостей старости.

§ 33. Что же молодость? А у нее дело обстоит наоборот.

Старость интенсивна – молодость экстенсивна (в аспекте поисков смысла жизни). Старость имеет жизнь как свершившуюся данность, и может обрести смысл только в прошедшем. Молодость имеет будущую жизнь впереди – возможности этой жизни еще не тронуты, не растрачены, еще ничто не отвергнуто, еще все может быть, – эта жизнь огромна, это идеал жизни,

который покуда еще включает в себя абсолютно все. Жадная, энергичная, жизнелюбивая молодость хочет все, хочет как можно больше, хочет максимум. Она боится что-то упустить – ведь тогда замечательная предстоящая жизнь будет неполной. А от чего-то отказываться придется неизбежно, всего одновременно не получишь, и любой выбор – это отказ от чего-то другого. Молодость стремится определить для себя главное.

А самое главное – то, что с наибольшей очевидностью имеет смысл жизни. Что же это, что, что??? – мучится в поисках молодость.

Поиск ее экстенсивен. Воображая грядущее, она перебирает варианты действий и ищет, к чему их «прицепить». Мало, мало, мало! Где великая цель, где высший смысл, как и ради чего надо прожить, потратить, свою единственную жизнь?..

Вступающая в жизнь молодость имеет покуда идеал жизни, включающий возможности всего (насколько можно себе реально вообразить) – и ей нужен идеал смысла, Высший Смысл.

Если старость – время обретать смысл в том, что уже есть, то молодость – это время искать смысл в том, что еще только предстоит сделать. И идет перебор вариантов. Реализуется стремление предельно приблизиться к идеалу.

Стремление молодости к абсолютному, высшему смыслу жизни – это стремление к максимуму того, что может быть. А максимума быть не может. Потому что максимум – это идеал.

Поиск смысла жизни проистекает из стремления к максимальным действиям, из неизбежной человеческой неудовлетворенности тем, что есть на самом деле.

А кроме того, это аспект стремления к идеалу познания – познания вообще и своей жизни в частности. А стремление к идеалу познания – тоже коренится в сущности человека, ибо познание – необходимый предварительный этап действия.

Пресловутый юношеский максимализм имеет то основание, что в своем воображении грядущего молодость, еще не вступившая в действия, еще не растратившая силы, не ободравшая бока и не сломавшая зубы на препятствиях, ощущает свои силы безграничными и полагает неограниченными свои возможности.

Не имея опыта, молодость сверяет и сравнивает реальность не с другими проявлениями реальности, еще не изведенными ею, а с идеалом. И получается до поры до времени: шедевр искусства не так потрясающ, как ожидалось; красавица не так прекрасна, как грезились; великий ученый не так мудр, как можно было вообразить себе всеведущего титана мысли; и даже суровые испытания не так трудны и мучительны, как описывалось в книгах или показывалось в кино, жить все-таки можно. Нужно время, опыт, сравнение, чтобы все изведенное соотносить с другим и правильно оценить.

Отчаянная энергия молодости, отчаянная потребность реализовать себя максимально, – направляют полет выше планки, берут прицел выше цели. Дашь идеал. Покуда еще я все могу!

(Поэтому, кстати, самооценка молодости всегда завышена. И поэтому же человек практически никогда не достигает в жизни всего, чего хотел. А потом может горько вздыхать о том, что «каждого в жизни постигло крушение». Да ни фигя не каждого. Просто каждому хочется больше, чем возможно по жизни.)

Старик обнаружил в своем курятнике нетощего цыпленка – и рад, не зря курятник стоял. А молодой хочет – почему нет? – Синюю птицу, да посадить ее в золотую клетку, да сварить потом из нее сказочного вкуса суп, да еще чтоб на суп к нему собрались короли и его славили. Лови птицу. Может, попадется фламинго или слон.

§ 34. На уровне же ощущений – поиск смысла жизни дает немалые отрицательные ощущения, «чувство глубокой неудовлетворенности». В молодости потребность в любых ощущениях сильнее, острее, и эта в том числе.

Пересади юношу из условий жизни весьма трудных, со всякими ограничениями, в условия райские (или просто гораздо лучшие и легкие) для тела и духа – и по прошествии месяцев, пары лет максимум, он начнет ощущать угнетенность и опустошенность какого-то неопреде-

ленного, общего, абстрактного характера. В своей личной жизни его все будет устраивать – ну так его не будет устраивать то, как «вообще» обстоит все в жизни. Его будет угнетать общее несовершенство жизни и ее «бессмысленность по большому счету».

Свинья грязи найдет. Пардон за цинизм, вырвалось. Все были молоды, ничего. Короче – если нечем мучиться, то будет мучиться отсутствием смысла жизни; и не просто мучиться, а может дойти до депрессии, удариться в наркоту, покончить самоубийством. (Привет от процветающих и склонных к самоубийству шведов из первой части книги.) Что сказал народ, носитель мудрости? Народ сказал: когда все хорошо – это тоже не очень хорошо.

А когда юноше было трудно и плоховато, он что, не задавался смыслом жизни? Задавался, но не так остро, не заикливался, это для него такого тяжелого значения не имело.

Мы имеем следующее – и очень простое:

Если ощущения не имеют конкретных точек привязки – они найдут себе абстрактную точку привязки. Не страдаем из-за цензуры, или трудностей прокорма, или болезни, – так будем страдать из-за отсутствия смысла жизни. А вот с ним-то разобраться потруднее, здесь наметить себе ясные пути решения проблемы и приложить все силы к ее разрешению – вряд ли выйдет...

В конце XX века кто больше всего мучится отсутствием смысла жизни? Студенты из благополучных семей. Вот вам и самый счастливый и беззаботный период жизни. Черная меланхолия бессмысленности – обратная сторона такой беззаботности и обеспеченности.

Что делать? Что делать? Что делать? – как сказал Ленин, выдвигаясь из часов вместо кукушки.

Пороть!! – сказал суровый сержант.

Вот, не приведи Бог, погибнут у него родители, и останется он без средств, и придется кормить-поднимать младших брата-сестру, и пойдет вкалывать на две работы, и переведется в своем университете на заочное, и будет считать копейки на еду и ночами готовиться к экзаменам – и не сразу он вспомнит, что мучился смыслом жизни и был на грани самоубийства. Как-то этот вопрос о смысле отойдет на второй и третий план. А в конкретной его жизни сразу появится некоторый смысл – вместе с появлением обязанности кормить того, кого любишь и кто без тебя пропадет. Ага.

Британские аристократы знали, что делали, когда веками дети из лучших и богатейших семей воспитывались в закрытых школах с суровыми порядками: жесткая жизнь, большие нагрузки. Оттуда и выходили ребята, веками державшие в ежовых рукавицах великую империю, и рефлексии их не мучили.

Ибо, как сказано в Библии, кто потекает младенцу – тот губит его.

Свобода, сытость, достоинство личности и культ индивидуального успеха, браво возвращенные Америкой, дали в качестве побочного эффекта отсутствие смысла жизни со всеми прелестями типа наркомании. Оставшаяся без обязательных нагрузок молодежь сбивается в банды, или орет на футболе, или ширяется, или в лучшем случае вступает в «Гринпис» и ратует за вегетарианство. Ищет себе такую жизнь, чтобы были нагрузки, трудности, переживания.

Рецепт мракобеса, реакционера и ретрограда:

Убрать бесплатность образования и бесплатную медицину для бедных, убрать пособия по безработице, ввести уголовное наказание за тунеядство, ужесточить наказания за любые антиобщественные действия, усилить государственное регламентирование всех сторон жизни, – т. е. сделать жизнь беднее, труднее, неувереннее, чтоб любой шаг давался большим трудом, напрягом, риском и выхода из этой ситуации для отдельного человека не было, – и сразу станет гораздо лучше со смыслом жизни у молодежи. Масса отрицательных ощущений, масса конкретных трудностей и недостатков, невозможность жить хоть в какой-то расслабухе, и есть с чем конкретно бороться, – и будет в глазах злоба, и голод, и подавленность, и усталость, и жажда борьбы, но не будет мировой скорби по отсутствию смысла.

Плюньте на заботу о молодежи, обвалите на нее трудностей, пусть она потеет и упирается – ей же будет лучше, это ей необходимо.

§ 35. В концлагере, тюрьме, армии, тяжелом плавании – жить трудно. Гадостей масса. Энергия человека направлена на выживание, победу, исполнение своих обязанностей, от которых невозможно отвертеться, а жестокая кара всегда наготове.

Но тут отсутствие смысла жизни человека не мучит. У него мучений и без того хватает. Устает как собака. Но на жизнь смотрит без рефлексий. Мог бы безнаказанно – убил врага. Мог бы – сбежал. Все конкретно. Смысл всего куда как прост – но важен.

Ты хочешь смысла? Так не забудь о трудностях.

§ 36. У последней черты мучения по смыслу жизни отлетают напрочь. Узнав о смертельной болезни, скажем, человек резко теряет интерес ко многому в жизни. Почти каждый становится несколько ипохондриком, и прежде всего озабочен своим здоровьем. Это не есть плохо хорошо, но это факт, а не реклама.

Жизнь сама по себе сразу представляется человеку такой ценностью, такой замечательной штукой, таким невероятным счастьем, что он уже воспринимает ее только с положительной стороны. Какие мучения о смысле, о чем вы говорите! Быть, видеть, сознавать, ощущать, – какая разница, богат ты или беден, красив или уродлив, все равно живешь, какая невероятная благодать!

Обычно для смертельно больного смысл жизни – в том, чтобы просто жить, и этого вполне достаточно! ведь жизнь включает в себя все на свете, и даже размышлять о смысле жизни – это прекрасно, хотя так до смешного неважно, можно ведь просто смотреть на белый свет, и этого достаточно.

И надо сказать, что если человек выкарабкался из опасной болезни – это очень способствует сохранению здорового духа на всю оставшуюся жизнь. Он заглянул за последнюю черту – и оценил ни с чем не соизмеримое счастье жизни. И сразу она обретает для него смысл! Боже, сколько великого смысла даже в мимолетном взгляде на паршивую помойку из окна! Там бывают люди, там лежат вещи, там где-то сверху светит солнце или идет дождик, и дует ветерок, и ты все это воспринимаешь, ты жив, ты видишь, чувствуешь, понимаешь – и оцениваешь благо бытия.

Пусть знакомый доктор с тобой пошутит. Пусть у тебя похолодеет под ложечкой, пусть тебе небо покажется с овчинку, и ночку-другую ты посмотришь в темноте в потолок. Вот тогда ты взглянешь на смысл своей жизни с другой стороны. С этой другой стороны он оказывается такой хорошей и большой, что аж плакать хочется.

§ 37. Однако есть еще неприятная ситуация, которую я бы назвал *«синдром достигнутой цели»*.

Жизнь рядового человека чаще всего складывается так. В подростково-юношеском возрасте он думает о смысле жизни. С этими думами он взрослеет, отслуживает армию, кончает институт (или обходится без этого), начинает свою трудовую биографию, женится, рождает детей, обзаводится жильем, мебель, машина, быт, рост по службе, да как-то уже не до смысла жизни, повзрослел; и вот лет в тридцать у него уже все более или менее налажено. Или в сорок – дети подросли, возни с ними куда меньше, квалификацию повысил, должность уже пристойная, да и заработок побольше. И тут на него с новой силой обрушивается сознание того, что жизнь бессмысленна! Вот зачем, по большому счету, нужно все то, что он сделал и делает? А главное – зачем продолжать это все делать?..

Возникает такое размышление: все, что он в жизни «должен был» сделать, он уже сделал. Что теперь? И зачем, к чему у, ради чего жить?..

В молодости и первой зрелости было проще: ясные конкретные желания, ясные конкретные цели, и все как-то шло путем. Можно было не очень задумываться, да и уставал, да

и вообще как-то все веселее было: жизнь налаживалась, то-другое делалось, приобреталось, строилось, мелкие жизненные мечты исполнялись. И вдруг обнаружилась пустота.

Кстати о том, что конкретные привязки успешно забирают на себя ту энергию ощущений и размышлений, которая иначе идет на привязки абстрактные и в сущности неразрешимые.

Мы имеем ослабление напряжения. И «внутренний вред» этого ослабления.

Кстати об «английском сплине» – «байронической болезни». Подростково-юношеский возраст проведен в суровой закрытой школе. Налаживание всех внешних условий взрослой жизни совершенно в соответствии с жестко определенными традициями. Регламентация всех сторон жизни оставляет много времени и сил без применения, ибо жизнь британского аристократа старых добрых времен была очень размеренна и без напряжения: этот клуб, этот портвейн, эта охота на лисиц, эта прославленная английская точность времени во всем, а в сущности делать нечего, механизм жизни тикает сам с исправностью швейцарских часов. Легко, просто, и не хрен делать. Вот вам английская хандра. А вот если труба призовет – колонизаторы, путешественники, мореплаватели, солдаты – были отменные.

Что делать?

Терпеть. Ждать. Утрясется. А ты что хотел – прожить жизнь не мучаясь? Так не бывает, парень. Считай свои мучения по смыслу жизни платой за достижение цели, которой сам хотел и добивался.

А также ищи всяческий смысл в том, что у тебя есть и что ты уже сделал.

А также учти, что твоя неудовлетворенность отсутствием смысла жизни означает: тебе потребна новая цель, возвращение напряжения, усилия по достижению. Шагай дальше, бери круче к ветру.

«В чем смысл этого всего?» означает: я способен на большее! Так тебе что, плохо, что ты способен на большее? Хорошо-то хорошо, да не знаешь, на что именно, и обстоятельства не позволяют, да? Мучайся, думай, ищи, борись – вот твой удел и вот твой крест, так неси его и не ной.

§ 38. «Синдром победы» – так можно назвать частную разновидность синдрома достигнутой цели. Это чувство опустошенности внутри себя и бессмысленности происходящего снаружи себя, это то же отсутствие смысла жизни, которое хорошо знакомо вернувшимся с войны солдатам. Причем вой на не обязательно должна закончиться победой – она может быть проиграна, но для тебя лично достаточно того, что ты честно воевал и вернулся с войны живым, т. е. сугубо личная цель как бы и достигнута.

На войне все было очень трудно, опасно, – и просто: все ясно, конкретно. Жизнь – смерть. Труд – отдых. Опасность – безопасность. Свои – чужие. Пусть даже командир сволочь, приказ идиотский, работа зверская, но постоянная опасность смерти на передовой по прошествии краткого времени так придавливает психику, что на абстрактные поиски смысла жизни никаких сил и желаний уже не остается.

И вернувшийся солдат – человек в цвете молодой энергии – не может найти в мирной жизни себя, своего места, достойных ценностей, которые его устраивают, т. е. нравятся и забирают достаточно много психической энергии. Он смотрит по сторонам: и это тот мир, о котором мы в окопах мечтали, за который ребята жизни клали?! Где награда, где счастье, где справедливость, почему вечно процветают ловко устроившиеся сволочи, в чем же смысл этого всего?..

И он пьет. Ширяется. Дебоширит. Идет в бандиты. Хочет вернуться в армию – к той жизни, где всё проще, честнее, труднее. Но если ничего этого и не делает – все равно война остается главным в его жизни, он ее вспоминает до смерти, ничего более крупного и значительного у него уже не было.

Что мы имеем? Резкое падение напряжения. Резкое снятие категорически необходимой цели (выстоять, победить, выжить). Высвобожденная энергия не находит точки привязки, кото-

рая дала бы возможность совершать такие же значительные действия, испытывать такие же сильные ощущения, как раньше.

Хоп – сунь его на новую войну. В первые часы и дни он будет почти счастлив: вот она, страшная и трудная, но настоящая и ясная жизнь! Через пару месяцев он снова возмечтает о мире и гражданке: какой я был идиот, что не оценил комфорт, безопасность, свободу, все прелести нормальной жизни!

И так далее. Ибо человеку всегда надо не то, что у него есть.

Смысл жизни – это название (или следствие, или аспект, все равно) разрыва, несоответствия между ощущениями своих возможностей и осознанием своего положения.

Поиск смысла жизни – это стремление через осознание мира обрести такие ценности, которые могут дать ощущения и напряжения на уровне максимальных, на уровне тех, что ты имел на войне.

Но ничто в мирной жизни тебе этого не даст. Даже работа полицейского, спасателя, пожарного – «плоха» тем, что ее, в конце концов, в любой день можно добровольно бросить, эти опасности и напряжения искусственны тем, что от них в любой момент можно, в сущности, отказаться.

Есть рецепт, доктор? Нет рецептов. Страдай, паши, цепляйся за большие и опасные дела.

Примечательно, что из крутых солдат, профессиональных головорезов, выходили подчас известные священники, монахи, праведники, – энергия и страсть обретали точку привязки в религиозном идеале.

§ 39. Аналогичное отсутствие смысла жизни обнаруживает часто профессиональный спортсмен по завершении спортивной карьеры. Все трудности и проблемы перед ним стоят те же самые.

Что интереснее и типичнее, чаще, – отсутствием смысла жизни нередко страдает человек, который страстно любил, страдал, добивался любви – и вот наконец добился, женился, и зажил мирно и счастливо. (То, что происходит после концовки любовных романов со счастливой свадьбой, ага: старая шутка.) Так все хорошо, так все замечательно, – так отчего же через какое-то время приходит мировая тоска, мысль о самоубийстве, желание встрять в какую-нибудь авантюру и т. п.?

Как только на его голову обрушится измена жены (слегка наскучившей), разорение (презирал деньги), революция (презирал это государство), тяжелая болезнь (не видел смысла в своей жизни) – всё, чему он «особого» смысла не придавал, не находил, не видел и страдал из-за отсутствия упомянутого смысла – мгновенно займет его помыслы и чувства настолько, что на «смысл жизни вообще» ему резко станет плевать, не до того.

Что же это значит?!

Это значит, что человеку потребны конкретные трудности, конкретные страдания, конкретные переживания, конкретные желания чего-то. Если удовлетворить все конкретное, что можно себе представить – настанет та самая вечно известная и многократно испытанная скука. Силы есть, а приложить не к чему (не знает, к чему). Вечная неудовлетворенность принимает абстрактный характер.

Поиск смысла жизни – абстракция неудовлетворенности.

Тебе нужен смысл жизни? Конкретизируй свою жизнь, тащи себя за шиворот к трудностям и через них, все и образуется мало-помалу.

Строго говоря, практически все трудности жизни человек ведь сам себе и устраивает. «Для проживания» ему ведь очень мало надо.

§ 40. Многие-многие люди нередко и всю жизнь слегка мечтают бросить все к черту и в идеале поселиться на необитаемом острове, просто жить там, наслаждаться бытием, природой, не знать всей дребедени, происходящей в «большой жизни», не знать ее суетности и треволнений, купаться, плоды собирать... как хорошо.

Глупые психиатры и всякие психоневропатологи говорят, что это невротическая реакция на жизнь, это недостойно человека, человек должен созидать, жить в обществе, приносить пользу и всякая такая гуманистическая мутотень. Вот он и так живет и созидает, а только все это ему нередко противно, неохота, а вот на необитаемом острове так было бы хорошо... бросить все к черту и просто жить, дышать, отключиться от бессмысленного напряжения окружающего гадства и труда.

Если это невроз, то я китайский мандарин, причем не тот, который во дворце, а тот, который в кожуре и разделен на дольки.

Первое. Это естественное желание человека иметь не то, что он имеет, жить не в том мире, в котором он живет сейчас: стремление к переделыванию мира и своей жизни.

Второе. Если бы люди этого действительно хотели, то владельцы судов, обслуживающих линии «Большие города – необитаемые острова» гребли бы деньги бульдозерами. А так люди отдельно – острова отдельно. Остров здесь не является реальной и конкретной целью, поселиться на нем не так сложно. Это некая субъективная, условная величина, это оформленное в какие-то реальные черты желание. Это форма неудовлетворенности имеющейся действительностью. Что как нельзя более естественно для человека.

Третье. Психика человека регулярно переутомляется от того, что он постоянно делает. Устает человек. Недосыпает, пашет, нервничает. А если даже бездельничает – психика может устать оттого, что он никак не может найти смысл жизни, своей и вообще, и он устает от своих мыслей и отрицательных ощущений. Необитаемый остров – это просто «формула ухода» от психических перегрузок.

Упомянул я это потому, что желание ухода на необитаемый остров связано у человека с безуспешными поисками смысла жизни. А поиски смысла жизни могут быть связаны не только с недогрузом психики, но и с перегрузом. Противоположности сходятся, тот самый случай.

Зрелый человек под сорок, успешно устроившийся в современном мире, обычно работает довольно напряженно. Работа, жилье, семья, масса бытовых мелочей, и все ложится на нервы, и времени «пожить просто в свое удовольствие» не хватает. И человек спрашивает себя: строго говоря, на кой оно мне все надо? Зачем я пашу? Почему не лежу под пальмой? Ради чего кручусь, как белка в колесе? Какой смысл в этом всем, если задуматься?.. Не лучше ли было бы бросить это все, и жить на том самом необитаемом острове? А?..

Не переутомляйтесь. Вот что из этого следует. Полежите. Бросьте все, что можно бросить без особых катастрофических последствий. Определите для себя самый необходимый минимум дел и обязанностей. Хрен с ним, с вылизыванием квартиры, сменой мебели и погоней за всеми благами, чтоб «быть не хуже других».

Самоутверждение заставляет человека влезать в гонку. Поиск смысла жизни – побочный эффект и расплата за эту гонку.

Человек сам устраивает свою жизнь, чтоб мучаться. Никто его не заставляет искать смысл жизни.

Фокус в том лишь, что рефлексирующий человек хочет мучаться и не мучаться одновременно. Сознанием – не хочет, а потребностью в ощущениях – хочет. А задача в том лишь, чтобы вытащить ощущения на уровень сознания.

Слова жестокосердного:

Пусть мучится! Господь терпел, и нам велел. Мучась и размышляя, человек додумывается до разных разностей и совершает всякие поступки.

Поиск смысла жизни – разновидность потребности в страдании.

§ 41. Человек может обрести смысл жизни в одиночестве на необитаемом острове.

В любви.

И даже просто в мужественном перенесении своих страданий.

Это значит лишь, что он примиряется со своей жизнью. Не вынужденно, под пистолетом, под давлением, когда и рад бы сделать иначе, да не можешь. Примиряется внутренне – признавая, что его жизнь, какая она есть, ценна, достойна, ему есть отчего испытывать удовлетворение, есть за что уважать себя, есть чем гордиться, есть в чем находить муки и радости.

Он наполняет все помещение тем газом, который имеет, употребляя это смешноватое сравнение в значении, упомянутом выше. Он приемлет свою жизнь, выражаясь иными словами.

Он ликвидирует разрыв между ощущением своих возможностей и осознанием своего положения. Его сознание придает достаточную ценность тому, что у него есть – и через осознание того, что есть, в качестве ценностей, он получает ощущение значительности своей жизни, значительности достаточно большой, чтобы она соответствовала его представлению о смысле жизни.

§ 42. Резюме, а то было много слов.

Что такое смысл жизни? *Это вечное несоответствие между тем, что ты есть – и тем, чем ты в идеале хочешь быть.* А хочешь ты быть всегда еще значительнее, реализоваться еще полнее, утвердиться еще больше. И для этого – через сознание подстегнуться к максимальному, идеально великому действию; вектор твоего стремления всегда направлен вперед и вверх, к Идеалу, не существующему в реальности. Ты всегда ощущаешь, что «может быть еще что-то, должно быть еще что-то», и твое сознание стремится сформулировать это вечное ощущение не полной, не абсолютной удовлетворенности тем, что есть – и даже тем, что может быть.

Как найти (обрести) смысл жизни? Дать себе ощущения такой силы, чтоб этот вопрос растворился (любовь, война, подвиг, трудности). Тогда сильное ощущение от чего-то превратит это «что-то» в ценность – а сознание уравнивает это ощущение тем, что подтвердит: да, это здоровенная ценность, я это могу понять, я ведь ощущаю это; сознание и ощущение придут в равновесное согласие – а это и есть обретение смысла жизни. Это первый путь, а второй – направить свое сознание на что-то, что ты имеешь или делаешь, и всячески искать, рассматривать, доказывать себе, что это важно, ценно, что это можешь только ты, что ты просто уникал, есть чем гордиться, есть за что уважать, – и тогда твое сознание, как увеличивающий напряжение на выходе трансформатор, поставит твоей потребности в сильных ощущениях ощущение такой силы, что, оценивая его силу и положительность, сознание скажет: да, это вполне соответствует тому, что я вижу и имею, это вполне смысл моей жизни.

Найти смысл своей жизни (это все равно что «найти себя», «найти свое место в жизни», «обрести себя») – **означает лишь привести в равновесие потребность ощущать свою значительность – с потребностью осознать свою значительность.** Вот как все в жизни просто, если спокойно разобраться. Это максимальное душевное равновесие. Это ощущаемое и осознанное – в общем и главном – удовлетворение собой, своими делами, своей жизнью.

Это ощущение и осознание **самодостаточности** такого равновесного состояния: «Пусть даже весь мир провалится в тартарары, плевать мне на все, я сделал все, что мог, и то, что хотел, и то, что был должен, я любил, я страдал, я совершал храбрые поступки, но трусливых тоже отведал, делал добро, но и зло бывало, я немало всего вкусил, я многое упустил, но без этого не бывает, и жизнь моя – это кое-что, смысл в ней есть, будьте спокойны, я это знаю, и достаточно этого». А уж если ты оставил хоть какой-то след на земле и в душах людей – ну, тогда вообще неплохо.

Обретение смысла жизни – это оправдательный приговор суда над самим собой. Твое Я отвечает твоему Сверх-Я: о'кей, в общем я в порядке.

Чем крупнее задача, к которой ты сумел «подстегнуться» – тем лучше. Но если ты не утвердился в осознании ее как «осмысливающей» ценности – толку в ней никакого.

§ 43. Так вот же вам в заключение конфетка за внимательное чтение и хорошее поведение.

Ведь по большому счету случайностей в жизни не бывает. И по большому счету всегда происходит то, что должно было произойти – так или иначе, здесь или там, раньше или позже. Нет случайности в появлении человека во Вселенной. Об этом мы уже много говорили.

Вселенная создала человека. А человек создаст новую Вселенную.

Мир крутит человеком. Но мир и крутится посредством человека.

Ты – необходимое условие, необходимый пункт эволюции Вселенной, всего ее существования. Ничего более сложного, хитромудрого и совершенного, чем ты, во Вселенной пока не обнаружено; очень не исключено, что ничего такого больше и нет.

И в этом плане весь смысл Вселенной, всей ее деятельности до сего дня – это создание тебя. Со всеми твоими потрохами и кандибоберами.

А весь смысл деятельности твоей – чтоб вся эта вселенская механика не прекратилась, чтоб вообще не прекратилось Бытие. Было человечество в прошлой Вселенной, будет оно и в будущей.

А устроен ты так, как устроен, механизм сложный, его функционирование и самомотивация этого функционирования очень сложны. Зато и КПД огромный, не сравнимый ни с чем больше в той же Вселенной. Неизбежен тут и «коэффициент трения», и «побочные эффекты». Без этого невозможно.

Но в результате – все твои действия, все твои переживания, мучения, страдания, радости – суммируются в то общее движение человечества, без которого по большому счету, опять же, мир не может крутиться. Все, что бы ты ни делал – это твой личный вклад в то, чтобы мироздание вертелось и продолжалось.

Тебя лично может не быть, ты можешь вдруг утонуть, повеситься, делать что угодно, и в общем ничего не изменится. Но коли уж ты есть – ты делаешь именно то, что ты делаешь, и все это – крошечная слагаемая, пусть кривая, пусть раздрызганная, но все равно – слагаемая общей деятельности человечества по кручению мира и обновлению его.

Вот куда складываются все мысли, и чувства, и поступки. Они взаимогасят друг друга в огромной степени – но не полностью. Они не имеют смысла, если рассматривать их изолированно от существования и эволюции Вселенной – но суммарный смысл всей деятельности человечества в том, чтобы мир вертелся, в общем и целом.

Без всех твоих переживаний – не могло бы быть всей деятельности человечества. Они – неизбежные проявления той самой деятельности, той самой энергоизбыточной центральной нервной системы человека, которая и есть энергопреобразующий Вселенную фактор. Ага?

Можно ли проще все устроить? Видимо, нельзя. Не будешь переживать – не будешь думать – не будешь стремиться – не будешь действовать – не будешь перелопачивать мир.

А если суммировать все твои действия – итоговый импульс всегда будет в общем тот же: стремление к максимальному действию. Все прочее – разнообразнейшие «наведенные токи»: механизм подготовки, обеспечения, мотивации, стимуляции и т. д.

Вот тебе осознание твоей связи со Вселенной и взаимообусловленности вашего с ней существования. Вот тебе высший смысл твоей жизни, но более – жизни человечества.

Можно перевести дух и подумать.

Свобода

«Повязали чувака, а он в уважухе, пахан – крутой, спрашивает: хочешь тачку любую? – Нет, – говорит. – Ну, хочешь бабу любую? – Нет, – говорит, – тоже не хочу. – Ну, – пахан говорит, – бабок немерено отстегну, пойдет? – Спасибо, – grit, – не хочу. – Так что ж ты, – пахан в атасе, – тля, хочешь?! – Свободу, – говорит, – хочу! – Веришь ли, вся камера до утра рыдала!» Опера «Князь Игорь» в тюремном пересказе.

Вот она, свобода! Вот они, безумные мечты, реюющие знамена и гордо поднятые головы! Приходит нагая, и уходит нагая, и как с ней жить, и с чем ее едят?! И всегда готовятся восстания, и смазывается оружие, и даются клятвы, и горят глаза. И ломают головы себе мудрецы-философы, себе и другим – борцы-свободолюбцы: хотим! горят бойцы; шо це таке? докапываются мудрецы. Все знают, что это такое, а как начнут рыть поглубже, чтоб сформулировать и осознать во всем объеме – чем глубже роют, тем здоровее яма, тем больше в этой яме темных углов и непонятных теней, и тем меньше можно понять.

По-простому. Свобода – это когда можно делать все, что тебе ни заблагорассудится, и ничего тебе за это не будет. Никаких ограничений ни в каких действиях. И что? И тогда, конечно, хорошо. А могу делать абсолютно все, чего хочу.

А чего хочу в первую очередь? А в первую очередь и хочу иметь возможность делать все, что хочу. Свободу.

1. Никто не имеет и не может иметь возможность делать абсолютно все, что он хочет. Невозможно устроить бессмертие себе и всем, кого любишь. Невозможно сделать счастливыми всех хороших и наказать всех плохих. Невозможно провести всю жизнь в сплошном наслаждении и блаженстве. Невозможно создать на всей планете идеальный, по своему разумению, климат. Невозможно стать птицей, звездой, Юлием Цезарем.

В своих действиях человек ограничен как минимум законами природы. Он их познает, использует, расширяет свои возможности. Но в принципе дело не меняется. Возможности всегда ограничены. А желания и мечтания всегда могут быть безграничны.

То есть абсолютная свобода есть абсолютное всемогущество. Вот захотел вывести людей с тремя ногами – и все вокруг побежали на трех ногах. Абсолютная свобода есть неограниченность исполнения своих желаний ничем вообще.

Абсолютно свободным мог бы быть лишь Бог. Демиург, Создатель, Всевышний. Вот все в руке Его. Или Суперволшебник, Верховное Существо, один черт. Вот этот неограничен ничем и может все.

Поскольку Мир, Бытие, имеет некоторые законы своего существования, и вопреки им, по своему хотению, творить ничего невозможно, то никакой абсолютной свободы, как понятно, не существует.

2. Так что «свобода» – понятие условное, относительное. Свобода всегда существует внутри каких-то рамок, границ. Вся разница только в пределах возможностей, объеме, пространстве возможностей, так сказать. Свобода зека ограничена тюремным уставом: в пределах камеры и инструкций он свободен, предположим (в шибко хорошей тюрьме) петь, расхаживать, писать мемуары и т. п. А свобода начальника тюрьмы ограничена уставом Внутренних Войск, Уголовным и Гражданским кодексом, определенным радиусом места службы, выйти за который без разрешения командования он не имеет права, и пр. А свобода президента ограничена Законом страны, политикой и вооруженными силами соседних государств, и пр.

Мало того, что свобода любого человека ограничена законами природы: срок жизни, силы гравитации и т. д. Так она еще ограничена в сфере собственно межчеловеческих отношений.

Извне она ограничена Законом, а внутри личности – Моралью.

А если ты хочешь и рыбку съесть, и на елку влезть? А уж вот-то ни фигя подобного. Жутко тебе понравился редкий автомобиль на улице, а мужик его не продает, да у тебя и денег нет. И либо ограничен ты в средствах и возможностях, нет у тебя такой свободы, чтоб ездить на вожденном автомобиле – либо ты его угоняешь, и тогда в случае поимки огребаешь срок. Это с внешней точки зрения. А с внутренней – либо ты остаешься бедной и моральной личностью, либо ты разбогател на стоимость машины и стал вором, аморальным человеком.

И это вы называете свободой?!

А как же, дружно отвечают спинозисты, экзистенциалисты и еще несколько железных когорт мозгоносителей. Ты ведь свободен поступить либо так, либо эдак, на то уж твоя воля, любезный. Доводя такое представление о свободе до логического завершения, мы должны прийти к анекдоту, где осужденный свободен выбрать между виселицей, гильотиной и расстрелом. Свобода у его есть, тильки очень малёнька.

Итак, под свободой обычно подразумевается свобода выбора – между реально возможными вещами со всеми проистекающими из этого последствиями. Вот тебе, бабушка, и вся свобода. Гм. Иногда довольно грустно быть человеком, господя.

3. Безвыходным мы называем положение, выход из которого нам не нравится, – сформулировал однажды (повторяем) великолепный Ежи Лец.

Поскольку человеку ничто, с точки зрения физических природных возможностей, не мешает покончить с собой, а также со всей своей родней (да и прецеденты случались), и даже со всеми плодами трудов своих, – можно говорить, что у него всегда есть выбор. И то сказать: харакири – акт добровольный, результат свободного выбора между смертью и бесчестием.

Любое желание в своей реализации обязательно приходит к простой дилемме: либо делать так, либо делать этак. Конкретные жизненные точки принятия решений.

Выбор происходит по извечному и несложному принципу: из двух желанных вещей выбирается более желанная; это если смотреть на вещи оптимистически, а если пессимистически – то из двух зол выбирается меньшее.

Вот вам свобода! вот вам там-там! как сказал каннибалам Василий Иванович Чапаев, протыкая себе шкуру гвоздем.

4. Человек делает такой выбор, а не сякой, потому что необходимость есть, сообщают философы. Вот он сознает необходимость и делает выбор под ее давлением, в том и сказывается его свобода. А что такое, чтоб им всем провалиться, эта необходимость?!

Если человек оступился и сыплется с кручи – это необходимость – в том смысле, что уже не обойдешь: сила трения мала, сила противодействия опоры не уравнивает силу земного тяготения, и летишь вниз. Что оступился – дурак, или неумеха, или толкнули, но уж когда полетел – тут ничего поделывать не можешь. Где есть необходимость – там уже нет выбора!

А вот ты с ужасом и отвращением, но исправно работаешь в расстрельной команде: иначе убьют самого и семью в придачу. Можешь выбирать. Выбираешь жизнь. А что, жить настолько необходимо? Хочется, конечно, но многие так не считали, особенно самоубийцы. «Сейчас мне необходимо плыть, а не жить!» – гаркнул Гней Помпей на опасавшегося бури кормчего.

Да в ряде случаев долг, честь, приказ, любовь просто-таки предписывают умереть! Жизнь индивида отнюдь не всегда рассматривается как необходимость. А коли человек всегда свободен предпочесть смерть – о какой такой «необходимости» можно говорить?!

«Необходимость» означает: обязательно надо поступить так-то и так-то. Для чего?! А для того, чтоб получилось то-то и то-то.

О. Это уже ближе. Это не «необходимость». Это целесообразность с точки зрения получения желательного результата.

Питаться необходимо? Только для того, чтобы жить. А если жизнь тебе вовсе обрыдла, можно слечь в депрессии и бросить есть. Коли же тебе жить охота – ты, пусть под мощным давлением инстинкта жизни, начинаешь совершать действия к пропитанию: трудиться над

выниманием рыбки из пруда. Это не необходимость, ты свободен сдохнуть с голоду. Коли решил жить – необходимо есть, коли решил есть – необходимо удить рыбку. Необходимость как составная часть и элемент целесообразности.

Человек свободен: не вылезать из дома, дезертировать из армии, уехать на край света, на всех плевать и всех предавать, испражняться в храме и оскорблять святыни, следовать любому искушению и не следовать никакому человеческому правилу и закону. Может? Может. Сделать выбор и уплатить цену, или попытаться избежать платы.

И только когда желание, хотение, стремление к самореализации и самоутверждению подвигают его на какие-то действия к достижению какого-то результата – он вдевается в цепь необходимостей для достижения этого результата.

Необходимость – это целесообразность для достижения потребного результата.

Сам же этот результат отнюдь не с очевидностью представляется необходимым. Необходимым – для чего? Ну, повесятся все разом – и хрен с ними. Зато, может, будут благородными, высокоморальными, и горя в жизни больше знать не будут.

5. И вот человек, который всегда свободен умереть, который всегда свободен поступить так, а не иначе, – в общем и целом, в суммарном среднем, вечно поступает так, что и сам часто несчастлив, и окружающие бедствуют, и зла в мире полно, и глупостей масса. Дурак, что ли? Свобода делать глупости и вредить себе самому?

В чем видит конкретный человек ограничения своей свободе и диктат проклятой необходимости над судьбой своей горькой и жизнью многотрудной?

Вообще – в Законе и Морали (см. п. 2). Ни украсть, ни гада пристрелить, ни жить себе в свое полное удовольствие без мук совести и общественного презрения. Соотносить все свои действия так или иначе приходится с Законом и Моралью, заразами.

В частности – необходимо трудиться, чтоб жить прилично и семью содержать: пот лить, горб ломать. С начальством ладить, под сильных мира сего подлаживаться. Против господствующего мнения не переть, а то жизнь сломают.

Получается: прагматизм против безудержности личных желаний. Прагматизм против самолюбия и собственного достоинства. Преобладает желание занимать приличное место в людской иерархии, иметь материальные ценности, продлевать род, реализовывать свои возможности и утверждать свою значимость.

А если – вспыльчивый гордец, мстительный хам: избил начальника, оскорбляет все мнения, и вообще в бандиты пошел? Суд, Сибирь. Почему один сдерживается и пашет, а второй не сдерживается и прет пыром? Второй – свободнее, да? не боится выбрать скандал, преступление и даже не боится сесть в тюрьму: необходимость меньше давит на него.

А нам скажут: у него такой характер наглый и горячий, что он раньше или позже нарвался бы на грубого начальника и его пришиб; никак он не мог раньше или позже попасть в такие обстоятельства, а уж в этих обстоятельствах был не волен над своим характером, – так что, строго говоря, не было у него свободы выбора, он таким родился, таким воспитан, в такой стране жил.

В определенных обстоятельствах определенная натура неизбежно поступает определенным образом, так что все это сплошная необходимость, диктуемая обстоятельствами и натурой, а он не властен ни над тем, ни над другим. Нет свободы выбора у бедолаги на деле-то...

А люди скажут: сволочь. А суд скажет: в камеру.

Если он в аффекте, по чистой горячности: ну, не волен в своих поступках, потому что не волен в силе своих чувств. Тут суд людской и государственный может смягчиться: мол, свободы выбора как бы и не было...

А если обдуманно и хладнокровно? Значит, вся его натура такова, что в данной ситуации мог поступить только так. Опять же: вроде, на деле-то у него свободы выбора и не было, видимость одна, а по сути – сплошная необходимость ведь, коли иначе не мог.

А в чем необходимость? Чего стерпеть не мог? Чем руководствовался? Местью, злобой, раздражением, негодованием, справедливостью, гордостью.

А если это вор? Жадностью, корыстью, желанием денег и благ, желанием хорошей жизни. Натура плюс воспитание плюс все условия плюс конкретная ситуация. Почему все не воруют? А люди разные и ситуации разные. Жил честный человек, а сел на должность – и приучили его брать взятки, мало бы кто устоял, власть развращает и т. д.

Что мы всегда имеем? Поступок. Чем определяется выбор поступка в ситуации? Натурой. Одна натура выберет так, а другая – эдак.

А чем руководствуется любая натура в любой ситуации? А тем желанием, которое преобладает. Которое сильнее. (Убить – или продолжать трудиться и растить детей.)

А что значит – более сильное желание? А это более сильные ощущения. А что такое более сильные ощущения? Это большая степень реализации возможностей нашей центральной нервной системы.

При внешней видимости свободного выбора необходимостью мы называем диктующую потребность центральной нервной системы индивида в максимальной суммарной (для него лично) самореализации и самоутверждении.

Обыватель слаб и реализуется через конформизм: жалуется, слушается, наживает добро и растит детишек.

Бандит храбр и нетерпелив и реализуется через войну с законопослушным обществом.

Принципиальный моралист силен духом и реализуется через внутреннюю победу, моральную победу над сильным противником.

И, совершая выбор под диктатом доминирующего желания, каждый платит за его реализацию потерями в других областях.

6. Получается так:

Свобода – это возможность выбора по своему хотению. Эта свобода у человека есть всегда. И каждый сам отвечает за свой выбор.

Выбор реально ограничен только законами природы, против которых не попрешь; эти законы можно только как-то познавать и использовать, и тогда границы выбора расширяются, типа: хочешь летать – изобретай самолет.

Необходимость – это ограничения выбора законами природы. Типа: ты свободен купить любую игрушку – но только из тех, которые есть в магазине.

Все? И весь сыр-бор?

7. Отнюдь. Это только внешняя сторона вопроса. Соотнесение хотения с возможностями и вариантами.

Но. В сугубо конкретных обстоятельствах сугубо конкретный человек (на сей миг именно и во всем такой, каков есть) поступает именно так, а не иначе. Интриган и политик элементарно предвидят свободный выбор многих людей: наобещать, поманипулировать информацией – и толпа дружно и свободно действует согласно прогнозу: голосует, громит, бастует. Они хотят того, что от них требуется. Формирование конкретного хотения через внешнее воздействие.

Обстоятельства в жизни нашей многочисленны и постоянны, и сплошь и рядом от индивида никак не зависят: неурожай, зубная боль, нашего короля оскорбил ихний король, страх наказания и зов долга – и один селянин в результате свободного выбора идет на войну, другой прячется в подвале, а третий подается в лес, в разбойнички. Весь склад природы при столкновении со всем складом обстоятельств диктуют им выбор. Хотение доминирует у каждого свое.

И ни фига они, получается, не свободны в своем хотении. И знает это падла-король! – капралы с палками за строем следят, полицейские ищейки подвалы роют, воинские команды леса прочесывают – чтоб предельно сузить для их хотений границы выбора: армия или виселица.

В самом хотении человек не свободен! Это что значит? Что любой его поступок определен всей его предыдущей жизнью, опытом, переживаниями, темпераментом, интеллектом, внешностью и моралью, наличием родни и друзей; бесчисленными связями связан человек с внешним миром, и бесчисленными связями внутри себя связана структура его личности, и каждый миг – это единственная, особая и неповторимая комбинация всех элементарных частиц, из которых он состоит, и его выбор как результат свободного хотения зависит от всей этой суперсложной комбинации, каковую являет его личность во взаимосвязях со всем миром. О'кей, примерно это – точка зрения фаталистов и детерминистов: все обусловлено и предопределено, и будешь ты делать то, что из всей твоей личности следует, в тех обстоятельствах, которые не от тебя зависят. И никуда не денешься. Судьба, значит.

8. Чем слабее взаимоисключающие желания – тем незначительнее выбор, и тем он свободнее: хотению плевать, убогаторить сытый желудок марципаном или соленым огурцом. Денег полно, люблю и то и другое, некоторое время колеблюсь – и цапаю одно из двух. Ничто над моим хотением не довлеет.

Свобода хотения проявляется в чистой случайности выбора: ну совершенно же мне безразлично, что выбрать.

Когда человек решительно не знает, как поступить, когда его желания того и другого равновесны, равнозначны, – можно кинуть жребий. Вот это свобода! – может быть то, а может быть другое, и с равной вероятностью. Предсказать невозможно, ни от чего не зависит.

Но как только начинается хотение – э, человек ему подыгрывает, следует ему. И чем сильнее желание – тем больше сил прикладывается, чтобы его реализовать.

Чем сильнее желание – тем больше определяется им выбор. Тем меньше человек свободен поступить так либо эдак. Это если ему неясно, что именно ему охота, – он колеблется.

Свобода выбора обратно пропорциональна силе желания. Можно так сказать. В ком страсть бушует и безумствует – тот выбирает только между вариантами, как бы эту страсть полнее удовлетворить, реализовать. Здесь выбор – сродни решению задачи: требование ясно, надо лишь определить самый рациональный путь к удовлетворению.

Полная свобода хотения – это только один вариант: вариант Бурданова осла. Чувство голода и равное расстояние до двух равных охапок сена. Выбор случаен и произволен, и от него абсолютно ничего не меняется. Бедолага осел сдох с голоду, не умея этот выбор сделать. Свобода!

«А по-моему, – философски сказал Боб Тидбол, – дело не в дорогах, которые мы выбираем. То, что внутри нас, заставляет нас выбирать наши дороги».

9. Чтобы разобраться в том, волен или нет человек в своих желаниях – невредно же сначала разобраться, чего он желает вообще и в частности.

Достоевский как-то задумался, что живет вот где-то в глуши человек, и не собирается никогда свою глушь покидать, – а вот запрети ему ее покидать навсегда, и он мучиться начнет из-за этого запрета, несчастным себя начнет чувствовать, хотя ничего в его жизни не изменилось.

В жизни рядового человека ничего, в сущности, не меняется оттого, остается его страна, скажем, дальней колонией Британии или обретает независимость. Тот же труд, те же стихи, те же прогибы перед чиновниками, тот же уклад жизни. Одно название, что свобода и независимость.

Меняется лишь набор теоретических, чисто даже гипотетических возможностей в его сознании. Крестьянину с глухого хутора вовсе не хочется никуда ехать – ему хочется знать, что он может поехать, если захочет. И это знание для него очень ценно.

Свобода – это наличие возможностей. Реализация возможностей отнюдь не обязательна.

Сейчас в России большинство людей не могут ездить по миру. Что значит «не могут»? А денег нет. И некоторые говорят: значит, они не свободны, это только иллюзия свободы, раз все

равно не могут ехать по бедности своей. Оу нет!! Деньги можно заработать, одолжить, украсть, выиграть в лотерею, – просто есть ежедневные и более насущные желания, они же потребности: квартира, дети, одежда, лечение; но если заклинило, засвербило – можно поехать. А вот знать, что никогда тебя власти за границу не выпустят – это совсем другое дело: хоть ты в лепешку расшибись, а мир тебе не повидать. Запрет извне или добровольный отказ на неопределенное время – сугубо разные вещи.

Восстания за свободу совершались ведь не ради еды, одежды или крова. Да во многих завоеванных провинциях народ жил куда лучше, чем в самостоятельных государствах. Так ради чего? А чтоб быть самому себе хозяином, чтоб никто мне не указ ни в чем. То есть: не сметь ставить ограничения моему хотению! Чтоб я мог все, чего захочу: ездить, управлять, праздновать – чтоб я мог сам во всем командовать собой. Ради этого я согласен поголодать, повоевать, пострадать и потерпеть.

Свобода как стремление к своей максимальной значительности. Максимальному самоутверждению.

Свобода – это осознание человеком своего положения таким, при котором он имеет максимум возможностей. При котором только от его свободного хотения зависит реализация этих возможностей.

10. А теперь просьба перечитать:

Свобода – это состояние, при котором человек обладает максимумом свободной энергии и может максимально ее преобразовать.

11. А теперь вернемся к свободе и несвободе всякого конкретного хотения индивида.

В основе Вселенной лежит эволюция энергопреобразования.

В основе истории человечества лежит рост энергопреобразовательной деятельности.

В основе всех действий человека лежит стремление к максимальному энергопреобразованию, к максимальным действиям. Субъективно это проявляется через стремление к «максимальным оптимальным» ощущениям.

И изменить это человек не волен. На то его свободы нет. Это тот самый закон природы, который не обойдешь.

А он и не хочет. Этот закон и проявляется через его субъективные желания. Человек хочет получать удовольствия, быть сильным и красивым, быть здоровым и богатым, жить подольше и поинтереснее. А одновременно и более или менее неосознанно хочет страдать, быть несчастным, влипнуть в разные беды и выпутываться из них: его психике потребны максимальные ощущения и максимальные действия.

Свобода заключается в следовании своему хотению. Чем незначительнее конкретное хотение – тем больше свободы в выборе вариантов. Так реке все равно, куда прокладывать свое русло на плоской равнине. Но в результате извилистое и произвольное русло все равно сбегает вниз, к морю. Точно так же сумма хотений человека сводится к тому, чтобы наощущать и наделать как можно больше за период жизни.

Но с чего бы свободе означать изменение хотения? Почему, для чего, ради чего? С какой стати? Я хочу того, чего я хочу! И чем сильнее хочу – тем сильнее мне потребна свобода исполнить мое желание.

А свобода изменить мое хотение мне на фиг не нужна. Как изменить, куда изменить?

12. Э, нет... Проблема свободы действия и выбора ясна и естественна, так сказать. Любой зверь свободы жаждет – ему тоже потребен максимум самореализации и энергопреобразования. А вот проблема свободы воли, то есть свободы хотения, возникла по той причине, что обладающий разумом человек давно призадумался: чего ж это он хочет сплошь и рядом того, от чего самому же потом и плохо?

По своему хотению неким образом люди войны затевают, глотки режут, горбы ломают и пупы рвут. По своему хотению страдают и делают гадости. И не хотят, вроде! – а хотят! Как-

то в результате хотений выходят гадости против хотений. Тут и зашла речь о том, что, может, неволен человек в своих хотениях, вот такова его натура, а вообще все предопределено.

Какова роль разума в координации хотения? Насколько разум над ним властен?

Если бы он был вовсе властен – мы все были бы счастливы: мы ведь обычно знаем, как надо жить, чтоб все было хорошо, и охотно учим этому других... только вот у самих не очень получается.

Если бы он был вовсе не властен – мы бы тут же разбивали обидчикам головы палками и камнями и тащили к себе все, что хочется, прямо и честно.

Все желания наши идут не от разума. Идут они от ощущений, оформляемых в желания. Вот разум и оформляет наши ощущения в желания все более изощренные и условные – и всячески ищет и строит пути и способы удовлетворения этих желаний. И он способен отказаться от ближнего желания ради дальнего – что означает отказ от меньшего ради большего. Он может давить искушения ради большой цели – подавлять менее сильные ощущения ради более сильных.

Разум определяет «тактическое» хотение, подчиненное генеральному, «стратегическому». А «стратегическое» – это стремление к предельной самореализации и предельному самоутверждению: что в конечном, суммирующем, общечеловеческом плане означает максимальное энергопреобразование мира.

Разум лишь определяет пути к вершине, а вершина – это перечувствовать и переделать в жизни самое большое, на что ты способен. Изменить это положение разум не в силах. Это уже тот самый закон природы, который есть необходимость.

Человеку глубоко наплевать на этот закон природы. Он хочет делать то, что он хочет. У каждого есть свои личные цели и желания. А вот через это свободное хотение, через личные цели и желания этот закон природы и проявляется. Ты можешь его осознавать сколько влезет – и все равно: что бы ты ни делал – мир ты будешь преобразовывать. Это и есть жизнь.

13. Субъективно, психологически, индивидуально – человек свободен. Сам хочет – и сам пусть отвечает.

Объективно, в среднем, в сумме – человек несвободен. Он выполняет свое предназначение во Вселенной, и изменить его не может, как не может изменить свою собственную сущность: все, что он есть, проистекает из этой его сущности.

Вот эта объективная общечеловеческая и среднечеловеческая необходимость в рассуждениях о свободе как бы остается за скобками, не учитывается и никак не может учитываться в каждом конкретном человеческом случае.

Раз человек может покончить с собой, уйти отшельником в лес, противостоять в одиночку тоталитарному режиму – ну так никому не возбраняется делать по своему хотению при участии своего разума любой выбор. И будьте все хорошими, падлы, потому что вы можете.

Но. Но. Это свобода мыслящих капель, которые стекают по стеклу разными путями, хитрыми и извилистыми, но все равно стекают в одном направлении. Некоторые ползут вбок, некоторые на время – чуть ли не вверх. А результат один. Только вместо гравитации они при этом увлекаемы хотением и корректируют свои маршруты разумом. А при этом – разборки промеж себя, споры, одних ставят в пример другим: вот эта же капелька поддала вбок-вверх, ну так и все могут! почему нет?..

Еще раз. Человек не в состоянии осознать ту необходимость, которая им властвует, потому что эта необходимость проявляется через его свободу – через его свободное хотение и свободный выбор. Каждый индивидуальный выбор свободен!!! Но в каждом индивидуальном выборе всегда присутствует, подобно магнитному полю, влияние всеобщего и постоянного фактора на твое хотение – стремление наощущать лично тебе как можно больше в жизни, и переделать всего от тебя лично зависящего как можно больше в жизни, и все человечество через это делает все больше и больше в этом мире.

Повторяю. В каждом конкретном случае каждый конкретный человек способен этот общий фактор преодолеть – и хоть повеситься, хоть в святые пойти. Но поскольку фактор этот постоянен и неубираем, то в сумме он всегда работает в свою пользу. (Это как в казино: ты всегда можешь выиграть, но сумма вероятностей складывается в закон больших чисел, и по этому закону в общем выигрыше всегда остается казино.)

Ты свободен выбирать что угодно. Но твое свободное хотение всегда, всегда «подправляется» инстинктом жизни и в нем реализуется тот избыток энергии, который есть суть человека.

Слава

К тому времени господин Мольер с некоторым удивлением убедился, что слава выглядит совсем не так, как ее обычно себе представляют, а выражается преимущественно в безудержной ругани на всех углах, – справедливо отметил Булгаков.

Яркая заплатка на ветхом рубище певца, – хмыкнул не без романтизма Пушкин.

С детства я мечтал о том, о чем мечтают все мальчишки – о славе (и о любви), – честно вздохнул Томас Вулф.

И прославленным в веках остался пострадавший по собственной неквалифицированности Икар – несправедливо затмив в людской памяти надежного пилотагу Дедала, сумевшего без летных происшествий дотянуть до цели, – саркастически пожал плечами испытатель-ас Марк Галлай.

Но скрипит карета: «Слава, слава...» Сочтемся славою, ведь мы свои же люди.

Хотим-хотим-хотим!

1. В 356 г. до Р. Х. Герострат сжег храм Артемиды Эфесской. Это знают более или менее все.

Что храм через двадцать лет был полностью восстановлен, простоял еще шесть веков, пока не был разрушен готами, и только еще век спустя был окончательно прикрыт императором Феодосием – известно как-то менее; это уже не так интересно.

А имя того, кто построил другое чудо света, Александрийский маяк, вполне сохранившееся, и вовсе не дотягивает по знаменитости до уничтожителя славного храма. Так чего вы хотите – справедливости? логики? заслуженной славы или согласны на любую?..

Кто строил храм Артемиды – помните? А кто восстанавливал – помните? Ну-ну... А ведь эти имена история тоже сохранила.

«Забыть Герострата!» – постановили суд и общее собрание Эфеса. «Замучитесь забывать», – прошептал поседевший под пытками Герострат. И он оказался прав.

Приговор суда был беспрецедентно остроумен и справедлив: лишить злодеяние смысла! Судьи тоже понимали в славе и категорически не хотели оставлять ее Герострату. Так сильно не хотели, что именно благодаря знаменитому приговору мужик и прославился. Кто сжег Александрийскую библиотеку? Кто сжег Москву? И вообще – кто утопил Атлантиду? Чем меньше шуму вокруг конкретного имени – тем меньше и славы.

Герострат не сделал ничего хорошего. И даже ничего уж очень ужасного: не Ирод все же, младенцев не губил, людей не резал.

Он сделал н е о б ы ч н о е. И всего лишь – всего лишь! – вызвал много шума и задел воображение. Вот ни с кем в истории его не перепутаешь. Золотая страница Книги рекордов Гиннеса: сжечь одно здание (без человеческих жертв, без войны, без лозунгов и демонстраций) – и навсегда войти в историю наравне с величайшими воителями, учеными, изобретателями и путешественниками.

Как вы думаете – войдет в историю парень, который завтра взорвет взрывчаткой на мелкие крошки пирамиду Хеопса? Не сомневайтесь.

Дети: так что же такое слава? и на кой черт она нужна?

2. (См. «Все о жизни», Ч. 1, гл. 2, п. 6, «Слава».)

3. Человек самореализуется – проживает свою жизнь настолько полно, насколько может. Меря свою самореализацию относительно других людей – самоутверждается через поступки: я делаю, вот что я могу, вот чего я стою. Я крутой? я значительный? а, как вы думаете, я ведь много стою, да? ну скажите же, что это так!

Слава – это внешнее, стороннее подтверждение значительности человека – для него ценное, лестное, нужное; он хочет быть значительным, и его уверяют – о да, ты значительный. Хорошо.

4. *Гордость* – это такая степень уверенности в своих высоких достоинствах и возможностях, уверенности в значимости собственной личности, что никакие внешние порицания или хвалы ничего не меняют в самооценке человека. Он знает себе цену, цена эта высока, и подите все к черту. Гордый человек внешне может быть очень скромным: да я и так выше вас, я собой и так доволен, и есть чем: и это настолько бесспорно, что ваши мнения мне до фени. Мне даже приятно делать вид, будто я такой же, как вы все – по контрасту со своим поведением, внешне выражающим якобы мое с вами равенство – да я внутренне кайфую от того, насколько я на самом деле выше; внешней скромностью я сам себе подчеркиваю, насколько я на самом деле выше – и в любой момент могу это явить, показать. Это огромное внутреннее превосходство истинно гордого человека служит для него, при скромном поведении, источником сильного наслаждения.

Своей скромностью он играет с окружающими, как сытая кошка с мышью. Он растягивает удовольствие до бесконечности. Он постоянно держит в кармане возможность показать всем, что он значительнее. Он не может уронить и умалить себя никакой скромностью, никакой простотой – да он настолько выше, что не нуждается ни в какой атрибутике.

Это просто верх гордости – отказываться от любых внешних почестей и признаний. Это уже максимум того, что может быть – вот мог бы иметь черт-те какие почести, так мне и этого мало: я словно издеваюсь над незначительностью окружающих, притворяясь таким же, как они; да кто они такие, мелочь несчастная и малоразумная, чтоб пытаться сделать мне приятное своими глупыми суждениями.

Вопрос: так зачем же и гордый человек равнодушен к славе? Почему он хочет стоять высоко в мнениях людей, чьи мнения презирает?

5. *Тщеславие* же изо всех сил старается произвести впечатление на окружающих и отчаянно боится хоть чем-нибудь уронить себя в их глазах.

Тщеславный человек может быть пуст и неуверен в себе, и тогда высокой внешней оценкой он жаждет компенсировать низкую самооценку, корректировать ее в сторону повышения и вообще принимать за истинную. Падок на лесть и почести. Я хочу быть как можно значительнее, а эту значительность определяю через мнения и оценки других.

И однако. Тщеславный человек может быть умен и даже талантлив, может быть силен и красив. Богат может быть. Но он придает очень большое значение любым внешним проявлениям и свидетельствам своей значительности – вплоть до смешных и незначимых мелочей и откровенной и грубой лести. Не менее ли он богато и модно одет, чем кто-либо из окружающих? На лучшее ли место его усадят? Отдадут ли ему почести, подходящие его рангу и достоинствам?

Он стремится не просто к славе – он болезненно чувствителен к мельчайшим ее проявлениям, ему потребно в любой ерунде подчеркивать свою значимость.

Он готов врать, приписывать себе чужие и вовсе не существующие заслуги, носить фальшивые или одолженные драгоценности, выдавая их за свои, и вообще всеми способами и каждый миг демонстрировать окружающим свою значимость.

Он настолько жаден до славы, что не в силах удержаться, чтобы не собирать бережно в ладонь мельчайшие ее крошки.

При этом он готов на тяжкие лишения, готов терпеть бедность, голод, унижения, – лишь бы эта теневая сторона его жизни была скрыта от посторонних глаз, и все это ради того, чтоб пускать пыль в глаза. Зачем?

6. *Честолюбивый* отличается от тщеславного только масштабом устремлений. Крошки его не интересуют, хотя обиды помнит и переживает, если где почестью обошли.

Он хочет летать высоко, срывать лавровые венки и орации, быть главным, вершить судьбы: пусть дела его будут всем явны, пусть имя его не сходит с уст, а судьба вызывает зависть.

Это высокая степень потребности в самоутверждении – которое, опять же, неразрывно связано со сторонней оценкой, с мнением людей, которые будут смотреть на него снизу вверх.

Прибегая к нехитрому сравнению, если честолюбие – это Наполеон, то тщеславие – это африканский царек, щеголяющий в мундире французского капрала и гордящийся крестом Почетного легиона.

7. Ни гордость, ни тщеславие, ни честолюбие в чистом виде, разумеется, в природе не разгуливают и в конкретных носителях не воплощены. В каждом есть и то, и другое, и третье, – в разных пропорциях. Разделение этих понятий отчасти условно: удобно.

И все это так или иначе входит в понятие, которое можно назвать – славолубие.

Людей, вовсе равнодушных к славе, не существует.

8. Честолюбивый скажет: воздайте мне по заслугам! Они есть, я совершил, я предъявляю: мне причитается! И я буду прикладывать усилия не только к свершениям, но и к получению почестей, соответствующих этим свершениям: я хочу войти в славу!

Тщеславный скажет: воздайте мне! У меня тоже должны быть заслуги, а если нет – я их найду, придумаю, проташу... в конце концов, это не так важно, внутри-то себя я согласен на славу без заслуг, а вообще-то давайте говорить о моих заслугах, вот они как будто и будут. Раз все считают и говорят, что заслуги есть, – значит, все в порядке, чего еще, слава ведь и заключается в говорении и превознесении заслуг, все так делают, этого всем охота, а уж мне особенно.

Гордый скажет: стану еще я перед вами унижаться, говоря о своих достоинствах и заслугах, если вы сами их не видите и не можете оценить... тупицы и быдло, вечная история. Увидьте же их, жлобы! Мне плевать на ваши мнения и вашу дурацкую условную иерархию – но по сравнению с прочими мое место высоко, очень высоко... А! вы увидели? заметили, оценили? наконец-то. Я хочу славы, но сначала сделаю вид, что мне на нее плевать, только бы не наплевать слишком густо – а так, для вида, чтоб показать свою небрежность и равнодушие к этому делу. Я даже согласен на всякие закулисные ходы, но чтоб внешне это выглядело, что славу мне поднесли на тарелочке с голубой каемочкой.

Отметим: даже умный и гордый, сознавая скоротечную бренность славы людской и пустое ничтожество тех, кто славит его, все-таки хочет славы. Уж ему-то зачем?

9. Что же такое эта чертова слава – кроме уже сказанного в пп. 2, 3 как самоутверждение через стороннюю оценку, через занимание высокого места в «неформальной» иерархии человеческого сообщества?

О. Приостановимся-ка на миг на этом. Усечем. По любой иерархической лестнице карабкаться довольно долго. А славу можно добыть одним ударом. Запрыгнуть сбоку да на самый верх. Слава ставит героя выше губернатора.

Слава ведь, надо заметить, переводима в материальный эквивалент денег, возможностей, власти. Это капитал своего рода! Тебя примет правитель и может последовать твоей просьбе: да за такую встречу деловые люди дают миллионные взятки. Политики платят тебе, чтоб твое мнение работало на их программу. Рекламщики платят за использование твоего имиджа в рекламе, а журналисты платят за интервью – это вздувает тираж газет, поднимает рейтинг передач.

То есть: *слава имеет такой аспект, как большая реальная значительность в реальных делах.*

Слава как реальная ценность, реальная величина. Вот вам и эфемерность.

Стремясь к славе – человек вольно или невольно стремится к такому положению, в котором он силен, значителен, многомогущ. Эге!

10. Но поэт готов душу заложить дьяволу и сдохнуть в нищете (что типично и происходило), лишь бы прославиться своими стихами. Певец, артист, вообще художник; да и спортсмен; да и много кто.

Блестящий врач, воротила-банкир, лауреат-ученый – ну просто что-то в лице у них вздрагивает радостно, если знаменитый журналист или тем паче телеведущий приглашает их «на публику». Все норовят книги писать, фамилию свою на обложках видеть, а рожу – в телевизоре. Ни денег, ни возможностей им это не прибавит. Славы хотят в чистом виде.

(Здесь необходимо сделать следующее отступление. Если человек хочет одного – а на самом деле, подсознанием и существом своим, стремится к другому – так это дело обычное, как мы давно выяснили еще в первой части. Что человек стремится «просто к славе», а на самом деле стремится к такому положению, где его реальные возможности и реальная значительность будут гораздо выше – это на данном этапе рассуждений вещь уже почти самоочевидная. Но не исчерпывающая вопроса.)

Что такое слава в чистом виде?

В «грязном» (полном, комплексном) виде – это значительность: поклонники и влюбленные, значительность сексуальная; возможность влияния на массы и на власть имущих, возможность влиять на судьбы страны, возможность иметь много денег и машин, видеть мир и испытывать разнообразнейшие впечатления и ощущения. Резкий подпрыг самореализации, самоутверждения, полноты жизни. Но это – в аспектах, проявлениях и следствиях. О'кей. А без них, голенькая, сама по себе?

Это значит: люди о тебе знают. Ты занимаешь какое-то место в их памяти, мыслях, чувствах. Ты вызываешь у них какие-то мысли и ощущения. Ты присутствуешь в их эмоционально-интеллектуальной сфере. Твой образ является частью их мира. Твой образ является одним из возбудителей для их центральной нервной системы. Твой образ есть какая-то часть действия, функционирования, жизни их центральной нервной системы.

Картина: миллионы мозгов, как миллионы солнц под черепами, и в каждом пылающем шаре – одинаковый крохотный протуберанец среди многих разных: это ты!

А это страшная сила. Это страшная энергия. Ничего более энергетически мощного, емкого, безгранично перспективного, чем человеческое сознание (имея сейчас в виду центральную нервную систему в совокупности всех функций) мы на сегодняшний день просто не знаем.

Если разум, как мы говорили, – это высший вид энергии, энергия второго рода, то владение и управление этими разумами, влияние на них – это самая высокая степень этого высшего вида энергии. Человек силен наличием и использованием своего мозга, а сверхчеловек – использованием и влиянием на мозги многих людей. (Тысяча танков – и парнишка с рацией в бункере, который этими танками управляет, – примерное сравнение.)

Слава в чистом виде – это колоссальное энергетическое воздействие на мир. Это манипулирование энергией второго рода – энергией центральной нервной системы многих людей.

В славе ты изменяешь мир наивысшим образом: изменяя сознание людей, которые изменяют этот мир. Если назначение человека – оставить след в этом мире, ходульно выражаясь, то оставить след в сознании людей, которые оставляют след в мире – это уже сверхназначение. А изменяешь ты эти кучи индивидуальных сознаний уже фактором своего вторжения в них, своего наличия в них. Ты вошел в их субъективный мир – ты изменил мир для них, изменителей и преобразователей.

Слава – это высшая форма энергопреобразования. Высшая форма воздействия на мир, преобразования мира. Ничего себе. А вы что думали, граждане и неграждане.

11. До сих пор люди этого не знали. Но всегда чувствовали и инстинктивно стремились. Эти люди – они вообще всегда все, что надо, чувствовали и инстинктивно стремились. Наше дело – только понять и объяснить.

Вот потому одаренные и талантливые, энергичные и честолюбивые, они клали жизнь ради славы, почитая ее выше всего. Правильно почитали.

Ибо *стремление к славе – это стремление к максимальному действию из максимальных*. Ибо слава – это состояние твоего максимального энергетического воздействия на систему «ты – мир».

Пусть нищ, пусть увечен, но слава все искупает и покрывает: ты сделал максимум в жизни.

12. А вот теперь вернемся к тщеславцам и честолюбцам и отделим один от другого два вида славы: один, который базируется на чем-то, каких-то очень незаурядных свершениях – от другого, который ни на чем не стоит, а представляет собой «наведенное мнение», писк моды, «раскрутку дутика».

Вообще вариантов три. Сделать дело и прославиться. Сделать дело и не прославиться. Не сделать дело и прославиться. Можно еще и не делать, и не славиться, но это уже к разговору о славе отношения не имеет.

Слава, базирующаяся на крупном свершении, сравнительно прочна и долговечна. Поступок говорит сам за себя. Такую славу обычно называют заслуженной.

И однако можно совершать поступки, казалось бы заслуживающие славы по всем, так сказать, параметрам и признакам, – а славы не снискать. Не то люди глупы, не то думают о другом и не обращают на тебя внимания, не то рожа твоя им противна и жизнь неинтересна.

А можно быть совершенной заурядностью, но уметь устроиться так, чтоб все о тебе говорили: это наука отдельная.

В наш век развития средств массовой информации создание славы кому-либо стало отраслью бизнеса: свои приемы и закономерности, свои принципы вложения и отдачи средств. Упрощенная модель – это покупка прессы, создание имиджа и вчечанивание в мозги масс информации и образа прославляемого. А там – избиратели голосуют за политика или зрители ломаются на концерты вновь надутой «звезды».

Костюм. Лицо и прическа. Манеры и хобби. Биография и семья. Похвалы и уверения в значительности новой фигуры. Все это внедряется в сознание человека толпы, потребителя. И все уже новую звезду знают. Вот вам и слава. При этом звезда может быть достаточно заурядна – а большинство потребителей этого все равно не понимает, не различает.

Завтра ее заменят другой звездой – и прежнюю никто не вспомнит.

Слава есть – а базы нет. Идеальная величина, существующая только в сознании людей. Сродни наркотику, гипнозу, внушению. Внушение производится искусственным порядком – через «внушителей». Сняли внушение – кончилась и слава. А сам по себе человек и его действия никому не интересны.

А если, значит, человек и его поступки привлекают внимание сами по себе, не раздуваемые чужими мнениями, то здесь хоть раздувай, хоть не раздувай – Александр Македонский в рекламе не нуждается.

Вроде как стоит реальный предмет – и будет стоять. А рядом – голографическое изображение другого предмета: электричество отключилось – и нет больше голографии.

Короче, слава настоящая и дутая.

Увы, все чуть-чуть сложнее...

13. Фокус в том, что даже при заслуженной славе образ героя отделяется от реального и становится легендой: образом идеализированным, приукрашенным и условным. И этот образ в сознании людей начинает жить своей собственной жизнью – и эта его собственная жизнь подчас начинает не иметь ничего общего с реальным героем. Людское воображение, чаяния, представления о жизни трансформируют образ героя так, что он сам себя может не узнать.

Подобно тому, как вьюнок взлетает вверх и вкось по стене, цепляясь за малейшие неровности и далеко в сторону уходя от своего корня – а потом тень этого верхнего цветка вьюнка

далеко отстоит и от него самого, и от корня, – так и слава, тень поступка в воображении людей, весьма косвенно прицеплена к своей настоящей причине.

Не поступок и герой, но образ поступка и героя в воображении людском – вот что есть слава.

А тогда возникает резонный вопрос: если в сознании сформирован образ – то не все ли равно, как он туда попал: через самостоятельное впечатление от поступка или через внушение?.. Проходит время, увеличивается дистанция, и уже невозможно различить: что было на самом деле, а что придумано.

14. «Заслуженная» слава может быть названа «реальной»: это реакция людей на значительный поступок, свершение, – будь то завоевание страны или открытие Америки, создание шедевра или научное открытие. Десятикратный чемпион мира и супер-предатель, погубивший родину, баснословный богач и сводившая с ума континенты красавица – есть чем потрясаться и о чем говорить; слава.

Но кто боролся с тем чемпионом? кто целовал ту красавицу? кто считал те миллиарды? Молва и игра воображения... И всякий представляет это себе немного иначе, по-своему.

Нам не нужны лысина Цезаря, длинный нос Клеопатры, узкие мокрые губы и геморрой Наполеона. Нам не нужно знать, что Михайлов пел лучше Шаляпина, а Робин Гуд стрелял из лука не лучше многих хороших стрелков. Изольда и Джульетта обязаны быть неслыханными красавицами, а Крез пусть хоть треснет – но будет богаче султана Брунея и Билла Гейтса вместе взятых.

Слава имеет ограниченное число пьедесталов в нашем воображении. И пьедесталы эти определенной и немалой высоты. И уж тот, кто попал в наш Пантеон Славы – водружается нами на эти пьедесталы и обязан соответствовать.

А попадают туда – образы, образы, образы!!! И если этот образ создан искусственно, но хорошо надут и раскрашен, и внедрялся в сознание масс долго и упорно, долго и эффективно, долго и тщательно, долго и убедительно – так, что стал уже в нашем сознании реальнее многих реальных людей, – ну так и хана «справедливости», долгая слава ему обеспечена. Он хорошо встал на пьедестал, он нас устраивает, он нам нравится: где-то там далеко внизу и сбоку он как-то соединен со своим реальным корешком, а поверху – замечательная легенда. Что и требовалось. И вот что такое слава.

15. Никто не достиг бы славы, если бы людям не требовались герои и кумиры. Что в них привлекательного? А причастность к их величию. Сотворив себе кумира, человек как бы ориентирует стрелку своего маленького личного компаса по большому компасу кумира: признавая его величие, восхищаясь им – он разделяет его взгляды, стремления, страсти, он как бы присоединяется к его войску в некоем идеальном пространстве. Признавая его славу, человек как бы и себя осеняет маленьким краешком этой славы – и встраивается в большой отряд его почитателей: нас много, нас объединяет понимание и признание этого величия, мы представляем собою немалую силу. Человек уподобляется своему кумиру тем, что, признавая и восхищаясь, он и себя представляет таким же, только меньше и слабее: он гигант, он смог, – я не гигант, но я хотел бы того же самого, и я тоже хоть кое-что могу, в воображении своем я к нему приближаюсь: и я значителен тем, что являюсь пусть очень слабым, но его подобием. Он – часть моего мира, и неслабая часть, и через то, что он вообще существует, мой внутренний мир богаче и сильнее.

Герой и кумир – это духовный лидер. И этот лидер объединяет нас через признание его славы и его достоинств. Из разрозненной мелочи пузатой мы превращаемся в организованное и направленное сообщество, группу, народ: наши представления ориентируются и складываются воедино вслед за Ним, его достоинство подтверждает и наши достоинства – мелкие, но сходные с его. Причащаясь величию, мы обретаем часть этого величия для себя. Мы не чужие, не пасынки славы и величию – мы понимаем, разделяем, посылно соучаствуем.

Словно энергия кумира немножко перетекает и в почитателей, в фанатов, последователей, поклонников.

И если ты задеваешь моего кумира – ты оскорбляешь меня лично: значит, я глуп и плохо разбираюсь в вещах; значит, я слаб духом и восхищаюсь только потому, что мне потребно опереть об кого-то свой дух; значит, я мелок и напрасно пытаюсь осознать себя частью сообщества, сильного своим единством в некоторых представлениях о жизни.

Слава героя как символ единства и силы массы.

Кумир означает: вот что люди могут! Я поклоняюсь ему и тем самым вхожу кирпичиком в пирамиду, вершиной и острием которой является Он.

Вот почему людям нужна чужая слава. Приятна, желанна.

(А какова отрада многих – сказать небрежно и гордо: да мы с ним по корешам, да мы вчера пили, да мы вместе учились, и вообще, как из этого следует, у нас с ним много общего, он признает меня кое в чем почти равным себе, т. е. я тоже вообще-то почти ого-го.)

Так что поклоняться, восхищаться, прославлять, признавать и проповедовать чье-то высокое и безоговорочное превосходство – это потребность большинства людей.

Эта потребность есть всегда. И ищет, на кого обратиться.

16. Поэтому на протяжении жизни одного поколения герои и кумиры могут сменяться несколько раз. Фигуры условны – отношение к ним то же самое, просто переносится с одних на другие.

«Где, укажите нам, отечества отцы, которых мы должны принять за образцы????!!!»

Рыцари ЧК заменяются столь же сомнительными рыцарями Белого движения. Талантливые бандюги-коммунисты заменяются морально приличным, ничтожным и бездарным царем. Маяковский и Багрицкий заменяются на Пастернака и Мандельштама, конструктивист Брюсов утоп под грузом декадента Гумилева, Евтушенко и Вознесенского скрыли под помостом, на который торжественно водрузили Бродского.

Не анализ свершений – но символ веры. Не воздаяние по заслугам – но навешивание своих потребностей в кумире на подходящую сегодня фигуру. А какая в сущности разница, да? Читая любимым девушкам и друг другу «стихи гениального поэта» – просто прицепляют собственные чувства к подходящей внешней точке.

17. Во многом слава – аналог власти (см. «Власть»).

18. «Культовая фигура», «секс-символ» и тому подобные раздражающе кретинские формулировочки нашего времени означают: так, есть свободный пьедестал для славы – ну, ребята, поглядим-пошарим, кого можно сунуть на это место: это ведь бизнес, бабки, туры и сборы. Так сверху по разнарядке спускают орден, и уже потом ищут кого поподходящее назначить в орденосцы: не пропадать же награде зря, подвигов, может, ни за кем и не числится, но уж кого-нибудь подходящего мы сейчас героем объявим.

19. Но при чем здесь Герострат? А при том, что слава и известность часто употребляются как синонимы. Побольше шуму, запасть в сознание, а уж как к тебе относятся – это неважно, главное – что знают. Сейчас я пристрелю битла, зато прославлюсь. А еще лучше – короля, президента, Папу Римского. Поступок! Шум, память! Они вон чего сделали – а я их убил и тем самым прилип к их славе намертво, во.

Скандалы, постельные подробности, дикие выходки – что угодно, лишь бы вылезти на глаза и напомнить о себе.

Сегодня Пугачева уже совсем, бедная, не может петь – но отчаянный шум вокруг себя производит всеми способами. Трудно так сразу назвать в русской культуре явление более позорное, чем мальчиково-миловидный и стройно-пухленький юный певец и годящаяся ему в мамы крутая деляга-певица, в рекламных целях торжественно венчающиеся в Петербургском соборе под патронажем мэра, известного демократа и мецената. Деньги не пахнут, но пахнет слава – чем?.. тем.

20. Самая просто достигаемая слава – отраженная. Стань тележурналистом и приглашай в собеседники каждый день другого великого человека. Через полгода все будут понимать, что ты более велик, чем все они, потому что они появляются на экране редко и говорят каждый о своем, а ты торчишь в нем каждый день и говоришь каждый день о разном. А что ты дурак – это мало кому видно; дурак-то дурак, а свой тридцатник в день имеет.

Свет отраженных звезд.

Можно ли бревно в глазу считать звездой первой величины? Можно, если оно торчит из телевизора.

И тогда начинаются прелестные казусы: одна «телезвезда» приглашает на беседу в экране другую «телезвезду» – а сказать-то им и нечего, ибо из себя они ничего не представляют. Они мучительно мычат, с готовной и дружеской заботой поддакивая друг другу. Встретились два зеркала – а отражать-то и нечего.

И это тоже слава, а фиг ли.

21. Слава – это ведь не понимание или оценка аналитика, а легенда, легенда же создается по своим законам и есть продукт отдельного и специального творчества.

Нужен образ, нужна судьба, – нужно правильно бросить в раковину общественного мнения те песчинки, на которые моллюск людской массы и наматывает свои жемчужины, – будучи уверен, что эти жемчужины он получил в готовом виде.

Власть

Нет таких преступлений, которые не совершались бы ради власти. Убивали отцов и матерей, детей и братьев, своих людей без счета и чужих без меры. Вожди, цари, султаны и императоры понимали толк и вкус в этом деле. Шнурок на шею, камень в воду, голову на плаху и яд в стакан. Большая власть всегда стоит на крови – явной или тайной: чем выше к вершине пирамиды – тем беспощаднее конкуренция.

Но и на нижних уровнях – доносы, связи, подсижки и посадки. Всегда в избытке желающие занять место самого мелкого начальничка.

При этом достаточно понятно, что счастья власть не приносит. Она подобна скорее наркотику, чем лакомству: привыкание наступает быстро, и наслаждение обладанием тотчас сменяется разнообразными муками: страх потерять, трудность удержать, необходимость соблюдать массу процедур и выполнять кучу часто неприятных обязанностей; и чем больше ты делаешь, тем больше препятствий, несуразностей и всяких раздражающих моментов.

Ан – лезут! лезут!

Если считать благом доброту, совесть, душевный покой, любовь, уверенность в завтрашнем дне и предельную свободу в поступках и проявлениях чувств – то во власти ловить нечего. Властитель, чем выше стоит – тем в большей степени раб своего положения, и все его действия должны быть направлены к сохранению и упрочению своей власти, а то скovyрнут. Династические браки, политические дружбы, военные союзы и экономические решения: и окружение должно состоять из нужных и полезных людей, а не хороших и симпатичных.

Над феноменом власти люди ломали головы всю дорогу, в основном на тему: ну почему же никак нельзя обойтись без сволочизма и злоупотреблений. Или: почему правитель явный дурак и ведет дело к гибели, как же так, ведь всем видно. Итак:

1. В чем объективная сущность власти? Это самый простой вопрос. В координации усилий для совершения сообща максимальных действий. Чистый опыт: бригада шабашников на работе, никаких формальностей не требуется, все равны, причем честны, умелы, и командовать нечего. Ан – выбирается старший, причем даже тогда, когда старшим быть никому неохота. В любом деле неизбежны какие-то вопросы, неувязки, разногласия, и по каждой мелочи устраивать общее собрание с разборкой и голосованием – и невозможно, и не хочется. Дело должно идти рационально, слаженно, для этого кто-то поопытнее и поумнее должен как бы чуть со стороны и сверху держать в виду весь процесс, и чуть сбой, или чуть видна возможность улучшения дела путем какой-то перестановки людей либо прибавки-убавки-изменения каких-то действий – руководитель первый это видит, понимает и дает распоряжения.

Характеры у людей разные, воззрения на мир могут быть разные, а понятно, что действовать надо воедино, – и вот люди как-то оговаривают общие правила действий, или даже просто себе их ясно представляют, если они несложны и очевидны, и для объединения себя в единую эффективную систему выбирают главного. И сами уславливаются в каких-то рамках его слушаться.

Структурирование сообщества. Сложить хаос в систему. Выдать максимальную равнодействующую разнонаправленных векторов сил, ориентировать эти векторы в одном направлении, вроде стрелочек компасов.

И чем экстремальнее ситуация, чем больше суммарное усилие необходимо развить – тем больше роль руководителя. Абсолютный пример – македонская фаланга: способна передавить и переколоть рассеянных противников без числа, но необходимо мгновенное и всеобщее исполнение единого приказа всеми шестнадцатью тысячами фалангистов, сила фаланги – именно в полной согласованности каждого шага, поворота, действия.

«Лучше сто баранов, предводительствуемых львом, чем сто львов, предводительствуемых бараном», – справедливо сформулировал Наполеон, вполне понимавший во власти и войне.

Команда дворовых пацанов, шайка бандитов, пиратский экипаж, экспедиция в пампасы, – требуется объединение усилий, для чего требуется централизация управления. Мы, значит, сложим себя в боевого слона, но кто-то должен быть слоновожатым – управлять, направлять, прищипывать, говорить кого бить и куда бежать.

Оркестру нужен дирижер, короче. А вооруженной толпе – командир, чтоб дивизия не стала стадом головорезов, которых перебьет по частям одна штурмовая рота. А городу – голова, староста, комендант, мэр, или как там его называют. А государству – король, премьер, президент, генсек или лорд-протектор. Армия, полиция, чиновники, крестьяне, ремесленники, торговцы, судьи, и должен быть общий координационный центр – а самими координаторами тоже должен кто-то руководить, хотя бы на ограниченных договорных началах. Ну хоть временно, посменно, до выборов.

Объективная сущность власти – в централизации для совокупного совершения максимальных действий. В результате действие получается более значительное, чем если – кто в лес, кто по дрова.

2. Субъективная сущность власти. А тоже не сложно. Стремление индивида к своей максимальной значительности через совершение максимальных действий и через максимальное признание значительности своей личности всеми окружающими.

а). Интенсивный уровень. Внутреннее осознание лидером себя и своей роли. – А я крут, круче всех. Все мне кланяются, уважают, побаиваются, я имею право на первый и лучший кусок. Казню, милую, приказываю. Да я достиг в жизни максимум того, что вообще возможно, выше уже некуда, я могу делать больше, чем любой из людей. Если мерить свою самореализацию и самоутверждение через других людей, относительно них, – да это предельная самореализация и предельное самоутверждение. Инстинкт жизни проявил себя настолько полно, насколько вообще было возможно, – если, значит, пользоваться окружающим людским масштабом, которым человек и пользуется всегда. Я – номер первый, чемпион, победитель! Кайф.

б). Экстенсивный уровень. Уже не уровень субъективных ощущений, а уровень объективных действий властителя. Реальная значительность властителя огромна – ибо по своему усмотрению, желанию, приказу он может задействовать огромные людские массы со всеми их мозгами, силами умственными и физическими, наукой, техникой и деньгами. Античный раб совершает действия только посредством своей мускульной силы. Крестьянин – посредством также пары рабов и пары волов. Экскаваторщик подключает энергию сгорания солярки и посредством машины роет больше сотни крестьян с их двумя сотнями рабов. Властитель же роет канал посредством сотни экскаваторщиков. Строит город посредством десятков тысяч ремесленников, животных, рабов, машин. Завоевывает другое государство посредством тысяч воинов, и крестьян, которые вырастили им хлеб, и ремесленников, которые изготовили оружие, и т. д. Властитель реализует себя в предельной степени – через действия всего своего народа. По его желанию и замыслу явственно и на глазах переделывается мир! Миллионкратно увеличиваются все его личные усилия, передаваемые передаточным механизмом власти сверху вниз, в народ: тысячи людей устремляют свои мозги и силы во исполнение его усилия – строят, завоевывают, пашут.

3. Так что властолюбие – это естественная и предельная жажда самореализации и самоутверждения. Жить так, чтобы от моего желания в мире зависело как можно больше. Это предельное проявление инстинкта жизни – действовать посредством всех людей с их индивидуальными энергиями и возможностями. Больше уже просто некуда.

4. Заметим, что прямая власть – это экстенсивный способ самореализации, через явные и прямые действия, когда пирамида государственной власти служит редуктором, передающим и умножающим усилие, а весь народ – как бы рабочим механизмом.

Но есть еще два рода власти, вполне реальной, но не являющейся властью политической, властью в системе отношений людей.

Род первый – жена, фаворит, советник короля. Влияние на личность лидера, действующее через него. Реже – потому, что ты умеешь доставить ему сильное удовольствие и вертишь им в своих интересах; чаще – потому что ты умный, и еще как сказать, использует ли король твой ум в своих интересах – или это ты посредством своего ума используешь короля в своих интересах. Доступ к постели короля и доступ к уху короля. Здесь вся атрибутика власти – королю, но есть сознание того, что он – марионетка в твоих руках, а реально миром правишь ты. Эге. То есть: можно не уметь подчинять себе людей, расправляться с врагами, заставлять выполнять приказы, брать на себя всю ответственность за содеянное, – но лишь умом изменять мир, используя чужую волю и силу.

Заметьте – советников всегда масса, не протолкнешься, и у каждого лидера – аппарат мозговиков. Вся энергия мозговика пошла в ум, условно говоря, – но важнее, по жизни, умение скручивать людей в бараний рог или внушать им любовь и доверие. Ум возьмешь и напрокат за умеренную зарплату, а качества лидера – увы, надо иметь свои. Т. е. – беспредельное властолюбие важнее. Но мощный и тонкий ум, стоя рядом с властью, реально делает умника тоже очень властным. «Серый кардинал» – тоже род власти.

Род второй – интеллектуал-ученый. Архимед, Бертольд Шварц, Оппенгеймер. Тихо сидя, изобретает такое, что аж мир переворачивается. Строго говоря, это тоже высшая форма самореализации, дающая ученому ощущение и сознание власти над миром. Вы короли? – а я кончу сварганивать эту установочку, положу палец на кнопку – и могу сделать такое, что вам не снилось. В общем ведь братья Райт больше сделали в этом мире, чем любой главнокомандующий ВВС вместе с министром воздушного транспорта. Власть человечества над воздушным океаном со всеми вытекающими, а вернее выпадающими и вылетающими отсюда последствиями, базируется на власти над воздушным пространством двух механиков из велосипедной мастерской. Это их власть!

Но говоря о власти, мы всегда имеем в виду в первую очередь и по преимуществу власть одного человека над другим – прямую и простую. Казнить «серого кардинала», отобрать изобретение у изобретателя. Просто, говоря о сущности власти как самореализации через максимальные действия, нельзя не упомянуть тех, кто изобретал порох и подавал советы.

5. На чем стоит власть? С одной стороны – на добровольном и сознательном подчинении, с другой – на насилии и ломке любого сопротивления себе.

Власть может начинаться как сугубо добровольная: бригада единогласно избирает бригадира. Может как сугубо насильственная – завоеватель подчинил себе соседнее государство. Может быть власть как бы или почти большинства – демократические выборы с такими условиями процентной нормы для победителя, что достаточно бывает четверти населения «за» для победы: остальные голосуют кто во что горазд или просто плюют. А может быть властью сугубо меньшинства, когда узкий круг князей долго препирается, кого ставить главным.

Но как только серьезная, на государственном уровне, власть становится властью – мощный аппарат армии, полиции, чиновников и пропаганды устраивает «пирамидальную вниз» такую клетку для народа, что подчиняться приходится волей-неволей: деваться некуда, или в тюрьму.

А иначе и невозможно. Всем всего не объяснишь. На всех не угодишь. Со всеми дураками и эгоистами не договоришься. Со стороны-то, всех пружин не зная и ни за что не отвечая, умников всегда много, которые знают, как надо сделать лучше в чем-то конкретном – но тут

же окажутся беспомощны и несостоятельны, посади их наверх в центросплетения финансов, интересов разных внутригосударственных и внешних групп, интриги и неувязки.

5-А. Но еще власть стоит на том, что людям **нравится подчиняться** и они **хотят подчиняться**. Они буквально-таки ищут подчинения.

Интеллигент-демократы при этом тезисе могут взвыть о свободе как исконной тяге человека ко всему хорошему. Но (см. «Всеобщая теория всего», гл. 3, п. 5, § 4) свобода – это стремление человека к такому положению, при котором он может преобразовать максимум энергии, и не понимать это (а чаще всего этого не понимали – кажется, до сих пор вообще не понимали) – не более чем глупость. И – и: добровольно предпочитая подчинение свободе, человек использует свою свободу для свободного выбора такого положения себя среди других людей, которое дает ему возможность как раз реализовывать и преобразовывать максимум энергии и совершать максимум действий. В этом и состоит суть добровольного подчинения. И никакого противоречия свободы подчинению на самом деле здесь нет.

Индивидуальная свобода реализуется в свободном выборе подчинения. Это верно для подавляющего большинства людей. И чем экстремальнее ситуация – тем более явно и обязательно это проявляется.

Когда царит мир, благополучие, спокойствие, все хорошо – тут и подчиняться незачем, каждому охота делать, что он хочет, безо всяких ограничений, коли это ему ничем не грозит. Но при любых совместных действиях нужна организация. А организация требует поставить кого-то во главе. И встроить себя в организацию, исполнять приказы – значит стать сильнее и значительнее как часть общего целого: организация тебя защищает, организация умножает твои силы, все ее возможности и заслуги распространяются на тебя.

А тот, кто во главе – он сильный, решительный, храбрый, он берет на себя ответственность за решения, он способен сплотить толпу в мощную команду и протаранить любые препятствия. Встраиваясь в организацию под его началом – ты почти достигаешь его уровня храбрости и значительности, он теперь с тобой заодно, не даст в обиду, ты выживешь, победишь, а если и нет – имеешь на это максимальные шансы.

Это, значит, в том случае, если лидер делает или обещает делать примерно то, чего тебе и хочется. И ты согласен отказаться от мелких проявлений личной свободы – когда ложиться спать, кого посылать подальше, как именно делить еду, – зато обеспечишь себе главное: значительность, победу, защищенность семьи, богатство, цель приличную и значительную.

«Командуй!» – кричит толпа вождю. «Придите и владейте нами!» – зывают ограбляемые всеми проходимцами селяне к конунгу с дружиной. И подчинение становится сладостно: теперь-то мы всем покажем! Каждый мелкий акт подчинения означает: я твой единомышленник, я твой друг, я знаю, что только через подчинение мы становимся единой силой, управляемой единой волей, твоя воля самая здоровая, босс, и всю свою волю я подключаю к твоей, которая теперь – наша единая и общая воля, и таким образом каждый из нас – часть большой силы, делающей большие дела, и умение подключать всю свою энергию к общей – это дело доблести и человеческой значительности.

Подчинение избавляет от нерешительности, незнания что делать, неуверенности в своих действиях и их результате, сознания слабости своих сил, – состояний бесплодных, вредных. Подчинение придает смысл твоим действиям – у нас общая цель, я работаю на всю команду, всем это нужно.

А одобрение босса и товарищей есть прекрасный показатель значительности – меня признают, хвалят, я много стою среди себе подобных, мне это потребно и комфортно.

Быть значительным объективно и ощущать себя значительным субъективно через подчинение. Вот в чем суть подчинения. Вот чем оно, черт возьми, сладостно. И вот почему девяносто девять процентов людей его ищут.

Для большинства, как давно и было замечено, полная личная свобода – тяжеловатое, плохопереносимое состояние: самому обо всем думать, самому за все отвечать, самому все знать. Для этого нужно много уверенности в себе, в своих силах, много храбрости и стойкости в одиночку противостоять другой силе, хотя бы силе природы.

Так заключенные в лагерях сбиваются в «семьи» – одному не выжить, загрызут, помыкать будут, а команда защитит, и пусть пахан командует. И лишь очень здоровые и храбрые могут не примыкать ни к какой семье – «масть» этих одиночек называется там «один на льдине», он же – «ломом опоясанный». Это мало кого привлекает, и мало кому по плечу.

И умные лидеры всегда знали: людишки власть любят, хаот и скрипят – а не могут без нее.

6. Почему люди подчиняются власти, даже если подавляющему большинству она совершенно не нравится?

А куда ты на фиг денешься. Выбор простой: или сломить голову – или в отведенных и разрешенных пределах жить сносно и реализовывать свои возможности: работа, карьера, благополучие, семья, подняться над некоторыми, и развлечься можно, и повеселиться.

Да и с детства вбивается всеми средствами, что верноподданничество – дело чести, долг, обязанность, это морально, это хорошо.

И даже если тебя гонят на войну, тебе не нужную и не понятную – можно выслужиться, подняться, прославиться, уцелеть и вернуться с добычей, да и кругом тебя толпы тебе подобных – ну так все нормально, ребята, что ж делать: а полевой трибунал с расстрельным взводом всегда наготове.

И энергии отдельных людей загоняются умелым правителем в нужные клеточки, и кресты Почетного Легиона для солдат и миллионные пенсии для маршалов подстегивают армейские колонны.

И всегда найдется место для храбрости, силы, ума, предприимчивости, любви, карьеризма, – то есть, опять же, жить-то можно.

Но еще одно. Верность родине. Дерьмовая страна, но моя родная. Я самоутверждаюсь как часть великого целого, и сам силен через принадлежность к этому целому. А раз в моей стране вот эта власть правит – что ж, это и моя власть. Вроде как дрянная у меня семья, ан все-таки свой дом, все-таки есть в нем и хорошее. Хуля мой дом – ты объявляешь ведь и меня дерьмом, значит, глупым и неудачливым, мелким человечешкой. Но мне потребно осознавать себя приличным и немелким человеком!

И человек начинает уже сам отыскивать в своей власти положительные черты – тем более что пропаганда к его услугам. И находит. Тем более что всегда и во всем можно найти что-то хорошее. Психология, понимаешь...

Если человек не может действовать иным способом, чем тем, который ему оставлен – он со временем начинает видеть в этом способе хорошие стороны. И чем большего в отведенной клеточке он достигает – тем больше его устраивает, естественно, эта жизнь.

Он всегда измеряет полноту и достоинство своей жизни относительно жизни других: соседей в своем государстве и неких средних граждан в другом. И мысль, что он живет хуже, чем в других государствах, ему несносна, противна его психике, ущемляет его сознание, он стремится опровергнуть ее всеми возможными способами: нет, он более значителен, чем они! Они богаче? ездят по миру? могут высказывать свое мнение? веселее выглядят? – зато мы храбрее, и больше любим родину, и народ у нас умнее, вот просто по судьбе и истории нам не везет, понимаешь...

В обыденных условиях каждый норовит устроиться с властью так, чтоб жить получше, чтоб она мешала ему поменьше, а вообще плевать на нее, мы люди маленькие, а они там наверху все суки, похоже.

Но при столкновениях с врагом внешним верность власти – это форма верности дому и народу, форма предъявления своей личной значительности в противовес значительности врагов. Я не отрекись от своего короля – можете казнить! (сука неблагодарная этот король, и награды не дождешься, и страну профукал, – но мой король – это символ моего достоинства, моего величия через принадлежность к короне, моей значимости как малой части великого целого, противостоящего вам, засранцы, и головы мы перед вами не склоним, не дождетесь).

6-А. Власть, как всякая сила, к чему-то прикладывается, то есть чему-то противопоставлена: хоть враждебной группировке, хоть природе, в которой надо выживать через какие-то на ней действия.

И чем солиднее власть – тем сложнее она структурирована сверху вниз, в пределе – на государственном уровне. И каждый, кто занимает самую мелкую руководящую должность, самоутверждается не столько через подчинение (где как раз утверждаются над ним вышестоящие), сколько через свой маленький сектор власти.

Здесь в масштабах завода, города, а особенно, конечно, государства происходят дивные вещи, когда маленькие люди посредством своих должностей отыгрываются на всех, кто зависит от них по роду их деятельности. Мелкий чиновник, автомеханик, продавец – в силах попортить людям настроение либо улучшить, в рамках своих полномочий делая что-то или не делая. И так граждане демонстрируют друг другу свою значительность «по очереди», каждый в своем секторе.

Это немало мирит их с верховной властью, с которой они могут быть во многом несогласны. Нас давят – мы давим, жить легче.

Структурированная власть неизбежно организуется по принципу «разделяй и властвуй». Скажем, армия, военная полиция, политическая государственная полиция и криминальная полиция везде и всегда ненавидели друг друга, поскольку сферы их влияния всегда частично совпадали, накладывались краями, и каждая структура несколько давила на соседнюю, надзирая за ней и будучи над ней в некоторой степени властной. В этой взаимной неприязни и столкновении функций они друг другу мешали, ослабляли, но одновременно и контролировали, не давая борзеть и угрожать власти верховной.

Борьба властей «второго уровня» между собой неизбежна. Она почти всегда вредит конкретному делу – но полезна стабильности верховной власти. А одновременно отвлекает от недовольства верховной властью, конкретизируя это недовольство «по горизонтали».

7. Может ли правитель быть дураком, и может ли он быть умным?

Если правитель – наследный монарх, то все возможно: родился идиотом, или родился гением. Но обычно имеются в виду лидеры выборные.

Полным дураком он быть не может, будь спок. Иначе бы не вылез. Если смог сделать такую карьеру – значит, не дурак. Если он кажется тебе дураком – ну, ты многого не знаешь из закулисной механики, стоящей за его действиями и словами.

Но и подлинно умный человек наверху – большая редкость. Почему? Потому что, *при прочих равных, цели достигает тот, кто к ней сильнее стремился и кто был больше способен ее достичь*. Достигший власти человек – как правило редкий умница по части достичь власти и удержать ее. Это дело первейшее – иначе обойдут конкуренты, скovyрнут, скомпрометируют. Умение говорить что надо где надо, ладить с нужными людьми, обольщать и обещать, нравиться и запугивать – тут он умен.

А вот по части распорядиться властью правитель может быть совершенно зауряден. И то: он ведь вынужден пускать все свои умения прежде всего на то, чтоб добиться и удержаться. А править – это дело другое, тут многое может не нравиться народу, а многое – окружению лидера, да и пока он занят государственными делами – конкурент может все силы употребить на скovyривание его.

Поэтому наибольшая удача для народа – это умный и энергичный абсолютный монарх. Ему не приходится думать (условно предположим) об удержании власти, и все силы и ум идут на собственно правление. Но поскольку и монархи чаще были идиотами, они больше не фурычат.

Обычно правитель – среднего же ума человек, безмерно властолюбивый, который очень умен и талантлив как карьерист – достичь места и сидеть на нем, в вопросах же отправления власти он тебя не умнее, в общем; огромный аппарат советников и профессионалов управления сидит под ним, и вообще может без него обойтись, но – нужен кто-то на это координирующее место.

8. Может ли правитель быть хорошим человеком?

Если у тебя еще были иллюзии – отдохни от них. Нет, не может. Есть желание – перечитай Макиавелли.

Во-первых. Хорошим – значит честным, добрым, верным, порядочным, высокоморальным. Значит, при столкновении прагматического интереса с моралью он должен предпочесть мораль. Ага. А победит в жизни тот, кто предпочтет расчет. Вот и всего делов. Выгодно для победы в деле и достижения своей цели быть хорошим – будет хорошим, а надо солгать, предать, убить, подкупить, чтоб подняться еще на ступеньку вверх – он и это сделает, и обойдет твоего хорошего человека.

Во-вторых. Властолюбец – человек резко вышесредней энергетики, ему много от жизни надо, он много может. А это сказывается во всех сферах чувств – властолюбец неизбежно жаден до удовольствий. Женщин! вина! украшений! вилл! Да, Сталин или Франко были весьма скромны в быту – но, во-первых, это немногие исключения из общего правила, и, во-вторых, они обладали столь огромной личной властью, целая страна и так принадлежала им, что пьянящее сознание обладания всем становилось своего рода психологической мастурбацией. Кроме того, они пришли к настоящей власти уже в весьма зрелом возрасте. Если же взять ребятков помоложе, либо одной ступенью пониже – вот там жадность ко всем проявлениям жизни разворачивалась обязательно. Перетраханый Кировым Мариинский театр, царские сокровища членов ЦК КПСС, постельные улады и коррумпированные миллионы американских президентов, и так далее.

В любом человеке сидит комплекс: если бы я был самым главным – ух я бы себя усладил, особенно если б были средства, чтоб никто не узнал. Правители в этом отношении – точно такие же ребята, как ты. Только у них в самом деле есть средства. Вот и блядуют, мстят личным врагам, набивают карманы и продают друзей, если те уже не нужны или слово не так сказали. Нормальный ход.

А кроме того. Чем больше ты хочешь совершить, тем большее сопротивление тебе приходится преодолевать – окружения, подчиненных, народа. Ибо у всех есть свои личные интересы, которые они хотят сохранить и умножить. А Петр I гонит их воевать, флот строить, город возводить, людишек разоряет, судьбы гнет по своему усмотрению. А был бы добр и хорош – снизошел бы к слезам и горю человеческого, и не стал бы реформировать государство.

Не говоря о войне, любые крупные военные учения – это неизбежные травмы и какие-то человеческие жертвы. А что делать, учений не проводить?.. За какое бы крупное дело ни брались люди – кто-то платил своими жизнями. Открытия земель, научные открытия и технические изобретения – и везде гибели, и везде лидеры, готовые брать на себя ответственность за смерть других. Какая ж тут на фиг хорошость.

Резюмируя. Наши пороки – суть продолжение наших достоинств (как бы за гранью на другой половине «цилиндра чувств» – см. Ч. 1, гл. 2, п. 5, «Полнота жизни»). Лидер, человек повышенной энергетики, имеет и достоинства и недостатки крупнее средних. Но достоинства-то должны лежать в сфере деловой, конкретной, – а недостатки в сфере моральной,

что делаю только помогает либо не мешает. Так что с моральной хорошостью есть большая напряженка.

9. Власть развращает. А еще бы нет. Если все можно, так приотпускаешь тормоза желаний – возможности огромные, а имеющегося человеку всегда мало. А привычка приходит быстро.

Вдобавок власти льстят, поддакивают, угождают, и тебе очень быстро становится просто невозможно оценивать свои поступки: остается только внутренний критерий «хорошо-плохо», а с внешним миром и соотноситься невозможно по моральной шкале: что ни делай – все объявят хорошим и замечательным. На сотый раз поверишь этому.

Чудовище Калигула был до трона чудным мальчиком, любимцем армии и народа.

А поскольку человек при любой возможности двигает свои поступки в сторону получения сильных ощущений, а с привыканием требуются для ощущений той же интенсивности все большие действия, – то человек во власти, границы возможностей которого изрядно расширены, наворачивает дел дальше-больше. Царствование многих знаменитых и страшных деспотов было вначале кротким и человеколюбивым. Тот же Нерон. «Дней Александровых прекрасное начало». И т. д.

10. Какого правителя любят?

Того, который всегда может употребить власть тебе во зло, однако по собственному усмотрению употребляет ее тебе во благо. Того, кого побаиваются, никогда не забывая страх перед возможностью его гнева и немилости. Это напрягает чувства. Это рождает благодарность и умиление уже потому, что мог бы тебя сожрать тигр, а он тебе мурлычет и мясо носит.

Никого не любят так, как сильных и страшных, если убеждены, правдой или неправдой, что правитель о них заботится денно и нощно и сам любит их превыше всего. Гитлер и Сталин пользовались такой любовью широких масс, какая Рузвельту с Черчиллем и не снилась.

Ограниченного демократическими законами президента любят очень мало, и уважают не больше. А недостатков полно. А говори что хочешь. А я тоже гражданин, хрен ли он мне сделает. А что он вообще может, что в нем толку, если собственным врагам не может головы откусить.

Масса уважает силу и обожает силу. Только меня не тронь! – и тогда я тоже за тебя душой и телом: я тоже велик и страшен хоть капельку причастностью к твоему величию и твоей страшности. А это мне лестно, приятно, значителен я.

Отношение массы к вождю – сродни отношению детей к отцу. Любить просто хорошего, доброго и заботливого – для этого надо подрасти, понять, созреть чувствами. А так – как узнают дети, что отец сильный и грозный (значит, всегда оборонит от врагов, не даст пропасть), если на себе не чуют иногда его страшного гнева?

Того хозяина больше любит выросший щенок, который его не только любил и заботой окружал, но и наказывал больно и страшно. Это факт, а не метафора, психологи-кинологи знают. Напряжение чувств, сильные ощущения, вектор которых суммируется в сторону любви; как не любить-то, свой все же, родной, кормилец, член семьи, вожак, – складывается модель психологического приятия.

Что происходило везде и всегда, где умный вроде и сильный правитель отпускал вожжи и начинал по-доброму заботиться о народе, ослабляя наказания? Презирали, бунтовали, не любили, скovyривали. Хоть Борис Годунов, открывший амбары народу и прекративший безбожные казни, хоть шахиншах Реза Пехлеви, смягчивший средневековые законы шариата, открывший бесплатные школы для всех, повысивший жизненный уровень затурканных подданных – вон кровопийцу! даешь аятоллу! – война, паранджа, строем, нищие.

Любовь – чувство сильное. Правителя любить не за что, он не отец родной и не жена. Управляй себе, а работаю-то я сам и кормлю семью. Надо вызвать сильное чувство! А сильное – это страх, это вызвать во власти вождя. Вот страх, если оказывается, что лично тебе бояться вроде – вроде! – нечего, и впредь только веди себя хорошо, – этот страх и переходит в чув-

ство с другим знаком, положительным, но такое же значительное по абсолютной величине – в любовь. А складывается эта любовь, на самом деле, из благодарности, умиления, трепета и причастности к величию. (См. «Любовь».) Любви не существует без возможности страдания! Возможность страдания – вот необходимая составляющая любви к тирану.

Вот какая штука, ребята.

Мораль

С моралью понятно все, кроме одного: почему она так часто мешает жить и осложняет существование. На кой все это нужно, если высокоморальному человеку жить труднее, чем аморальному. Что ж это за такое немного гадское устройство жизни? И кем и почему это так заведено?..

§ 1. Что такое мораль. Просим к философскому словарю или словарю по этике: не прерывать же самим этические учения всех приличных философов, если это уже сделали другие. И прочтем, что мораль – это свод правил поведения в обществе, свод правил отношения к другим людям, свод предписаний – как правильно относиться к разным жизненным явлениям и коллизиям: к любви, к страху, к труду и т. п. Мораль оперирует такими категориями, как благородство, справедливость, верность, честность и ложь, доброта и черствость, и т. д.

Короче, мораль – это «что такое хорошо и что такое плохо», как кратко и четко сформулировал поэт.

§ 2. И вот есть два человека: моральный и аморальный. Кто из них в жизни сильнее, у кого больше возможностей к достижению своих целей, кто вероятнее победит? М-да!.. Аморальный выходит сильнее. Он может поступать по морали, а может – против, как ему выгоднее: в его действиях ограничителя нет.

Можно расценивать приверженность морали как своего рода кредит: моральному человеку, которого за такового знают, поверят, доверят деньги, помогут, будут с ним бескорыстно дружить – и он сможет пользоваться своими знакомствами и дружескими связями. А с аморальным все отношения могут строиться только на расчете, да и то: неизвестно, как он придумает обмануть, и вообще иметь с ним дело неприятно и неприлично.

Ага... Аморальный человек успешно может соблюдать-соблюдать мораль во всем, завоевывает всеобщую симпатию и доверие – а потом как забаббахнет аферу – всех подставит, а сам скроется с миллионами. И рассуждать при этом может так: «Да зачем же мне иначе вообще мораль, если с нее не получить никакой выгоды?..»

Противоречие между моралью и реальной, житейской, материальной выгодой ну просто же постоянно.

И ужас в том, что мораль выступает как аспект слабости, немощности, невозможности совершить действия к собственной выгоде, к удовлетворению собственного желания.

Нехорошо, скажем, спать с женой своего приятеля. Да почему же нехорошо, если она тебе нравится, и сама этого хочет, и все равно спит со всеми подряд?!

Нехорошо красть, даже если это плохо лежит, ну очень плохо лежит. И если не ты, то через пять минут это украдет другой. А тебе очень бы пригодилось, и вообще ты небогат. Вот и живи со своей честностью, и кому от этого лучше?!

Нехорошо бросать в беде. Да они все равно погибнут, без вариантов, спастись можешь только ты один, а помочь им не в силах, можешь только погибнуть вместе с ними. Да почему ж не спастись?..

Доброго, честного, правдивого и благородного человека облапошивают в жизни все буквально, кому не лень. А уж в критических ситуациях он вообще маложизнеспособен – не пойдет он на любые меры, чтоб спасти положение. И что ему толку с его высокой морали?

Мораль непрагматична. «По жизни» она может быть и целесообразной – а может нецелесообразной, причем гораздо чаще. Прямо как гиря, ладно если на ноге, так ведь на шее: висит, давит, не пускает, ограничивает.

§ 3. Религия решает это противоречие просто. Мораль дана Богом, и за ее соблюдением Он зорко следит. Морального поощрит: может сделать ему что-то хорошее на этом свете – как бы в компенсацию за те блага, от которых ты отказался ради соблюдения морали, – и уж

наверняка облагодетельствует на свете Том: поселит в раю, организует вечное блаженство, и вообще сделает тебе очень хорошо.

Это, конечно, прекрасное обоснование причины и необходимости соблюдения морали. Объяснение простое и неотразимое.

Но ведь это получается не мораль, а бизнес. Торговый расчет. Сделка. Кнут и пряник. Мне предоставляется выбор между временным благом в этом мире – и гораздо более основательным и долговременным (вечным!..) благом в мире Том. Я человек разумный, терпеливый, предусмотрительный, покуда потерплю немного – но зато из двух благ выберу большее.

Здесь основой морали выступает внешнее давление. Так чем оно в принципе отличается от уголовного кодекса? Что судья далеко и наказание отсрочено? Зато уж этот Судья маху не даст, и возможности у него покруче.

Здесь моральным быть не надо. Здесь надо быть только богобоязненным и богопослушным.

И всегда делались попытки с Богом договориться, как-то ему поступок свой объяснить, задобрить Его раскаянием и молитвой, грех искупить; проще всего – купить индульгенцию. А священник выступит в посредничестве между грешником и Богом в качестве адвоката.

Для тупой толпы, конечно, такое положение вещей весьма доходчиво. Логично и внятно.

В таком случае атеист, безбожник, спокойно может быть аморален – никто Наверху его не поощрит и не накажет? На это религия отвечает: да, безбожник аморален, не признает Высшей необходимости морали, но Судья-то его все равно накажет, от Него не уйдешь.

Однако это не мешает существовать религиозным злодеям и высокоморальным атеистам. Убийца и садист идет молиться, а атеист гибнет, спасая друга. Религиозник может, конечно, объявить убийцу не истинно верующим, а атеиста истинно верующим, – но это уже схоластика, софистика, да просто наглое словоблудие.

По определению – тем Мораль и отличается от Закона, что действие ее обеспечивается не системой внешнего принуждения и поощрения, а внутренним побуждением, собственными внутренними чувствами.

Строго говоря, религиозная мораль – это вообще не мораль. Это закон. Со своими статьями, своим уложением о наказаниях и поощрениях.

Этот закон лишь объясняет и подкрепляет мораль, которая есть закон сугубо внутренний, свободный от любого внешнего наказания или поощрения. Морально поступает не тот, кто обретет вследствие этого какую бы то ни было выгоду, а тот, кто поступает свободно и независимо от вообще какой-либо выгоды, кроме собственного внутреннего ощущения, положительного ощущения, правильности, благости, хорошестьи своего поступка.

§ 4. То есть мораль как бы самодостаточна. Она сама себе и предписание, и награда в случае соблюдения, и – для человека морального – наказание в случае несоблюдения.

§ 5. Сугубые материалисты до сих пор старались объяснить мораль с точки зрения прагматической. Мол, это для того, чтобы регулировать отношения внутри людского сообщества, чтоб не было анархии, хаоса и разрушительного для силы общества господства права сильного. Не есть друг друга, не убивать, не обкрадывать, не бросать в беде. Будем друг другу помогать, «ребята, будем жить дружно», и вместе будем многочисленнее, сытее, сильнее, будем побеждать врагов и делать большие дела. Будет справедливость, не будет внутренних распрей, будем процветать и строить цивилизацию.

И это будет хорошо, и таких моральных людей мы будем хвалить, любить, дружить с ними, уважать. А тех, кто будет поступать иначе, мы не любим, не уважаем, порицаем, не нравятся они нам.

Да, но ведь это опять же получается не Мораль, а Закон, только государственное наказание-поощрение заменяется общественным. Или, исторически глядя, общественное регу-

лирование отношений путем Морали предшествует государственному регулированию путем Закона.

Человек поступает по морали, потому что иначе его будут презирать, будут плохо к нему относиться. Поставят его ниже себя в каком-то духовном отношении. А могут плюнуть в лицо. А могут дать по морде. А могут сказать: «Знаешь, вали-ка ты отсюда, ты нам больше не друг и не соплеменник». Так это же расчет.

В таком случае, если у человека будет абсолютная гарантия, что никто ничего никогда не узнает об его аморальном поступке, он спокойно может его совершать – а почему нет?.. Таки можно ли считать такого человека моральным? Да нет... Морален тот, кто поступает по морали – даже при полной гарантии, что никто и никогда не узнает и не оценит его хороший поступок. В том-то и фокус, в том-то и отличие, что моральный человек поступает по морали без всякого расчета на то, что его поступок будет оценен другими – либо наоборот, никогда не будет узнан и порицаем.

Более того, он может потом вздыхать про себя: «Дурак я дурак, и на кой так сделал?.. никто бы никогда ничего не узнал, а мне была бы выгода, и вреда никому... и почему я такой бестолковый?..» Ну, взял чего бесхозного, или трахнул кого, или сделку провернул за спиной у кого, подумаешь. А так в результате его поступка (не-поступка) нет у него ничего – кроме известного удовлетворения, что он поступил «так, как надо».

§ 6. Материалисты пытаются задвигать идею целесообразности Морали для выживания и развития человечества. «Относись к другим так, как хочешь чтоб они относились к тебе». Как к себе самому. И в дружном сообществе люди сильнее, чем поодиночке: веник не переломишь, а по одному пруту разобрав – пожалуйста.

Так. Вот чистый опыт: команда в походе. Все свои, отношения регулируются моралью, ну какой тут закон в своей компании. И вот вделись, заблудились, провизию утопили на переправе. Голодают. Нашел кто-то гриб. Можно съесть самому – больше шансов выжить. Но выжить и выйти к людям можно только вместе: один дорогу знает, другой охотиться умеет, третий умеет делать плоты для переправ, четвертый знает все приметы погоды – короче, команду надо сохранять. И несет человек свой грибок в общую кормушку, потому что так должен поступать каждый, сегодня ты кормишь, завтра тебя кормят, все друг другу доверяют, помогают, спасаются. О'кей.

А вот «грязный опыт». После крушения в Арктике полярной экспедиции Нобиле на дирижабле «Италия», итальянский офицер Цзаппи съел шведского исследователя Мальмгрена. Мальмгрен повредил ногу, ослаб, заболел, идти не мог, кругом льды, до людей далеко, тащить его невозможно, еда кончилась... чего ж Цзаппи задаром пропадать. Все равно Мальмгрена хана. А Цзаппи пропитался им и вышел к людям, выжил. Мальмгрена, вероятно, было уже все равно, кто его съел: Цзаппи или белый медведь. Поступок Цзаппи был совершенно целесообразен. Но моральным его назвать трудно... Хотя нелегко и осуждать, если сам не был в такой крутой переделке и не можешь судить с позиций личного опыта и лично проявленных своих достоинств. (Немало в истории кораблекрушений и авиакатастроф подобных историй людоедства, надобно заметить...) А вот если бы Цзаппи сказал: «Я не брошу тебя до конца, у нас одна судьба, не сомневайся» – это было бы благородно, крайне высокоморально, это нам понятно.

Конечно, если бы путешественники заранее знали, что в случае чего один из них съест другого, ни в какую экспедицию они бы не отправились, и до сих пор люди ничего бы не открыли. Можно говорить о целесообразности морали.

А вот участникам антарктической экспедиции Скотта и в голову не приходило бросить промеж себя жребий и одного съесть, чтоб остальным выжить. И благородно погибли все. Применительно к конкретной ситуации можно говорить о нецелесообразности морали.

Получается так: как бы вообще – мораль это всегда полезно. А в частности – мораль это более или менее вредно. В частности вредит интересам индивида соблюдение морали и приносит пользу нарушение.

Но человечество состоит из индивидов, а жизнь состоит из частных. Польза морали всегда имеет абстрактную форму, а вред – конкретную.

Польза морали остается условной, гипотетической, умозрительной конструкцией: «Если бы не мораль, то тогда-а... было бы плохо». Вред морали остается реальным, конкретным, осязаемым: «Поступаю по морали, и вот теряю блага, а аморальный процветает».

Противоречие не снято.

§ 7. Если бы все были моральными, то все было бы хорошо, – учит моралист. – Все беды от того, что люди недостаточно моральны.

Но если люди за тысячи лет не стали шибко моральными, то с чего ожидать, что они ими вдруг станут? – возражает скептик.

К этому надо хотя бы стремиться и делать все от тебя лично зависящее, – учит моралист. – Тогда будет получше, ну, хотя бы как сейчас. А иначе вообще был бы ужас, «война всех против всех».

Вот всю историю слабое большинство к этому и стремилось, – вздыхает скептик. – А сильное наглое меньшинство этой их моральностью и пользовалось в своих интересах.

М-да. Мораль ласкает слабого, но ложится под сильного.

И кто утверждает мораль, тот помогает сильным угнетать слабых.

§ 8. Регулирующая общественная функция морали несомненна.

Но тогда высшей моралью должно быть абсолютное законопослушание. На деле же закон и мораль сплошь и рядом противоречат друг другу. Закон велит доносить, а мораль запрещает. Закон Ришелье запрещал дуэли, а мораль повелевала дуэлировать. Закон велит наказать мстителя, а мораль его одобряет, коли за дело мстил. И т. д.

Ладно. Попробуем о другом. «Закон не занимается мелочами.» Нехорошо обижать слабого, брать себе первый и лучший кусок, отлынивать от работы, если работают друзья, и т. д. Иначе, опять же, всеобщая перегрызня. А так только самые наглые, хулиганы и сволочи, обижают людей, а в основном все-таки можно жить нормально. Верно, есть такое дело. Мораль ограничивает проявления твоего эгоизма – одновременно ограждая тебя как-то от эгоизма других.

§ 9. Но тогда, опять же, получается старая шутка: мораль для массы, толпы, заурядностей – а герой, супермен, повелитель миров выше морали, его она не сдерживает. Значит, если кто хочет быть сильным, властным, хозяином жизни – он должен стремиться к тому, чтобы презирать мораль. Должна быть двойная норма морали – для слабого большинства и сильного меньшинства. Привет от неврастеника Раскольникова и привет от шизофреника Ницше. Просто у Раскольникова оказалась кишка тонка, рефлексии-то много, а жизненной силы мало, не в том неправ, что пришиб бесполезную старушонку, а в том, что в мандраж впал. Не можешь – не берись, не каждому по плечу быть Наполеоном или Волком Ларсеном. Да вон в Москве девяностых крутые ребята кучу старушек перемочили, чтоб завладеть их квартирками, и ни фи́га ни один из них каяться не пришел.

Если человек стремится к тому, чтобы полностью реализовать свои возможности в этом мире, больше всего сделать и быть как можно более значительным – у него должна быть «другая мораль»: «плюй на все и делай так, как тебе хочется». Но если он сильный, храбрый, решительный – тут можно лезть по головам внаглую, и быть победителем. А если слабый, нерешительный, но тоже хочется? Так зачем же внаглую, открыто, – можно быть хитрым, лживым, подлым, коварным, ловким, – и через это тоже добиваться своего, т. е. быть значительным. Но никогда – никогда! – никакая мораль этого не одобряла. Э?

Пусть слабым мораль позволяет держаться вместе и суммарно быть сильнее плохих ребят: слабый ощущает (и имеет) свою силу и значительность не сам по себе, а как часть сильного целого. Понятно. Но тогда – тогда – человек должен стремиться к тому, чтобы попирать эту мораль «осторожно», настолько, насколько ему по плечу, насколько это может быть полезно его интересам. Почему нет? А – нет... Соблюдает, балда.

Как ни кинь – есть мораль, которая мешает преуспевать, и есть аморальность, которая помогает.

В чем бы ты ни стремился преуспеть максимально – мораль как таковая противоречит преуспеянию.

§ 10. У политиков и властелинов мира нет «другой морали» – они плюют на эту. Обходят, лгут, притворяются, но конфликт между моралью и пользой всегда решается в «пользу пользы». А если нет – его обходит в пути навверх другой политик, только и всего.

Политик соблюдает мораль настолько, насколько это ему полезно.

Для победы в этой жизни достаточно видимости морали, явной окружающим, а ее внутренняя суть для дела только вредит.

§ 11. Но вот сильные, храбрые и решительные, которые противопоставляют себя обществу – профессиональные преступники. Они однозначно попирают мораль – крадут, убивают, насилуют, лгут, издеваются. Они свободны от морали? Ах, скажет моралист, их мучит совесть. Ни хрена она их не мучит. Ну, тогда они наказаны тем, что у них нет сознания хорошесть своих поступков. Отчего же. Они тоже ловят кайф от своих поступков – своей смелости, удачливости.

Батюшки-светы, так и у них же есть своя мораль. Она входит в систему взглядов преступника на мир, которая сегодня на их языке называется «понятия». «По понятиям» нельзя не держать слово, данное своим, т. е. «коллегам», блатным или бандитам; нельзя иметь хоть сколько-то человеческие отношения с любыми представителями власти, только деловые; нельзя иметь никаких отношений с пассивными педами, их можно только использовать (во всех смыслах); и т. д. И уважающий себя блатной эту мораль не нарушит – даже под страхом серьезного наказания, даже если никто не узнает.

Можно, конечно, толковать о целесообразности блатного «закона», регулирующего отношения внутри преступного мира. Но остается фактом: блатной способен предпочесть соблюдение блатной морали явной своей выгоде. И испытывать от этого гордость и удовлетворение.

Такие дела. Сами себе «придумывают» то, что самим же мешает жить так, как сами же себе постановили. На кой?

§ 12. Ни религиозная, ни прагматико-материалистическая трактовка морали, ее происхождения, сути и необходимости, не выдерживают серьезной критики.

Остается «категорический императив старика Канта», но сказать «потому что есть категорический императив» – все равно что сказать «потому что перпендикуляр». Просто вклеить слово в качестве названия означает лишь: «Это так, потому что это так, и все тут».

Это означает: «Вот некими Высшими силами так устроено, и нечего тут понимать, все равно не поймешь».

§ 13. Что такое мораль? Это идеал поведения.

Что такое идеал? Это диалектическая пара реальности. Противоположность реальности, противопоставление реальности. Это не то, что есть, а то, что должно быть.

Что означает наличие идеала? Оно означает, что человека не устраивает реальность, не во всем устраивает, не полностью устраивает, человек неудовлетворен существующим положением вещей. Он хотел бы лучше.

Что означает лучше? Это несколько иначе по желанию и разумению человека: не так, как есть, а так, как хочется, как потребно, как ему надо, как представляется более верным, более совершенным.

Вот и весь фокус, ребята. Проще пареной репы; можете смеяться.

Сейчас я заеду, для пушей объемности картины, от самого начала.

Причина и источник существования морали у человека – само наличие Бытия.

Бытие есть энергопреобразование через наличие материи, пространства и времени.

По мере увеличения энтропии расширяющейся Вселенной процесс энергопреобразования на планетах, на планете Земля в частности, идет с положительным балансом; энергопреобразование на Земле все активизируется, увеличивается. На микроуровне это означает все более активную миграцию атомов и элементарных частиц, составляющих поверхностные слои Земли и окружающего пространства.

С появлением человека этот процесс подскочил на качественно более высокий уровень: человек разумный перелопачивает вещество планеты со страшной силой и скоростью, преобразуя энергии все больше и все быстрее. Даже во вред себе как индивидууму и как биологическому виду. Такова функция человека во Вселенной, которая – вот сейчас, при нас! – все более преобразует себя, продолжает свою эволюцию посредством созданного ею человека.

Общее у человека с любой частью, любым порождением Вселенной, то, что он – один из механизмов энергопреобразования, наряду с химическими элементами и небесными телами: само его существование и следствия этого существования – энергопреобразование материи и полей: уголь превращается в тепловое излучение, камень – в песок и бетон, магнитная рамка крутится и образующееся электричество плюсует свою энергию в перемещение электровоза в пространстве, и т. д. Атомы складываются в звезду, звезда излучает свет в окружающее пространство; атомы складываются в человека, и человек через разумную деятельность излучает энергию вещества Земли в виде тепловой в окружающее пространство, – вот, к примеру, один из общих аспектов.

Отличает человека от любого другого порождения Вселенной, в том числе от любого другого животного Земли, то, что его энергетическая неравновесность с окружающим пространством находится на качественно более высоком уровне. Через разумную человеческую деятельность энергопреобразование вещества Вселенной, до которого человек в силах дотянуться, идет с бешеной, на порядки большей скоростью, чем любым другим, «естественным», образом. Многие тысячи лет нужны, чтоб река проложила русло, – человек роет канал в несколько лет. Миллионы лет нужны для образования нефти и угля – человек сжигает их в десятилетия (а разово – в минуты), или в несколько недель превращает в ткани и т. п. Срывает горы, ставит города, изменяет весь ландшафт планеты, тратя десятилетия на то, на что «естественным» образом нужны миллионы лет.

Разность энергетических потенциалов человека и любого другого порождения Вселенной огромна. Насколько известно на сегодня, человек – самое энергичное, энергетически potentное порождение Вселенной. Посредством человека Вселенная преобразует энергию себя самой.

Эту резчайшую энергетическую разницу человека и окружающего пространства можно назвать энергоизбыточностью. Суть энергоизбыточности в том, что человек преобразовывает гораздо и гораздо больше энергии, чем необходимо, чем целесообразно для продолжения существования его как такового, как индивидуума, так и биологического вида.

Эта энергоизбыточность заключается прежде всего и преимущественно в энергоизбыточности его центральной нервной системы, его мозга. Человеку, без всякого принуждения со стороны природы, без всякой «естественной» необходимости для выживания и продолжения рода индивидуума и вида, потребно делать, совершать, преобразовывать, – причем через разумные действия индивида.

Человек может жить в идеальных условиях – и все равно очень недолго будет всем удовлетворен. Через считанные дни или в крайнем случае через считанные годы он ощутит неудовлетворенность. Если он решительно не знает, что ему делать, неудовлетворенность примет форму поиска смысла жизни и внутреннего дискомфорта. То есть его мозгу потребны еще какие-то

ощущения, кроме ощущений удовлетворения полностью и всех физиологических потребностей.

Потребность в «сверх-обязательного», «сверх-необходимого» действиях субъективно выражается в потребности иметь и удовлетворять ощущения сверх, опять же, необходимого.

А говоря попросту, человеку всегда мало. Ему все не так. Ему всегда надо что-то делать. А делать – значит хоть что-то переделывать.

Человек всегда не удовлетворен тем, что он имеет и как он живет. Его избыточная энергетика требует: давай еще, давай иначе, давай новых ощущений, сильных ощущений, острых ощущений, приятных ощущений. Что по жизни означает: давай-ка еще что-нибудь сделаем, что-нибудь придумаем, совершим, начудим, откроем, изобретем, поедем куда-нибудь, что-нибудь в нашей жизни изменим.

Поэтому человек всегда имеет идеал. Даже если это очень мелкие идеалы: идеальное жилище, идеальная внешность, идеальный рабочий, идеальное общество либо идеальный климат. Идеал означает: мне потребны изменения, то, что я имею – не единственно возможное, можно лучше, можно иначе.

Вот мы и приехали к тому, что говорили двумя страницами выше.

Мораль как идеал поведения, как любой идеал, существует потому, что человек по сути своей – п е р е д е л ы в а т е л ь, и з м е н я т е л ь, п р е о б р а з о в ы в а т е л ь.

А идеал на то и идеал, в том и его сущность, что он противопоставляется реальности, какая бы она ни была.

Идеал никогда не может быть достигнут по определению. Если он достигается – он перестает быть идеалом, и возникает другой идеал. Это – горизонт. Направление стремления. Вектор импульса.

А энергоизбыточность человека постоянна, неудовлетворенность имеющимся – постоянна. Постоянно стремление переделать то, что есть.

Поэтому мораль н и к о г д а не может совпадать с реальными надобностями жизни. Мораль означает: меня не шибко устраивает эта жизнь, надо, чтоб она была лучше; иная. Но это надо будет всегда!

Возможность воцарения морали в реальной жизни – не более чем иллюзия. Выдавание желаемого за действительное. Ведь человеку не то надо, чтоб все, и он сам, всегда поступали так-то и так-то. Ему надо, чтоб ему было хорошо, чтоб он был внутренне удовлетворен. Но по сути своей он никогда не может быть удовлетворен тем, что есть!

Мораль – оформление потребности иметь иной мир, иные отношения, иную жизнь. Иллюзия возможности достичь этого – морковка перед носом бегущего осла.

Резюме – еще раз:

человечество имеет мораль, потому что человечеству всегда потребно переделывать свой мир. Улучшение, совершенствование – лишь иные названия изменения.

§ 14. Одновременно и тем самым мораль удовлетворяет потребности человека в сильных ощущениях, положительных и отрицательных. Одновременно всегда (часто, нередко) и радуешься, и страдаешь: получил выгоду – нарушил мораль, соблюл мораль – упустил выгоду. А ощущения в основе и лежат в основе всех действий, жизнь субъективно и есть сумма ощущений. Субъективная внутренняя потребность в ощущениях и есть то, что трансформируется, видоизменяясь превращается, прямо или косвенно переходит, во внешнюю потребность в совершении действий.

§ 15. Одновременно и тем самым мораль удовлетворяет потребности человека быть значительным, самоутверждаться, ощущать себя немелким человеком. Ты умный, сильный, храбрый, ловкий? Ты богаче, умнее, ловчее меня? И хрен с тобой. Я лучше тебя. Зато я честный, прямой, бескорыстный, добрый. Ты меня обскакал, победил? Зато по морали я выше, чище,

значительнее, да мне противно лезть по головам, я нахожу счастье в том, чтоб быть хорошим человеком и сознавать это.

Увы, здесь часто мораль – это «сила слабых». Но все равно сила, черт возьми.

Есть победоносность того, в чьей руке в нужный момент поднят меч – и есть непобедимость того, кто встречает этот меч с гордо поднятой головой и открытыми глазами. Ты убил его – но как личность ты его не победил, он победил тебя: не дрогнул, явив свое моральное превосходство.

Подкрепленный, «подпертый» моралью человек скорее способен на самоотверженные поступки; его мужество, храбрость, стойкость увеличиваются; и помрет, но все возможное делает.

Так что мораль – еще и аспект значительности человека, средство усиления, способ увеличить крупность поступков. А стремиться к этому ему категорически свойственно.

§ 16. Нецелесообразность и слабость морали – в ее антиэгоистичности, уязвимости на реальном житейском уровне.

Целесообразность и сила морали – в ее антиэгоистичности, неуязвимости на уровне идей, ибо она выводит ценности человека за пределы его эгоистических интересов, подобно тому как трос автомобильной лебедки цепляется за пень на краю болота, и машина сама себя вытаскивает из трясины, – так и человек, имея ценности и интересы за пределами своей личности и ценнее своей жизни, способен ощущать более сильные чувства и совершать более крупные и значительные поступки, чем без морали.

Справедливость

И что же такое эта ваша справедливость?

Можно сказать: это такое же отношение к себе, как и к другим. Объективное. Такой взгляд и на себя, и на все остальное, который исходит из одной и той же сторонней точки – к поступкам и желаниям как собственным, так и других, подходишь с одной и той же мерой. Признаешь за другими те же права и желания, что и за собой. То есть: признание за всеми равных прав, желаний и возможностей. И тогда получается, что справедливость – это равенство.

Гм. Но в природе равенства нет. Люди рождаются слабыми и сильными, умными и глупыми, красивыми и уродливыми, и вообще – мужчинами и женщинами. Может ли быть справедливым с точки зрения зайцев, что волки ими питаются? Человек выходит с копьем охотиться на кабана – кушать хочет. И если кабан его задерет – человек должен признать это справедливым: кто кого, кабан тоже жить хочет, ты хотел взять его жизнь – не сумел, он взял твою... молодец кабан, он прав. Справедливый подход, равенство партнеров в их праве на жизнь.

И такой подход действительно имеет место! Первобытный человек мог просить прощения у духа убитого животного, стараться умиловить его лестью и молитвами, благодарить за то, что позволил себя убить и съесть: нужда, понимаешь, кормиться надо. Можно ощущать несправедливость своих поступков – даже если они решительно необходимы и природно естественны для сохранения своей жизни. Ух ты.

Но вегетарианцами люди все-таки не стали. Это при налаженном питании можно себе позволить вегетарианство из моральных соображений, а если в блокаде у тебя ребенок умирает, а ты крысу поймал – варишь суп из крысы, тут выбор простой – жизнь против жизни. Не говоря уже об энергетическом аспекте мясоедения – а энергетический аспект определяет в конечном счете все в нашей жизни.

Справедливость может расходиться с естественными поступками. С естественным устройством жизни. Ага.

Но жизнь человека и животного неравнозначны, могут возразить нам. Съел тигр человека или съел человек тигра – это не одно и то же, за человеком мы признаем больше прав, чем за прочими существами. А моралист-охранник животных завопит: тигр тоже тварь Божья, убивать его – тоже грех, несправедливость это – тигр же не виноват, что он не мыслит, он тоже кушать и жить хочет.

Так. Возникает относительность и субъективность справедливости. Возникает возможность разных точек зрения.

Одна страна напала на другую. Защищающиеся ведут справедливую войну: за независимость против захватчиков. А оккупанты тоже могут быть убеждены в справедливости своих действий: соседи грабили наши границы, оскверняли наши святыни, и вообще в одной древней книге написано, что наши предки жили здесь, пока эти вот не пришли и их не выгнали – так что по справедливости мы имеем право на эту землю. И в каждой армии священники объявляют, что боги за них и война справедлива.

Здесь примечательны два момента сразу. Во-первых, представление о справедливости поддается подтасовке, аргументации, становится предметом специально направленной агитации и пропаганды. Во-вторых, каждый из противников стремится выглядеть справедливым в собственных глазах. Ему мало просто убивать и грабить, он бы еще хотел, чтоб это было справедливо. Зачем? А тогда у него нет никаких сомнений, он не отвлекается на рефлексии, он проникнут сознанием необходимости делаемого дела, ему легче и готовнее совершать подвиги, рисковать и жертвовать жизнью и вершить свои максимальные действия.

При прочих равных – каждый предпочтет быть еще и справедливым. Так ему на душе комфортнее. И – это множит его силы, укрепляет его дух, придает уверенности и напора.

Так. И вот осадили превосходящими силами маленькую крепость врага. Гарнизон отбивается героически, нанося потери многочисленным нападающим. Последних героев захватили живьем. Их можно тут же перебить, и даже предать казни мучительной – это справедливо, вон сколько наших перебили, гады. А можно с почетом отпустить: их очень мало, ничего они в войне не решают уже, но дрались храбро, свой долг выполняли бесстрашно, несправедливо зря теперь губить храбрецов, они ведь ни в чем не виноваты – война есть война; и такое милосердие тоже будет справедливо. Храбрый, стойкий, верный – заслуживает жизни, это справедливо. И вот вам две справедливости – подход зависит от степени ожесточения сторон, традиции, личных симпатий, личности военачальника.

Но в любом случае присутствует ощущение и осознание того, что ты делаешь добрый поступок. Благой, правильный.

Ага. Справедливость – это добро? стремление к добру? утверждение торжества добра?

Сейчас. Око за око, зуб за зуб, жизнь за жизнь. Зло порождает зло и наказывается злом. Обычные формулировки: «Суров, но справедлив», и даже: «Жесток, но справедлив». Справедливостью мы признаем воздаяние мерой за меру. Как ты, так и тебе. Казнят убийцу, боится он, не хочет, выкручивается, – а все-таки признает, что это справедливо.

Справедливость – это равновесие между поступком и воздаянием? Похоже. Допустим. А где те весы, где та рука, которая взвешивает? Божья? А вот не надо: вам привет от священников всех армий, когда-либо воевавших друг с другом, уж так они все убеждали свою сторону, что Бог и справедливость за них, что спасу нет.

Так. А давайте скажем: справедливость – это торжество морали, мораль в действии, стремление к постоянной реализации морали в жизни. (См. «Мораль».) А мораль – это идеал человеческих взаимоотношений и вообще идеал мироотношения. Но беда в том, что для понимания сути справедливости это нам ничего не даст, ничего не объяснит – кроме еще одного напоминания, что идеал, по сути своей противопоставленный реальности, принципиально недостижим, и, следовательно, справедливость тоже недостижима. Ну и что?

Справедливость рассматривает предмет (обычно человека) не изолированно – его качества, особенности, поступки берутся во взаимоотношениях с окружающим миром и в сравнениях с аналогиями. Можно сказать: справедливость – это идеал взаимоотношений человека (предмета) с системой (миром).

И эти взаимоотношения должны находиться в некоем моральном равновесии: добро за добро, зло за зло, наказание за преступление. Какое-то качество предмета (доброта, скажем) должно находиться в равновесии с некоторым богатством и здоровьем, а злобу хорошо бы совместить с несчастьем.

Словно есть какое-то количество наложенных друг на друга, но не совпадающих диаграмм, и в какую точку ни ткни – одной точке любой диаграммы должны соответствовать и все остальные точки той же самой диаграммы. Бандит – тюрьма, красавица – любима, доброта – благодарность, талант – слава, и т. д.

Это здорово, и в это можно углубляться, но по этой дорожке мы не пойдем, потому что она никуда не ведет. Эти условные, воображаемые, вымышленные самими людьми «диаграммы» не совпадают с данностью, с Бытием, вот в чем проблема.

Наши представления о справедливости и несправедливости кое в чем не совпадают с данностью Бытия, частью которого мы сами являемся и изменить которое – кое в чем, опять же – мы никак не в силах, как не в силах изменить закон тяготения, скажем.

Расхожие примеры. Несправедливо, что лучшие обычно умирают первыми. И вообще несправедливо, что люди, такие умные и хорошие, умирают, и живут-то недолго, меньше ворона или черепахи. Несправедливо, что таланты при жизни обычно подвергаются гонениям.

Несправедливо, что хитрые, бесчестные и черствые больше преуспевают в делах, чем честные и добрые. Несправедливо, что одни рождаются умными, сильными и красивыми, а другие посредственными и убогими. Несправедливо, что женщины рожают в муках, а мужчины только получают удовольствие. А волки безнаказанно едят зайцев.

Короче, природа во многом не соответствует нашим представлениям о справедливости. Мы можем понимать, вздыхать, смиряться, но многие неизменяемые вещи не можем признать справедливыми.

Закономерно, естественно – и справедливо – это вещи разные. Не всегда. Но нередко. И вот это расхождение естественности и справедливости – принципиально и многое помогает понять.

Наши представления о справедливости во многом смещены от природного порядка вещей. Т. е. нереалистичны, нежизненны.

Это означает, что мы недовольны существующим порядком вещей. И нам потребно, чтоб было иначе. И мы хотели бы, чтоб мир был кое в чем иным. И это желание имеет следствиями некоторое стремление к установлению справедливости, т. е. к переделыванию мира. Для чего мы природой и предназначены. Наша избыточная энергетика – способ и средство передела этого мира.

Справедливость – это аргументация стремления к тому, чтоб мир был не таков, каков он есть. Это стремление к идеалу системы взаимоотношений «предмет – мир». Причина и основание существования этого идеала – в том, что мы всегда можем помыслить положение иным, у нас всегда есть хоть капля сил сделать минимальное усилие в том направлении, чтоб изменить существующее положение – уже тем хотя бы, что мы хотим иначе, что мы недовольны сущим.

Какие-то несправедливые вещи и события могут не иметь к нам лично ни малейшего отношения. Нет нам до них дела! Но, кипя жаждой справедливости – мы едем воевать за свободу чужой страны, или собираем деньги в помощь обиженным, или заступаемся за слабого и невинного. Мы вмешиваемся в жизнь, совершаем действия, изменяем что-то в мире – чего не стали бы делать, не имей представления о справедливости. «Да провались все, мир не переделаешь...»

Вот в чем суть справедливости. Мир не переделаешь, но мы все равно переделываем. Наши чувства жаждут вмешательства в мир – а наш разум обосновывает это стремление.

Ну, а как же быть с первобытным охотником, просящим прощения у убитого кабана, или убийцей, сознающим справедливость своего конца? А справедливость – это не такое простое и однозначное чувство, как может сначала показаться, в него привходит целый ряд мотивов. Один из них – «как мне, так и всем, как всем, так и мне» – это стремление к равенству и равновесию с окружающей средой и, тем самым, к безопасности: я никому не врежу, и мне тогда никто не вредит. Другой из них – инстинкт выживания рода и вида: да, я внутренне признаю, что мне надо сделать козью морду, потому что я действительно сделал плохо другим, а выживать надо всем, так что они имеют полное право сделать бяку теперь надо мной.

Вот все эти три перечисленные теперь мотива и определяют, в основном, каким желает видеть человек соотношение системы «предмет – мир», каковое соотношение в идеально-желаемой ему форме и называется обычно «справедливостью».

Совість

«Этюды о совести» составили бы прекрасную и нравоучительную книгу. Эта книга сводилась бы к тому, что поступать надо по совести, что и так все знают. А почему вообще надо поступать по совести, и что такое сама эта пресловутая совесть, и для чего она нужна?

Вот русская творческая интеллигенция XIX века была «поколением людей с большой совестью»; Достоевский особенно. Что они говорили? Что куда ни плюнь – все равно что-нибудь сделаешь не так, кому-нибудь причинишь зло, обиду, несправедливость: посмотри получше по сторонам – и всегда найдешь причины для беспокойства совести. То есть мир нравственно несовершенен, и хороший человек всегда должен поэтому мучиться совестью – уже потому, что сосуществует с гадостями, как-то с ними мирясь. Идеал человека с большой совестью – это святой.

А идеал человека без совести – это Нерон или Калигула: да твори ты все, что хочешь – умей быть выше всех и косить головы для своего удовольствия.

1. Без совести жить, конечно, легче. Ничто не грызет, не мешает действовать в собственных интересах. С точки зрения достижения внешней цели – совесть нерациональна, антипрагматична. Да если человек хочет добиться чего-то значительного – на фиг ему совесть, нужен расчет.

Наличие совести означает, что кроме удовлетворения личных эгоистических желаний человеку свойственно и потребно что-то еще.

2. Совесть часто понимают как «голос морали внутри нас». (См. «Мораль».) Но этот странный голос подает свой голос совсем не всегда, когда, казалось бы, мораль должна взывать к человеку. Этот голос звучит как-то избирательно! Вот иногда человеку глубоко наплевать на аморальность поступка, предстоящего или уже совершенного. А иногда мучиться начинает. Как так?

Обокрал десять человек – и хорошо: прибыль и удовольствие. А одиннадцатого жалко стало. Не то он бедный, не то трогательный какой-то, не то человек хороший... да нет, и другие были не хуже, но горе вот этого именно человека тебя достает. И вдруг понимаешь, что ты бы хотел, чтоб этому человеку было хорошо, сочувствуешь ты ему, а своим поступком не очень доволен.

То есть. Совесть руководствуется не какими-то моральными конструкциями, а конкретным чувством. И это чувство в одинаковых ситуациях может проявляться по-разному.

Так-так-так. Совесть проявляется на уровне личных симпатий.

Вот симпатии уже могут быть разными: сильнее и слабее, к одному человеку или ко многим, к знакомым или незнакомым. Если человек неприятен и силен, можно ему в своих интересах и на голову наступить. А если приятен и слаб, так и нехорошо как-то подломаку ему делать.

3. Совесть – это самоограничитель силы. Я могу сделать тебе то-то и то-то нехорошее – умом, хитростью, ловкостью, связями, положением, жестокостью. Но внутренний голос против. Жалко мне тебя, нехорошо так с тобой поступать.

Ограничитель, понятно, не силы вообще – а тех ее проявлений, которые направлены против интересов других людей. И животных, кстати, тоже. Обидишь иногда меньшого брата, беззащитного перед тобой – и жалко его потом, и совесть мучит. И что характерно – на охоте застрелил, и ничего. А дал пинка собаке не по делу, или лошадь избил – и не знаешь потом, как извиниться перед бессловесной тварью.

Вот как. Можно убить – и совесть не мучит. А можно обидеть – и совесть мучит. Неадекватное у нее отношение к действительности, у этой совести.

4. Но в более общей форме, совесть – это просто позыв к добру. Добром может быть и несовершенство плохого поступка, и совершение хорошего. Можно не подать нищему, не помочь в беде другу, и тогда совесть будет мучить потому, что не сделал возможного добра другому.

Опять же: один нищий тебе противен, а второй – трогателен. Им равно плохо, умом это понимаешь. Но совесть больше подает голос насчет того, который затронул твои чувства.

5. А как тут определяется, что есть добро и что есть зло? А по собственным представлениям, ставишь себя на место другого.

И нередко в этом прокальываешься. Если речь идет о сохранении жизни, о деньгах, любви, карьере – эти ценности достаточно одинаковы для всех. А вот один мой друг купил нищенке, просившей на хлеб, батон – так она этим батоном в лужу запустила: она сшибала деньги на выпивку. Можно из лучших побуждений сделать человеку такое, что он тебя до гроба возненавидит. Черт, а ты слушался своей совести...

Мы имеем дело с образом другого человека, и к жизни этого воображаемого человека мы неравнодушны. Образ может не совпадать с реальностью. Совесть бывает слепа, как бывает слепа любовь... и вообще чужая душа потемки.

6. Совесть соседствует с такими понятиями, как справедливость, любовь, доброта, альтруизм, жалость, сочувствие. И противопоставляется эгоизму, жадности, жестокости, равнодушию, агрессивности.

Ну и что? Это и так понятно. А то, что совесть заставляет свои собственные интересы распространять на интересы других. Это своего рода смазка в отношениях между людьми; это раствор, побуждающий скреплять отдельные камни людских душ в единые мощные постройки человечества.

Рациональный смысл совести в том, что люди расходуют меньше энергии, чтобы враждовать друг с другом, и больше – чтобы помогать друг другу жить и таким образом сообща делать общечеловеческое дело.

В конечном итоге общечеловеческое дело сводится к энергопреобразованию Вселенной. В качестве промежуточных величин, внутрочеловеческих следствий этого, можно говорить о культуре, цивилизации, науке, гуманизме и всяких прочих приятных и красивых вещах.

7. Совесть проявляется в личных столкновениях с другими людьми. Но само по себе количество и качество этих столкновений еще ничего не решает. Снайпер может перещелкать на войне сотню человек, и спать спокойно.

А вот человек живет себе тихо и мирно, никого не обижает. Но совесть мучит его потому, что он полагает, вот ощущает так: ему от природы даны и здоровье, и способности, и семья у него хорошая, и в доме достаток, а рядом есть люди нищие и несчастные, как же так: им плохо, а он наслаждается жизнью... несправедливо!

Совесть как комплекс вины. А направлен этот комплекс уже может быть на что и на кого угодно. Здесь невозможно провести четкую грань между психической нормой и неврозом, отклонениями.

Дело не в реальном положении вещей, дело в твоих представлениях и ощущениях. Да может, твои «убогие» соседи в сто раз счастливее тебя! Вот русская интеллигенция с ее большой совестью мучилась комплексом вины перед мужиком – в восемнадцатом году некомплексующий мужик ей показал кузькину мать.

Каганович санкционировал расстрел родного брата, а Молотов – концлагерь для любимой жены. И жили до девяноста, и были всегда уверены в своей правоте, и совесть их не мучила никогда. Цельные личности, без комплексов и рефлексий; это вам не Достоевский.

То есть. Можно иметь тьму причин для мук совести – а она не мучит. Нет ее. Ну, почти нет. А можно не иметь никаких причин – ну, так отыскать их в чем угодно.

8. Совесть ведет к психологической «сшибке»: хочется и того, и другого одновременно. И деньги украсть, и человеку горя не причинить.

Поступишь эгоистично – будет мучить совесть. Поступишь по совести – можешь всю жизнь сожалеть о неполученном, более того – можешь возненавидеть человека, ради которого «по совести» сам отказался от чего-то.

И вот здесь начинается самое интересное. Казалось бы: вот у тебя есть совесть, и есть эгоистический интерес – ты взвешиваешь, делаешь выбор, следуешь ему, и все отлично! Так нет же! Следуешь совести – и потом всю жизнь можешь мучиться: э, надо было поступать эгоистичнее, надо быть в жизни проще и напористее, все бы потом утряслось, а так – без карьеры, или богатства, или любимого человека. Пожалел, проявил мягкотелость, не сумел быть жестоким и цельным, а тот, ради кого я так поступил, ни фиги не стал от этого мне благодарен, и вообще дурак я был!.. А чаще наоборот: поступил как хотел, а совесть не оставляет свои мелкие поскребывания, зараза.

В чем же дело с этой рефлексией? Зачем она нужна человеку? Почему и для чего так устроено?

9. Любимый коктейль человечества – это мед с дегтем. Не должно быть сплошь сладко, одновременно должно быть и противно.

Нет такой ситуации, которая человека полностью бы устраивала. Всегда еще чего-то хочется, а это значит – надо что-то делать, переделывать, устраивать хоть чуток да иначе. На уровне ощущений это значит: неизменный дискомфорт ощущений, что-то не так, что-то хотел бы иначе.

Совесть – один из вариантов этого дискомфорта.

Совесть мешает человеку спокойно наслаждаться жизнью. Не блаженствуй помногу, падла, шевелись, беспокойся, думай, чувствуй, мучься, сознавай свое несовершенство. Ищи выход, размышляй о жизни, дергайся.

10. Как стремление к добру – совесть может быть стремлением к добру воображаемому, ложному, несуществующему. Почему бы Раскольникову и не кокнуть старушку-процентщицу, чтоб потом на деньги злобной и бесполезной твари совершать всякие благие дела? Почему бы и не убить доверяющего тебе короля – если сам ты станешь лучшим королем и совершишь всякие полезные для державы поступки?

Рыдающую невесту отобрали у убитого вечным горем жениха и насильно выдали замуж: так родился великий Чингиз-хан, гордость и легенда народа. Была бы у братьев его отца совесть – не было бы на свете Чингиза.

Была бы у Давида совесть – не родился бы от Вирсавии Соломон.

И вообще была бы у великих завоевателей совесть – не было бы великих государств с их великой цивилизацией и культурой.

В больших делах совесть противопоказана. Совестьливый человек высоко не влезет, его агрессивность и желание подчинять все и вся своей воле недостаточны для того, чтоб стать великим и править на верху пирамиды.

Зато внизу совесть не позволяет подданным уклоняться от всяких тягот за счет других людей.

И. И. Совесть – это инстинктивное, подсознательное стремление поступать так, чтоб быть в равновесии с окружающими, чтоб они тебя не обижали, любили, чтоб не имели по отношению к тебе таких желаний, которые тебе неприятны, нежеланны, будут во вред. Ты поступаешь по отношению к ним так, как хотел бы, чтоб они все поступали по отношению к тебе, и тем самым говоришь: я такой же, как вы, я люблю вас, как себя, я не делаю ничего плохого вам, и теперь могу и от вас не ждать ничего плохого.

Совесть – это стремление к равновесию с окружающей средой. Это стремление к покою и безопасности.

Это противоположность, «противовес» стремлению к опасности, к самоутверждению через возвышение среди себе подобных, противоположность к желанию больших свершений, достижению больших внешних целей.

11. Эта противоположность во многих случаях и обеспечивает человеку диалектическую пару комплексов ощущений: обретение хорошо – с совестью плохо, и наоборот. Чтоб нервная система и получала потребные ей и положительные, и отрицательные ощущения.

Зависть

Из всех метафорических определений зависти (коих, разумеется, тьма) мне всегда было ближе прочих скрябинское «Зависть – это признание себя побежденным». Жаль, что метафоры мало помогают разбираться в жизни.

Самый вопиющий, пожалуй, пример зависти в мировой истории – это ход 2-й Пунической войны. Род Барка был самый богатый и влиятельный в Карфагене, а славнейший представитель его Ганнибал после Каннской победы стал кумиром народа. Но армия его в Италии таяла, а римляне набирали и выставляли против него все новые легионы. Ганнибал забрасывал карфагенский сенат просьбами о подкреплении, которое окончательно решит судьбу войны – от аргументированных требований он переходил к жалобным мольбам, он взывал и убеждал. И люто завидовавшие его славе, богатству и влиянию сенаторы вынесли, в конце концов, вердикт, вошедший в анналы: «Ты и так побеждаешь, зачем же тебе еще подкрепления». Прошло несколько десятилетий – и римляне смели с лица земли Карфаген, население было вырезано или продано в рабство, и плуг провел символическую борозду через пустошь на месте великого еще недавно города: отныне и вечно быть здесь пусту.

Зависть возобладала над благом государства и собственным. Сами сдохли, но и проклятый счастливчик Ганнибал в конце концов отравился в бегах.

Это весьма близко к известному анекдоту о том, как Бог предложил мужику исполнить любое желание и дать что угодно, но его соседу то же самое будет дано вдвое. Дом – два дома, табун лошадей – два табуна, кубышка с золотом – две кубышки. Мужик долго пучился и озадаченно скрежетал зубами, пока в озарении не попросил: «А заberi у меня один глаз!»

Чтобы никакому адъёту не пришлось сейчас в голову противопоставлять загадочную и раздолбайскую «русскую душу» трудолюбивой и педантичной «немецкой душе», уравновесим этот анекдот (кстати, интернациональный) вполне немецкой сентенцией: «Самая чистая и бескорыстная радость – это смотреть, как горит дом соседа». Нет, и тушить помогут, и покормят, а все равно приятно.

Трафарет римлянина – суров, прям, непреклонен, гордится выше всего величием Рима и ради него готов на бой и смерть, твердо глядя ей в глаза. А без трафарета – Помпей завидовал полководческим успехам блистательного Лукулла и вдумчиво и последовательно отобрал у него все плоды азиатских побед, фактически присвоив чужой триумф. После чего оскорбленный до сокровенной глубины души Лукулл плюнул на благо государства и ударился в ту баснословную роскошь частной жизни, которая и стала легендарной.

Молодой Сулла завидовал престарелому Марию и лез в самое пекло, лишь бы превзойти своего начальника славой. А Марий завидовал Сулле и охотно отправлял его в следующее безнадежное пекло, из которого этот супермен выходил сильнее прежнего.

Всемирная история зависти была бы интереснейшей и поучительнейшей энциклопедией. Уже в Ветхом Завете, на заре богоизбранного племени, находим мы массу примеров этого вечного и искреннего чувства. Ну не могли же братья стерпеть, чтоб сопляку Иосифу справили новый костюмчик, а им нет! Хотели скормить его какому-нибудь представителю дикой фауны, но проявили гуманизм и всего лишь продали в рабство, заодно и подработав, – тем самым последовав инструкции бизнесменов нового времени и выдавив лимонный сок из своего лимона.

«Белый генерал» Скобелев, герой Шипки, имел столько геройских ран на теле не только по причине своего неоспоримого героизма. Он был талантлив, решителен, храбр, любим солдатами и ценим при дворе. Могли ли это стерпеть коллеги-генералы?.. Раз за разом подставляли Скобелева генералы вышестоящие, нижестоящие и рядом стоящие: он получал невыполнимый приказ и не получал вовремя подкреплений, до него не доходили последние данные

разведки и опаздывали к месту сражения определенные планом союзники и соседи, транспорты с провиантом заворачивали к другим, зато негодный порох получал именно он. Раз за разом тащили после боя упрямого вояку в лазарет – и раз за разом, со все более высокой степенью инвалидности, он вылезал оттуда обратно в строй. Генералы были в отчаянии. В крайнем случае можно проиграть сражение или даже войну – ну, отговоришься, нагребешь кучу причин, выставишь свое поражение доблестью пред лицом сильного и умного врага, вину свалишь на других, еще и орденок схватишь, – но быть вечно в тени доблестного удачника, это ж невозможно перенести.

О зависти людей творческих и говорить не приходится. Каждый хочет быть лучшим, каждому несносен чужой успех, если он превосходит твой или хотя бы угрожает ему. «У поэтов есть такой обычай – в круг сойдясь, оплевывать друг друга», – строчка давно стала хрестоматийной. Похвалить писателю другого писателя – означает нанести ему оскорбление; люди непосвященные и простодушные этого не понимают, и поэтому с непониманием и заботой смотрят, как на лице собеседника отражается разлитие желчи, осложненное приступом язвы желудка и ущемлением геморроя. «А что, он вам не нравится?» – с садистской наивностью интересуются они. Не приведи боже писателю, обласканному издателем, подслушать, как тот же издатель поет те же дифирамбы другому письмэннику, обольщая своих авторов. Ушибленным уйдет писатель, беспокоен будет его сон, и горькое разочарование в людях отразит утром бритвенное зеркало.

Но ладно еще, писатель сидит дома, и когда не видит коллег – иногда не думает о них и перестает ненавидеть. А что делать актеру, пролетарию подмостков, ежедневно входящему в этот храм искусства, совмещенный прихотью архитектора с пыточной камерой и серпентарием? Да и не подходит научное слово «серпентарий» к этому гадюшнику. Какая великая, какая гениальная актриса была Сара Бернар! Так она же конкуренток загрызала одним шелканьем челюстей, сквозь видимые миру слезы и не видимую врачам кровь. Или была в Ленинграде юная талантливая красавица Татьяна Иванова, и взял ее в великий БДТ великий Товстоногов прямо после института, и ввел сразу в первый состав, и дал заглавную роль в новом спектакле, и был успех и овации, и три матерые актрисы сказали: «Щелк!» – и не стало великой актрисы Ивановой, а стало много водки.

Прекрасна также зависть в науке, она тоже могла бы стать темой отдельной и увлекательнейшей книги. Плевать на истину, лишь бы выгрызть кадык сильно умному. Ну – кто может сейчас вспомнить фамилию хоть одного академика Прусской Королевской Академии Наук первой половины XIX века? Э? А ведь их было сорок рыл «бессмертных». Но Гегеля они к себе не приняли, как ни бился философ в философской горячке. Ибо, как справедливо говаривал старик Скотинин, «кто ж, батюшка, любит того, кто его умнее, а промеж своих свиней я сам самый умный». Но вот знаменитый литературовед Роман Jakobson был и сам бесспорно умный человек, фактически – создатель едва ли не большинства всех школ серьезного литературоведения XX века. И много лет он бессменно возглавлял кафедру русской литературы престижнейшего Гарвардского университета. Сильная была кафедра. И вот блестящий и даже в чем-то великий писатель Набоков подал заявление на кафедру – тоже захотел там работать: у него были оригинальные и вполне ценные литературоведческие идеи, зато, с другой стороны, не было денег, так что профессорское жалованье весьма не помешало бы. Старческой грудкой преградил вход на кафедру Jakobson, и молодой задор горел в его глазах, растопыренных природой в разные стороны. Черт, известность Набокова была выше известности самого Jakobsona, и стиль у него был лучше, и английский был блестящий... нэ трэба. И когда стесняющиеся сотрудники усовещивали Jakobsona, что ну, ну, крупный же русский писатель Набоков, стилист, эрудит, – ехидный Jakobson возражал: «Кит, знаете, тоже крупное водоплавающее, но мы же на этом основании не приглашаем его работать на кафедре ихтиологии!».

А как украсил бы книжную полку изящный томик о женской зависти. В качестве бесплатного приложения к нему хорошо подошел бы томик анекдотов, да еще пару томиков с описанием дивных случаев из жизни знаменитостей. «Милая, как смотрит на меня этот мужчина! – Это наверняка ювелир, – шипит подруга, злобно косясь на ее роскошное кольцо». Нет, это же надо – кинозвезда всеми правдами и неправдами выведывает, в каком платье пожалует к ней на прием другая кинозвезда, ухает массу денег на пять рулонов такой же, и крайне дорогой, ткани, и срочно обивает ею полквартиры, так что несчастная, схватившая вчера приз на фестивале, выглядит в этом доме идиотским самоходным предметом домашней обстановки.

«Белая зависть» – ладно: «Он обладает чем-то, чем не обладаю я, мне это доставляет страдание, я тоже хочу этого, буду добиваться, пока не добьюсь». Стимул к соперничеству и достижению чего-то. И вот – сам превзошел знаменитого спортсмена, или ученого, или еще кого. Позитивно, целесообразно. Понятно.

Но вот сосед надстроил свой дом, или купил новую машину, или шубу жене и т. п. Жил ты без этого всего – отлично, и век бы не тужил. Но как стерпеть, что у него есть, а у тебя нет? И ты лезешь из кожи вон и в долги, и утираешь нос соседу: дом выше, машина новее, шуба дороже. На кой черт тебе такая зависть? одно беспокойство.

А не можешь этого сделать – грызет тебя, хуже тебе живется, чем раньше. Чего у тебя убыло?

А сгорел у соседа дом, угнали машину, моль съела шубу, – выражаешь ты ему свое сочувствие в подобающих словах, а сам давишь на роже удовлетворенную ухмылку, впору лимон в рот совать для приличия. Чего у тебя прибавилось?

У тебя прибавилось ощущения своей значительности. А что такое этот пресловутый краеугольный камень нынешних рассуждений о человеке – «ощущение (или сознание) своей значительности»?

Последовательно и от яйца – еще раз. Инстинкт жизни. Проявляет себя в том. Что человек стремится реализовать свои возможности. Настолько, насколько можно. А насколько можно? А черт его знает. Гору не поднимаешь, через дом не перепрыгнешь. И человек измеряет свои достижения относительно достижений других людей. А свои возможности – относительно возможностей других людей.

А энергетика человека избыточна. Ему нужно больше, больше, больше. Делать, делать, делать. Изменять, изменять, изменять. Он стремится выше, выше, выше. Инстинкт жизни в человеке проявляет себя в том, что человек стремится делать максимум того, что он может. Всего мало, еще.

В идеале человек стремится быть значительнее всех остальных людей. В идеале он хочет: я почти бог, весь в белом на Олимпе, а остальные – в дерьме внизу в болоте, и по сравнению с их ничтожностью я огромно, предельно значителен.

Позитивная половина стремления – сделать себя выше всех.

Негативная половина стремления – сделать всех ниже себя.

Вот эту негативную половину мы и называем завистью.

Зависть – это негативный аспект стремления к самореализации, который выражается в стремлении опустить всех как можно ниже, чтобы тем самым быть как можно выше всех.

Зависть – это стремление к своей максимальной значительности через минимализацию значительности других.

Прекрасный случай теории относительности. Если ты не можешь различить, потому ли ты круче всех, что велик, или потому, что все прочие мелки, – то какая тебе разница. Суть едина: система «ты – окружающие» в твою пользу. А кроме как по окружающим, мерить ее не по чему.

И тогда становится понятен и логичен самый черный вариант зависти: «У меня есть много, а у него мало – ну так я хочу, чтоб у него даже этого не было». Еще бы. Тогда ты будешь относительно него еще значительней.

Именно отсюда, кстати, большая или меньшая примесь «нехорошего» удовлетворения при всяких известиях о катастрофах, авариях и прочих бедствиях, которые тебя лично никак не затрагивают. Чем больше бед на стороне – тем значительней становишься ты сам для себя относительно ущемленных в чем-то окружающих. (Это «аморально», зато логично и истинно.)

Что говорят родители? «Завидовать нехорошо, некрасиво, не надо!»

Что говорят окружающие? «Он завистлив, значит – слаб, сам такого добиться не может, он неприятен и смешон в своей бессильной и ядовитой злости к тем, кто значительнее его».

Что говорит моралист? «Он завистлив – значит недобр, ненадежен, эгоистичен, он желает другим того, чего не желает себе – желает им зла.»

Что говорит собственный разум? «Не надо завидовать, это бесплодное и вредное чувство, от него страдания, хлопоты, суета, оно отравляет тебе удовольствие от жизни. Разве, если кто-то чего-то лишится, у тебя чего-нибудь прибавится?..»

Что говорит инстинкт жизни, повелевающий стремиться к максимальной значительности? «Он значительнее тебя, ты не можешь быть к этому безразличен, ты ведь сам должен быть значительнее всех, ты ущемлен самим фактом его значительности, постарайся же сделать хоть что-то, чтоб изменить положение в сторону своей большей значительности!!!»

И мужики ночью жгут амбар самого богатого соседа. А жюри, состоящее из писателей, дает премию не тому, кто талантливее их, а вполне серому, и убеждают друг друга, что серый – хорош, а талантливый – плох, и радостно соглашаются друг с другом, и все в душе отлично знают, что к чему.

Человек с очень высокой самооценкой независтлив. Он и так полагает себя очень значительным. Но все равно завидует, если окружающие полагают кого-то другого выше, чем он!

Абсолютно независтливых людей не существует.

Почему же мы стыдимся своей зависти? Вернее – стыдимся показывать ее? Потому что это означает признать, что уровень твоих возможностей ниже уровня амбиций. Что ты не можешь того, что хочешь. Это означает публично расписаться в своей малозначительности, слабости, в признании другого лучше себя. «Зелен виноград». Обнародовать свою зависть – значит обнажить неуважение к своей значительности и позволить другим не уважать тебя, это значит самому себя публично «опустить».

Человек может смириться со всем: со своей бедностью, хилостью, некрасивостью, неудачливостью, но всякий имеет какой-то пункт, по которому он себя уважает и оценивает высоко: это может быть умение нищего собирать милостыню или умение знаменосца чеканить парадный шаг. И уж в этом они жаждут признания! И если хвалят и объявляют лучшим не его, а другого – будь это в масштабах полка или роты, города или переулка, неважно, каждый сам выбирает себе масштаб, в котором уважает и ценит себя, – о, если и тут лучшим признают не его, а другого, вот тут он завидует, тяжело, болезненно, смертельно.

А кто самый большой завистник? Наверное, тот, чей уровень амбиций как можно выше, а уровень возможностей как можно ниже? Вот он и хочет опустить всех до себя и ниже. Не-ет, тут все чуть сложнее. Тут разум подсыпает нам тот еще песок в шестеренки.

Гениально же выразился юморист Костя Мелихан: «Человек может все, пока он ничего не делает». Так вот, человек может быть достаточно умен, чтобы верно понимать, как надо что-то делать. Ум как способность к анализу и оценке у него может наличествовать в высокой мере. И что же он видит? что другие, менее умные, совершающие явные ошибки и глупости, преуспевают в жизни более него: деньги, слава, свершения. Они хуже и глупее! Он мог бы сделать все гораздо лучше, если б захотел!

«Если бы захотел». О. Вот точка преткновения. Почему же он не хочет? Ну, тому найдется масса причин.

Ума как способности к анализу еще мало для действия. Нужна энергия, витальная сила, жажда действий – нужно креативное, созидательное начало. «Профессиональный» завистник лишен созидательного начала. Он болтлив и ленив, даже если суетлив внешне. Почему?

Потому что подняться до вершины – и опустить вершину до и ниже себя – с точки зрения «индивидуума оценивающего» одно и то же. Работать трудно. Выше всех не станешь. А доказать себе и всем, что прочие, которых полагают выше, на самом деле ниже тебя – это проще, легче, дает больше удовлетворения. Все дерьмо! А кто думает иначе – идиоты! Таким образом, умный я на самом-то деле значительнее всех, просто люди этого не понимают.

Человек идет по линии наименьшего сопротивления в достижении своей максимальной значительности. И делать ничего не надо. Он самореализуется через негатив: оценочно опускает всех ниже себя.

В этом большое преимущество профессии критика.

Мы имеем диспропорцию между действенным и чувственным началом. Способность к абстрактному мышлению играет с человеком дурную шутку: можно не делать ничего, ощущая себя всем. Это сродни наркомании или онанизму: получение ощущений «напрямую», без всяких действий во внешнем мире. Рефлексивная способность представлять себе и оценивать внешний мир заменяет человеку действие как таковое.

Негативно направленная мысль как источник ощущения своей значительности заменяет завистнику действие как источник значительности.

Такой завистник – это пустоцвет. Пустоцвет, кстати, может цвести очень красиво. А что ему еще делать, плодов-то давать не надо.

Почему независтлив нищий мудрец? Да он полагает себя самым мудрым, он превзошел всех в познании истины! Так это мудрец, законченный продукт примата рацио над вита.

Но вот один из самых бессмысленных, на первый взгляд, случаев зависти – дурнушка завидует красоте красавицы. Зачем?! Она знает, что никогда и близко с ней не сравнится никакими ухищрениями медицины. Она знает, что ум, способности, воля ее заурядны. Она знает, что проиграла ей на арене жизни, и все тут. И знает, что кислотой ей в лицо не плеснет, бомбу в самолет не подложит, жениха ее не застрелит. Ну вот такая гарантия дается – заведомо бесплодное чувство. Так зачем оно?! Не лучше ли изжить его в себе и жить счастливее и спокойнее?

Нет. Не лучше. Зависть означает – никогда человек не смирится со своим поражением! Никогда не будет душе его покоя, если кто-то значительнее его. А кто-то значительней, будьте спокойны, отыщется всегда.

Грызение зависти и стремление к свершениям – это две стороны той медали, которая никогда не может иметь только одну сторону, только и всего. Стрдание от своего несовершенства – и утверждение себя в работе, науке, хитрости, богатстве, геройстве, создание огнестрельного оружия слабым и пластической хирургии некрасивым, и т. д. Свершения и зависть – это выстрел и отдача. Гадость эта орудийная отдача, прах из-под сошников летит и прыгающие колеса ноги отдавливает, но иначе снаряд не летит, такое дело. Может и пришибить, может снаряд и мимо улететь, а что делать.

Избавиться вовсе от зависти можно только с избавлением от желаний вообще, а для этого надобно или в нирвану погрузиться, или повеситься, однако ни то ни другое в наши задачи никак не входит.

Зависть означает: меня не устраивает существующее положение вещей, и я хочу изменить его в свою пользу. Баста! И сколько угодно разум может твердить, что это ни к чему, не надо, маета одна – он, разум, не для того создан, чтоб указывать, что делать, а для того, чтоб обслуживать желания. Он, как старый сержант-профессионал, может материть командира сколько

влезет и объявлять приказ идиотским и невыполнимым, но сводятся его ругань и рассуждения всегда к одному – как этот чертов приказ все-таки выполнить. Нет, он тебе на словах докажет, что такой приказ не нужен, но – отменить его не может. Либо же – рано или поздно настигнет его карающая лапа полевого трибунала.

Да если бы не он, разум, мне и завидовать было некому – только тому, у кого длань тяжелее. А ему что завидовать – давай, подчиняйся сильному, и всего делов. Разум ведь сам насоздавал бесчисленных поводов для зависти! Да мы ведь только через разум и получаем поводы и мотивы к зави... <...>.

Мечь

Что ни тема – то материал для всемирной энциклопедии или хотя бы монографии...

Когда буря разметала в Геллеспонте понтоны Кира, готовые к переправе – то царь, хладнокровно дождавшись утихомиривания стихии, повелел море наказать. И триста исполнителей в полный мах выстегали море дублеными плетьюми. Никто и ничто не смеет безнаказанно идти поперек воли и замысла царя. Был ли Кир маньяком или идиотом? Ни одного свидетельства в пользу такого предположения. Он твердо знал: он – самый главный, и всем это должно быть явно.

Анекдот: грузин с сыном идет по Красной площади, и мальчик, читая на Мавзолее: «Ленин», спрашивает: «Папа, а это кто?..» – «О, сынок, здесь лежит самый великий абрек в мире. Царь убил его брата, и он ему так отомстил, так отомстил!»

Чем отличается мечь от наказания вообще? Во-первых, причина наказания – проступок, который может быть направлен не против тебя или твоего рода, а против общества вообще, или еще более абстрактно – против Закона. Человек мог из лучших побуждений нарушить какую-то инструкцию, конкретного вреда никому не причинил, все вздыхают – а сажать надо: Закон, понимаешь... Такое наказание с мечью не имеет ничего общего. Во-вторых, наказание обычно несет в себе хоть какой-то позитивный смысл, целесообразность: оградить общество от преступника, дать пример другим, чтоб неповадно было, укрепить неотвратимостью наказания силу и обязательность Закона, или вообще перевоспитать преступника, чтоб осознал, раскаялся, исправился, больше так не делал. В-третьих, в результате наказания пострадавшему должно быть лучше, чем преступнику: оштрафовать одного в пользу другого, посадить одного в тюрьму, а другой будет наслаждаться свободой, и т. п. В-четвертых, наказание дозируется и соизмеряется с тяжестью проступка – либо уложениями и кодексами, либо здоровой традицией типа: «Око за око, зуб за зуб». Но никто не предписывал за синяк отрывать голову, скажем. И в-пятых: наказание не лишает наказывающего и наказуемого возможности впредь иметь какие-то отношения: ну, был проступок, последовало наказание, все нормально, можно как-то сосуществовать и сотрудничать дальше (если смертной казни не было, разумеется). То есть: наказание стремится к объективности, рассудочности, внеэмоциональности. Оно целесообразно. Для пользы дела, так сказать. Чтоб все шло путем в семье, или городе, или армии, или государстве. Для общего улучшения положения сейчас и впредь.

Что же мечь? Во-первых, она всегда носит личный характер. Задет, оскорблен, пострадал ты лично, или твой род, или твоя группа (друзья, двор, полк) – ты лично морально ущемлен, прямо или косвенно. И даже во время войны, когда между бойцами враждующих сторон нет и не может быть личных отношений – солдаты мстят врагу за убитых товарищей, разоренные города, пострадавшую родину; и идеологи всячески культивируют это личное чувство, личную ненависть, – она делает человека сильнее, беспощаднее, бесстрашнее, и побуждает наносить максимальный вред врагу даже ценой собственной жизни. Второе: мера мести определяется только чувством мстителя. Вот насколько я тебя ненавижу, настолько и постараюсь тебе отомстить – унижить, разорить, убить. Исключение тут составляет только обычай кровной мести – обычай, значит, предписывает меру мести; но кровная мечь – это не совсем мечь в обычном смысле слова, это одновременно и Закон (даже если он противоречит официально писанному закону), и здесь, как правило, убийство является ответом на убийство, реакция адекватная. В-третьих, мститель может пострадать не меньше того, кому он отомстил: он сам может быть избит, ранен, разорен, убит либо казнен по Закону, если совершенная им мечь подпадает под наказание смертной казнью. В-четвертых, мечь, как правило, сильно осложняет жизнь самого мстителя: надо тратить время, силы, средства, порой – рисковать судьбой семьи и своей собственной; и все это вместо того, чтоб заниматься своим делом. В основном одни

хлопоты и дополнительные потери. В-пятых, цель мести ограниченная и чисто негативная: плевать, в общем, на ограждение общества от преступников, на закон и порядок, не говоря об исправлении самого преступника-обидчика, – нет, наказать его как следует, чтоб ему мало не было, и все. И шестое: какие тут дальнейшие отношения между мстителем и жертвой, что вы, лишь усиление вражды, углубление непримиримости – одно совершённое зло усилилось встречным ответным злом. Как итог: месть эмоциональна, нерациональна, нецелесообразна, не дозирована.

А коли мы в этом разобрались, то уместен вопрос: если достаточно разумный человек все это понимает, то на кой черт он сам осложняет и ухудшает себе жизнь, тратя ее вместо позитивных целей, удовольствий и обретений, на то, от чего не получит ничего хорошего – на месть?

Вот великий Талейран, при всех своих пороках, был напрочь лишен мстительности. И это сильно облегчало ему жизнь. Он не портил себе нервы, держа в памяти причиненное ему зло и лелея планы отмщения (а нервы у него были стальные). Он всегда стремился вперед и вверх, не отвлекая напрасно время, силы и средства на месть, которая никак не помогала бы ему достигать целей. Он не умножал мстостью количество своих врагов. Он был прагматик, и все его поступки были рациональны и целесообразны. При этом он был знаменитейший и величайший в истории предатель и, при всей своей власти и богатстве, весьма презираемый человек. Человек без чести. «Грязь в шелковых чулках!» – как прилюдно бросил ему в лицо Наполеон.

Мсть как защита чести – это отдельный разговор.

Что такое месть вообще? В основном – причинение ответного зла. И не очень важно, каковы будут последствия. Причинение зла здесь есть ценность самодовлеющая, достаточная. Почему все приличные религии, от буддизма до христианства, месть категорически не приемлют.

У тебя украли – ты избил. Тебя избили – ты ему переломал трубой кости. Соблазнили жену – ты его убил. Убили несправедливо близкого – лично казнил убийцу страшной смертью. Здесь все понятно. Зло за зло. Кроме одного: тебя поймали и впаляли здоровенный срок каторги. И раскаиваешься ты только в одном: что попался. Совершенное тобой ты воспринимаешь как справедливое и правильное. А закон в данном случае к тебе несправедлив. Такие дела. Допустим. Так вот: на кой черт ты идешь на заведомые неприятности? Тебе их до этого мало было? А – нутро горит, спать не можешь, изводишься, худеешь от ненависти, и месть делается главной задачей жизни. Ух ты.

На уровне ощущений произошло следующее. Чье-то действие причинило тебе сильнейшие отрицательные ощущения. Эти отрицательные ощущения направлены на того, кто послужил их причиной. От этих отрицательных ощущений центральная нервная система стремится избавиться. А для этого, «рассуждает» она, надо устранить их причину. Устранить врага, ликвидировать.

А если враг случайно утонет в бассейне? Это хорошо, но не совсем. Потому что лучше и правильной было бы утопить его самому, чтоб знал, кто его топил и за что.

Тебе мало того, что враг просто перестанет жить. Тебе надо продемонстрировать себе и ему, что ты – сильнее, главнее, что ему не сошло с рук, ты скрутил его в бараний рог.

На уровне моральных категорий – тебе необходимо, чтоб восторжествовала справедливость, то есть твои представления о том, как должна быть устроена жизнь, чтоб в ней все было хорошо.

Гм. Но человеческие представления о справедливости бывают весьма несовершенны. Как сообщил один воинственный масаи, «когда у меня угоняют скот – это плохо; а когда я угоняю скот – это хорошо». Представления о справедливости сильно зависят от личности представляющего: его разумности, эгоизма, темперамента, социальной роли, как он ее себе представляет.

Хулиган оскорбит прохожего, получит оскорбление в ответ, даст по морде, огребет сдачи, – и начнет мстить! За что?! За то, что его оскорбили. Что он оскорбил – это не считается, он крутой, ему и полагается всех оскорблять, а им – молчать в тряпочку. А о чем думает избитый прохожий? – как сладко и замечательно было бы пристрелить гада, да пистолета нет и жизнь себе поломаешь. Долго мечтает, потом успокаивается.

Не станет мстить прохожий (за редким-редким исключением) – у него дел много, ему вся его жизнь дорога, и так есть за что себя уважать... и живет дальше с унижением. А у хулигана дел мало, он рискованный, ему мало чего есть терять в этой жизни, а уважает он себя прежде всего за то, что любому может явить свою крутизну, оскорбить, ударить, и чтоб все молчали! Боятся – значит, уважают, значит я значительнее их. Батюшки-светы: да хулиган по сравнению с благонамеренным прохожим выходит идеалист: он готов ради каких-то своих представлений о жизни рисковать свободой и даже самой жизнью – а порядочный гражданин не готов. Как же так?..

Вот какая штука, братцы-новобранцы. Какое бы зло тебе ни причиняли – от мимолетного уличного оскорбления или начальственного высокомерия до доноса в органы или убийства любимого человека – тут всегда есть общий знаменатель, это для тебя сводится в итоге к одному. У тебя отбирают, нагло, силой, незаслуженно, часть твоей жизни – будь то вещественные блага, или ее внутреннее пространство, или круг любимых людей, или вообще счастье, или самоуважение. Обидчик нарушил или разрушил твою жизнь, явил себя властелином над тобой – и продолжает жить. Вы столкнулись в жизни, и он оказался значительнее тебя в этом столкновении.

А жизнь твоя – это то, что ты о ней думаешь, и то, что ты при этом ощущаешь. И могло от обиды не измениться в твоей жизни ничего, кроме одного – ты был человеком, и вдруг стал дерьмом. Нет, не целиком, не в главном, но ложка дегтя портит бочку меда. Достаточно и того, что ты оказался в чем-то и насколько-то дерьмом.

Кто хочет быть дерьмом – два шага вперед и поднять руку.

И дело не в том, что тебя уговаривают: «Будь умнее, не связывайся, пойдем отсюда». Что тебе толку с твоего ума, если он – здесь и сейчас – значительнее тебя? На черта быть умным, чтобы чувствовать себя дерьмом.

Мстя, ты являешь ему свою значительность, свою волю. И никому на свете это не надо, кроме тебя самого. Чтоб ощущать себя человеком.

Здесь возникает соблазн объявить месть свойственной только человеку, с его стремлением к самореализации и самоутверждению. Но добросовестность заставляет отметить, что это отнюдь не только «человеческое, слишком человеческое». Разные животные, от маленькой кошки до большого слона, могут быть весьма злопамятны и мстительны. Претерпев незаслуженную обиду, слон может выжидать удобного случая месяцами и годами, и при первой возможности воздаст обидчику: треснет, придавит, обрушит что-нибудь на голову. У кошки возможностей меньше, но изорвать что-то, украсть, а пуще всего – написать в важное место, типа обуви или подушки, это всегда пожалуйста. Причем отлично знает, что она сделала, от хозяина укрывается и добра в ближайшее время не ждет. Ну уж а обезьяна – эта может вытворить что угодно, и удовлетворенно потом скалится и ухает: вот так-то.

Это что? Во-первых, это протест: мне что-то не нравится, я этого не заслужил, и теперь я тоже сделаю тебе то, что тебе не нравится. Во-вторых, это тоже своего рода самоутверждение: я тоже кое-что могу, не думай, что можешь безнаказанно делать со мной то, чего я не хочу. В-третьих, это вид реакции самосохранения вида: лучше не обижай меня – может, со мной ты и справишься, но это тебе кое во что обойдется, в следующий раз задумаешься с другим слоном или с другой кошкой, стоит ли так делать.

Так что в мести человеческой всегда можно вычлени́ть рудиментарный праэлемент целесообразности: никто не сме́йте так поступать, суки, никогда, иначе вот что может быть: и сам подохну, но уж ему-то кишки по кустам размотаю.

В мести, явной окружающим, элемент целесообразности понять легче: защита чести, пример обществу, исправление несправедливого положения для хоть какого-то улучшения положения дел.

А вот месть «в чистом виде»: вариант «Бочонка амонтильядо» Эдгара По. Мститель и жертва скрыты от всех: оскорбленный замуровал оскорбителя, и дело с концом. Самоутвердился. Он главнее! Будешь знать, падла.

А каков граф Монте-Кристо! И нашел же себе дело в жизни: масса трат, сил, времени, изобретательности, но – всех достал.

«О, как сладка радость справедливой мести!» – поведал небу Спартак, заставив триста пар плененных патрициев драться и умирать на могиле убитого друга – так, как недавно дрались несчастные гладиаторы для развлечения этих самых патрициев.

И вообще справедливый мститель был любимой фигурой фольклора всех времен и народов. Так что чувство это человечеству свойственно как нельзя более. А иначе бы в каждом втором голливудском боевике, делающем кассу, благородный мститель не мочил подонков направо и налево, к радости и одобрению зрителей, голосующих за такой вариант разрешения конфликтов своими кровными денежками.

Что из этого следует? А это еще раз подтверждает, что человек – крупный идеалист. В том смысле, что деньгам, славе, покою, свершениям и развлечениям, и даже свободе, и даже самой жизни, он способен предпочесть некое ощущение, некую мысль, некое состояние духа – своей рукой сделать плохо тому, кто сделал плохо ему. Немалая человеческая ценность, стало быть.

Что сказал по этому поводу знаменитый специалист товарищ Сталин? Товарищ Сталин сказал: «Самое большое удовольствие – это, спокойно выждав, раздавить врага, а потом выпить бокал хорошего вина». А уж он-то понимал.

Вот матерый блаत्याга обещает обидчику – наедине, наедине! – когда-нибудь его еще повстречать и убить. И ведь убьет, раз пообещал, такое дело. И на пятнадцать лет лес валить пойдет, и под вышку угодить может, – а вот иначе не будет мира его душе.

А вот, условно говоря, совсем крайний вариант: нормальный гражданин, честный труженик, спокойно и обдуманно готовит убийство и совершает его, казнив «энкаведешным» способом палача бериевских пятилеток. Палач уже стар и безвреден. Об акте мести никто никогда ничего не узнает. Мстителю своему он вообще ничего плохого не сделал, он других пытал. Зачем убивать, что толку? дети и внуки отставного палача ничего не знают и ни в чем не виноваты, в обществе этим актом ничего не исправляется, даже назидания обществу никакого нет, раз общество об этой казни не знает. Смысл?!

Смысл в торжестве справедливости. Есть смертные грехи, которым нет прощения никогда. И достаточно того, что о воздаянии будет знать только один человек: сам убийца перед смертью. Ибо муки его невинных жертв живут в душе каждого, кто знает о них. И тому, кто отомстил, будет лучше, правильнее жить на свете. В воображении своем он может сказать жертвам: «Он не ушел безнаказанным, ребята. Ваша кровь не осталась неотомщенной».

Поэтому мусульманин постарается на могиле убитого родственника зарезать его убийцу и бросить труп на съедение собакам. И будет прав.

Справедливость, достоинство, честь – ценности идеальные, существуют только в человеческом сознании. И месть человек совершает (в общем и как правило) из соображений идеальных, для души.

Ибо не хлебом единым.

Предательство

Всемирная История Предательства – вот достойный аспект рассмотрения истории, психологии и социологии. Потому что вряд ли жил на свете человек, который – хоть на секундочку и по мелочи – вовсе бы никого и ничего ни разу не предал. И хотя бы в мыслях своих не был вовсе знаком с предательством.

«Моя вина» – назвал свой некогда знаменитый роман норвежец Сигурд Хуль, нобелевский лауреат. На единую минуту и только в мыслях предал герой романа свою любовь: черт, они оба молоды и бедны, ну куда ж тут жениться и рожать ребенка, который у нее, оказывается, будет. Он даже не сказал об этом ни слова – предательство было только в его глазах, на лице. Через минуту он уже искренне сказал ей все те слова любви и верности, которых она ждала; сказал то, что действительно чувствовал после минутного приступа малодушия. Но минуты оказалось достаточно... Она исчезла из его жизни. Он не знал своего сына. И увидел его впервые много лет спустя – когда в оккупированной немцами Норвегии его сын, квислинговец, коллаборационист, предатель, руководил арестом его, бойца Сопротивления. Такая история.

«Ведь каждый, кто на свете жил...»

Предателей Данте и законопатил в девятый круг Ада. Дальше уже некуда.

Доносчику – первый кнут. Предательство доверившегося всегда расценивалось как дело гнусное – даже тем, в чью пользу оно совершалось. Самым цельным и здоровым образом к этому относилась, на уровне Закона, Яса Чингиз-хана: это дело заслуживает исключительно смерти, и никаких гвоздей. Монголы времен великой и грозной славы своего народа отличались замечательным психическим здоровьем.

Античные греки, в войнах с персами захватывая пленных, с собственно персами обращались в рамках тогдашних правил войны: пленных можно было обменять, отпустить по заключении мира, интернировать и поселить на дальнем краю своих земель, пусть в земле ковыряются, их внуки уже почти своими людьми будут; можно было, наконец, продать в рабство – это также почиталось делом законным, прибыль опять же. Но если в плен попадались союзные персам малоазиатские греки – этих неукоснительно предавали казни, как предателей общего дела борьбы с персидским завоеванием.

Равно и римляне славной эпохи величия Республики бывали способны – это во время войны-то! – отказаться от услуг предателя, дабы победить доблестью, а не низким коварством. Ну ужасно были гордые и уверенные в себе ребята.

Но вот в истории остался более знаменитым случай с библейской блудницей Раав, которая ради спасения своего рода предала родной Иерихон. И хотя Пятикнижие безусловно одобряет все, что делалось к пользе евреев и во исполнение заветов Бога, давшего им эту землю – заметьте, что единственная предательница была блядью.

Когда же римляне от развалившейся республики перешли к диктатуре, предварившей империю – на место былых доблестей пришло предательство как норма поведения. История великого триумvirата Помпей – Красс – Цезарь – это история клятвопреступлений, надругательства над родственными узами, убийства доверившихся и прочих прелестей гражданской смуты.

Тоталитарное государство вообще норовит возвести предательство в ранг государственного закона. Будьте верны только государству и предавайте друзей и родных во имя его. Тут СССР переплюнул всех: от Ассирии до наполеоновской Франции еще никто не смел объявить благим и примерным делом предательство родного отца: всем привет от несчастного придурка Павлика Морозова, героя-пионера из всесоюзных святцев. Каков же был блистательный результат столь патриотического воспитания советского юношества? Небывалый по масштабам во всей истории России переход солдат на сторону врага – и это в Великой Отечественной

войне!.. Переходили поодиночке и группами, отделениями и взводами, уползали за нейтральную полосу целыми караулами, дозорами и боевыми охранениями. Эта история, надо полагать, не будет написана никогда – поскольку никто не собирается открывать архивы СМЕРШа. Но в семидесятые еще годы ветераны-мемуаристы «не для печати» (чего уже старику бояться? ничего у него нет, кроме пенсии сегодня и смерти завтра) поведали такие истории, что рот раскрывался и волосы шевелились.

(Российские традиции вообще недурны – хотя и прочих идеализировать не надо. Но не сразу сможешь найти в истории другой пример, когда сыну предложили купить жизнь ценой крови отца, которому он для этого должен перерезать горло. И перерезал. Федор Басманов при Иване Грозном.)

Как «предательство века» часто упоминают сдачу немцам генералом Власовым 2-й Ударной армии. Менее часто упоминают, что от армии остались рожки да ножки, и сам факт сдачи абсолютно ничего не менял. Еще реже пишут, что причиной уничтожения армии были идиотизм и самодурство высшего командования, которое всегда преследовало одну главную цель: делать только то и только так, чтоб заслужить хорошее отношение товарища Сталина, это было даже и гораздо важнее, чем избежать поражения: убитых-то спишем, а вот если победишь, но вызовешь неудовольствие товарища Сталина – шлепнуть могут как пара пустых. Нетрудно представить эмоции Власова, которого неделями бомбили глупыми и ведущими к гибели приказами, отвергая его аргументы, а когда уничтожение окруженной армии подходило к концу – ему, значит, по положению «живым в руки врага не попадать» следовало застрелиться. Сволочи и идиоты в Москве уничтожили его армию, а теперь он же еще должен стреляться! Не захотел он стреляться. Смертной ненавистью ненавидел он к этому моменту советское Главнокомандование. И все равно, все равно – предательство его в истории не оправдывается ничем.

Вообще мы никого и ничего оправдывать не собираемся, мы не райсуд. Нас интересует понять.

С чего стал предателем знатный и удачливый вельможа князь Курбский? Во-первых, с того, что польский поход, задуманный как авантюра, провалился, и добра от Грозного ждать не приходилось. Во-вторых, с того, что армия разбежалась, дезертировала. В-третьих, с того, что Грозного боялись и ненавидели – и порешили, что лучше остаться жить в Польше, чем вернуться домой и угодить на плаху. Опять же – ну правы же ребята были! А вот все равно – не совсем хорошо пахнет.

Удивительно к месту процитировал Священное Писание Линкольн в геттисбергской речи: «Дом, разделившийся внутри себя самого, не устоит». Это относится не только к гражданским войнам. Ибо любое предательство – это разделение на две враждебные части того, что на уровне отношений почиталось как бы за единое целое.

Что такое предательство? Можно сказать: это прагматическое решение конфликта между идеальным и реальным. Непонятно; недостаточно. Попробуем разобраться.

Предательство всегда совершается по отношению к кому-то. Ан тоже не совсем, не абсолютно. Иначе не говорили бы: «Он предал свой талант», или «свои убеждения», или «свое прошлое». Здесь имеется в виду, что человек отказывается от каких-то своих взглядов, или возможностей, ради выгоды конкретной: денег, карьеры и т. п. Как бы он «разделился внутри себя самого», и более низменная, корыстная, жадная половина предала благородную половину. А вот если стяжатель и карьерист отказался от денег и карьеры ради благородного, бескорыстного поступка – тогда никто и не подумает сказать, что «он предал себя».

Здесь работают моральные категории. Совесть, честь, благородство, верность, честность. Вот если человек нарушил их, пренебрег ради цели низменной, корыстной, шкурной – тогда он предатель. Гм, а какая же корысть была Павлику нашему Морозову предавать отца? Он же это сделал из идеальных побуждений, ради счастья родины, как он полагал.

Кроме того, если объяснить одно слово, подставив на его место другое, также достаточно неопределенное и неоговоренное конкретно, что оно такое обозначает, то это ничего не прояснит.

Так... Предают что-то свое, близкое, родное, отечественное – в пользу чего-то менее близкого, чужого, даже враждебного, – чтоб получить личную выгоду: жизнь, деньги, власть и т. п. Предать можно только свою семью, группу, страну – а чужую нельзя, можно лишь ущемить ее интересы. То есть предать может только свой, только друг, – а чужой он чужой и есть.

Ладно, но почему, если ты предал своих врагам, то враги тоже тебя презирают? Обидно, понимаешь. Потому что враги тоже уважают моральные категории... но про моральные категории мы уже упоминали, они ничего, к сожалению, не объясняют, более того – они сами требуют объяснения.

А каковы мотивы предательства? Корыстные. А если бескорыстные: оскорбили человека, или ненавидит он, или завидует, и в результате предательства ничего не выигрывает, живет хуже, чем раньше, но – хотел насолить своим и насолил. Где корысть, строго говоря?

Кого предавал Талейран? Всех, кому служил. Зачем, почему? А они все равно шли к гибели, а он успевал хорошо устроиться, был на плаву, при деньгах и власти. Действовал в свою пользу.

Но какую пользу извлекала из своего предательства «кембриджская пятерка», работавшая на советскую разведку из высших, идеолого-политических соображений?.. И денег не брали. Идейные борцы. Сплошной риск и убытки.

Если объявить предателя просто потребителем – тогда все ясно. Нет у него великих ценностей, за которые он может отдать жизнь: незначительный он человек, не способный на самые крупные поступки, ему прежде всего лишь бы выжить и тепло устроиться. Поэтому его презирают: немного он стоит. Он не может противостоять силе, он может лишь перебежать на ее сторону. Он выживает не потому, что победил, а потому, что примазался к победителям, сам таковым не являясь. Он труслив, слаб, мелок. Он существует не потому, что являет другим свою волю и утверждает ее вопреки сопротивлению – он существует по милости сильного и заискивает этой милости: собака, сказал бы мусульманин. Он зависим, у него душа раба.

В любой очереди, при конфликте чиновника или кассира с кем из публики, всегда находится доброхотный защитник кассира от «принципиального» покупателя: эдакий подхалим, желающий задобрить представителя власти, чтоб тот к нему потом лучше отнесся. Мелкий бытовой вариант расхожего предательства. Угодливое подсмеивание шутке хама-начальника, издевающегося над несчастным из подчиненных. Любой подхалимаж, любая угодливость – мелкий вариант предательства: ты «поступаешься моральными принципами» ради того, чтоб начальник к тебе лучше относился, т. е. из шкурного интереса.

А вот – храбрый солдат, профессионал, бесребреник, который из рядов побеждающей армии (именно!) переходит в стан проигрывающего врага и честно сражается там. Он, может, патриот маленькой побежденной страны. Он, может, антифашист, или антикоммунист, или антиамериканист. Все равно: для вчерашних братьев по оружию он предатель, хуже и ниже честного врага. Присяга, верность, оно все конечно... но – почему?! Доверие обмануто, и т. д. – но все-таки: в чем тут дело?..

Почему предавать всегда нехорошо: сильный ты или слабый, получил выгоду или не получил, перебежал на правую сторону или виноватую, предал из низких побуждений или возвышенных? А?

Тут впору вспомнить о юнговских *архетипах*, но в архетипы мы не верим и теорию сию полагаем наивной, поверхностной и спекулятивной философией, которая тем и отличается от науки, что ее невозможно научно ни доказать, ни опровергнуть – она существует как бы сама по себе, законченная конструкция условных рассуждений и допущений.

Можно ведь сказать так: предатель противопоставляет грубой силе – ум (хитрость, коварство, изворотливость, изобретательность). Почему же мы не уважаем его человеческий ум?..

Да нет, иногда и уважаем. Сэр Варвик, «делатель королей», только и делал, что бегал от Ланкастеров к Йоркам и обратно. Его обидели – он изменил – принес победу вчерашним врагам против вчерашних «своих» – и пошел следующий цикл: сам возвел короля на престол – сам сверг и возвел другого. Был талантлив, храбр, мощен – и самолюбив. Союза с ним искали, перед ним заискивали. Предатель? Хм. Не без того... Но здесь еще одна вещь: любого, кто бросил бы ему в лицо обвинение в предательстве, т. е. в данном случае в нарушении чести, он был готов в любой миг вызвать на «Божий суд» – честный поединок, где Бог явит правого через его победу. А боец он был редкостный. И людишки язык придерживали.

Как быть? Вот человек в одном стане. Имеет некие убеждения. Получает дополнительную информацию, переваривает ее, искренне меняет убеждения. Переходит в другой стан. Попахивает предательством. А в каком случае не попахивает? Ну вот не может он больше сражаться за то, во что не верит теперь! Застрелился; не предатель. Открыто объявил свои взгляды и понес наказание вплоть до казни; не предатель. Вместе со своим станом довел борьбу до победы, и отвалил только тогда, когда свои в нем уже особенно не нуждались; не предатель. Благородный человек.

Предательство всегда целесообразно. Предать можно из шкурных интересов, из явной выгоды. А можно (куда-а реже) из идейных соображений, тогда ты идейный предатель, это классом выше, грех твой меньше, но – все равно предательство... И вот в принципе эта целесообразность, логичность – людям не нравится. Люди полагают, что поступать следует против такой целесообразности.

Теперь можем помянуть кантовский категорический императив, и тут же отставим его в сторону, ибо он абсолютно ничего не объясняет: он только дает название, т. е. приклеивает к бутылочке ярлык с существительным и прилагательным, но на вопрос «а почему это так?» отвечает кратко: «А потому». Большое спасибо.

Можно поискать исторически-рудиментарную целесообразность, и попытаться противопоставить целесообразность сообщества целесообразности индивидуума. Типа: до конца защищать свой род, свое племя, невзирая ни на что, иначе враги напугают, подкупят, победят, подчинят, уничтожат, хана генам твоих предков, которые живут во всей твоей родне. На уровне стаи – быть сильнейшим и выжить. Да? А если единственный способ сохранить гены рода – предать заведомо и безусловно обреченных и спасти себя? И выжил, и размножился, и тем сохранил род, – а сам предатель. Тьфу.

Итак. В отношении к предательству мы имеем яркий пример анти-целесообразной настроенности человечества, его анти-рациональной ориентации. Расчет верен – а чувство выше, и хоть ты лопни.

Предателю нельзя доверять, на него нельзя полагаться – предал другого, предаст при случае и тебя? Э, он свалил в туман, его больше нигде не видно и не слышно, и вообще – вот тебе, допустим, абсолютная гарантия, что больше он никогда никому вреда не принесет; все равно ты его презираешь.

В чем же дело?

А в том, что он – недочеловек. Он может быть храбр, богат, силен и знатен – и все равно он унтермен. Любой акт предательства есть акт слабости. Предатель ослабляет то, частью чего он был. Одновременно он ослабляет себя, отделяясь от целого – а равновеликой частью другого целого он стать уже не может, ибо явил свое качество – возможность по собственному усмотрению отделяться от целого. Он неполноценен, ущербен, недоделок.

Предательство – это нарушение верности единству. Единство же есть величина как реальная, так и моральная – одно скрепляется другим.

Не в том дело, что предал твоего врага, а в том, что вообще предал. Негодный человеческий материал. Его можно использовать, но с ним нельзя быть воедино. Не доверишься, спину не прикроет.

Предатель отсоединяет свою личную волю от суммы воли группы, тем самым вредя группе в пользу своих, так или иначе, но собственных желаний и интересов. Внутренний враг. Раковая клетка. То, от чего надо избавляться в принципе.

Внутренняя слабость предателя в том, что он не способен на ощущения, желания и поступки столь значительные, чтоб предпочесть их своей индивидуальной эгоистической потребности. В пределе – он не отдает свою жизнь за то, за что отдают их другие. Причем – здесь принципиален сам момент ухода от единства, перехода его границы вовне. Если ты пришел к врагу из леса – твое дело. Если от нас – ты хуже врага, просим к стенке. Дезертирство – это «пол-предательства», вторая половина – приход к врагу – превращает первую половину в предательство. Даже если ты разделил убеждения врага и отдал жизнь в борьбе против «своих» – в процессе ухода из единства твой интерес был эгоистичен: ты сам так захотел, решил, сделал. Ты не стал напрягаться, страдать, бороться за то, за что готовы они.

Когда ты с чужой стороны стреляешь во вчерашнего своего – в этот миг своя жизнь тебе дороже, чем его.

Верность означает: «Быть с вами и делать вместе это дело для меня дороже всего, и дороже жизни». Так держалось племя, город, страна. Предательство означает: «Нет, я передумал, я стал считать иначе, уже не дороже; мне теперь дороже другое». Ах ты мелкая сука!..

Предательство оскорбительно по сути; и не так важно, кто оскорблен, уж больно мерзок оскорбитель. Оскорблено наше представление о верности, чести, долге, благородстве, справедливости. Предательство аморально.

Ну и что, что аморально?

А то, что мораль противостоит расчету и целесообразности. И более того – стоит выше их. Руководствуясь и подстегиваемый моралью, и одновременно раздираемый желанием поступить целесообразно по расчету, человек достигает огромных нервных напряжений: ошибка, стресс, страдание, поступок «вопреки своему желанию», гордость тем, что смог поступить так, сознание значительности своего поступка и своей личности. Вот это та внутренняя гордость, то ощущение внутренней значительности, которых лишен предатель – лишен в сознании тех, кто не предавал.

«Он изменил!» – гудит хор жрецов в «Аиде», и этого обвинения достаточно.

«Я сумел быть верным, а он нет, хотя мне было нелегко», – вот тот пункт, по которому честный человек чувствует себя значительнее предателя; а каждый стремится быть как можно значительнее, и отыскивает к тому любые поводы. Поэтому предатель может убить тебя в честном поединке, быть сильнее и умелее тебя – и все равно ты его презираешь, ты выше, у тебя есть неоспоримый пункт превосходства.

(Предатель)

Сущность предательства до смешного ясна и до ужаса показательна. Слово это «стилистически негативно окрашено». Нехорошее оно. Человек бракованного сорта. Презирают их.

Но. Он ведь может быть храбр, силен, добр, щедр. Честен и справедлив! А все равно предатель.

Более того. Он может перейти с плохой стороны на хорошую, с неправильной на правильную! Все равно предатель.

Последовательного врага – ненавидят, противостоят, уничтожают. Но если он храбр и верен своим – уважают. Убьют! Но уважают. А предателя, который тоже силен и храбр, и помог уничтожить врага – ну... не очень уважают... Душок в нем. Предатель. Хоть и за нас.

Унтерменш. Недочеловек. А – что в нем? Ведь – нелогично! Ведь – по всему мы должны его привечать, уважать, он себя хорошо показал, предатель...

Первое. Он отстегнулся от своей группы. Он отошел от интересов своего социума. По любым причинам! Да – идейные соображения лучше шкурных. Да – если он сделал это из чувства справедливости, по убеждению, да еще рискуя жизнью, – это показывает его с хорошей стороны. Да – он по личным качествам лучше большинства наших. Но. Он был членом того социума. Той группы. Той стаи. Он был своим, одним из них, они ему доверяли полностью, он был родной с ними и един с ними. – И он ушел от них к их врагам. Все! Это ничем некупимо, ничем не покрываемо. Верность группе, единство с группой – превыше всего. Это главное и необходимое достоинство человека, это первейший показатель его качества. Тот, кто может уйти из своей группы в группу врагов – человек ущербный, неправильный, порочный.

То есть. Верность – ценилась везде и всегда. Воспевалась и проповедовалась. Верность своим – всегда обладала самостоятельной ценностью. Верность, строго говоря, означает: человек социальный, высокоразвитый, высококачественный, на него можно полагаться, с ним можно вступать в системные отношения, с ним можно совместно жить и делать общие дела. Верность – это знак высокого социального качества.

Предательство – это знак низкого социального качества, причем самого низкого. Предатель хуже вора, убийцы и насильника. Те угрожают отдельным людям, и группа может справиться с ними без особого труда: найти, покарать, уничтожить. Предатель угрожает самому существованию всей группы. Ибо основная задача врагов – уничтожить группу, сожрать плоть, захватить территорию, прервать передачу ее генов и заменить их своими. Ужас в том, что предатель мог, стало быть, оказаться врагом в любой непредсказуемый миг. Мог выдать нас чужим, привести чужих. Это хуже чумы. Это затаившаяся среди нас смерть всех наших.

Человек, способный на предательство, уже в принципе не имеет права на жизнь. Раковая клетка. Подлежит ликвидации. Не важно, кого именно, и как именно, и почему именно он предал. Важно то, что он оказался вообще на это способен. – Он недочеловек. Он унтерменш. Он – недостойная случайность среди нас, людей социальных, для которых благо группы – высшая из ценностей.

То есть:

Социальное качество человека – выше личного.

Никакой героизм, никакие заслуги не искупят предательства. Мы – все – выжили только потому, что сотни поколений наших предков ставили благо группы превыше всего. Тот, кто поступает иначе – не человек. Мы можем им пользоваться, как пользуются животными или вещами. Но он как существо – не равен нам. Он – другой породы. Он – не человек социальный, как мы. Он – из той породы, которую наши предки давно выбили, потому что их враги не умели держаться вместе. Он – на более низкой ступени развития. И т.д.

То есть:

< ..... души .....
..... ерзаний .....
.....
...долг ..... смерти .....
.....
..... окаб .....
..... здесь рукопись безвозвратно испорчена>

Социальная ущербность, социальная неполноценность, низкое социальное качество – сводят на нет все личные достоинства человека. Ничто личное не важно, если социальное низко.

Инстинктивно – не вдаваясь в анализы и формулировки – люди уважают верных и презирают предателей. Ибо социальный инстинкт безошибочно указывает, кто чего стоит.

Ну, а во-вторых, предатель – член чужой группы. И кто бы что ни говорил – мы всегда воспринимаем человека не только как индивида, но обязательно как члена его группы. Групповую идентификацию отменить невозможно никакой пропагандой, это инстинкт, опять же. Так вот: лично – он вроде наш, но группово – он все равно из них! И голова инстинкту не приказчик. Те – враги открытые и честные, а этот – хрен его знает, что у него на душе. Он все равно проникнут их воспитанием, и в нем их гены, и он есть индивидуальный слепок с их группы, а не нашей. И объективно, на групповом уровне, – он все равно наш враг. Просто пока мы имеем пользу с такого обращения с ним. А дальше – надо бы его ликвидировать. Чужая группа, чужие гены.

И в-третьих. Он член группы, где есть предатели. Скверная это группа. Неправильная и презираемая. Что ж хорошего может быть в члене такой группы? Он – из клана предателей, недочеловеков.

...Отношение к предательству наглядно и просто демонстрирует доминирование социальных качеств человека над личными.

Жестокость

Слово нехорошее. Непривлекательное. Ассоциируется с ощеренными в усмешке зубами и чем-то вроде ножа в жилистой руке, плюс сверху холодный прищур глаз. Смыкается с понятиями беспощадности, агрессивности и садизма. Мрачноватая радость от того, что заставляешь другого страдать. Возможность власти над кем-то, употребляя эту власть ему во зло: причинение зла.

Однако есть в понятии жестокости и что-то привлекательное. Сила привлекательна, и власть как проявление этой силы. Ее побаиваются, она немало может: сломить, уничтожить, навязать свою волю. Победить, заставить считаться с собой. Враги есть у каждого, мордой в лужу тыкали каждого, и каждый в воображении рисовал себе сладкие картины праведной расправы. Растравленный оскорблением человек в воображении жесток, мечтая о страхе и унижении врага. Даже мягкосердечный и слабодушный ощущает, что быть «или хотя выглядеть» жестоким бывает приятно: пусть боятся и считаются, ты крутой.

Жестокость – это способность причинять другому то, что для него является злом, по своей воле и сверх необходимого для собственного благополучия. То есть убить врага в честном поединке – это нормально, а вот живьем содрать шкуру с поверженного – это уже жестоко.

Жестокая работа – убойный цех мясокомбината. Ан мясо жрут все, кроме вегетарианцев. И люди в цехе могут работать хорошие и добрые. Просто работа такая. В жизни вообще без жестокости не обойдешься: не сожрет леопард антилопу – сам сдохнет с голоду.

Жестокое зрелище – гладиаторы на арене. Хоть и по-честному – а все равно режутся до смерти.

Так вот: где «разумная мера» жестокости и как к ней относиться?

Во времена старинные в перечень обязательных эпитетов вождя входило что-нибудь типа «жестокий с врагами»; и это считалось хорошо и достойно уважения и подражания. Чтоб боялись и уважали! Однако мы давно привыкли, что мораль решительно осуждает жестокость, иногда со вздохом соглашаясь мириться с ее вынужденностью.

Итак. Жестокость бывает мотивированная и немотивированная, а мотивированная бывает вынужденная и излишняя.

Хулиган от не фиг делать изуродовал прохожего. Это жестокость немотивированная, и все негодуют. А хулиган поддал и бахвалится пред друзьями, как он его отделал: вот он какой крутой, жестокий, страшный, доволен собой: самоутверждается.

Прохожий кое-как оклемался через полгода, подкараулил хулигана пьяным, переломал все кости и отбил потроха, помер хулиган в страшных мучениях. Это жестокость мотивированная: сам мужика достал, ни за что изуродовал. И все говорят: жестоко, конечно, но вообще мужик прав.

А вот если он так же насмерть забьет воришку-карманника, то будет менее прав. Мотивированная жестокость, но излишняя. Паразит, конечно, карманник, семью его хотел на месяц без средств оставить, но ведь на жизнь все-таки не покушался.

А вынужденная – это солдат, убивающий в бою: а куда денешься. Вне сражений – добрый и кроткий может быть человек.

Значит. Если ты режешь корову на мясо, то вообще можешь быть человеком не жестоким, добрым. Есть надо, жить надо, а вообще ты эту корову даже любил и жалко тебе ее. Прямо плачешь, а режешь. А рука не поднимается – соседа попросишь. Гуманист. А если ты кошку просто так взял да повесил – ты человек жестокий и вообще гадкий. Должна ли корова, в отличие от кошки, оценить твою жалость и признать твой сравнительный гуманизм?..

Получается: жесток не тот, кто совершает жестокие поступки ради чего-либо, а тот, кто творит жестокость из удовольствия и ради нее самой.

Наполеону очень не хотелось расстреливать четыре тысячи пленных турок в Палестине; долго вздыхал и кривился, но провианта не хватало, людей для охраны не хватало, планы наполеоновские с этими четырьмя тысячами пленных никак не увязывались... выругался, наорал на офицеров и отдал приказ о расстреле. Но египетские деревни, если там убивали хоть одного солдата, вырезал под корень и жег без колебаний: чтоб и другим неповадно было, в тылу должен царить порядок. А уж о повешенных и расстрелянных армейских интендантах при наведении порядка в Итальянской армии и говорить не приходится.

Человек истинно военный относится к жизни ясно и просто: творит меньшую жестокость, чтобы избежать большей. Повесить двоих и пресечь грабежи, чтоб в грабежах не зарезали сотню. Перестрелять зачинщиков, чтоб избежать кровавого восстания. И т. д.

Генерал авиации Польшин, воевавший в 29-м году в Китае, с удовольствием (сталинская школа) вспоминает, как Чан Кай-ши лично отдал приказ рубить головы часовым с постов дальнего оповещения, которые прозывают японские самолеты, идущие бомбить китайские аэродромы. И после этого драконовского приказа, отмечает Польшин, наши потери на земле резко сократились.

Есть несколько дежурных вопросов-утверждений, о которых необходимо упомянуть.

Правда ли, что жестокий человек – это слабый и трусливый человек? Ответ: нет, доля правды в этом утверждении невелика. Обер-палач Грозного Малюта Скуратов был человеком сильным и храбрым и погиб в бою. Но большинство опричников выказали отменную трусость при осаде Москвы в 1571 году крымскими татарами, после чего разъяренный Иван отправил ребяток на плаху; а ведь беззащитных они резали отменно и в охотку.

Жестокий преступник бывает силен и храбр: читайте уголовные хроники. Но и забытые трусоватые крестьяне, поймав конокрада, предавали его лютой казни.

Здесь надо говорить о жестокости как аспекте силы и аспекте слабости.

Сильный человек, стремясь к своему и утверждая свое, неизбежно проявляет жестокость в конфликтах с окружающими. Преодоление и подавление сопротивления. Если ты ему не мешаешь, не встаешь на пути – живи спокойно. Простейший пример – набить морду сопернику, чтоб не подходил к твоей девушке. Любой карьерист жесток с конкурентами, если они опасны. Именно поэтому без жестокости невозможен государь – чтоб энергичные претенденты не удавили и вообще не мешали делать то, что он полагает нужным. Действию приходится подавлять противодействие.

Сильному может не нравиться жестокость. Но если он не способен на жестокие поступки – он тем самым перестает быть сильным: его сила встречает преграды, непреодолимые иначе. Дело не сделано: упорные и несогласные с ним люди продвигают свою точку зрения. Чем выше к солнцу, тем меньше места на вершине. Ученые, артисты, военные, политики – везде борьба, грызня, конкуренция, и везде нужно уметь перекусить соперника.

Если же человеку нравится борьба, нравится перекусывать соперников – жизнь такая ему легче и приятнее, чем гуманисту, и наверх он идет быстрее и вернее. Вот товарищ Сталин любил уничтожать конкурентов – и вполне преуспел в своем деле. Это он-то, жестокий, был слаб – от рысьего взгляда которого боевые маршалы чуть в обморок не падали?!

А может быть сильный человек, который никак не знает, к чему прицепить, куда устремить свою силу: то он боксом занимается, то водку пьет, то прожекты строит. И самоутверждается он, как злой подросток: избирая себе жертву из окружающих и портя ей жизнь. Ах, ты умный, богатый, известный, благополучный? А я высмею тебя при всех, наставлю тебе рога, оскорблю, и ничего ты со мной не сделаешь – я значительнее тебя. Самоутверждение через жестокость. Таков толстовский Долохов из «Войны и мира» – сильный, храбрый и жестокий человек. Э?

А жестокость трусливого и слабого, имея в основе ту же самую природу – стремление к самоутверждению – проявляется через иной механизм, вытекает наружу через несколько

иное русло, так сказать. Трусливый и слабый человек закомплексован. Он не рискует, не идет на опасность грудью; скрывает жажду мести, глотает оскорбления, поджимает хвост, – выживает среди более сильных. А тоже хочет быть сильным, значительным, чтоб его боялись, уважали, считались с ним. И уж когда он, в безопасной ситуации, дорывается до того, что может явить свою власть и силу – о, вот тогда вся его многолетняя жажда отомстить многочисленным обидчикам вылезает наружу! Тем, кто красивее, сильнее, богаче, удачливее, кто плевал ему на голову и гонял на побегушках. И вот тогда он может наслаждаться унижением другого, его болью, зависимостью и беспомощностью, резать из него ремни, мучать, разрушать его жизнь.

Поэтому, как говорили те же римляне, худший господин – это вчерашний раб. Поэтому упаси Боже ставить над собой в начальники маленького, вежливого, затюканного человека: он расправит крылья – и всех начнет жрать с дерьмом, непререкаемым и жестоким образом!

Известный пример: в поединке за самку волки никогда не убивают друг друга: побежденный падает на спину и подставляет горло – знак полной зависимости, этого достаточно. Но когда дерутся за самку самцы канарейки – победитель не успокоится, пока не продолбит своим клювиком черепок побежденному. Всех боюсь, но уж на этом-то сейчас отыграюсь!

Сильный и храбрый, явив побежденному сопернику свою силу, идет дальше: и цену он себе знает, и дел впереди полно. Слабый и трусливый, получив власть над соперником, стремится выжать из этой власти максимум самоутверждения: по жизни ты значительнее меня, но уж сейчас я каждый миг буду доказывать нам обоим, какое ты дерьмо – вой, кричи, пресмыкайся передо мной, я сотру тебя в порошок, сломаю всю жизнь, покажу, насколько я значительнее тебя, вообще уничтожу.

И. И. Тяга к жестокости сидит в каждом. Вспомним милых студентов, которые последовательно нажимали все кнопки «электрорубильника», при гарантии абсолютной тайны от всех заставляя корчиться за стеклом актера, изображающего приговоренного к казни на электрическом стуле. Жутко, любопытно, манит: посмотреть, как он будет дергаться при повышении напряжения, вместо того чтоб умереть сразу. Этот старый американский эксперимент в свое время немало озадачил добрых психологов.

Стремление к сильным ощущениям – вот что такое жестокость на уровне ощущений.

Стремление к самоутверждению – вот что такое жестокость на уровне личности.

Стремление к большим действиям – вот что такое жестокость на уровне действий.

От любовного треугольника и до войны: или плохо будет другому – или тебе. Пряников на всех никогда не хватает – люди специально делают такие пряники, чтоб обладание пряником выделяло тебя из прочих, и стремление к прянику делают целью своей жизни.

Практически все великие люди бывали жестоки – а куда денешься. Побежденные враги, сломленные конкуренты, несчастные любовники. Даже добрейший Дарвин – даже он! – лишил заслуженных лавров высокопорядочного Уоллеса, дав добро своим друзьям в Лондоне уговорить колониального служащего Уоллеса не печатать свою статью о происхождении видов и предоставить приоритет Дарвину, который раньше начал работу... Дарвин, конечно, напал больше и начал действительно раньше, но главную публикацию Уоллес подготовил первый – и кто теперь его помнит, кроме специалистов?..

И последнее. Правда ли, что все жестокие люди сентиментальны? есть такая расхожая сентенция.

В общем неправда – но отчасти правда. То есть:

Обычно жестокими, как мы говорили, называют не тех людей, которые способны на жестокие поступки или даже творят их. А тех, кому это дело нравится само по себе. И не просто нравится «в среднем», как всем (привет от студентов-электронажимателей) – а так нравится, что в реальной жизни они ищут жестоких поступков.

Это что? Это повышенная тяга к сильным ощущениям. Вот такого «нехорошего» рода. Садист, понимаешь, отклонение от нормы.

А что такое сентиментальность? Это тоже повышенная тяга к ощущениям, но уже иного рода – сладостно-печальным, слезливо-отрадным.

Жестокость – удовольствие от причинения другим зла. Сентиментальность – удовольствие, опять же, от того, что на других свалилось зло, но здесь уже удовольствие приходит через сочувствие.

Умер бедный влюбленный – это сентиментально. А разрезали на куски бедного влюбленного – это уже жестоко. Первое сладко – второепряно. Можно сказать, что сентиментальность – это негрубая и эстетически оформленная жестокость. Жестокий громила – тоже человек, печаль и сочувствие ему тоже свойственны, а жажда ощущений у него повышена. То есть: он клюет на малую и милую сентиментальность острее, чем нормальный «средний» человек – но при нарастании боли, насилия и т. п. у нормального человека приятное чувство стопорится, исчезает – а у него чувство более сильное «перепрыгивает» барьер: сентиментально-жестокий человек может плакать над птичкой, сломавшей крыло – а потом оторвать ей к черту голову, суке, надоела, сердце рвет.

Опять же – жестокие люди бывают очень одиноки часто, а потребность любить кого-то есть: и вот он любит свою собачку и заботится о ней трогательно после работы, на которой ногти клиентам вырывает.

Садист в камере может с паучком дружить и заботиться о нем, ничего такого, – правда, для этого быть садистом не обязательно.

Нормальный человек посочувствует бедной Лизе и пойдет ужинать. А садист может залиться слезами, и потом сказать: надрываешь ты мое сердце, сука, – и изрезать ее на куски, пьянея от совершаемого: и любить ее хочется, и одновременно мучить и резать хочется. Повышенная потребность в сильных ощущениях. Повышенные реакции на чужие муки. И вот эта повышенность реакций включает в себя как радость от них, так и горе, обе половины сферы, но поскольку сам себе сознательно ты горе творить не станешь – то радость получаешь от того, что творишь сам, а сладкое горе – от мелочей, которые к тебе непосредственного отношения не имеют. Есть такой механизм.

Но чаще люди жестокие – душевно грубое быдло. Хрен ли им клумбы с цветочками и музыка Вагнера, пользительные для слез пресловутых эсэсовских комендантов концлагерей.

Вот женщины менее склонны убивать животных, чем мужчины. Охотой как хобби увлекались всегда мало. Но давно подмечено: втянувшаяся в охоту женщина становится очень жестоким охотником. Прямо как тот кенарь. Почему? А – коли полетели сорванные сдерживающие центры и нервная система вкусила силу ощущений от убийства живых существ – началась своего рода наркомания: мозг хочет, требует этих ощущений! Так, в общем, развивается садизм, зерно которого есть в каждом. Да и на зонах бабы между собой еще более жестоки, чем мужики, – тот же механизм.

Доброта

«Брат мой, если подданные говорят, что король добр – это означает, что царствование не удалось...» – писал Наполеон Жозефу, которого пристроил мелким королем. Жозеф пытался оправдывать свои малые успехи тем, что зато он хороший человек, любимый народом.

Все знают, что быть добрым – хорошо. Еще все знают, что добрым людям живется плохо и трудно. Пользуются и часто злоупотребляют окружающие их добротой. Несправедливость жизни, понимаешь.

Что такое доброта? Это способность принимать чужую нужду в сферу собственных интересов и действовать добровольно и бескорыстно в интересах другого человека. Как бы чужая нужда становится своей собственной.

Понятно, что есть разные степени доброты. Попросту говоря, любая доброта имеет свои границы.

Легко быть добрым, если чужая нужда никак не ущемляет твою собственную. Ты богат, а явно нуждающийся человек робко просит у тебя десять рублей. И ты даешь – не чтоб он от тебя отцепился, а из искреннего сочувствия. Недельную зарплату ты уже незнакомому человеку просто так не дашь, самому надо сводить концы с концами. Эта мелкая бытовая доброта твоих интересов, в общем, никак не ущемляет – даже наоборот, наряду с вежливостью и приятными манерами облегчает общение с окружающими, подобно смазке детали в механизме. Они довольны, ты собой доволен, жить лучше и легче. Здесь не приходится делать выбор «или – или» между своим интересом и чужим.

Поэтому говорят часто о доброте сильных и талантливых. Да отчего ж не сделать добро другому, если у самого и так все круто в порядке. Даже приятно лишний раз ощутить свою значительность, решив трудные для другого проблемы «почти без отрыва от производства»: знай наших, будь здоров. Набить кому морду, помочь в работе, подкинуть денег: вот такой я хороший и здоровый парень, если что – обращайся, все в жизни сделать можно. Здесь доброта не лишена отчасти аспекта самоутверждения: «могу и делаю, я значительнее тебя». А потери времени и труда сравнительно невелики, не принципиальны. От такой доброты у тебя, в общем, ничего не убыло.

Поэтому, кстати, и существует старая поговорка «Ни одно доброе дело не остается безнаказанным». Человека самолюбивого может ущемлять, что он оказался менее значителен, чем его благодетель, и по ситуации зависим от него. И, мелкопузый, не в силах отплатить равной мерой добра – он может стремиться (даже подсознательно) освободиться от психологической зависимости и доказать свою значительность, отплатив за добро злом. Я не могу тебя спасти, как ты спас меня – зато смогу тебе такую подломаку устроить или вообще погубить, что и тебе, и мне ясно будет, что я тоже очень значителен и даже значительнее тебя. Ты за меня поручился и устроил на работу в свой отдел – я на тебя напишу донос и сяду на твое место. Боже, сколько было подобных случаев! Так что если ты силен, талантлив, богат, – твори добро с оглядкой, милый... смотри, с кем имеешь дело.

От десятирублевой доброты перейдем к сторублевой – то есть к такой, где уже размеры чужой нужды соизмеримы со своей собственной; здесь ты уже поступаешь чем-то осязаемым. Вместо того, чтоб отдохнуть выходные на рыбалке, скажем, вкальываешь за камрада, у него жутко важное любовное свидание.

Тут что получается? От того, что в эти самые минуты в Африке неизвестный тебе человек умирает от голода, ты от обеда не отказываешься. Всех не накормишь, а самому кушать надо. Но если голодающий рядом, а больше кругом никого, то свой обед ты ему безусловно отдашь: ему нужнее. Ты и так обойдешься, ничего страшного.

Так вот, значит. «Условно недобрый» человек всех окружающих с их нуждами норовит зачислить в разряд безвестных голодающих Африки: всех не пережалеешь и не облагодетельствуешь, а своя жизнь одна, и прожить ее надо так, чтоб всего ухватить. А «условно добрый» к нужде всякого встречного-поперечного, коли она серьезна, готов подойти с меркой: «кому это нужнее – ему или мне?». Друг, товарищ и брат.

Истинно добрый человек способен уступить другому очередь на бесплатную квартиру, лучшее рабочее место, вообще что-то нужное и важное, что существует только в одном экземпляре на них двоих – если сочтет, что другой имеет на это больше прав или более нуждается. Он честно взвешивает нужду другого и собственную на одних весах – и честно делает выбор в пользу справедливости. Он вообще привык брать себе за столом меньший кусок.

Вот тут ему и хана. Вот тут его и взнуздают, оседлают, затянут подпруги и начнут ездить верхом. Потому что всех, да, не пережалеешь. Всегда найдется тот, кто беднее и несчастнее тебя. И чем выше ты поднялся – тем шире толпа более нуждающихся. Но опасение это напрасно – добрый человек не поднимется высоко нигде, где есть какая-то конкуренция – а она есть везде. Богат? – разорят. Сильный? – уговорят. Талантливый? – ограбят.

Доброго человека всегда используют менее нравственные окружающие, которых всегда полно. И чем ты добрее и честнее – тем менее нравственны окружающие относительно твоего совершенства.

А «условный идеал» доброты – это вообще отдавать все по первой просьбе и без просьб. Вот Святой Мартин отрезал прокаженному нищему половину своего плаща – а ведь мог бы отдать весь. Был бы, вероятно, еще святее. Но даже отцы церкви сочли, что половины плаща достаточно.

И вот добрый человек часть своей жизни (в форме времени, денег, труда, имущества или еще чего) отдает просителю (вымогателю, проходимцу, нищему, сослуживцу, другу). Он, может, и не собирался это делать, но он же добрый, его уговорили, объяснили, доказали, разжалобили – он проникся и поставил чужую нужду выше своей. То есть – доброта отчасти сродни слабохарактерности. Очень часто добрыми называют людей, которых легко уговорить поступить вопреки своим интересам в интересах других.

Есть ли грань и различие между добротой и слабохарактерностью? Различие есть – грани нет. Все-таки добрый человек в разбойники не пойдет и прохожих резать не будет, а слабохарактерного друга могут уговорить. (Потом мать на суде рыдает: «Да он всегда был такой добрый, мухи не обидит, это дружки все сбили с пути!..») Слабохарактерный человек легко уступает внешнему давлению, и тогда уже может поступать против собственных интересов. Слабохарактерность можно считать «наведенной», «локальной» добротой – убедили человека принять чужую нужду как собственную, а фактически – подчинили.

Слабохарактерный идет по линии наименьшего сопротивления: ему легче отдать свое, чем отстаивать. Добрый отдает добровольно – но границы этой добровольности не существует: его можно разжалобить, убедить опять же, да и просто ему непереносим вид чужих страданий, а изобразить страдания всегда можно («пользоваться добротой»). Суть одна – принятие чужой нужды как собственной.

Слабохарактерный человек способен на зло – а добрый, очевидно, нет, даже если его будут очень просить, плакать и умолять, например, поступить в палачи. Да?

Внимание! Добрый человек впиливается в ситуацию: из двух зол надо выбрать меньшее. А это в жизни на каждом шагу, тут никуда.

Чистый опыт: надо оставить на смерть арьергард, чтобы связать противника боем и спасти, увести остальных солдат. Как нельзя более обычная на войне ситуация. Сам с арьергардом остаться и умереть не можешь: обязан командовать остальными. Арьергард помирать не хочет, жить всем охота. Будь ты трижды добрый, а людей на смерть посылать надо. Можно, конечно, застрелиться и тем снять с себя груз проблемы, но это ничего не изменит.

Что делает «идеально добрый» человек, идеально свободный в своих действиях? Он договорится с противником: ребята, хрен с вами, мы отдаем вам такую-то территорию, принимаем такие-то ваши условия, платим репарации, но убивать больше никого не надо, уж очень это ужасно, неприемлемо. Лучше уж будем мирно и по возможности дружно жить под вами, лады? Хана армии, хана государству, уж в рабстве нахлебаетесь счастливой жизни.

В жизни разные нужды разных людей вечно противоречат друг другу, и быть добрым для всех невозможно. И противоречия решаются через того или иного рода суд, от внутреннего до уголовного. И суд этот руководствуется справедливостью, оформленной в закон. А закон отнюдь не добр – «закон суров, но это закон», чеканно и на тысячелетия сформулировали римляне. И в этом суде, как ни верти, добрый человек – адвокат, а не прокурор.

И возникает другая сентенция: «Добро должно быть с кулаками». Знакомо, да? И маузеры добрых чекистов начинают работать по подвалам, потому что чекисты очень-очень добрые и сжигают себя на тяжелой и грязной расстрельной работе, ставя выше своей личной нужды в хорошей жизни – счастливую жизнь всего грядущего человечества.

Как только мы оправдываем конкретное сегодняшнее зло стремлением к абстрактному завтрашнему добру – само понятие доброты теряет смысл и превращается в пустую софистику и словоблудие. Можно ли назвать добрым палача, который не мучит казнимого, а убивает сразу и безболезненно? Не будет добрый человек палачом, и все всегда это знали, и отношение к этой профессии всегда было соответствующее. Добрый человек скажет: «Не могу я его, беззащитного, хоть и гада, убивать... ну его к черту, пусть живет, скотина». И что? И гады будут дальше резать невинных и жить себе.

Я не противник смертной казни. Я противник того лишь, чтобы считать смертную казнь актом доброты. Справедливости – да, целесообразности – да, но доброта тут ни при чем.

А если тебя семьи убиенных просят казнить убийцу – как же их праведная нужда в справедливости, противоречащая отчаянной нужде осужденного пожить еще? Что делать в такой ситуации доброму человеку? Отвечаю: добрый человек в такой ситуации сойдет с ума. Но таких добрых людей практически нет, и с ума тут сходят весьма редко. А человек «нормально» добрый пусть выдаст убийцу родне убитого – казните сами, ваше святое право. Что часто и делалось.

Я гну вот к чему. Любое действие в жизни рождает противодействие. Все новое рождается в борьбе со старым и так далее. И что бы ты ни делал – обязательно наступишь кому-нибудь на хвост. Уже самим фактом своей удачи, открытия, нового слова, красивого и хорошего супруга, интересной работы, богатого дома – у тебя есть то, что могло бы принадлежать другому, или принижает другого. Твое мнение чьему-то противоречит, твой поток воздуха мог бы вдохнуть другой.

И всегда найдутся люди, которые скажут: я не хуже тебя, дай мне то, помоги мне в этом, уступи мне се, поступи по-моему, иначе мне плохо. «На», – скажет добрый человек, и останется никем и ни с чем.

Доброта есть аспект слабости. Ибо добрый человек все противоречия между собой и окружающими решает в пользу окружающих – он принимает их нужды как свои и следует им.

Вся история прогресса в определенном аспекте есть история подавления победителями интересов побежденных. Централизованные государства, без которых невозможно развитие культуры и цивилизации, давили интересы отдельных людей: плати налоги! иди в армию! строй пирамиды! подчиняйся власти! не противоречь! а для несогласных – тюрьма и плаха. А иначе невозможно... Добрый же король, кот Леопольд, призывающий жить дружно, – открывает народу амбары, распускает рекрутов из армии, уменьшает налоги до предела – и захиревшее государство погружается в смуту, разруху, исчезает. Вот зараза.

Учтем и запомним простую вещь:

делать добро не означает быть добрым.

Как? А вот так. От государя, скажем, требуется, чтобы подданные процветали – вот его задача, вот его добро. А для этого необходимо ему железной рукой сокрушать захватчиков, давить заговорщиков, вешать воров и понукать бездельников, чтоб общее добро зря не прожирало. А иначе ухватистые авантюристы растащат все по своим уделам, и корми голодных своей добротой, пока не вымрут.

На пять веков заложил Цезарь все основы процветающей Римской империи – а был взяточником, клятвопреступником, карьеристом и головорезом. Добрым людям в больших делах ловить нечего.

Привет от всех крупных политиков – крутые были ребята, и пробы на них ставить негде.

Тут вот еще какая штука. Если человеку ничего такого особенного в жизни не надо – ему легче быть добрым, т. е. следовать нужде другого, отдавать ему свое время и силы. А если он горит своей целью – отвлечения от пути к цели ему несносны, цель ему дорога, он ей всю жизнь подчинил, и поступаться ею он не хочет.

Доброта – обычно аспект вялости и бесцельности. Тот, кому безразлично, что делать – при прочих равных скорее откликнется на нужду другого, чем фанат своей идеи, пашущий на нее день и ночь. Обычно добрые, истинно добрые люди – весьма заурядны и ничего такого в жизни не добиваются. Не шибко хотят, не очень и могут: энергетический заряд не тот.

Добрые (и слабохарактерные) люди – обычно таковы большинство алкоголиков. По трезвянке – славные и порядочные. Да вот ничего им особенно неохота.

Такие люди, помогая другим, даже приободряются, подзаряжаются энергией других, мелкая промежуточная цель в жизни появляется, жить им делается интереснее.

Если человека распирает энергия свершений и он отчаянно самореализуется через свои дела – ему как бы некогда быть особенно добрым. Поделиться без ущерба для себя еще можно, а ход свой замедлять ему несосно. Может, он телефон изобретает, или лекарство от СПИДа – для блага человечества. А сам сука честолюбивая и жадная, – талантливая, правда. А начнет быть добрым и всем помогать – и ни хрена не изобретет.

Доброта – это собственная энергия, пущенная в чужие русла. Излишек – пожалуйста, а если много выходит – задумайся о том, что твоя жизнь неполноценна, что ты не знаешь, чем толком в жизни заняться.

А сила действующая и созидательная вечно отдавливает пальцы тем, кто оказывается рядом. Такое дело...

Но. Но. Но...

Всегда, однако, добрые люди ценились и почитались. На частном житейском уровне, вне политики и великих свершений, доброта всегда была вещью хорошей и желанной. Э?

Первое. Каждый хотел бы иметь вокруг себя побольше добрых людей. Добрый человек – благо для тебя, с тем и ассоциируется.

Второе. Добрый человек увеличивает твои силы и возможности своей помощью. Еще бы он тебе не нравился.

Третье. Доброта окружающих смягчает их же эгоистичность, противоположностью которой является. Среди стопроцентных эгоистов жить уж вовсе мерзко и непереносимо, ну до костей же обгрызут. Если вовсе никак не вникать в нужды друг друга, так и вообще выжить невозможно. Человек все-таки существо стайное.

Четвертое. С точки зрения уже доброго человека. Через доброту (а она сродни великодушью) человек внутренне самоутверждается: я могу сделать другому то-то и то-то, я могу другого осчастливить, я могу сделать другому то, чего он не может сделать сам, или даже вообще никто не может, – я довольно значительный человек. Мне это приятно, желанно.

Пятое. Я хороший человек. А это не каждому по плечу. Я могу то, что довольно трудно: оторвать от себя и дать другому, это значительный поступок; и ощущения от этого неслабы и приятны, опять же.

Шестое. В человеке, которому я делаю сейчас добро, я люблю это самое добро, и жизнь моя от этого в общем делается богаче и лучше. Недаром же мы обычно лучше относимся к тем, кого благодетельствовали, чем к тем, кто благодетельствовал нас.

Все то же, что всегда: эмоции и поступки, и стремление к ним. Отнять у себя и дать другому – это и отрицательные ощущения потери, и положительные ощущения своей значительности, и поступок как результат и одновременно источник ощущений. Ведь если двое делают что-то каждый для себя – или каждый для другого, – это не одно и то же. Внешний результат один, а внутренний – разный: дать и принять – гораздо больше, чем сделать себе.

Доброта – это распространение «напрямую» своих ощущений, помыслов и действий на других людей, – т. е. все то же самое пресловутое увеличение своей значимости в этом мире.

Доброта – это то, что как бы скрепляет и цементирует отдельных людей в человечество – не на уровне конкретных и реальных связей через поступки и взаимные услуги и их действия (я охочусь – ты варишь, я пашу – ты строишь), а на базовом и исходном уровне ощущений (ты мне, я тебе, мы вместе). В услугах и действиях-то можно ведь и автономии достичь – вот те натуральное хозяйство, и провались все пропадом, как вы мне надоели. Единство человеческой цивилизации организовано не механистически – оно базируется на уровне психологической структуры, к ней восходит.

Понятно ли? Не потому вместе, что иначе не выжить; не потому вместе, что это продуктивнее; но – выживание и дальнейший рост цивилизации сообщества обусловлены и обеспечены, на уровне индивидуальной психологии человеческой особи, способностью самостоятельно и добровольно принимать нужду другого как свою собственную – и испытывать от этого положительные эмоции. Ага.

Остается только пустячок: как же совместить доброту как слабость и доброту как силу, да?

Во-первых, ясно, дело в пропорции: не отдавай другим много, но если вовсе ничего давать не будешь – заплуют, отвернутся, в лес изгонят или убьют в закоулке дворца.

Во-вторых, сила индивидуума не означает силы народа или страны: крутых и сильных сейчас, скажем, в России много, а страна слаба (все всех и гложут).

И в-третьих: чтоб сильные строили свои высотные замки, нужны добрые, чтоб внизу тоже была человеческая жизнь: в пустыне-то замки никому не нужны.

И четвертое: если все будут очень сильными, будет сплошная анархия, резня и развал; для общей силы сообщества излишек индивидуальной силы необходимо сбрасывать, а то котел взорвется и осколки полетят; в ту же доброту, в этом нашем конкретном разговоре, определенный излишек силы и сбрасывается, пускается: кирпичам необходима связка раствором.

А уж блок ты гранитный, кирпич, цемент в растворе или вода для него – это вопрос личностный, кто на что годен, кому что.

Одни делают свое. И они необходимы.

А другие, добрей и попроще, обеспечивают им возможность делать свое, и тоже живут по-сильно, и часто даже не так плохо, часто даже лучше по-человечески-то, чем эти сильные, многодеятельные и малодобрые. Такие дела.

Добро и зло

В неживой природе есть лишь естественные процессы, идущие по естественным законам, и не имеющие отношения к морали вообще и к добру и злу в частности. Извержение вулкана, рождение и гибель галактики – при чем здесь мораль.

Добро и зло могут существовать лишь для субъекта – в его восприятии, отношении, оценке чего-то: будь то сторонний процесс или объект, конкретное событие или какой-то общий аспект бытия, или же какие-то собственные черты и особенности.

Если извержение вулкана накрывает город – это страшное зло для жителей. А влажная теплая весна и сухая осень – большое добро для крестьян. Если же изъять из этих зон всех людей – плевать тогда на природные катаклизмы и особенности, нет в них ни добра ни зла, природа она природа и есть.

Если изъять из мироздания разумную жизнь (отчасти разумными придется счесть и животных...), то вместе с нею исчезнет добро и зло – ибо какая, в сущности, разница, что и как происходит?.. ну, вспыхивают и гаснут звезды, разлетается и усложняется материя – сплошная физика. Вот одна звезда столкнулась с другой звездой – взрыв ужасный! это что, добро? или зло? для кого-чего, с какой точки зрения? А нет никакой точки зрения.

В неодушевленной природе, никак не воспринимаемой разумным субъектом, добра и зла не больше, чем в учебнике физики, который вдобавок некому читать.

Если попробовать перечислить основные формы добра, получится примерно: справедливость, гуманность, доброта, любовь, счастье, благодарность, богатство, здоровье, радость... Если же к каждому слову прилепить приставку «не», то получатся формы зла.

Обычно принято считать, что добро и зло – категории моральные. На самом деле они шире, выходят за пределы морали. Ум, красота, сила, богатство, слава, удача, – эти понятия (добра) выходят вообще за пределы этики. Добро и зло могут принимать совершенно вещественные формы чемодана с деньгами или пистолета.

Но сами по себе и деньги, и оружие – ничего не значащие предметы. Добро и зло возникают тогда, когда появляется человек, для которого эти деньги и оружие что-то значат. То есть: они могут как-то изменить его жизнь, будь то объективно – построить дворец и убить врага, или субъективно – наслаждаться сознанием возможностей, которые даются деньгами, и перестать бояться врага.

Короче – добро и зло существуют лишь постольку, поскольку они имеют какое-то значение для человека. Добро – это то, что должно быть, для того, чтобы жизнь была хорошей.

А что значит «хорошей»? Это не только чтоб мои личные эгоистические интересы были удовлетворены – но и чтоб всем было хорошо, причем чтобы это было справедливо.

Можно сказать так: Добро – это счастье плюс справедливость. (Ибо нам могут сейчас заметить, что порядочный человек не может быть счастлив, творя несправедливость или просто мирясь с нею, хотя Толстой честно сказал, что «можно зарезать, украсть, и все-таки быть счастливым», но последнее трудно счесть добром; вот мы и ставим знак «плюс».)

Добро – это торжество справедливого счастья.

А теперь просьба перелистнуть разделы «Стремление к счастью» и «Справедливость» – и еще раз понять и повторить себе, что ни счастье, ни справедливость не достижимы «вообще»: они достижимы в конкретных случаях и на какое-то время, но «принципиальное торжество» их невозможно, потому что они – идеал состояния и идеал отношений, а суть идеала в том, что он отстоит от реальности, «работает маяком», диалектически противопоставляется действительности.

Почти любое конкретное добро достижимо, и почти любое конкретное зло можно победить; разумеется. Победить врага, наказать преступника, освободить родину, добиться любви,

заработать денег, накачать мышцы и сделать пластическую операцию. И увенчать себя венцом царя природы, если не будет сильно голову жать.

Но. Добро «вообще» – это все то в жизни, что человек полагает хорошим и справедливым. А Зло «вообще» – все в жизни нехорошее и несправедливое. И вот есть в жизни вещи, с которыми ничего нельзя поделаться, а человеку они категорически не нравятся.

В конечном итоге ему нравится жить и не нравится умирать. А поскольку поделаться со смертью ничего все-таки нельзя, то уже по одному этому Зло получается неискоренимо.

В принципе само существование понятий добра и зла говорит лишь о равнодушии человека к миру: что-то ему нравится, хочется, нужно, и в самой общей и абстрактной форме он называет это добром, а что-то не нравится, не хочется, представляется скверным и несправедливым, и он называет это злом.

Из чего следует вечное сосуществование и борьба диалектической пары «добро и зло», обсуждение какового тезиса обычно принимает тупую и раздражающую форму обывательского сюсюканья.

Предположение возможности «окончательной победы Добра» означает, что так все уже хорошо, нет больше того, с чем нельзя мириться, нет причин для страданий: ну так можно кончать переделывать мир, чего упираться-то помногу. А конфликты будут только между хорошим и лучшим, ага.

«Полная победа Зла» означает то же самое с обратным знаком: просто меняем розовую краску на черную.

Подобный наивный бред мы с чистой совестью оставим тупым массам, которые ничего не в состоянии понимать на абстрактном уровне и поэтому нуждаются в простых готовых формулах, служащих им вместо объяснений на все случаи жизни. Догматы религии и официальной морали как раз являются такими формулами.

Но почему вообще постоянно заходит речь о «силах Добра и Зла», которые борются в мире, причем человек является ареной борьбы этих сил? То есть Добро и Зло абстрагируются, отделяются от человека и выступают самостоятельно, как бы вне сознательных желаний человека.

Во-первых, потому что человек способен творить добро вопреки личным чисто эгоистическим интересам. Значит, делает вывод незатейливый мыслитель, есть какая-то сторонняя сила Добра, которая может захватить, увлечь, подчинить себе человека и побудить его действовать в интересах стороннего, общего, лично ему кровно не-необходимого и даже вредного (жизнь отдать!) Добра.

Во-вторых – и это основательнее и весомее! – человек способен творить зло, хотя при этом понимает, что творит зло, и более того – этого зла, вроде бы, никто особенно не хотел и никому оно необходимо-то не было. Это относится прежде всего к захватническим войнам, без которых захватчик мог прожить неплохо, к разным формам грабежей, когда грабитель не помирал с голода, и вообще к гадостям, которые не диктовались насущными потребностями гадящего. Значит, заключает незатейливый мыслитель, есть отдельная от человека сила Зла.

Так возникают абстрактные понятия, которые при повторении быстро и легко превращаются из понятий в неанализируемые и обесмысленные фетиши, догмы.

Так возникает самое простое и понятное объяснение мира: религиозно-идеалистическая космогония с борьбой сил Добра и Зла, которые могут для пушей понятности и простоты персонифицироваться в Боге и Дьяволе и т. п.

А религия тут хороша и эффективна тем, что выступает в качестве потребной человеку психотерапии. Первое: человек перестает мучиться непонятным – он получил пару этикеток в качестве объяснения и обрел душевное равновесие, снял нервное напряжение и раздражение: о, вот как устроен мир, ясно, логично, я познал, чего мне и требовалось – оказывается, людьми владеют борющиеся силы добра и зла. Второе: теперь человек может свое желание «всего хоро-

шего» реализовывать в какие-то действия – молиться, совершать обряды, накладывать на себя ограничения, побуждать себя к каким-то усилиям: и ему делается легче, увереннее, спокойнее, а то раньше – желание есть, а что делать для добра (удачи, счастья) – непонятно, это нежелательное, дискомфортное состояние, оно ведет к неврозу.

Религия как космогония и психотерапия одновременно.

Философия тоже, кстати.

Познание вообще имеет психотерапевтический аспект: понять, успокоиться, и знать теперь, что можно делать дальше, чтоб получилось в жизни так, как ты хочешь.

Психотерапевтическая функция познанной истины.

Чем же плоха религия? Да нет, для верующих ничем не плоха. Но для тех, кто все желает проверить и пощупать, кто решительно предпочитает вере знание, есть одна закавыка.

Мы и так-то имеем дело не с миром, строго говоря, а так или иначе с нашим представлением о мире. В религиях же, как и в тех философиях, которые принято называть идеалистическими, мы имеем дело даже не с нашим представлением о реальном мире, а с нашим представлением о мире, который есть отражение и порождение другого мира, «Горнего», «Высшего» – т. е. мы имеем дело с нашим представлением лишь об отражении реального мира, главного и первичного мира, который есть мир идей. И этот высший и первичный мир идей непознаваем непосредственно нашими органами чувств. Органы чувств, воспринимая наш мир, воспринимают лишь следствия и отражения высшего мира – а мы посредством интуиции и разума делаем выводы: что же там, за гранью нашего мира, как выглядит то, что и управляет нашим миром.

И вот тут – свобода для фантазий. Философ выбирает те точки в реальном мире, на которых и строит основание своей философской конструкции – которая уходит вверх, в свободу и пустоту «непознаваемого чувствами». Любая философия вполне логична, стройна и закончена. От науки ее отличает то, что хрен ее опытом проверишь и физикой-математикой подтвердишь.

Поэтому и астроном, и физиолог, и психиатр могут быть верующими людьми (см. «Вера и религия»), но когда речь заходит о сфере их компетенции, они только прощающе улыбаются: не дело религии лезть в то, чем занимаются они, здесь они сами с усами.

А поскольку психология и космогония есть два края одной линейки – то в том, что начинается наукой и кончается наукой, нет места религии и идеалистической философии. Мир веры не пересекается с нашим реальным миром. Мир идей – это качественно иной мир, который может существовать только в сознании человека и с точки зрения человека.

Наша же задача – показать человека в связях именно с реальным миром и реальной Вселенной, и понять и объяснить человека именно как естественную, органичную, неотъемлемую часть реального мира, реальной Вселенной. И в этом понимании мы не нуждаемся в искусственных подпорках, условных величинах и спекулятивных умопостроениях религий и идеалистических философий. Человек – он от мира сего, и все его мысли, чувства, поступки – от мира сего.

А в мире сем устройство и функция человека: чувствователь – пониматель – делатель. А понимание включает в себя: осознать, проанализировать, уловить связи и закономерности, причины и следствия, связать с общей картиной мира, сделать выводы для практических действий.

Познавая мир, человек и столкнулся давно с тем, что вроде бы все хотят одного, а получается то и дело другое. Все хотят счастливо жить и в общем представляют себе, как именно. А почему-то, из мелких и частных неистребимых желаний отдельных индивидуумов, получаются войны, убийства, разорения и прочее зло.

Потому что Бог и Дьявол, сказали религии.

Потому что борьба идей, сказали философы.

Потому что зов любви, зов смерти, сублимация и замещение эмоций, сказали психоаналитики.

Потому что человек энергоизбыточен и переделывает мир, сказал я.

Добро и Зло означают: человек считает, что вот так должно быть, а вот так не должно быть. Это он считает на уровне своего разума и осознаваемых чувств. И вот все должное по уму и чувствам он в самой общей форме называет Добром, а недолжное – Злом.

Но поскольку он энергоизбыточен и резко неравновесен с окружающим миром – он всегда сочтет что-то недолжным.

Поскольку он энергоизбыточен и принципиально неравновесен с окружающим миром – он принципиально считает недолжным кое-что неотъемлемо присущее этому миру. Он принципиально несогласен кое с чем в этом мире – ибо он вечный переделыватель, в любых условиях и на все времена, пока не уничтожит эту Вселенную и не создаст тем самым следующую.

Этот его инстинкт не контролируется разумом. Сам разум и есть этот инстинкт в его конечном и крайнем (на сегодняшний день) развитии, и призван именно обслуживать, реализовывать этот инстинкт – переделывать мир все активнее и эффективнее.

Но преобразует Вселенную человек не потому, что выполняет долг. Преобразование Вселенной – побочный эффект его деятельности, с точки зрения человека. А действует он в своих интересах и из своих побуждений: голод, любовь, честолюбие, и вообще самореализация и самоутверждение.

(См. «Всеобщая теория всего», гл. 2, п. п. 3–6.)

И Добро, и Зло имеют своим основанием стремление человека к максимальным ощущениям и максимальным действиям. Стремление это имеет единую природу – инстинкт жизни, принимающий вид инстинкта действия, – а форму добра или зла принимает в зависимости от многих объективных и субъективных обстоятельств: кому что по плечу, какая историческая погода на дворе, каково соотношение рации и вита в индивиде, как его воспитывали, куда он попал и т. д.

Человек хочет и делает не то, что он по своему разумению должен был бы хотеть и делать, а то, что ему в результате и в сумме необходимо для получения максимальных ощущений и совершения максимальных действий.

Как созидание и разрушение есть две стороны одной и той же потребности в действиях и изменениях, так добро и зло есть оценочное отношение к одной и той же деятельности человека – мироизменяющей.

Человек разграничивает и противопоставляет добро и зло, как идеал и антиидеал бытия в совокупности его конкретных проявлений по отношению к себе.

Понятно, что и добро и зло коренится в природе человека.

Представление же о добре и зле коренится в несогласии человека с имеющимся миром – и в потребности иметь ориентиры в этом мире: для выживания, познания, сосуществования в общегитии, уяснении для себя мотивов своих действий и объяснении для себя самих своих желаний, которые разуму могут «не нравиться».

Глава 2

Любовь зла

Любовь

Любовь!! Волнует кровь!! Кто еще хочет комиссарского тела?!

Что там насчет божественной страсти? Где там библиотеки любовных романов? А как хороши разделы «Любовь» в бесчисленных сборниках афоризмов «В мире мудрых мыслей»! Прочитал – и обогатился. Поразмыслил, оценил... И все равно не стал умнее. То понял, сё понял, многое понял, и все равно ни хрена не понял.

Либо она есть, либо ее нет. Это в конкретном случае.

А вообще – все знают, что она есть, и никто не знает, что это такое. Или еще: все знают, что это такое, но никто не знает, как это сказать. Можно сказать одно, другое, третье, пятое, и все это будет верно, но не полно. Не исчерпывающе. Не всеобъемлюще.

Есть многое на свете, друг Горацио, что часто снится нашим мудрецам, и пробуждаясь ненадолго от грез, они одаряют нас формулировками насчет того, что непостижимы пути слияния сердец.

Хотя практики-эмпирики, профессиональные соблазнители и многоженцы, по этим путям ходят, как по тротуару возле собственного дома. Легко и беззаботно. Зная все повороты наизусть.

Есть любовь к родине, родителям, деньгам, славе, украшениям, риску, вину, работе, развлечениям и ковырянию в носу. Эти виды любви мы сейчас рассматривать не будем. Равно как и страсть нежную и бесплодную сексуальных меньшинств: мы предоставляем им наслаждаться равноправием и скромно отводим глаза в другую сторону – в необъятную сторону, где громоздятся друг на друге люди нормальные.

Любовь женщины и мужчины интересует нас.

Удивительные вещи происходили вечно по причине ея. Рыцари совершали подвиги во имя Дамы, а Антоний предал войско и потерял полмира и жизнь. Хозе убил Кармен, а Ромео убил себя. Парис похитил Елену – и этим уничтожил свое государство в Троянской войне.

Чем сильнее любовь – тем больше наломано дров. Вечно какие-то препятствия, вечно какие-то страдания, и чем трагичнее страдания – тем более прекрасные и проникновенные песни слагают поэты. Пострадал старик, пострадал, говорили пассажиры.

Понятию «любовь» придается какое-то магическое значение. Если человек в личных интересах нарушил государственный долг – он кто? Вообще-то изменник. Нехорошо он поступил. А если из непреодолимой и великой любви нарушил? Тоже, вообще-то, изменник, но у него была уважительная причина, надо его понять, пожалеть, сострадать ему. Такова великая сага о Тристане и Изольде.

То есть: влечение достигает такой силы, что переходит в некое иное качество. И этим все можно оправдать. В крайнем случае можно казнить, если он совершил нечто ужасное – но все равно сила его чувства внушает уважение, симпатию, жалость, зависть. Леди Макбет Мценского уезда.

1. В основе любви лежит половой инстинкт. Это понятно и не заслуживает разъяснений.

2. Любовь обычно выглядит культурной надстройкой на половом инстинкте. Человек не кошка, чтоб просто совокупляться. У него есть речь, обычаи, представления о мире, – и вот он переживает, произносит разные слова о своих чувствах, совершает разные поступки, демонстрируя силу своих чувств. То есть обычно представляется, что тупой и грубый чело-

век, о котором иногда говорится «да это просто животное», не способен к такому высокому и прекрасному чувству, как любовь, – ему лишь бы похоть удовлетворить. Для любви необходима некая душевная тонкость, духовность, так сказать, что и отличает человека от животного (такова традиционная точка зрения).

3. А есть ли любовь у животных? Один партнер может оберегать другого, помогать в добыче пищи, заботиться при ране или болезни. Это, предположим, можно списать на тот же простой половой инстинкт – забота о появлении и выживании потомства.

Полагаете, любовь у попугаев или кошек не существует? Да? А вот вам элементарный волнистый попугайчик в клетке, тоскует один, бедняга, семечки не клюет и перья теряет. Ветеринар выносит заключение: бабу хочет. Езжай на птичий рынок за самочкой.

Подсаживают в клетку самочку – а он ее не хочет. Не дружит, не покрывает. Меняют самочку. Разборчив жених, эту тоже не хочет. И только следующей начинает перышки поправлять, семечки ей лузгать и принимать перед ней обольстительные позы. Понравилась.

Точно так же не всякого кота подпустит мяукающая в течке кошка. Орет, катается, не жрет неделю – а ухажера когтистой лапой по морде! Потребен ей мужик – но всякого первого попавшегося она не хочет. Может и первый понравиться – а может и второго спровадить.

Это любовь или нет? Нет, гневно ответит высокодуховный моралист. Это говорит только об избирательности полового инстинкта. Не с кем попало потомство давать, а с подходящим – а уж насчет подходящести природа диктует и направляет.

Без всякой возможности выбора любая пара кот-кошка в конце концов, не с первого раза, примирятся и начнут делать котят. Так это и о паре людей сказать можно. А есть возможность выбора – выбирают.

Мы имеем избирательное действие инстинкта. Это пока тоже элементарно.

4. Половой инстинкт – это оформление биологической энергии, он направлен на существование и размножение вида. Он совершенно целесообразен.

Да? Сейчас! Общеизвестна масса вариантов в животном мире, которые выглядят вполне «очеловеченным» проявлением любви – это гибель особи, потерявшей партнера. Овдовевший лебедь набирает высоту, складывает крылья и разбивается о землю. То же может сделать и голубь, а может зачахнуть и умереть от тоски. Попугайчик в клетке с собой не покончит, но может впасть в такую меланхолию, что тоже сдохнет. Вот разлученный с подругой волк в зоопарке: есть отказывается, лежит неподвижно, глаза погасшие и шерсть лезет клочьями. И относится это ко многим животным.

В чем тут целесообразность? По логике целесообразности – надо немедленно искать другого партнера, а если его нет – как минимум поддерживать себя в наилучшей физической форме: на случай встречи, увеличивая тем самым шанс возможности размножения, или уж как минимум сохранять себя как полноценную и жизнеспособную особь своего вида. Инстинкт жизни должен повелевать именно это.

Инстинкт размножения может противоречить инстинкту жизни индивидуальной. То есть: инстинкт сохранения вида может доминировать над инстинктом самосохранения. Вид – важнее! Да – но это если жертвовать собой ради потомства.

Мы констатируем такую доминанту полового инстинкта в животном мире, которая выглядит анти-целесообразной: умереть без всякого толка вместо жизни и возможного в будущем размножения.

Как же так?

5. Наблюдаются и другие «нецелесообразные» проявления полового инстинкта у животных. Скажем, гомосексуализм селезней или мартышек. Или кобелек, пытающийся совокупиться с диванной подушкой или вашей ногой. А яснее всего – онанизм высших обезьян.

Животное не шибко рассуждает. Оно хочет. Ему потребны ощущения. В данном случае – доминирует потребность полового удовлетворения.

Дети от этого не рождаются. С точки зрения размножения это нецелесообразно. Но для особи это целесообразно с точки зрения удовлетворения непреодолимой потребности в ощущениях.

6. Целесообразность размножения – через особь являет себя как целесообразность получения половых ощущений.

Животное, при отсутствии «рационального мышления», стремится к этим ощущениям гораздо «прямее», чем человек. Заменить секс ему нечем, оно спортом и бизнесом не занимается и в кино не ходит.

А ощущения эти и потребность в них так сильны, что сильнее некуда. Ведь в основе их – базовый инстинкт жизни всего вида.

7. Поэтому потребность в партнере сильнее потребности жить, в общем, в принципе. Перефразируя старую римскую поговорку: размножаться необходимо, жить не так уж необходимо.

Наличие партнера, постоянная возможность обладания им – для животного есть самый главный момент жизни, более ценный, чем индивидуальное существование. Эта «главность» и «ценность» живут в животном на уровне ощущений: есть партнер – желанно, хорошо, положительно, нет партнера – нежеланно, плохо, отрицательно.

Индивидуум стремится испытывать одно и не испытывать другое.

А что такое пара ощущений «хорошо-плохо»? Это кнут и пряник. «Хорошо» – природа манит к этому ощущению пряником. «Плохо» – гонит кнутом от этого ощущения к противоположному, к «хорошо».

«Хорошо-плохо» – это диалектическая пара, одно определяется через другое и одно не существует без другого. Как бы ты узнал, что это хорошо, если бы никогда не испытывал ничего другого.

«Хорошесть» наличия секса соответствует «плохости» его отсутствия. Способности к этим ощущениям заложены в устройстве центральной нервной системы. И – такая штука – они взаимнеобходимы!

Нет боли – как узнаешь, что необходимо лечиться? Отсутствие понятия «болезнь» влечет за собой и отсутствие понятия «здоровье» – одно определяется через противопоставление другому. Нет голода – как узнаешь, что необходимо насытиться? Не страдаешь от отсутствия секса – как узнаешь, что надо совокупиться?

Нам нужен кнут. Поймите и запомните это хорошо. Через кнут мы ощущаем необходимость пряника. Через избавление от страдания познаем наслаждение и счастье.

Нежелание, избегание, боязнь кнута – есть вечная и обязательная половина потребности в прянике, где вторая половина – положительные стимулы: желание, стремление, радость.

Стремится ли сознание особи к тому, чтобы кнута вовсе не было, чтоб оно о кнута даже не подозревало? О нет! Оно именно стремится к тому, чтоб кнут был, чтоб было знание о возможности подстегивания, чтоб угроза кнута наличествовала всегда, ибо через степень болезненности кнута постигается степень сладости пряника. Равнозначная равновеликость и взаимообусловленность.

Короче: индивид не мог бы испытывать такую радость от наличия партнера, если бы не мог испытывать такое горе от его отсутствия.

Это своего рода «зеркальный» комплекс «дву-ощущения». Чем больше растет одна половина – тем больше и точно так же растет и другая. Как сила действия и противодействия, как два равных груза на перекинутой через блок веревке.

Вот таким макаром внушает животному инстинкт размножения, что партнер ему важнее жизни. И когда животное чахнет и гибнет без партнера – целесообразность здесь не в наличии-отсутствии механической возможности размножения. Эта целесообразность, повторим еще раз, заложена и являет себя на уровне психологических побудительных мотивов, на

уровне положительных-отрицательных ощущений. А отрицательные ощущения здесь необходимы, потому что без них невозможны положительные.

И вот – нет партнера. Отняли, застрелили, волки съели. Мышка устроена просто, она утешится быстро, ее все хавают, ей надо размножаться любой ценой. Но мозги у всех, даже маленькие, устроены чуток да по-разному. И маленький волнистый попугайчик, куда менее плодовитый, чем мышка, уже может и вовсе не утешиться, и однажды утром будет лежать в клетке лапками кверху. Не говоря о лебеде.

Затухание сенсорной доминанты. Это по-научному. А по-простому – жить больше незачем. Исчезло то, что было самым дорогим в жизни, самым ценным, дороже собственного существования.

Вот вам и «избирательный половой инстинкт». Не так все просто.

Метафора «без любимого не жить» становится простецкой реальностью. *Ценность партнера определялась мощью положительных ощущений. И одновременно – мощью возможных отрицательных ощущений от его отсутствия.* Мощь эта такова, что сбивает нормальное функционирование всей центральной нервной системы. Гибель организма.

Самоубийство лебеда – предельно конкретизированный случай этой общей закономерности для многих существ.

8. А теперь вернемся к людям с их вечной головоломкой «загадочности» любви.

Является ли любовь условием, необходимым для размножения? Отнюдь, скажет каждый, и первые ряды будут состоять из мужчин.

Является ли любовь условием, необходимым для социального института брака и семьи? Тоже нет, повторит эхо, и на этот раз первые ряды будут состоять из женщин.

Кто ж не слышал и не знает, что брак по расчету устойчивее и прочнее брака по любви. Что для брака предпочтительней дружба, похожая на любовь, нежели любовь, похожая на дружбу. Что «брак по любви – белые ночи и черные дни».

Общность взглядов и целей, общность ценностной ориентации, как выражаются социопсихологи, – это главнейшее для долгого и прочного союза. Когда люди здраво и трезво, рассудочно, оценивают и анализируют ситуацию – они вернее создадут устойчивую семью. Ведь характер, ум, привычки, душевные качества – они остаются навсегда в том человеке, с которым живешь. А страсть – искры летят, а приостынет – и что там будет, как будет? Влюбленный не заглядывает в будущее с линейкой и калькулятором, он мечтает, он грезит и верит, а, все устроится, как-нибудь, главное – быть вместе.

Читатели, критики, социопсихологи давно стали задавать идиотскую задачу: все романы о любви кончаются свадьбой, а вы опишите их жизнь через пятнадцать лет – денег мало, он шляется по друзьям, она неряшлива и плохо ведет хозяйство, первый огонь любви остыл, ничего завидного.

А их друзья, женившиеся без такой «ах-любви», живут не хуже них, а, скорее, лучше: без скандалов, без разочарованности, и быт лучше налажен, и карьера успешнее.

Естественно: друзья, вступая в брак по расчету, думали об удобстве его для создания своего дома и рождения детей, для успехов материальных и карьерных. Добыть денег с приданого, обрести родственные связи в верхах и пр. Материальную базу никак со счетов не спишешь. Влюбленным же гони миготом рай в шалаше! И вот любовь прошла, а шалаш остался. А расчетливые друзья во дворце.

И более того, более того! Можно влюбиться в человека, который не в состоянии иметь детей! Сколько на свете влюбленных бездетных пар, стоящих в многолетней очереди на усыновление чужого ребенка! И ведь тот из двоих супругов, который сам не бесплоден, но уже давно осведомлен о бесплодии другого – продолжает любить его, коли брак был по любви, жалеть, заботиться, опекать. А ведь имеет возможность развестись и вступить в другой брак, где будут и дети, и деньги.

А девушки, любящие знаменитых старцев! А те, кто продолжает обихаживать любимых жен или мужей, ставших безнадежными калеками в результате несчастных случаев или болезни!..

Итак, любовь не только не необходима для размножения и брака. Любовь может противоречить самой своей основе, самой своей биологической сущности, на которой она же и базируется, – противоречить деторождению.

9. Хорошо. Любовь – начало чувственное, а не рациональное. И чувство ориентируется не на рациональный прогноз желательных результатов – умом вычислять здоровье будущих детей и материальный достаток семьи. Чувство ориентируется на сумму явных признаков, которые воспринимаются как залог того, что с будущими детьми будет все в порядке. Тогда – в основе лежит сексуальная привлекательность...

Женщина должна быть стройна, красива, с большой грудью и широкими бедрами. Готова качественно выполнить предназначение природы – рожать детей. Мужчина должен быть рослым, мускулистым, с мощными плечами и руками – добытчик и защитник. Он должен быть силен, храбр, энергичен, а также невредно быть умным, – самец первого сорта, преуспеет в жизни, и дети от него будут хороши. Ей желательно быть кроткой, привязчивой, верной, хозяйственной, не давать первому встречному – надежная хранительница семейного очага.

Вот примерно так вульгарный позитивизм рассматривает целесообразность половых признаков и особенностей.

Действительно, на таких особей повышенный спрос, конкуренция претендентов – казалось бы, казалось бы... Тогда все должны любить самых красивых, и никто не должен любить самых некрасивых. И тогда что? Некрасивые вымрут, а красивые размножатся, тем лучше для человечества в целом. Ан на деле этого не происходит.

Некрасивые тоже хотят размножаться, и успешно это делают. Мало того: они тоже любят друг друга, и не слабее красивых. Более того, и что характерно:

Красивая пара – большая редкость. Обычно хорош только один из двоих. И все судачат за спиной: «Такой мужик, да за него любая пойдет, чего он в этой мымре нашел», или: «Да она могла отхватить себе кого угодно, на что ей этот дохляк сдался...»

Если у красивого есть возможность любого выбора, почему он не выбирает неукоснительно себе в партнеры тоже самую красивую? Другие достоинства перевешивают? А если нет там никаких особых достоинств – как чаще всего и бывает?

И почему, наконец, красивые так же часто (если не чаще!) несчастливы в любви, как некрасивые?..

И тогда мудрецы качают головами и говорят о неисповедимости любви.

Но подождем качать головой, чтоб не отвалилась. Она не для того, чтоб ею качать, она для того, чтоб ею думать.

10. Вот добрачная связь: женщина любит мужчину, а он лишь позволяет любить себя, ему с ней неплохо и только. Она красива, сексуальна, умна, порядочна, эта связь ему приятна и льстит и он прекрасно понимает, что она будет прекрасной женой, ну во всех же отношениях устраивает. Но не любит он ее, и все тут. И хочет не очень-то почему-то. И проходит время, и они расстаются, и благополучно живут в браке с другими, и вот годы спустя он вспоминает ее и недоумевает: да почему же он ее не любил? Да ведь она была лучшей женщиной в его жизни. Причем он это и тогда понимал. А вот не тянуло...

А ведь и счастлив бы с ней был, она и в постели была прекрасна, и всем хороша. Да ему явно должно было быть с ней лучше, чем с последующими, и чем с нынешней женой. Вспоминает, мечтает и вздыхает. Ах, хороша. Эх, опять бы. Вот незадача, не хотелось.

Аналогичным образом и женщины отшивают достойных воздыхателей, чтобы потом раздумывать иногда о собственной незадачливости и превратностях любви.

Резюме. В условиях полной свободы выбора человек выбирает («любит») не идеального и не лучшего (и на свой собственный взгляд не лучшего!!!) партнера. И говорит: «Не по хорошу мил, а по милу хорош». И терпит некоторые физические и нравственные недостатки избранника, а у отвергнутого этих недостатков не было.

11. Обыкновенная вещь: она его не любит, а упрекать его не в чем, и ей даже самой как бы неловко, что она его отвергает, и со всей искренностью она говорит: «Ты очень хороший, лучше тебя я никого не знаю, но...» Это «но» означает: всем ты хорош, а вот не люблю. И никого сейчас не люблю. Чего-то не того мне надо. Или второй вариант: а люблю Ваську из соседнего дома, он выглядит во всем хуже тебя, но люди просто не понимают его, а на самом деле он хороший, но я не умею этого объяснить. И рвется за него замуж, и уж он ей покажет супружеское счастье, будет ей и любовница на стороне, и синяк под глаз.

И с тупым Васькой она будет изредка счастлива донельзя, а чаще рыдать будет и участь свою проклинять. Но будет жить. А с тобой, таким хорошим, все будет гладко, но будет подташнивать от твоей хорошестьи, и счастья такого не будет.

В чем же смысл такой любви? Разводят руками мудрецы и бороды себе дергают.

12. Вы думаете, привлекательная и очень темпераментная женщина остановит выбор на мужчине, который в постели обеспечит ей небо в алмазах? Если бы. Чаще она полюбит такого, с которым (о, у него масса своих достоинств, конечно!) она все больше остается сексуально неудовлетворена. И у нее невроз. И она мастурбирует. И наставляет мужу рога. И живет, и любит!! За душу, за деньги? Если бы. Как обычно – неясно за что. Либо она считает его красивым, либо лихим и храбрым, либо благородным и беззащитным, нуждающимся в опеке и ласке, либо непризнанным гением, с видимыми ей недостатками мирится, а видимых ей достоинств не видно никому, кроме нее самой.

А по ней такие орлы сохли! Ау, любовь, где твоя целесообразность?..

13. Вы думаете, мужчина в результате женится на женщине, близкой к его идеалу? Смотри пункт 10. Он почти всегда устроится так, чтоб испытывать дискомфорт от недостатков жены по сравнению с желанными достоинствами женщины, которая могла бы у него быть. Причем не в расслабленных грезах могла бы быть, а и реально запросто и несложно. Или уже была. Это может относиться и к физическим, и к духовным данным избранницы.

Почему ж ты не полюбил другую, балда, не женился на другой? Из двух одно: или она не нравилась (постфактум-то понравилась), или «любовь не получилась». И всегда найдутся причины и объяснения!

14. Подытожим, что у нас пока получилось:

Для размножения любовь необязательна, а бывает вредна.

Для брака любовь необязательна, а бывает вредна.

В любви редко выбирают наилучшего из возможных партнеров.

В любви редко получают то счастье жизни, которого хотят.

15. Любовь зла, полюбишь и козла. В этой народной мудрости дивно отражена нецелесообразность любовного выбора. С другой стороны, гуманисты человеколюбиво утверждают, что каждый человек достоин любви. Они тоже правы, гуманисты, – опыт практики на их стороне.

В большом городе и выбор большой, и можно считать, что твой избранник – один из миллиона. А в деревне – выбор маленький. А замуж надо – семья, хозяйство, как же жить без этого. А парней всех девять человек. Так что, и любить некого? Да нет, конечно, если избранник кажется единственным в мире, а мир состоит из еще восьми его конкурентов – то размер этого мира никакого значения не имеет.

Можно не встретить свою любовь в Москве, и найти ее в геологической партии, скажем, где всех баб три, и все три страшнее пленных румынов, в Москве ты бы на них и не взглянул никогда. Условия, обстоятельства, сотрудничество, узнать человека, и др. и пр.

Сколько любовью начиналось на пляжах и в турпоходах, на танцах и вечеринках. Ну, условия такие, располагающие. А что, не было бы этого пляжа – и не полюбила бы никогда никого?

В ком живет любовь – в любящем или в любимом? В любящем, да? Дело ведь в субъекте чувства, а не в объекте. Миллион в городе или десять в деревне – выбор условен.

Сколько бывало случаев, когда девушка влюблялась в кого-то заочно, а потом вместо него «подставлялся» не тот, ошибочка происходила, ждала на площади героя, а подклеился проходимец – и бац! получал проходимец всю дозу любви, сначала предназначенную совсем не ему, но когда любовь уже оформилась в чувство к определенному объекту – заменять его поздно, первоначальный избранник опоздал, поезд ушел, место занято.

Объект случаен, выбор произволен, диапазон выбора весьма широк. Успех в любви во многом подпадает под универсальный рецепт успеха – в нужном месте в нужное время. Выбирают из того, кто есть.

Способность к любви, возможность любви – заключается в самом любящем. Есть у человека потребность в таком чувстве, кто ж этого не знает. И чувство ищет объект своего приложения. Оно разума не слушается, у него свои законы, ждать в «законсервированном» состоянии «достойный» объект ему трудно. Невтерпеж! Вот и подворачивается порой черт знает кто.

Размножаться, говорите, пора? Смотри пункт 14.

16. Любовь редко бывает взаимной. Посмотрите по сторонам, послушайте друзей, обратитесь к опыту мировой литературы и истории. Чего тут доказывать, это факт, а не реклама. Вот так она устроена. Чем больше женщину мы любим, тем меньше больше нам она, как удачно выразился классик.

...А взаимная любовь редко бывает счастлива и благополучна. Какие-то препятствия, разлуки, моральные нормы и законы, неодолимые барьеры, свои и чужие дети и родители, приказы начальства и государственные границы.

В чем дело???!!!

17. А теперь вернемся к белым лебедям. И спросим себя, что такое любовь.

Двое хотят быть друг с другом, ласкать друг друга, спать друг с другом, вместе рожать и воспитывать детей, наживать добро, смотреть мир и разговаривать обо всем на свете. Это любовь? Еще нет. Все компоненты наличествуют, но любви тут может и не быть. Взаимное влечение, симпатия, склонность, общность взглядов, естественная потребность иметь свой дом и свою семью, детей, близкого человека. Можно любить ребенка и не любить его отца (или мать). Хотеть переспать, но можно спать и с другой. Хотеть разговаривать, но можно разговаривать и с другим.

А если тебе откажут? Не получилось? Печально, но мир не перевернулся. А заменить кандидата другим можно? Можно, особенно если тот еще и лучше. И вообще в жизни много хорошего и интересного.

Вроде бы любовь и есть – но (это очень важно! принципиально!) человек не выходит за пределы своих индивидуальных, эгоистических нужд и желаний. *Его чувство не выходит за пределы направленности на себя самого.* Его чувство обслуживает интересы его личности. Оно рационально: все, что он хочет, естественно, полезно и приятно. Заботиться о другом приятно, и жертвовать какими-то удовольствиями ради другого нетрудно, это естественно, это входит в общее устройство жизни.

Любовь – это та степень чувства, когда оно достигает нерациональной силы. У человека «съезжает крыша». Он находится как бы в состоянии постоянного аффекта. Очаг возбуждения центральной нервной системы так активен, что становится постоянной психической доминантой. Это совершенно сродни тому, что психиатры называют «синдромом сверхценной идеи» – придумал человек какую-то ерундовину, а возбужден так, будто совершил мировое

открытие, искренне считает так и только ради этого и живет... бедолага. Истинно влюбленный – это параноик, маньяк, что с него взять.

А доминанта центральной нервной системы подчиняет себе и гасит другие очаги. Есть не хочется, пить не хочется, спать не хочется. Отвлечься ничем невозможно. Смотреть кино неинтересно, путешествовать неинтересно, работать и зарабатывать деньги неинтересно, и все помыслы только о своей любви и любимом.

Что с него взять? Сумасшедшего даже суд не казнит, отправить его в камеру на лечение, несчастного.

Никто любимого не заменит, ничего с другим не хочется. Как давно замечено, «влюбленный – самый целомудренный мужчина, ему нужна только одна женщина».

Если все хорошо и благополучно – то любовь от просто удачного взаимосимпатичного союза не отличишь, без любви даже может быть больше расхожей внимательности, ласки и вежливости. А вот если что плохо, то любовь – это там, где летят искры и трясутся стены. «Если ты никогда не будешь меня бить, как же я узнаю, что ты меня любишь?» – простодушно спросила папуаска. Нет, не жлоб-алкаш, который всегда жлоб, а тот, который может заваливать цветами и сдувать пылинки, а вдруг размолвка – и темпераментный итальянец бьет посуду об пол, а голову – об стену, а флегматичный удмурт идет в сарай вешаться.

Самая дежурная характеристика любви: «Я не могу без него/нее жить». И сразу все понятно.

«– А ты можешь ради меня прыгнуть с моста? – Да! – А ты можешь ради меня совершить преступление? – Да!» и т. д.

Ушел бы честный Хозе из солдат в разбойники, если бы не любил Кармен? Убил бы он ее, если бы не любил? Да на фиг бы она ему сдалась, подпоил бы после службы любую девку и завалил на лугу.

Суицид из-за несчастной любви – обычный вариант. Вешаются, стреляются, бросаются с мостов и на рельсы, пьют снотворное, уксусную эссенцию и крысиный яд. Боже!

Убийство из несчастной любви, как правило в ситуации ревности, – чего обычнее. На улице и на кухне, ножом и гантелей, обдуманно и вдруг, – тома уголовной хроники.

Есть в этом чего рационального? Разве что момент избавления от страданий.

А и ничего не делает с собой – может угаснуть безо всякого стороннего вмешательства. Нарушается обмен веществ, снижается иммунитет, не проходит депрессия, человек становится добычей туберкулеза, пневмонии, язва желудка развивается и все что угодно вплоть до инфарктов.

Чувство делается самодовлеющим. Человек из эгоиста превращается в раба своего чувства, обслуживает его, подчиняется ему. Невыразимое блаженство ему наградой, ужасные страдания вплоть до смерти – карой.

Это больше твоих эгоистических интересов. Это больше тебя самого. Любимый для тебя – значительнее и главнее тебя самого.

18. Степень чувства бывает трудно определить через позитивные проявления. Ну, ласки, совместное времяпрепровождение, все хорошо и отлично, но есть и иные радости и ценности. Но через негативные проявления – через страдание, если невозможно быть с любимым, разделить с ним свое чувство, обладать им, – степень чувства определяется очень ясно.

Без страдания человек не мог бы определить, насколько он любит, и любит ли вообще.

Массу примеров может привести себе каждый: когда все было хорошо, он/она не ценил/а то, что было, этому не придавалось особого, сверхценного значения, а как потерял/а, так стало понятно, как много это чувство для человека значит. Ага.

19. Стремясь избавиться от страдания, человек развивает большие душевные усилия, чтобы сделать свою любовь счастливой, разделенной, быть с любимым и обладать им. Работает «кнут». И здесь счастье определяется через свою противоположность, как избавление от стра-

дания. Чем больше страдание – тем больше счастье от него избавиться. (Поэтому «пессимист» Шопенгауэр и полагал счастье вообще категорией негативной: страдание всегда наготове как стимул к любому действию и к исполнению любого желания, а счастье – всего лишь избавление от страдания.)

20. Поэтому многие люди нередко декларируют, или даже действительно стараются, избежать любви – чтобы не подвергать себя вероятным страданиям. «Я больше не хочу страдать», – вот обычный аргумент девушки, которая однажды уже обожглась на несчастной любви.

Но от человека это зависит очень мало. А в конечном итоге – вообще не зависит. Можно волевым усилием подавить в себе хрупкие ростки только-только зарождающейся любви, еще не любви даже, а только ее возможности, которая вырисовывается из первых шагов к сближению. И сожительство с ровным удовольствием, без скандалов и страданий. Пройдет время – и другой человек, в другой ситуации, вызовет у тебя это чувство. А у натур сильных и волевых будет еще хуже: подавляемые эмоции раньше или позже вылезут депрессией, нервным расстройством, физиологическими нарушениями, и страданиями уже на более абстрактную тему: бессмысленность жизни, отсутствие цели, невозможность насытить жизнь положительными эмоциями – короче, в жизни человека не оказывается того самого счастья.

И партнер есть, и деньги, и все благополучно, а мечется человек внутри себя, и все ему плоховато.

Ты не хотел счастья через страдание? Так ты получишь страдание без счастья. С этим делом у природы не заржавеет. Ты что, ее обмануть решил? Балда.

21. Каждая вещь стоит ровно столько, сколько за нее заплачено. Дивный тезис. Как все банальные истины, подтвержден веками.

«А теперь, чтоб любовь разгорелась, создадим им препятствия». (Читайте, читайте Шекспира, вот он понимал жизнь.)

«Разлука гасит слабую любовь и раздувает сильную». Ну, и далее по «Миру мудрых мыслей».

Выражаясь простым языком – страданиями человек платит за счастье любви. Трудности, препятствия, разлуки, вариантов масса.

За все надо платить, без труда не вытащишь рыбку из пруда, любишь кататься люби и саночки возить, и т. д.

«Если тебе нужно что-то – возьми это и уплати положенную цену», – сказал Эмерсон. А за что ты ничего не заплатил – то для тебя ничего не стоит, отозвался народ.

22. *Стремясь к любви – человек стремится к такому чувству счастья, которое всегда способно обернуться страданием.*

23. Почему во всех великих произведениях мировой литературы о любви, любви прекрасной, высокой, непреодолимой, – изображаются всяческие страдания двух влюбленных (реже одного, несчастно влюбленного)? Почему вообще произведения о великой любви тяготеют к жанру трагедии? А если даже «конец хороший» и любящие счастливо соединяются – то перед этим они страдают и терпят всяческие лишения, преодолевая массу препятствий?

А потому что иначе никак не показать силу их любви. Ну милуются, ну заботятся... Когда все хорошо и благополучно, каждый может выглядеть любящим (см. п. 17). А вот когда прищучит покруче, становится видно, кто чего стоит, и каково было чувство на самом деле.

«Вот на что способна любовь, вот какова ее власть и сила», – говорят трагедии и легенды. И плачет публика, и завидует, и мечтает каждый о таком же прекрасном чувстве для себя.

24. Но в мировой литературе страдают от любви всё больше люди, у которых есть на это страдание время и деньги. Или они рыцари, или они дворяне, а если даже и работают – от работы не переламаются: условные пейзажи среди лугов и венков, наемные служащие с изрядным досугом и гениальные поэты, для которых страдание – просто-таки тема творчества, рабочий материал, так сказать.

Любовь окружена какой-то роскошью, некоторой праздностью, она приподнята над бытом. Знаки проявления любви оттачиваются и изошряются культурой. Наворачиваются всякие ритуалы, манеры, обычаи, груды красивой атрибутики. Цветы, драгоценности, стихи и подвиги. Серенады и поединки.

То есть: чем выше уровень культуры общества, тем больше у влюбленного возможностей выразить свою любовь через внешние проявления. Возникает отдельная культура любви: речи, музыка, вздохи, подарки, прогулки, и несть числа.

Это обычно и позволяет сделать традиционный вывод, что любовь – это сильно «окультуренный» человеком половой инстинкт. И что «любви удостаиваются высокие души». А низкие души женятся по расчету и совокупляются из похоти.

И то сказать, представьте себе двух нищих косноязычных уродов на тряпках в углу – это любовь?! От этого тошнит... Любовь – это бархатный камзол, бездонные глаза и вечная разлука. Вот примерно такой ассоциативный ряд.

И вообще чтобы мечтать и страдать, тоже нужно время. Чтобы испытывать блаженство любви, тоже нужны силы. Загнанной ломовой кляче не до любви, она от отдыха кайфует, и ни о чем больше не мечтает. Это Вертер может страдать и плакать. А если ты по двенадцать часов корячишься в шахте, чтоб прокормить братьев и родителей, тебе мечтать некогда.

Получается так: с развитием цивилизации жизнь делается безопаснее, сытнее, высвобождается часть времени для досуга, уже не все силы расходуются на физическое выживание среди стихий и хищников, и некоторая часть чувств дополнительно направляется на базовый половой инстинкт. И постепенно «окультуривается».

Опять же получается: половой инстинкт превращается в любовь по мере «окультуривания» человека с развитием цивилизации.

25. В пользу этого говорит и тот известный факт, что тяжелая работа, особенно если она обязательна, отвлекает от страданий любви и уменьшает их. Это знают и прачки, и архитекторы. Тебе плохо, тяжело, нет сил переносить страдание, разлуку, потерю? Меси тесто! Стирай белье! Грузи мешки! Устанешь до изнеможения – станет легче.

Логично: любое действие координируется очагом возбуждения в мозгу, и этот очаг возбуждения «отсасывает» часть возбуждения от доминирующего очага, чувство страдания уменьшается.

Поэтому ложится в постель и угасает от страдания любви тургеневская барышня, Наташа Ростова, дама в замке. А крестьянской девке, страдай не страдай, пахать надобно: скотину затемно напоить-накормить-подоить-в поле выгнать, воды нанести, печь истопить, еду приготовить, белье постирать, к вечеру ноги не носят, ей лежать и угасать некогда. У нее жизнь и без того тяжелая, дела полно.

Она, конечно, страдает тоже, но разве так сильно, как ее барыня?..

26. Так вот, на всю эту «культуру любви» можете наплевать с того этажа, на котором живете; можно с крыши. Ерунда это все, милые. Вы еще не забыли разбившегося лебедя и сдохшего попугая?

Во-первых, человеку естественно хочется ассоциировать любовь с праздником, показывать неординарность, показывать красоту этого чувства. И в культуре, в литературе красота чувства передается через красоту всего, чего касается любовь, чем она сопровождается: прекрасны влюбленные, их лица и одежды, их жилище и их вещи, их слова.

Второе: чем значительнее и заметнее человек, тем и все его чувства заметнее людям и интереснее им. Герой, рыцарь, правитель, как сейчас – политик или кинозвезда, оказываются в центре общественного внимания, его браки-разводы, его постели и страсти через газеты и телевидение входят в мозги масс, на его биографии наживаются издатели. Вот он застрадает, впадет в депрессию – и рухнет его финансовая империя, завалится многомиллионный кинопроект, есть о чем поговорить.

Третье: в страданиях героев персонифицируются страдания всех. Перефразируя газетную шутку-истину: страдания одного – это человеческая трагедия, страдания миллионов – это статистика. Мы помним пятерых повешенных декабристов – где скорбь по сотням расстрелянных солдат, которых вывели под картечь эти горе-переворотчики? Где страдания и смерть десятков тысяч солдат, которых уложили в землю великие триумвиры Цезарь, Помпей и Красс? Солдаты Плутарху неинтересны... Плач по Ромео и Джульетте – это ведь плач по всем влюбленным мира.

Четвертое: вся мировая культура – это «барская» культура. Умные, образованные, высокодуховные люди почти всегда – почти всегда! – писали о себе подобных. Или о тех, кто выше, потому что любой человек стремится наверх, а не вниз, и ему интересна жизнь верхов, она влечет его к себе, а не жизнь низов. В конце концов, любой литературный герой – это одна из ипостасей самого автора, а автор – он человек, а человек – он ограничен. Косноязычные простяги книг не писали и легенд не слагали. Если они весьма обойдены вниманием мировой культуры, которая предпочитает людей чем-то примечательных и выделяющихся, из этого еще не следует, что они недочеловеки, верно?

И пятое, пятое, пятое! Самоубийства из-за несчастной любви у «простолюдинов» отнюдь не реже аналогичных суицидов у «культурных»! Трех слов увалень связать не может и норовит избранницу за задницу в сарай заволочь... хам. А выдадут ее за другого – он пойдет и повесится. Тупая у девки рожа, и руки мозолистые, и сохнет она по парню неинтересно и молча, без отрыва от производства. А потом наложит на себя руки, побежит и утопится в омуте. Неумение выразить свои чувства еще не означает их отсутствие, верно. Как ей их выразить? Вздыхает, да из рук все валится.

27. Мало кто из людей был занят больше, и работал более напряженно, чем Наполеон в Итальянскую кампанию. Он уже переворачивал мир, и все висело на нем, и все проверял лично, и речь шла о жизни и смерти. И каждый день он писал пылающие любовью письма к Жозефине, томясь разлукой и страдая от ревности! История знаменитая. А вы говорите – занятость... Аспирин, конечно, помогает при головной боли, но туберкулез холодной повязкой на лоб не вылечишь.

Уж пехотинец на передовой работает тяжелее любой скотины. Получает письмо об измене любимой – и начинает откровенно искать смерти в бою. Или вообще стреляется – это на фронте-то! Истории нередкие. Посоветуете ему дрова колоть, чтоб отвлечься?..

Никакие путешествия, приключения, опасности и труды не перешибали в человеке страдания любви. Отвлекали, ослабляли, помогали переносить – но в принципе ничего не меняли.

28. Короче, любовь – это страшная сила; и губительные последствия ее неисчислимы.

Теперь перечитайте пункт 14 и прибавьте к перечню в нем еще несколько положений:

Сила любви определяется через силу страдания.

Сила любви не зависит от степени «культурности» человека.

Страдания любви очень мало поддаются излечению.

Попытка избежать страданий волевым подавлением самой любви ведет к неврозам, т. е. расстройству центральной нервной системы.

Любовь есть гипертрофия полового избирательного чувства сверх разумной индивидуальной целесообразности.

29. Вот с этой целесообразностью у нас пока выходила незадача.

А вы слышали когда-нибудь: «Замуж хочу – дом сворочу»? А о том, что любовь горы переворачивает, тоже слышали?

На что готов влюбленный, чтоб счастливо соединиться с предметом своей любви? На все он готов.

А силы откуда? А найдутся. Все забросит, а соединением с любимым будет так заниматься, что без экскаватора пророем тоннель под Ла-Маншем. Да ему на месте не сидится, не

спится, он расхаживает непрерывно, обмен веществ резко увеличивается и он быстро худеет, иммунитет резко подпрыгивает, никакая хворь его не берет, давно сказали: «Солдаты и влюбленные не болеют» (это если есть надежда, конечно, но в большинстве случаев она есть, смерть одного из двоих или гарантия пожизненной разлуки – это в меньшинстве случаев).

Ресурс энергии организма, как мы знаем, у человека изрядный. В любви мы имеем сильнейшее перевозбуждение центральной нервной системы. Протуберанец нервной энергии! А если получается направить его в мирное русло? На целенаправленное достижение цели?

О, каких только невероятных подвигов не совершали в истории влюбленные! Какие феноменальные возможности человеческого тела и духа демонстрировали!

Способность к страданию – это ресурс прочности брачного союза.

Способность к страданию – это ресурс дополнительной энергии человека, преобразующего окружающий мир «попутно» со стремлением к единению с партнером.

В обыденной жизни любящий подобен вооруженному воину в латах: меч на боку топорщится, копьё занимает руку и задевает люстру, панцирь рвет обивку дивана, а шпоры царапают паркет. Вилку держать в железной рукавице неудобно. Шлем мешает слышать, забрало мешает видеть, чисто слон в посудной лавке, каждое неловкое движение чревато ущербом домашнему хозяйству: чуть что – звон и треск. Но если запахнет угрозой – он во всеоружии, хана врагам, семейный очаг надежно защищен.

На случай опасностей и трудностей – это отлично, а пока все в порядке – только мешает. А что делать?.. Жизнь всегда готова выдать неожиданные гадости, на тишь да гладь природа не рассчитывает.

На поединок? Выйдет против сильнейшего, без любимой все равно не жизнь, любые рассуждения тут побоку. Заслонить собой от опасности? Да за счастье почтет. Спасти из огня, из воды, из пропасти? О чем вы говорите, сам погибнет, но спасет. Да любовь удесятерит силы, он берсеркер, он же одержимый! Деньги необходимы? Заработает, выиграет, найдет, украдет. Он ногтями выроет подкоп из темницы, руками медведя задушит, море переплывет.

Вспомните испытания женихам в мифах и сказках. Победитель делает то, что нормальному человеку просто не по силам. Он готов объявить войну соседнему государству, мечом добыть королевскую корону, стяжать славу и заработать миллион.

Да это тот же естественный отбор. Побеждает сильный. Тот, кто способен развить большую энергию. А энергии у влюбленного – хоть отбавляй.

Соперник сильнее тебя? Ее могущественные родители против? И вообще ты ей не нравишься? Двадцать четыре часа в сутки будет думать влюбленный, как исхитриться и обломать всем рога, как уничтожить соперника, вывести из игры, победить неожиданным приемом. Из кожи вон вылезет. Кроме любви для него ничего не существует.

Желающий лишь удовольствия с партнером – на рожон не поперет, жизнью не рискнет, все на свете не отдаст. На фиг надо, не свет клином сошелся. И проиграет вероятнее.

А в природных, первобытных условиях? В критических ситуациях? Не любящий предпочтет спасти себя. Любящий будет спасать любимого, куда жив сам.

При любви – к инстинкту размножения подключается весь инстинкт жизни совокупно с инстинктом самосохранения. А без любимого все равно не жить. Хочешь жить сам – делай что угодно, но соединишься с любимым.

«Нецелесообразная» смерть ради любимого – это лишь частный случай совершенно целесообразных усилий по соединению с любимым (вроде как состояние покоя – лишь частный случай равномерного прямолинейного движения).

Все мы – потомки тех, кто умел любить великой любовью. Потому и выжили. И способность к этому чувству сидит в наших генах.

Сражаться с врагами и хищниками, отбивать пещеру и отмахиваться дубиной от конкурентов, гоняться за опасной добычей и спасаться от стихий, выкручиваться из неожиданных

напастей и невероятными порой усилиями обеспечивать выживание семьи – вот к чему должны были быть постоянно готовы наши предки, устроенные точно так же, как мы с вами.

И при равной силе и равном уме выживал тот, чье желание было сильнее. Чья страсть была сильнее. Тот, для кого любовь значила больше.

...Понять явление можно лишь тогда, когда проследишь всю тенденцию до логического завершения, упора, конца, крайнего случая. Так можно понять суть столба электропередач, лишь если дойдешь до электростанции с одного конца и лампочки с другого.

Поставим чистый опыт в крайних условиях. Мужчины отдельно, женщины отдельно. Между их территориями – полоса препятствий, проволока под током, минные поля и ловушки, и везде таблички честно предупреждают: «Стой! Стреляют без предупреждения». И действительно стреляют, суки, погибнуть – пара пустых.

Что делают здравомыслящие? Риск погибнуть велик, и избежать его по условиям задачи невозможно. Здравомыслящие налаживают возможно хорошую жизнь. Жилье, кормежка, досуг. В качестве удовлетворения половой потребности есть гомосексуализм и онанизм. И показывают друг другу трупы на полосе препятствий.

Что делают любящие? Страдают, чахнут, лелеют безумные надежды и вынашивают безумные планы. И лезут преодолевать полосу, потому что шанс ее преодолеть все-таки есть, а здесь они в разлуке со своей любовью жить не в силах. Желание их отчаянно!

И часть из них действительно достигает «территории любви»!

Кто-то бесшабашный и рискованный ползет и без любви. А кто-то любящий, но робкий и трусливый, зачахнет здесь. Но в основном соединятся любящие.

А полос препятствий в жизни до фига... И рядом с каждой всегда найдутся спокойные местечки.

Что ж гонит людей на полосы препятствий? Заманчивость пряника или непереносимость кнута? Если речь идет о том, чтобы преодолеть инстинкт самосохранения? Не в том дело, что пряник сладок, а в том, что без него жить невозможно.

Итак, для преодоления критических ситуаций, для мобилизации всех ресурсов организма, для вернейшего достижения цели – страдание целесообразно.

Это заградотряд с пулеметами позади наступающей цепи: в бою с противником ты можешь победить и уцелеть, но уж при отступлении свои пристрелят наверняка.

30. Другой «чистый опыт» – представим себе абсолютную первобытную анархию. Кто сильнее, тот делает все, что хочет. Гарем красавиц у самого сильного, «средние» подбирают тех, кем тот пренебрег, всем мужчинам женщин не хватает, слабым плохо, да и некрасивые питаются объедками.

Слабый не может занять место сильного. А если слабый полюбил красавицу из гарема сильного? Он думал дни и ночи и придумал, как свалить с горы камень сильному на голову. Или просто побежал с яростью отчаяния драться с сильным, сам изувечился до полусмерти, но и врага отделал, ну его к черту, такого претендента, себе дешевле обойдется, отдам ему одну, у меня еще есть, обойдусь и так неплохо. Или украл ее ночью, заткнул рот, взвалил на плечо и развил такую прыть, что не догнать, свалил за тридевять земель и стал там с ней жить.

В условиях обнаженной дочиста первобытной конкуренции получается так: нет большого желания – остался без бабы и не размножился. А силен не только мышцами и умом: страсть и отчаяние делают сильным.

А баба? А бабе без мужика хана-а, и детям тоже. Защитник и кормилец. Подложи лучший кусок, обереги сон, стереги костер, стань рядом в битве, если туго. Он за тебя и детей постоянно жизнью рискует, все ему отдай и мало будет, чем в лучшей форме сумеешь его содержать – тем вернее семья выживет. А мужик твой хорош, другие-то, безбабные, слабее, хилее, глупее, где им толком семью прокормить или с врагами справиться. А уж и какой достался, береги,

на всех приличных спрос, если что – уже имеющиеся жены зашибут тебя и вон выкинут, им с детьми самим еды еле хватает, чтоб на тебя отделять. Вот в таком примерно духе.

Нет, в условиях первобытной скудости, суровости и конкуренции целесообразность любви с ее ресурсом энергии и кнутом-страданием понять вполне можно. И самоотверженность ее понятна. Будь спокоен, любимый, будем вместе, выживем, прорвемся любой ценой, я не дам тебя в обиду, раньше сдохну.

31. «Чистый опыт» номер три. Один мужчина плюс одна женщина среди бескрайней и далеко не всегда приветливой природы. Для продолжения рода нужны двое. С точки зрения целесообразности природы тут единица равняется нулю. Если остался один – хоть тебя вообще не будь, природе уже все равно. И – «или выживем вместе, или не выживет никто».

За собственную жизнь борешься всем инстинктом самосохранения. За жизнь другого – инстинкт самосохранения прибавляется к инстинкту размножения.

32. «Куда же девается любовь?» в длительном благополучном супружестве, которому ничего не грозит – вот один из вечных вопросов. А уже нечего добиваться, нечего познавать и нечего хотеть. Семья создана, дело сделано, сверхнапряжения некуда прикладывать, да и поводов для них нет. Отсюда сентенция «Привычка убивает счастье».

33. В счастливом, благополучном, спокойном браке любовь (если она есть) живет как бы в «законсервированном» состоянии – оружие разряжено, смазано и спрятано в сейф. Но чуть что – малейший повод к обиде, сомнению, подозрению не в неверности даже, а только в возможности неверности – оружие вылетает на свет и затвор щелкает: у любящего начинаются бурные переживания и страдания. Любящий мнителен, воображение его гипертрофировано, он обидчив до невероятности, он из всего норовит устроить мелкую сиюминутную трагедию и скандал.

«Они любили друг друга так сильно, что частые размолвки между ними были неизбежны», – сказал мудрый Стендаль.

Жить в браке по большой любви психологически весьма трудно, а иногда просто невозможно: страсть требует выхода, а никаких позитивных выходов и целей уже нет. И двое изводят друг друга бесконечными и мучительными придирками, претензиями и сомнениями. Обычная причина размолвки любящих – просто потребность поскандалить и пострадать. О, вдвоем против целого мира, в борьбе с окружающими стихиями и врагами они бы выстояли и были счастливы вдвоем, а так что делать? Куда энергию любви девать, если все в порядке?

Размолвка, скандал – это малый предохранительный клапан для сброса излишка энергии (страсти).

Некоторое взаимное охлаждение, успокоение, уменьшение страсти в браке – это просто-таки защитная реакция организма. Во-первых, он не может долго и сколько-то нормально функционировать в состоянии любовного аффекта. Во-вторых, сколько-то долгий и прочный брак с воспитанием детей и т. п. также невозможен на перегретом котле воспаленной страсти и распаленного воображения.

34. И наконец, наконец, наконец, после всех этих многочисленных выкладок, рассуждений и анализов мы подъехали к тем двум главным вопросам, которые так волнуют в свое время всех нормальных людей:

Почему любовь так редко бывает взаимна?

Почему любовь вообще так редко бывает счастлива?

Ответ: потому что любовь есть степень чувства, превосходящая эгоистическую меру, за которой наслаждение переходит в свою диалектическую противоположность – страдание.

Ответ: потому что любовь и познается через страдание.

Ответ: потому что любовь – это желание такой силы, что неудовлетворение его есть страдание (вплоть до смерти).

Ответ: потому что любовь – это инстинкт размножения, превосходящий инстинкт самосохранения.

Ответ: потому что любовь – это чувство такой силы, которое способно преодолеть любые препятствия, даже ценой жизни, причем преодоление их сулит наслаждение, а непреодоление гарантирует страдания.

Ответ: потому что любовь – это наслаждение такой силы, что любое нарушение его есть страдание.

Ответ: потому что любое желание порождает страдание при невозможности его удовлетворить, и чем сильнее желание – тем сильнее и страдание.

Ответ: потому что стремясь к любви, мы стремимся к наслаждению такой силы, любое неполучение которого есть страдание.

Ответ: потому что наслаждение и страдание любви диалектически неразрывны, одно суть продолжение другого.

Ответ: потому что любовь – это та главная ценность жизни, потеря которой не возмещается ничем.

Вся эта страница с десятком ответов – по сути один и тот же ответ, выраженный чуть разными способами. Полезно это только с точки зрения пущей обстоятельности и вразумительности.

35. Совет философов. Это советовал и Будда, и древние греки, и Шопенгауэр. Да, говорили они, желание всегда как-то трудно толком удовлетворить, а неудовлетворенное желание – это страдание. А счастье – это, собственно, частный случай страдания: ты удовлетворил желание, пока удовлетворяешь – счастлив, а потом – и страдания нет, и желания нет, из-за чего был сыр-бор?.. Отдохнул – и тут же возникло другое желание, и все по новой. Страдать и добиваться – трудно и долго, а удовлетворить и быть счастливым – это ненадолго. Получается, что желания и страдание возникают сами собой, а счастье – просто в том, чтобы избавиться от страдания путем удовлетворения желания. Итак, счастье – это, строго говоря, избавление от страдания.

Но ведь можно избавиться от страданий, и, значит, быть счастливым, другим и простым путем – а избавиться от желаний с самого начала. Нет желания – нет страдания – вот и счастье безо всяких хлопот. Сведем желания к минимуму: кроха еды, рубашка, навес от дождя, жив – и хватит: желаний нет, страданий от их неудовлетворения нет, вот и то самое счастье. А половой инстинкт надо изжить, погасить: аскеза, пост, молитвы, физические упражнения. И ничто тебе не страшно, и ничто не заставит тебя страдать.

Логично. И случаев таких полно. Съездите в Индию, съездите на Тибет. Да и приличный христианский монах недалеко от такого мировоззрения.

Накладочка только в том, что таким образом на протяжении жизни одного поколения человечество вымрет, вместе со своими страданиями, разумеется. А вымирание человечества в задачи природы никак не входит.

Этот советик *противоречит энергетической эволюции Вселенной*. На минуточку.

Аргументов тут много, но совет людям бросить совокупляться вызывает здоровый смех аудитории. Это, значит, для того тебя предки на свет произвели, чтоб ты понял, что лучше б они этого не делали, а вымерли еще сорок тысяч лет назад? Съемка окончена, всем спасибо.

Мы нормальные люди, и оскопляться не хотим. Мы хотим любить и быть счастливы. И ждем от вас советов, как быть счастливыми, а не как вымереть. Нас интересует в частности, как быть счастливым в любви, а не счастливым без любви.

Мы даже согласны, что любви без страданий не бывает. Мы это знаем. Мы уже согласны и пострадать, но по возможности не очень сильно, не до смерти.

Так объясните нам, раз взялись, почему страданий в любви много, а счастья бывает так мало? Почему диспропорция такая? Ну было бы хоть пополам как-то.

Вы говорите, что наслаждение и страдание – суть одно и то же, в смысле одно переходит в другое и одно обусловлено другим. Ладно, можно понять и это. Но почему страдание без счастья встречается сколько угодно, а счастье без страдания – огромная редкость, если вообще встречается?

Ведь любовь должна бы быть взаимна если не в 50% случаев, то хотя бы, ну, в 30%, что ли, если следовать той логике, что счастье переходит в несчастье и прочее. Страдание подгоняет к наслаждению – ладно, понятно, – но почему так долго гонит и редко пригоняет?

36. Человек получает счастье и страдание «в одном флаконе». «В пакете». Он стремится к чувству, которое включает в себя и счастье, и страдание. Одного он хочет, другого он не хочет. Но стремясь к одному, он тем самым одновременно стремится и к другому. К счастью он стремится сознательно. К страданию он стремится подсознательно, бессознательно, иррационально, называйте как хотите, это неважно.

Он способен испытывать страдание? Так уже поэтому будет страдать! Реализация имеющейся способности – это уже жизненная потребность сама по себе. Его центральной нервной системе нужны сильные ощущения – и положительные, и отрицательные!

Влюбленному дороги его страдания! Понимаете? Он «не хочет» их, но вовсе выкинуть не согласен, в воспоминаниях они ему дороги, он находит в них отраду, черт возьми.

Любящий страдает потому, что это ему тоже нужно.

37. Но ведь страдания – не самоцель? Ладно, пострадал, подбивался, но ведь надо и добиться наконец, и счастливым побыть с любимым. А что за смысл страдать по неразделенной любви всю жизнь? Что за смысл всю жизнь прожить отдельно от любимой, скрывать чувства, перебирать бедные минуты свиданий?

Поехали.

Страдание – это неисполненное желание.

А как оно исполнится – это уже не желание.

А желания владеют человеком всю жизнь!

Еще раз, еще раз, еще раз, вспомним, вспомним, вспомним, что человек устроен с избыточным энергетическим балансом; что ему всегда всего мало; что функция его природная – передельватель мира, и он всегда хочет не то, что есть, всегда ему нужно сделать иначе, чем уже есть; это неравновесие человека с окружающим миром и есть суть эволюции, прогресса, истории: еще, еще, еще! больше, больше, больше!

Из этого следует, что неудовлетворенность – нормальное, дежурное, естественное состояние человека – «человека передельвающего», «человека изменяющего» (каким он и является в первую очередь, а «человек разумный» по отношению к «человеку передельвающему» находится в положении подчиненном, служебном, разум обслуживает передельвание, но ни в коем случае передельвание не обусловлено разумом, это принципиально, это предельно важно понимать: разум есть орудие, форма, способ передельвания мира человеком, а в основе разума лежит не безжизненная «способность понимать», а избыточный энергетический баланс центральной нервной системы, избыток энергии человека как такового, избыток энергии заставляет человека все делать и передельвать, это приказ природы, а разум только обслуживает этот приказ, разум сам по себе велит лежать и ни фига не делать, самосозерцаться).

Человеку нужно не то, что у него есть. Человеку нужно то, чего у него нет. Что бы ни имел – ему нужно другое, иначе, не то, еще. Вот вам и страдание.

На уровне ощущений – есть потребность в таком ощущении.

На уровне действия в мире – это психологический аспект передельвания мира человеком.

38. В экстремальных условиях любящий, подгоняемый кнутом страдания, ради избавления от него и достижения наслаждения с любимым свернет горы, осушит пустыню, переплывет океан, победит всех врагов.

Человек создан с огромным ресурсом энергии на случай преодоления и выживания в самых экстремальных ситуациях. Человек создан с гораздо большим энергетическим запасом, чем любое другое существо, в чем и отличие его.

Любовь, инстинкт размножения, ценность № 1, обладает гигантским энергетическим ресурсом – на случай любых катаклизмов.

А что делать с этим ресурсом в обыденной и безопасной цивилизованной жизни???!!!

39. Вот она, вот она простая истина:

Человек сам, добровольно, создает себе такой вариант любви, чтобы страдать.

40. Все обстоятельства, которыми он оправдывается, все аргументы, которые выставляет, – вранье. Всегда можно полюбить другого, всегда можно поступить иначе, всегда можно чем-то пожертвовать – если смотреть со стороны и оценивать ситуацию рассудочно. Пожимая плечами, мы говорим: «Любовь!..» – и это означает, что рассудок тут ни при чем, тут имеется страсть и потребность. А это потребность устроить себе именно такую жизнь, как вышла, будьте спокойны!

Кто заставлял? Только природа. И только потребность ощущать то, что он и стал ощущать. А уж обстоятельства он подтасует, за уши подтащит, не сомневайтесь.

41. Так что, человек создан для страдания? Старая песня...

Нет!

Э? Для счастья?

Тоже нет!

Человек создан д л я в с е г о. И будет счастлив, и будет страдать, и с удивлением обнаружит ценность и отраду в своем страдании, и будет клясть свою жизнь, и все равно не захочет умирать.

И придерживался всегда примерно такого взгляда: жизнь плоха и тяжела, потому что я легко представляю себе жизнь легче и лучше, и хочу ее, и жаль, что она не легче и не лучше; но жизнь хороша, потому что в ней есть то-то и то-то, и самое главное, что она вообще есть, это так здорово, ведь меня могло не быть.

Страдать плохо. Но зато даже просто мечтать о любимой – это так хорошо!..

42. Умение быть любимым сводится всегда к полутора крайне простым и известным вещам:

Умей заставить другого страдать.

Умей казаться другому значительным. Этот второй пункт можно считать за пол-пункта: если любит, всегда найдет в тебе значительность, которую ты и сам не подозревал; но вначале надо же привлечь внимание и дать пищу воображению – мол, да, герой, достоин, можно открывать шлюзы чувств и обращать их на избранника.

Разумеется, есть много путей привлекать и привязывать к себе избранника позитивными ценностями: физическое наслаждение, удовлетворение тщеславия, подарки и путешествия, комплименты и внимание, «класть мир к ногам» и давать всячески почувствовать избраннице (избраннику) ее ценность и значительность – о, как человек ценит того, кто дает ему ощущение и сознание его значительности и всемогущества, как привязывается к тому, с кем делается крупной и влиятельной личностью, – поэтому женщины так сходят с ума в романах с ухарями-миллионерами, мировыми плэйбоями с их огромными материальными возможностями, – не за то их любят, что башлями осыпаны, а за то, что он делает ее царицей мира, он делает ее жизнь чудесной, и эти радостные чудеса перемешиваются с любовью, принимаются за нее, переплавляются с ней (трезветь, страдать, принимать яд и разводиться она будет уже потом). Поэтому мужчина так любит милую и кроткую, для которой он – гений, бог и герой в одном лице.

Но все это – ничто, если при этом ты не можешь дать ей страдание – так или иначе, вольно или невольно, через потерю всего или только угрозу этого в ее мыслях, ревность или

пренебрежение и т. п. Она может жить с тобой из жажды благ, из дружбы и благодарности, симпатии и сексуального наслаждения – но любить будет того, кто даст ей страдание, даже если не уйдет к нему.

Ей (или ему, без разницы) потребно страдать, ибо такова суть любви и суть человека.

43. Вот поэтому любовь так редко бывает взаимна. Для этого нужен темперамент специальный и предшествующий опыт жизни особенный. Если оба раньше уже сильно «пострадали» и очень боятся потерять друг друга (хорошо помнят «кнут»). Если характеры достаточно вялы и люди склонны удовлетворяться в жизни тем немногим, что имеют (в житейском смысле). Если по врожденности натуры дают друг другу в общем ровно столько поводов для страданий, что и температура чувств поддерживается, и перегрева нет, разбежаться нет желания.

Но, как давно вздыхали умудренные опытом знатоки, даже в счастливом браке любит только один, а другой только позволяет любить себя. Короче, из двоих всегда (почти совсем всегда) один любит больше.

Значица. Для любящего немислимо, больно, противоестественно, нежелаемо доставлять страдание любимому. (Я употребляю оба слова в одном роде не из намека или приверженности к однополю любви, а исключительно из равноправия двух полов перед лицом страсти. Мужчины и женщины равно несчастливы насчет взаимной любви, в смысле равно редко счастливы.) Любимый дороже себя самого. Его желание, счастье, защищенность от всех опасностей мира – первейшее желание любящего.

Вот тут-то он и вдевается, как бабочка на булавку. Любимый ощущает полную власть над любящим. Может дать счастье, может дать горе, может заставить сделать что угодно. А где мое страдание? что хочешь – всегда будешь иметь... чего желать?! спокойствие, скука, уверенность в обладании и благополучии отношений... как тут любить?.. Если война, разлука, страх потери, опасная болезнь, случайная ревность – о, страдание есть, чувство раздувается.

Эгоист, эгоцентрик, самолюбивый гордец – о, это страдание даст. О расчетливом оболстителе говорить не приходится.

Но чем сильнее ты любишь, чем больше свет клином сошелся на единственном в мире человеке, тем больше ты теряешь голову, тем настойчивее вручаешь любимому поводок от твоего ошейника. А ему самому потребно зависеть от другого! А здесь вся твоя жизнь зависит от мановения его мизинца. Да ему больше нечего хотеть от тебя!!! А ему потребно такое чувство, чтоб он вечно недополучал того, чего хочет – чтоб любовь его воспринималась и ощущалась безграничной, чтоб жажда была неутолимой даже при бесконечном питье – вот что такое любовь, черт возьми!

Брак полезен для успокоения чувственности, для успокоения любви он бесполезен, сказал мудрый японец Акутагава. Ты можешь постоянно обладать любимым, но если любовь твоя в равной мере не разделена – нет тебе покоя, нет избавления от страдания, и недолгие миги блаженства обладания еще больше оттеняют страдание в остальное время.

В период сближения, в начальный период двое могут стремиться друг к другу с равной силой – но вот разделенная страсть постепенно уменьшает накал, и один ощущает (получает, берет) большую власть над другим. И – начинается процесс перетекания власти от более любящего к менее любящему, все полнее и полнее.

Ты можешь бросить, уйти, жениться на другой, убить – наплевать: любимая отлично знает, что в ее власти поманить тебя и получить в любой миг, ибо чем сильнее ты любишь – тем менее можешь противиться ее зову.

Не было в мире романа о любви лучшего, чем «Красное и черное»; тем и славен. Его можно было бы воткнуть в эту главу целиком, пересказывать бессмысленно. Безумно любя, он безумно страдает, ибо разумом давит свое чувство настолько, насколько необходимо, чтобы заставить ее страдать – иначе она не будет любить его. Но другая, любимая прежде, любила его открыто и беззаветно – почему он разлюбил, ушел?.. И эта невозможность счастья без

страдания разрушает его, ведет к убийству и самоубийству. Читайте, перечитывайте Стендаля, это был великий гений любви!

А вы тысячелетиями удивляетесь, почему любовь так редко бывает взаимна. Да потому что человек, энергоизбыточное существо, переделыватель Вселенной, н и к о г д а не удовлетворяется тем, что уже имеет. И всегда стремится к тому, чего еще не имеет. В этом состоянии вечной неудовлетворенности – его вселенская, биологическая, физическая, психологическая, человеческая и философская суть.

Человек стремится к такому состоянию. Выше, больше, иначе, еще.

Десять мужчин складываются в штабель у ног женщины – и она выбирает одиннадцатого, который стоит и смотрит в другую сторону. Можете говорить о гордости, самолюбии, любопытстве – все это мелочи, частности, промежуточные понятия. Ей нужно не то, что есть.

«Чистый опыт»: О, как он страдает, как он любит. И вот – чудо! – она падает ему в ноги и молит в слезах: милый, я вся твоя, делай что хочешь с верной рабой, только будь счастлив. О, какое счастье. День счастье, год счастье, гарантия абсолютного счастья дана пожизненно. И этот говнюк через пять лет трахнет случайную знакомую, да еще и увлечется ею!!! Да как же, с любимой-то все в порядке, куда она денется, а жизнь всего одна, и полна разных разностей и удовольствий, и всего хочется отведать, жаль же умереть не отведав, да и вообще, не слишком ли он погорячился, женившись на ней, на него и другие красивые бабы смотрят... а хочется всего, разного, еще. Да... а когда подышал от любви – так ничего больше не хотел... животное. Чо уж так – животное; человек есмь.

Надо ли еще формулировать в заключение? Или достаточно перечитать пункты 34, 36, 37, 39.

44. И вот почему в наше время, отнюдь не дикое и не первобытное, что бы ни выплакивали пессимисты, так много долгих и даже пожизненных любовных связей в стороне от брака.

Имеются в виду не мимолетные и ни к чему не обязывающие сексуальные контакты – а отношения серьезные, длительные, глубокие, с переживаниями, с редким счастьем и постоянным некоторым страданием.

Юность тут рубанет с прямой Ивана Грозного: «Любишь? Так женись!» Нет... – жена, муж, дети, родители, квартира, карьера, его или ее здоровье/нездоровье... вздыхают и объясняют: «Жизнь!» И друзья/подруги кивают сочувственно: «Жизнь». Обмениваются паролем, понимаешь.

Слушайте. Из любви люди жертвовали короной, честным именем, родиной, всем! Значит, у наших любовничков не любовь, а так – связишка?.. Ну, если моногамность-монотонность брака приелась и покувыркаться всласть охота – да, тогда понятно. А если трогательно заботятся друг о друге, переживают, жалуется, расцветают при встрече, плачут от тоски, что не вместе – и счастье, и страдание, и все признаки любви. Но – не очень сильной. Не насмерть. Но любви. Той, которой в собственной семье уже нет. Но – дети, работа, (см. выше).

Вот вам любовь. По классике – не шибко счастливая. Возлюбленные не вместе. Разлучены суровой судьбой и прозой жизни.

А кто им мешает развестись с прежними и жениться?! Но – дети, родственники, (см. выше).

Они имеют то, что им надо. Только и всего. В семейной жизни им не хватает соли, перчику, патоки и прочих горько-сладких приправ. Если они поженятся – будет точно то же самое, только уже с другими партнерами. Не сразу. Через время. А может быть, и не будет. Но тогда им будет этого не хватать. И поэтому они трогательно обнимаются в гостиницах и чужих квартирах и говорят о своей любви. И жизнь их от этого полнее и счастливее – через получение своей умеренной дозы страдания они получают свою умеренную, но очень желательную дозу счастья.

Их можно было бы назвать малодушными недоделками, но... человеческое, очень человеческое... не у всех же хватает решительности на сколько-то крупные поступки.

45. А если разведутся и соединятся? Развод и брак сейчас – дело недолгое и обычное, акт гражданского состояния, только и всего. Реальных примеров – тьма, уж в мире звезд кино и эстрады – это просто норма жизни.

В реальной жизни и наблюдаем: раз брак, два брак, три брак... кой черт суетиться, если результат один. Вот уже люди делают конкретные шаги, чтоб их любовь была счастливой. А все равно... то им оказывается, что любовь не та, то – ошибочка произошла, то – «я повзрослела и переросла его», то еще что-нибудь.

46. Счастливая любовь да, бывает, но редко, зато говорят о ней много – так, в мире мало миллионеров, но много разговоров о них, и все хотели бы мультон. Да кишка тонка.

И счастливая любовь не бывает идеальной, разумеется, – идеальной ее делают молва, легенда и биографы.

Кто хочет все, тот не получает ничего, – в любви счастливы скорее люди умеренных требований, нежели максималисты-идеалисты.

Как же быть счастливым в любви?

Вот вопрос вопросов.

Это ошибочный вопрос. Это ошибочный подход к предмету.

Ты никак не можешь изменить количество и соотношение счастья и страдания в любви своей жизни – это сидит внутри тебя. (Когда годам к 12 ты сможешь сам влиять на формирование своей личности – ее формирование в основе будет уже закончено; а воспитание детей так, чтобы они были потом счастливы – это разговор отдельный.) Под этим вопросом понимают обычно: как прожить жизнь с тем, кого любишь, – или, подойдя с другого конца, как любить того, с кем проживаешь свою жизнь. А это уже вопрос характера, такта, терпимости, доброты, мудрости, силы, заботливости и т. д. Свою долю страдания и счастья ты получишь все равно, как ни исхитришься.

Как добиться любимого человека – это вопрос тактики, техники, хитрости, ума, самообладания; вопрос отдельный. Тому посвящены массы романов, пособий и брошюр. (Я ничего не могу добавить к существу предмета, кроме того, что когда-то писал в рассказе «Разбиватель сердец» и той главе «Звягина», которая называется «Любит – не любит».)

Как быть счастливым в постели – этот вопрос сейчас в моде и фаворе, книжные полки ломятся (причем все больше от видеокассет). Техника секса – важная, но только частность.

Как находить во всем – и в человеке, и в явлении, – хорошую сторону, – этим усердно и иногда не без успеха занимаются психологи и психоаналитики (хотя всегда знали умудренные опытом мамки-сваты и батьки-ходоки).

«Ошибок» в любви не существует: она есть то, что есть, и рациональному подходу принципиально не поддается. (Хотя в какой-то мере корректируется.) Ты неизменно и неукоснительно напарываешься на то, за что боролся.

Философский подход «будь счастлив тем, что имеешь» обычным людям помогает очень мало.

Любовь – это не синоним счастья, это счастье и страдание в одном флаконе. Господь терпел, и нам велел. А что же делать, потому что надо! «Нет у меня для вас другой любви», – поморщился Всевышний.

Держись, понимаешь.

Ревность

«Жестока, как ад, ревность», – пожаловался Соломон, и через некоторое время Отелло задушил Дездемону, Хозе зарезал Кармен, а Российский уголовный кодекс признал ревность смягчающим обстоятельством при убийстве.

Мужуко укоюшить бабу, конечно, легче – он здоровее и агрессивнее. Привычка к оружию, опять же. Но она берет сообразительностью: грибками с кашией угостить, толченую лампочку в котлетку подсыпать, крысобоя в вино капнуть. А также удобно у спящего отхватить тот торчащий орган, единоличное обладание которым и представляется ревнующей стороне справедливой целью.

С ревностью тоже не все ясно народу. В эпоху всеобщей социалистической ясности ее попытались просто объявить «буржуазным предрассудком» и «отрыжкой собственности». Привык буржуй к собственности, вот ему и отрыгивается. У нас свобода. Каждый свободен распоряжаться собой по собственному усмотрению. Она с другим? И ты иди к другой. Две счастливые пары лучше одной несчастной.

«Какое ж вы имели право убивать?!» – надрывается судья. «Не имел», – соглашается убивец. «Но вы понимали, что ее не будет, а вас казнят?!» – «А как же». – «Но ведь всем же хуже, и вам тоже!» – «А как же».

Из установившейся потребности неукоснительно расковыривать исследуемый предмет до конца, чтобы понять, что у этой игрушки внутри и как она действует, мы попытаемся рассортировать варианты ревности по разным полочкам. Для простоты рассмотрения возьмем в качестве ревнующей стороны мужчину – он активнее дергается.

1. Он жлоб, невнимательный эгоист, ей от этого обидно и плоховато, и она дает ему повод к ревности. Он взвизгивается, бьет головой об стенку, чашкой об пол, кочергой об жену, кочерга сгибается, жена не сгибается, прямо разъяряет ему, что он (см. выше) жлоб и невнимательный эгоист. Выпив, опохмелившись и уйдя на работу, он соображает, что можно вечером добить жену, но вообще жалко; можно достать и добить соперника, но тот сам может тебя добить, и вообще может тогда вся жизнь рухнуть; можно выгнать ее, можно уйти самому, но лучше всего – это чтоб все было хорошо. Может, он и правда (см. выше) жлоб и невнимательный эгоист? Саня, одолжи двадцатку. Муж бреется, гладит брюки, покупает жене цветы и билеты в театр, и пока она радуется улучшению своей жизни, он кается и убирает квартиру. Это самый мирный вариант ревности, плодотворный вариант, можно даже сказать. Такая ревность нам нужна. Такое чувство целесообразно.

2. Соперника надо отвадить. Встретить, пугнуть, набить морду, пусть держится от нее подальше, понял?! Он здоровый, сам тебе ноги переломает. Гм... Найти ребят, можно им и заплатить, пусть ему сделают козью морду на пару месяцев больницы. В идеале надо соперника убить, это самое лучшее и верное – и так, чтоб никто тебя и не заподозрил. Это, может, против закона и даже против морали, зато очень хорошо.

Если этот вариант проходит – такая ревность тоже целесообразна. Ты устранил препятствие к постоянному единению с партнером. Молодец, возьми себе с полки пирожок.

Номер первый и номер второй – это, так сказать, позитивные случаи. Ревность побуждает изменить жизнь так, чтоб быть вместе с любимой.

3. Он вообще очень ревнив, а она вообще очень кокетлива, хотя без ничего такого. Жить невозможно. Скандалы, упреки, подозрения, дерганья, сил нет. А вдруг там чего у нее и есть? Нет, пока дров не наломали – надо разбежаться. Ну, не сошлись характерами. А если б она вправду изменила, а он ее убил? черт их знает... Тут ревность – это частный случай неподходящих людей друг другу. Тут все к лучшему, быть может...

4. Любит, ревнует, убил соперника в открытую. Она его проклинает, суд его приговаривает, всем хуже. Где логика?! Хорошо, тут можно списать на атавизм, схватка самцов за самку, здоровое соперничество на уровне инстинктов. Не смог владеть собой, слишком сильное чувство. Целесообразность проглядывается, в условно-первобытном обществе он был бы в выигрыше.

5. Любит, ревнует, хочет убить соперника в открытую, ну вроде вызывает на поединок, хотя понимает, что тот здоровее. И погибает сам. А здесь где логика?.. Ладно, это тоже можно списать на атавизм и первобытный инстинкт – сильное чувство, уже не до рассуждений, конкурентов не потерплю, с таким страданием жить не в силах, или сам сдохну, или его боги помогут уничтожить... ну, не помогли.

6. Любит, ревнует, мучится, сил нет, убивает ее. Вопрос решается по методу товарища Сталина: «Нет человека – нет проблемы». Тут где изволите найти логику и целесообразность? Тут человек, решаясь на поступок, отлично понимает, что никакого счастья больше быть не может.

(Честь, требования общества и морали, насмешки окружающих – это мы все оставляем в стороне, за скобками, не привносим и не рассматриваем, учитываем и берем только ревность в «чистом» виде.)

6-а). Убил, скрыл, отдохнул от страданий, живет спокойно без раскаяния. Убрал источник сильных отрицательных, нежелательных ощущений. По крайней мере, понятно. А разве не лучше было выгнать ее в чем есть вон подальше, с гарантией, что на глаза больше не покажется? Она ведь все-таки никого не убивала, ему смерти не желала, она ж не для того гуляла, чтоб его мучить, а чтоб себе удовольствие доставить, – не по вине кара получается.

Нет, когда он ее убивает, он на такой вариант не согласен, ему этого мало. Если он будет знать, что она жива, – ему покоя не будет, а если она еще и счастлива будет – он просто зачухнет от разлития желчи: не смеет она жить хорошо, если заставила его так страдать.

Более всего слабодушный ревнивец мечтает, чтобы изменница попала под трамвай. Тогда все решится само собой, и ему сразу наступит облегчение. Вспомните бедолагу Каренина.

Ее судьба, черт возьми, ему отнюдь не безразлична! Он к ней не равнодушен! Ему необходимо, чтоб ей было плохо, лучше – очень плохо, еще лучше – чтоб она умерла. Он уже думает не столько о своем счастье, сколько мечтает о ее несчастье. Он ее ненавидит. Даже если знает, что никогда ее не убьет, воображает тяпнуть ее палкой по башке или сунуть в петлю гадину.

С точки зрения первобытного атавизма можно рассуждать так: а чтоб все бабы знали, что мужик – хозяин, и если что – убьет, и вели себя соответствующе. Так... а если это баба замочила муженька? Гм, по-первобытному – чтоб все мужики знали, что он со всеми потрохами принадлежит семье и подруге, а на сторону косить не смей.

А анализируя на уровне чувств – мы имеем ненависть. Любовь как половое чувство достигает такой силы, что переходит в свою противоположность. Почему? Потому что в сфере положительных ощущений реализовать ее невозможно. Сильнейшее возбуждение центральной нервной системы не снимается ничем (можно, конечно, в дурдоме аминазином глушить до животной тупости и флегмы, но как рецепт против ревности это малореально по жизни). Это перевозбуждение вызывает к действию, требует его! Да убедись он, что она его любит и верна, – он ей в ноги упадет и сам не свой от счастья будет.

6-б). Убил, скрыл, а потом сам всю жизнь мучится и страдает. Но живет. Так зачем убивал, дурак? Сил не было терпеть. Она была падла, но без нее все равно не жизнь. Хотя со временем, конечно, чувства несколько успокаиваются, и жизнь нормальнее.

Э-э-э... Тут получается, что даже убийство ее не избавляет тебя от страданий. А все равно она любила не тебя! А все равно в ее глазах ты не был достоин! А все равно ты не победил ее – убил, но не добился того, чего хотел: любви, обладания, верности. Каешься (но понимаешь,

что иначе в тот миг поступить не мог, и более того – и не хочешь иначе!) – и одновременно полагаешь себя правым. А больше не полюбишь, нет в жизни счастья.

И так – нет его, и сяк – нет его, но есть покой и воля, в мечтах ты счастлив, в воспоминаниях счастлив... короче – тогда ситуация требовала разрешения: или свалить, или убить, и из двух зол ты предпочел убийство. Ну... значит, теперь тебе все-таки жить легче, сообразно логике своих чувств ты поступил целесообразно.

б-в). Убил и явился с повинной: судите, сажайте. А-а, грех на душе, знает, что поступил нехорошо. Но сам жить хочет, стервец-страдалец. Тоже, значит, ненавидел, но не так сильно, как тот, что скрыл и вздохнул с облегчением. Хочет принять теперь страдание, замолить грех. Это вариант, сходный с предыдущим: перенести страдание ревности не мог, а убить и понести наказание мог. Все равно была ненависть, которая требовала выхода и разрешения.

б-г). Убил ее и убил себя. Или сразу застрелился, или набежавшим закричал, чтоб закололи, или полиции сдался на верную смерть.

Слушай, а почему ты сразу тогда не покончил с собой? И не было бы тебя, и не знал бы ничего, какая тебе разница?.. Значит, есть разница, чего уж там, и большая, принципиальная, можно сказать. Жить без нее не могу и не буду, но и ей не спущу. Убью гадину любимую, и сам своею рукой себя накажу и избавлю от всего.

Ведь каждый, кто на свете жил, любимых убивал, тот, кто смел – кинжалом наповал; классики много писали о ревности.

Нет, мы понимаем, что так оно часто бывает, что вот так оно природа создала, что ревность мучительна, но почему, почему, для чего, зачем?

б-д). Убил себя. Хлоп – и нет больше мучений ревности.

Часто в этом есть элемент мести: «А, теперь она поймет, как я любил ее, оценит, заплачет, но поздно будет, вот». Какой-то частью сознания человек жаждет любви ценой собственной жизни: я умру, я не узнаю, но хоть сколько-то ты будешь меня любить. Со вздохом надо сказать, что нелюбимый самоубийца получает по смерти очень мало признания, обычно следует лишь чувство досады и раздражения, что этот проклятый идиотик доставил своим поступком еще одно неудовольствие, заставил ощутить некоторый душевный дискомфорт, что вот привязался со своим высоким чувством, а теперь я виновата в его смерти, хотя на самом деле я ни в чем не виновата, и знакомые что скажут... вот дурак, лучше б я его вообще никогда не знала.

Если любящий не мог соединиться с любимой – это самоубийство из-за несчастной любви, это на самом деле вариант другой, здесь срабатывает логика природы «1 = 0». Но мы сейчас говорим именно о ревности, что не есть вовсе одно и то же.

Здесь у нас тоже выглядит просто: сильное страдание, невозможно перенести, на любимую руку поднимать не хочет, не может, не смеет и не мыслит, лишь бы она, дорогая, была счастлива, о, как я страдаю, как мне больно, где мой револьвер, я прекращаю эти непереносимые муки, в моей смерти прошу никого не винить. Как вариант: в моей смерти прошу винить только ее; пусть хоть теперь поймет, помучится, оценит. Убрать источник непереносимого страдания, каким стала жизнь. Но – но:

7. Вот в семье все хорошо. И в постели отлично, и мир, лад и взаимопонимание. И он узнает, что она ему изменяет. Боже, как мешают ему жить эти невидимые рога, сколько мук и терзаний. Почему? Ничего не изменилось. Он имеет ее сколько хочет. И даже – ему может быть гарантировано, что она никогда его не оставит. И он – даже! – не сомневается в своих материальных, физических и моральных достоинствах. И она – даже – дает ему на словах и на деле все мыслимые доказательства того, что любит его. Так чего ему еще надо, несчастному кавалеру де Грие, возлюбленному прекрасной и неверной Манон?! И, предположим, никто об ее связи не знает, так что его честь и пр. (еще раз повторяем) никак не страдает.

Так чего ж он так отчаянно дергается? От него же ничего не ubyло, он ничего не потерял. Ну, мало ли почему она развела там с кем-то шуры-муры; от любопытства, от не фиг делать, или лестно ей, или скучно было, да подумаешь.

Нам говорят: он собственник, он хочет владеть ею безраздельно, он не современный человек, не признает ее права на свободу. Он вопит: я не собственник, я признаю свободу, я современный человек, но мне больно, я не хочу, переживаю, нервничаю.

Нам говорят: он боится, что другой чем-то лучше его – как мужчина или еще чего. Он отвечает: ничего не боюсь, я знаю, что я самый лучший... как она может с какой-то дрянью путаться!

Энгельс вступает: он, говорит, не хочет воспитывать чужих детей и отделять им наследство. Наш мужик в сторону Энгельса плюет: у меня, говорит, двое усыновленных негрят из детдома, а жена пользуется надежным противозачаточным.

И он начинает иногда хамить жене, он хуже спит и меньше ест, он роняет вещи, и вообще по вине его ревности хорошая жизнь кончается.

А Энгельс втыкает в бородищу сигару и говорит: это у него атавизм, рудименты первобытного инстинкта, когда мужчина никого не подпускал к своей самке. А с инстинктом ничего не поделывать, понимаешь, – мы-то культурные, а он вылезает, это надолго.

8. Так вот же вам крайний вариант.

У них был роман. Она ему надоела. Он дал ей отставку. Он живет с другой и увлечен ею. Прежнюю он не видит и она его не колышет.

И вот они неожиданно встречаются. Она живет плохо без него, одна. Ему немного тягостно, маленькое чувство вины есть, что он ее оставил, теперь ей плохо. И хочется скорей расстаться.

Или: она живет неважно. Есть у нее один, так, от безмужичья, не фонтан, наш-то был, конечно, лучше, с ним хорошо было, чего там. И нашему приятно, что он такой хороший, и она хорошая, ценила, но немного неловко, что он ее бросил, и т. д.

Или, наконец: она живет отлично! У нее теперь мужик – хана всему, орел! Хорошо, что она с ним рассталась, а то бы так и сгнила по мелочи. О-о! Вот тут наш уеден... Как же так. Почему ей так хорошо без него, и более того – так хорошо не с ним, а с другим? И в нем вспыхивает ревность. Ему неприятно, ему больно, что она живет с другим и ей так хорошо.

Это что? Нам ответят – это мужское самолюбие. А что такое самолюбие? Это утверждение чувства своей значительности. А что такое значительность? «Я все могу, я самый». Ну, все не все, но изрядно, достаточно весьма. А тут вдруг оказывается, что ты не самый и можешь не все. С другим лучше. Тебя не хотят. А!

...Да, ревность – это и боязнь потерять, и уеденное самолюбие, и опасение, что другой лучше, и ущемление твоего внутреннего сознания и ощущения своей значительности. Но еще, еще:

9. Она стала всячески его не устраивать, или не всячески, но все равно – просто не устраивать, и он решил твердо ее оставить. Завтра днем он ей это скажет – и расстанется. Вот.

И вдруг завтра, не днем, а утром, он узнает, что она его только что оставила и предпочла другого. Он ревнует, он жаждет объяснений и изменений! Он хочет оставить ее – но сам, когда он решит и как сам захочет! А теперь он хочет, чтоб сначала она рассталась с этим идиотским новым хахалем и приползла к нему на брюхе, виляя хвостом, и вот тогда он с ней расстанется! и уйдет гордо и не оглянувшись.

...Это приводит к странному на первый взгляд выводу: может любви не быть, а ревность вдруг может быть. Э? А возникает ревность – возникает и желание ее объекта, и вдруг этот «объект» обретает в твоих глазах ценность, которой не было миг назад.

Предмет тот же самый. И отношение к нему то же самое.

Бросил сам – и хрен с ней.

Бросила она – не хрен с ней.

Что изменилось?

Твоя собственная ценность в твоих собственных глазах.

Ты мог все – а теперь ты можешь не все.

Ты был свободен, мог делать что хотел – а теперь ты не свободен и не можешь делать что хочешь, ты ограничен, вариант тебе навязан, ты менее значителен, ты не можешь реализовать свои желания.

(Собственно говоря, любой аффект можно рассматривать как «первобытно» целесообразный, – но вряд ли это само по себе исчерпывающее или даже удовлетворительное рациональное объяснение. Фокус состоит в том, что в наше цивилизованное время человек, отнюдь не стремясь к результатам первобытного разрешения аффекта, сам вводит себя в состояние аффекта и поддерживает в нем. То есть человеку как таковому потребен не результат разрешения аффекта, а сам аффект.)

10. Подводим итоги и делаем выводы.

Ревность как состояние аффекта позитивно в том смысле, что ревнивец способен развить отчаянные усилия по сохранению для себя ревнуемой.

Ревность как состояние аффекта всегда негативно в том смысле, что ревнивец не способен адекватно оценивать ситуацию и совершает неправильные, ненужные, порой трагические и непоправимые действия. С точки зрения прагматической целесообразности лучше бы он был хладнокровен и рассудителен – чем крепче нервы, тем ближе цель, вернее и легче добьешься своего.

Но фокус в том, что ревнивец подчас не стремится ни к каким прагматическим целям (вар. 7), или даже вообще ни к каким целям (вар. 8 и 9). Ситуация, объективно глядя, его может никак не волновать. Его волнует только самоощущение в этой ситуации.

Недаром моряки и представители прочих профессий, связанных с долгими и постоянными отлучками из дома, нередко ставят женам такое компромиссное условие: «Делай что хочешь, только чтобы я ничего не знал». Он все понимает, он допускает возможность чего угодно, но не хочет скандалов, ухудшения отношений и т. д. В семье все хорошо? – и слава Богу. Никаких конкретных оснований для подозрений и ревности нет, ситуация его устраивает, а своим самоощущением и отношением к этой ситуации он справедливо дорожит. Все, чего он хочет, он имеет. Рассудочный вариант. Для буйного темперамента он не подходит.

Что же отнято у ревнивца, у которого на самом деле ничего не отнято? Свобода. Свобода как состояние возможности любого варианта, свобода как состояние максимальной энергетической значимости человека, свобода как потенциальное состояние максимальной самореализации всех своих сил и возможностей. Любое физическое тело стремится к свободе – как к состоянию, где оно может выделить максимум обладаемой им энергии. Это один из аспектов великого Второго закона термодинамики, и человек ему подчиняется безусловно, поскольку он тоже часть Вселенной, тоже физическое тело, а если это тело обладает чувствами и разумом – то только для того, чтобы выделять больше энергии. Ага.

А отвлекаясь от языка физики, это можно выразить словами менее точными и исчерпывающими, но более привычными в быту: невозможность полностью контролировать ситуацию, умаление своей значительности, ущемление своего самоутверждения. И этого достаточно! Это – основа! Плевать мне на эту бабу или ее нежный взгляд в сторону идиота – я не могу стерпеть своего унижения, умаления, ущемления.

Повод к ревности означает: я менее хозяин жизни, чем полагал, чем могу или мог бы, я менее всемогущ, чем хочу и полагаю возможным. Вот чего человек перенести не может!!!

11. Кто не ревнив (или ревнует предельно мало, скажем так)? Тот, кто предельно уверен в себе, и эту уверенность невозможно поколебать ничем. Она гуляет с другим? Вот уж презренная дура. А уж он просто даун. Она смотрит на кого-то? Ерунда, пусть смотрит, куда она

от меня, такого крутого, денется. Предельно уверенный в себе человек взревнует только тогда, когда явно и однозначно от него собрались уходить – и то может плюнуть вслед высокомерно и брезгливо: на кого меня променяла, шлюшка.

Почему говорят, что муж замечает свои рога последним? Потому что мужская самооценка вообще завышена.

12. Кто ревнует больше? У кого больше комплексов. Если бы Отелло был белым, молодым, красивым и куртуазно образованным, он бы высморкался в этот проклятый дареный платок и лег к Дездемоне в койку заниматься любовью, всех и делов.

13. А поскольку всегда сколько-то примешивается честь, мораль, мнение окружающих, весь комплекс «сверх-Я», то ощущение своего умаления от повода к ревности усиливается. Нонконформист, плюющий на мнение общества и традиции, менее ревнив.

В эпоху дивного распутства Луи XV связи супругов на стороне были делом обычным и нормальным, «так было принято», и ревность была связана или уж действительно с любовью страстной, или с довольно простым самолюбием в свете. А кавказец может и не любить, но любой намек на урон его мужской чести легко приводит его в состояние той ревности, которая есть самозабвенная ярость.

14. И разумеется, никакие проповеди «личной свободы» и «современных отношений» тут ничего в корне не изменят, поскольку устройства центральной нервной системы человека они затрагивать не могут.

А поскольку человеку всегда мало, он всегда неудовлетворен, ему всегда надо что-то изменять – эту нехитрую, но вечно забываемую истину я долблю с наивностью дятла и последовательностью молотка, – он всегда сумеет устроить себе переживания, и ревность в том числе.

Всегда найдется кто-то получше тебя. Всегда накопятся отрицательные эмоции, которые требуют какого-то выхода, привязки к какому-то внешнему объекту, повода, персонификации. Всегда захочется, чтоб любимая была тебе «еще больше что-то», ибо нет в мире совершенства и нет совершенству предела. Всегда найдется платочек, чтоб накинуть его на шейку – хотя бы в мыслях, хотя бы на миг.

А вы что решили – что можно прожить нормальную жизнь, никогда не ревнуя? Успокойтесь, покой нам только снится, как заметил на заре веселого XX века поэт.

.....

Заметки на полях:

Ревность – это реакция на угрозу для твоей биологической энергии, реакция на ограничение воспроизводства себя в потомстве. В идеале и мужчина, и женщина стремятся к такому положению, чтобы с в о б о д н о, т. е. в любой момент и по собственному желанию, иметь возможность зачать потомство с любым партнером по своему выбору, без всяких ограничений. Если на данный момент, на «сейчас» выбор уже сделан и прочие особи как кандидаты не рассматриваются, то на них плевать, ревности быть не может. Но любой, с кем ощущаешь и в принципе допускаешь возможность сексуальных отношений, может вызвать ревность той или иной силы, если возникает хоть видимость возможности того, что сейчас тебе предпочтут другого, хоть ненадолго, на раз, хоть без особого желания.

Того, кто недоступен – кинозвезда, кумир, – можно любить заведомо безнадежно и без ревности: ревности нет там, где нет абсолютно никакой надежды. Но на концерте ты прорвалась к кумиру, удостоилась взгляда и слова, возникла реальная возможность познакомиться и провести вместе – о, не жизнь (хотя кто знает!..), даже не месяц – но хоть ночь, час, полчаса – призрак возможности, один шанс из тысячи, ты старательно вычитала это из его взгляда – и вот тут ты бешено, яростно ревнуешь его к любой из толпы поклонниц, друзьям, менеджеру и всему миру.

Ревность предполагает ту или иную вероятность доступности.

Страдание

Как-то на пресс-конференции в Японии Фолкнера спросили, считает ли он, что жизнь в основе своей трагична. «Безусловно», – без колебаний ответил Фолкнер.

Жизнь наша земная – юдоль страданий и скорби, учат практически все религии.

В жизни вечно нам чего-то хочется, и мы страдаем от неудовлетворенности своего желания, а как чего добьемся и получим – на минуточку счастливы, а потом снова страдаем из-за чего-то другого, так что жизнь – это сплошные страдания, а счастье – просто временное избавление от страданий, и лучше всего, чтобы не страдать, вовсе не жить, – заключил изобретатель философского пессимизма Шопенгауэр.

Однако человек устроен так, что у него есть потребность страдать, а поводы к страданию он найдет всегда (см. Часть I, гл. 2, раздел 5). Даже если у него все-все хорошо-хорошо, он то найдет какую-то обиду в прошлом, то захочет быть не таким, как он есть, и уж в любом положении может начать страдать от невозможности отыскать смысл жизни.

Что такое страдание? Это более или менее сильная отрицательная эмоция. Ногу сломал, любимая бросила, сладким куском обошли и тем перед всеми унизили, голод замучил до полу-смерти.

Что лежит в основе страдания? Некомфортное для нас положение вещей. Что-то имеющееся здорово не нравится, и хочется, чтоб было иначе. Упрощенно говоря – неудовлетворенное желание (достаточно сильное, конечно, – неудовлетворенное желание съесть пирожное обычно мы страданием не называем).

Люди вечно задавались вопросом: на кой черт нужно страдание? и как устроиться так, чтобы не страдать?

Во-первых, отделим причину от повода. Для этого сначала различим виды страданий.

Страдания бывают физические, нравственные и физические как следствие и продолжение нравственных (болезнь от горя).

При страдании физическом (боль, голод-холод) повод одновременно является и причиной: ногу сломал, жратвы нет. Таких страданий избежать нетрудно, что от древности даже мудрецы и советовали: удовлетвори желания необходимые, физиологические, без этого никак.

При страданиях же нравственных, душевных, поводом может выступать что угодно: одет хуже других, награду не дали, предприятие лопнуло, – здесь уже не удовлетворено желание физиологически не обязательное. Теоретически рассуждая, от всех этих необязательных желаний можно отказаться – и не будет тебе никаких страданий. А не хоти. Зелен виноград. Врачи, кардиологи и психологи, инфарктникам и советуют: плюйте на все свои хлопоты, ерунда все это необязательная, и берегите здоровье.

Повод для душевного страдания всегда может меняться – от супа жидкого до жемчуга мелкого. Относителен повод. Причина же всегда одна, и сугубо внутренняя: энергоизбыточный человек всегда чего-то хочет и всегда ему что-то не так.

Чтобы не страдать, человек должен не хотеть ничего, кроме необходимого удовлетворения чисто физиологических потребностей: воздух-вода-пища, защита от непогоды, секс. Все. Но это получается не человек, это получается вполне животное. Но можно же еще наслаждаться мыслью, воскликнут мудрецы-аскеты! Увы, тоже нельзя. Неправы мудрецы-аскеты. Во-первых, мыслитель начнет мучаться несовершенством мира и неотвратимостью беспощадной смерти. – А я избавлюсь от всех чувств и привязанностей, отвечает Будда, и даже от мыслей избавлюсь и погружусь в нирвану: сливаюсь я с миром на чувственном уровне, ничего не желаю и полностью счастлив. Дай тебе Бог, ответим мы, но для большинства нормальных людей этот номер пройти не может, пахать надо и плодиться-размножаться, так уж устроено; факир может спать на гвоздях, но это не повод менять кровати на гвоздильные; исключения, в

том числе людские, лишь подтверждают общее правило. Во-вторых же, о наслаждении нестрадающего аскета мыслью, сама мыслительная способность есть аспект избыточной энергетики нервной системы, в основе этой способности – то же самое избыточное желание: мыслить ведь для выживания не обязательно. И начнет страдать мудрец от того, что понять чего-то не может, или от того, что другой мудрец с ним не согласен. Возраст утишает страсти и мудрец успокаивается – но откуда страсти есть, они себе выход найдут, и что подходит старику – не может подойти юноше.

Короче, ты не избавишься от страданий, потому что они тебе свойственны и потребны. Почему потребны?

Первое. Страдание как сигнал. Боль, голод, похоть. Это означает: лечись, питайся, размножайся, а то вымрешь. Страдание как стимул заботиться о своем и рода выживании. Страдание как проявление инстинкта жизни.

Второе. Страдание как стимул к размышлению. Пока все хорошо, можно ни о чем особо не задумываться – и так жить можно, нет проблем. А как тебя прищучило – начинаешь думать, как зацикленный: как же так мир-то устроен, что плохо тебе, больно и несправедливо? что в нем к чему? где причины, каковы закономерности?

Страдание – это ведь возбуждение центральной нервной системы. Вот она и начинает усиленно думать о чем ни попадя: очаг возбуждения, откуда не снят повод, плавает по коре и подкорке, возбуждение передается на соседние участки.

Третье. Страдание как стимул к действию. Избавиться от него, от заразы! Можно, конечно, избрать способ «интенсивный»: убедить себя, что виноград зелен, и подавить желание разумом и волей: да не хочу я вовсе вашего поганого винограда. Именно это рекомендовали мудрецы. На что уже в новые времена психиатры ответили: ничего хорошего от подавления желаний не будет, а будет невроз, болезни и преждевременная смерть в конце концов. Но человек, тварь самолюбивая, стремясь реализовать в жизни все свои возможности, избирает как правило способ «экстенсивный»: добиться желаемого, хоть тресни, тогда, мол, и страдания не будет, а будет, наоборот, счастье.

И вот страдающий человек усиленно думает и усиленно действует, стремясь изменить положение вещей таким образом, чтоб было не так, как сейчас, а так, как он хочет. И тогда он сможет счастливо перевести дух. Дух он, бедолага, переведет ненадолго, но что-то в жизни сделает.

Страдание, таким образом, – это кнут, которым избыточная энергетика человека подстегивает его: давай-давай! чувствуй! думай, действуй! тянись выше, делай больше!

Можно ничего не делать, и все равно страдать (от безнадежной любви или неизбежной смерти). Бессмысленно? Нет! Ибо ощущения могут не выливаться в действия – но действия невозможны без начального импульса на уровне ощущений. Часть страданий ведет к действиям, часть не ведет, но заранее знать всего невозможно, и невозможно всегда определить границу своих сил и достижений. Здесь свой КПД, так сказать. Сначала начнем хотеть и страдать, а там посмотрим, что из этого выйдет. А кроме того, страдающий человек, как уже сказано, острее чувствует и больше начинает понимать – а это, по общему счету, в масштабах человечества, уже движение к действиям в их первом приближении.

Несчастливые люди делали открытия и изобретения, писали книги и осваивали земли: сублимация своего рода: потребность избыть свое страдание выливалась в то, что повышенная энергетика эмоций перекидывалась в другую сферу действий. Страдаю, не могу добиться желаемого, хочу отвлечься и забыться – ищу смерти в борьбе и путешествиях, не жалею себя в работе, совершаю подвиги и т. п.

А если сломался и зачах от страдания, или вообще повесился? Плохо. Но это крайности, без которых невозможно, это крошатся и осыпаются края пряника, а общее генераль-

ное направление – строить свою жизнь сверх физиологически необходимого и двигать вперед цивилизацию.

Почему много сказано в истории о благотворности страдания (и христианской религией едва ли не в первую очередь)? Потому что счастливый и не познавший страданий человек весьма глух к нуждам окружающих: он упоен своим счастьем, да и трудно представить себе то, что сам не испытал. В страдании он познает, почем фунт лиха, ощутит и увидит свое сродство со всеми несчастными – и будет добрее и поумнее, душевно чутче будет. И о жизни задумается, и в отношениях людских больше поймет.

Заметьте: вся человеческая культура по большей части замешана на страдании. Трагические мотивы преобладают над комическими. Среди художников редко-редко встретишь счастливого человека. Страдание будит душу, выражаясь метафорическим языком литературы.

Что влечет зрителей в трагедии, что тут возвышающего и очищающего? Первое – сила ощущений: в страдании больше мощи, чем в счастье, оно в своем роде острее, богаче, сильнее счастья, оно в трагедии стремится к самому пределу человеческих возможностей; счастье переносимо почти всегда – жестокая пытка непереносима почти никогда. Второе: в страдании и борьбе с ним проявляется вся сила человека и величие его духа – и принадлежность к роду человеческому наполняет зрителя гордостью, он всегда частично отождествляет себя с героем действия – и, ощутив величие своих возможностей в принципе, делается крупнее и значительнее в собственных глазах: вот что люди могут, я тоже так могу, а если и не могу – то хотел бы быть таким же сильным, а все мои реальные трудности – пустяки по сравнению с тем, что бывает, их перенести нетрудно, легче, чем я думал раньше. Пример для подражания и сравнения. Третье: почему он плачет? Ему жалко хороших людей, он добр, благороден и справедлив – в театре за цену билета каждый может позволить себе быть добрым, благородным и справедливым, и ему это нравится. Четвертое: а почему же слезы его сладки, черт побери? А потому что он хочет страдать! ему нравится страдать! Это подсознательное желание – а сознательно-то он хочет, чтоб у него все было хорошо, – вот театр и удовлетворяет его подсознательной и сознательной потребности одновременно.

В реальном сильном страдании человек уже не плачет – не может: впадает во внутреннее оцепенение от неизбывной боли. «Поплачь – легче будет»; со слезами сбрасывается часть напряжения, кто ж этого не знает. При этом – воображаемыми картинками горя нередко травил себя каждый, и слезы были близки. В театре (кино, книга) человек реализует свою способность и потребность страдать, при этом безо всякого ущерба для себя, – и одновременно сбрасывает опосредованно через свое переживание часть реального страдания, которое у каждого в чем-то имеется. И жить после этого становится – хоть на самое первое время – легче и лучше. Собственная несчастная любовь, собственные потери и обломы увеличивают чувствительность от театральной картины; потому и рыдают сибирские доярки над страданиями красиво одетых мексиканских рабынь: чувства-то прямо как свои, а антураж-то отвлеченный, ничего общего не имеющий с прозаической действительностью, где все погрязло в удушающем вонючем быте, и душу-то расслабить в свободном страдании нет возможности – и не поймут, и не принято, и дел много, и крепиться перед людьми и собой надо, а уж перед телевизором с не нашей жизнью можно не крепиться.

В театре на трагедии не надо бороться, ничего делать, тебя это все не касается по жизни – сиди себе и страдай, затем и пришел. Своего рода наркотик, суррогат, заменитель. А хороший актер, хороший писатель – работает так, что чувства его передаются зрителю (читателю), проникают, заражают его – и он начинает чувствовать то, что автор и хотел в него вложить. То самое частичное отождествление, воздействие искусства. А хотели в него вложить, через картины страданий, благородство, доброту и величие духа – вот ими он и возвышается.

А когда некрофил-режиссер навораживает на экране два часа кровавой мясорубки с массой страданий своих героев – никакого возвышения и очищения зрителя не происходит, а

только тошнит. Нервы щекочет, а слез нет. У психики свои законы. Можно плакать над собачкой, потерявшей хозяина, – а на мясокомбинате уже не страдаешь, только жутковато и противно с непривычки. Но здесь уже надо говорить о законах искусства и его восприятия: прямое изображение страданий еще не обязательность сострадания зрителя. Заставить его страдать тоже уметь надо.

Итожа вышесказанное.

1. Потребность в страдании коренится в психике человека. Человек хочет страдать.
2. Страдание есть возбуждение «сверх среднего» центральной нервной системы человека в области отрицательных ощущений.
3. Повод к страданию условен и относителен, и определяется выбором поставленной себе цели, цель же как правило для жизни не обязательна и поставлена посредством разума.
4. Причина страдания – в избыточной энергетике человека, которому необходимо всегда стремиться сделать не так, как уже есть.
5. Благотворность страдания и даже его человеческая необходимость – в том, что оно есть внутренний стимул к многочувствованию, размышлению и свершениям действий, что и есть суть человека.

Секс

§ 1. **Сексуальная энергия.** Водоросль растет и размножается, при благоприятных условиях может заполнить собой весь водоем – на эту работу идет вся ее энергия, получаемая из воды, содержащихся в ней (и в грунте дна) веществ, и солнечного света. Больше водоросли делать ничего не приходится.

Чем сложнее организм, тем большую часть энергии он расходует на собственное индивидуальное выживание и на все действия по изменению окружающей среды в процессе своей индивидуальной жизни.

Уже моллюск открывает-закрывает створки раковины. Олень – поедает траву, взрывает копытами грунт, удобряет почву пометом, переносит себя в пространстве с большой скоростью и на большие расстояния. Здесь только «пассивным» ростом и размножением не отделаешься. А сытый и благополучный волк на отдыхе любит бегать и играть «для удовольствия». Не говоря уже об обезьянах, которые в благополучном состоянии любопытны, предприимчивы и совершают множество «излишних» действий, никак не необходимых для простого выживания и размножения.

Если предположить, что водоросль или волк существуют только «сами для себя», и «цель» каждого вида – максимальное утверждение себя, тогда главное – размножение: стремиться к тому, чтобы заполнить своим потомством весь мир.

Если рассматривать Вселенную в ее эволюции и, в этой связи, жизнь на Земле от одноклеточной водоросли до человека, то «цель» природы крупней и выше «цели» любого отдельного биологического вида: все более активный процесс энергопреобразования вещества Земли. Размножение вида здесь не самоцель, но лишь средство.

Сексуальная энергия животного – лишь один из аспектов его общей энергии, которая идет не только на действия по размножению, не только на действия, необходимые для индивидуального выживания, но и на действия сверх необходимых: взрослые волки играют друг с другом просто от избытка энергии, когда все их потребности удовлетворены.

Если обезьяна в благополучных условиях имеет возможность совокупляться чуть не целыми днями, она этого однако не делает: она играет, ковыряет что-то и т. д. – ее сексуальные потребности ограничены.

Животного с безграничными сексуальными потребностями не существует.

В условиях «чистого опыта» высокопотентный мужчина в роскошном гареме не сможет, да и не захочет проводить в занятиях сексом все время, свободное от сна и еды. Он будет, допустим, совокупляться (особенно юный) до грани полового истощения, станет вял и расслаблен, но, во-первых, это дело ему несколько поднадоест, во-вторых, ему будет хотеться хоть в нарды сыграть, хоть кино посмотреть.

Создай человеку идеальные условия для безграничных занятий сексом – все равно он будет хотеть делать хоть что-то еще.

Это к тому, что рассматривать любую деятельность человека, кроме необходимых для личного выживания действий, как сублимацию сексуальной энергии – при добросовестном рассмотрении невозможно.

Фрейдовская теория либидо и сублимации условна и формальна – в том смысле, что психика и физиология человека рассматриваются изолированно вне взаимосвязей с окружающей средой, вне роли человека на Земле и во Вселенной. Своего рода антропоцентризм. Только, мол, природе и дела, чтоб человек – пуп мироздания – размножал свой вид.

Человек в мире все более активно переделывает мир. Энергия размножения играет здесь все более служебную, подчиненную, обеспечивающую роль.

Сексуальная энергия – это самый простой и «прямой» канал направленности общей энергии, общей «витальной силы» организма – прямо биологический (самый «прямой» после обеспечения жизни особи).

Но энергия человека превышает необходимую для выживания и размножения. Что и делает его человеком. Что и есть основание всех его свершений.

§ 2. С у б л и м а ц и я. Это значит перегнуть часть сексуальной энергии в «культурно-рабоче-человеческую» энергию. Воздерживается человек от секса – и лучше думает, активнее работает, показывает более высокие результаты в спорте. Сил больше. Это рекомендовали, хоть на время серьезных дел, и древние иудеи, и древние греки, и многие современные «физиологические учения».

Действительно, если в мозгу есть активный очаг возбуждения, то если перекрыть ему возможность «прямого разрешения желания» и одновременно возбудить другой очаг, то «пятно» сильного возбуждения частично «переползет» на него. Это с точки зрения физиологии.

С точки зрения упрощенной энергетики – энергия человека, вся, имеет общий, универсальный характер – и ищет выхода, где может. Как бы – запруживаем реку плотиной и с высоты накопившегося водохранилища отводим воду каналами для орошения полей. И вместо того чтобы «бесполезно» течь прямо вниз-дальше, вода «совершает полезную работу».

Следует ли из этого, что энергия любой «культурной» деятельности человека – это сублимированная сексуальная энергия?

Вот тренеры и массажисты вечером накануне ответственного матча поголовно удовлетворяют женскую баскетбольную команду – такие вещи не рекламируются. Оттраханная команда играет лучше! Нет, не все и не всегда, это достаточно индивидуально – но вполне часто. Потому что слишком сильный очаг возбуждения может «не хотеть» переползть с сексуального центра в «игральный», а наоборот – тянет на себя часть возбуждения с «игрального». Ослабить его надобно.

А вот менеджер накануне матча боксеров провожает своего питомца в бордель и следит в щель, поганец, чтоб – кончил он только один раз! Точно тот же случай – ослабить сексуальное возбуждение, снять излишек сексуальной энергии. Иначе фиг тебе пройдет «сублимация».

Кому не знакомо чувство огромного п о д ъ е м а сил после хорошего акта с подходящим партнером. Усталости – на четверть часа, а подъема – на целый день. Индивидуально? Отчасти. Но – сублимация не получается...

Двадцатилетнего солдата можно уматывать так, что у него неделями не будет эрекции даже по утрам. Откуда и идут вечные солдатские слухи о «нестойне», который подсыпают в компот, и т. п. Сублимация? Эдак можно и импотенцию узников Бухенвальда объявить сублимацией, знаете. Здесь вечный дефицит общей энергии от недосыпа, недокорма (несбалансированное питание, «пустые» калории) и физических перегрузок. Вся энергия с трудом покрывает потребности по жизнеобеспечению индивида. В условиях дефицита энергии вся она идет в первую очередь на простое выживание, энергия-то берется из еды-питья-воздуха, плюс отдых необходим для нормального снабжения клеток питанием и кислородом и для выведения шлаков. Никакая сексуальная энергия здесь на марш-броски и наряды не перекачивается – энергия просто перестает поступать в сексуальные центры! Ведь сексуальная энергия – это не какая-то данность, не какая-то постоянная величина, это часть энергии организма, а энергия эта должна постоянно возобновляться! Здесь мы имеем не сублимацию того, что есть, – мы имеем простое отсутствие. Мы не откачиваем энергию из, условно говоря, секс-центра – мы перекрываем входы для энергии в секс-центр, и туда ни фигу не поступает. Не мозг сам по себе источник энергии, но питание для мозга.

§ 3. С е к с и т в о р ч е с т в о. В сущности, любая человеческая деятельность носит творческий, «разумно-изобретательный» характер – и чем эта деятельность «более творческая»,

тем творец более могуче-похотлив. Есть такая милая закономерность, замеченная давно. То есть не всякий половой гигант – гений, но среди гениев очень велик процент половых гигантов.

В дневниках Добролюбова есть примечательнейшее место – молодой интеллигентный мужчина, гуманитар, литератор, моралист, сидит дома и читает изящное и высокоэстетичное сочинение про высокие и отвлеченные материи. Худ, питается плохо, чахла. Был бы аскет, но скудные гроши носит в дешевый публичный дом – очень хочется. Да, так читает он, эстетически наслаждается и умиляется, увлечен, захвачен. «И вдруг, – пишет он, – у меня произошла эрекция. Вот и говорите после этого об идеальности эстетических переживаний и о том, что высокому искусству чуждо половое чувство».

Великий физик Ландау не пропускал ни одной юбки и набирал сотрудниц исключительно по принципу сексуальной привлекательности, справедливо полагая, что по сравнению с ним в физике они все равно мелкие тупицы. Не менее великий физик Оппенгеймер норовил совокупиться с любым женским существом в пределах досягаемости.

Тургенев зашел в гости к Дюма и обнаружил его катающим очередной роман, в то время как на коленях у него шалит полуобнаженная блондинка. «Александр, а она, гм, не мешает тебе работать? – Отнюдь, – жизнерадостно отвечал Дюма, – если бы на втором колене у меня сидела вторая такая же, я бы работал в два раза быстрее».

Распутство поэтов, художников, музыкантов – тема неисчерпаемая. Пушкин и Некрасов, Толстой и Достоевский, Бунин и Блок – это в великой-то и считающейся целомудренной русской литературе. Что ж говорить о да Винчи, Рембо и прочих Пикассо.

Творец – человек с повышенной нервной энергетикой, он работает на сильнейшем перевозбуждении, и очаг этого перевозбуждения «плавает» по коре мозга. А по силе это возбуждение соизмеримо с сексуальным, по абсолютной величине они близки. И ощущения такой же силы, как он получает в творчестве – он жаждет вообще, во всем, и в сексе в первую очередь – наслаждение, экстаз, эйфория. Здесь в мозгу происходят сходные химические процессы, гуляют те же элементы в тех же концентрациях.

Творчество и секс, если брать на уровне ощущений и физиологии мозга – это своего рода наркомания. Ты возбуждаешься на одном – и переезжаешь на другое с той же силой.

А кроме того, секс – это наилучший способ снятия нервного перевозбуждения после творчества, что с кокетливой мужской прямоотой справедливо отметил Хемингуэй. Ты перетягиваешь очаг возбуждения на другое место, и там его сбрасываешь и гасишь.

Пишешь картину – и вдруг хочется бабу. Лежишь с бабой – и вдруг осеняет идея, и вскакиваешь писать картину. А творчество – это акт не волевой, а интуитивный, а интуиция требует некоторой расслабленности, ты отдаешься на волю своих чувств, и если чувство хочет бабу, а ты ему фигу вместо бабы, то можно, конечно, заставить себя перестать о ней думать и «сублимировать», но чаще – организм говорит тебе: «Твори, падла, сам, а я хочу бабу, ну ужасно хочу, дай, не могу о другом думать». Дает. Кувыркается. Работает.

Что такое «богема» с ее распутством? Это образ жизни художников – только без их творчества. Внешние-то детали прихлебатели секли отлично, и очень их это устраивало, они вообще образ жизни художника и считали сутью. А что делать – таланта нет, а жизни художнической хочется.

Аскеты и одиночки, «сублиматоры» типа Микельанджело и Ван-Гога – те немногие исключения, которые вечно подтверждают общее правило.

§ 4. С е к с у а л ь н о с т ь в е л и к и х. Великий и премудрый царь Соломон был отменно женолюбив – три сотни жен имел, и без счета наложниц. И это с таким-то расходом сексуальной энергии – отлично соображал и славно управлял государством – именно при нем достиг Израиль расцвета и могущества.

Величие Цезаря покруче будет – встал во главе полумира. В зените своего могущества, будучи человеком уже весьма зрелым, мог, диктуя государственные распоряжения на

несколько секретарей одновременно, прерваться на четверть часа и удалиться в одну из ниш, отделенных от зала занавеской. Там всегда были наготове несколько мальчиков и девочек – на случай того, чего именно захочется императору в этот момент. Через четверть часа император возвращался удовлетворенный – и продолжал диктовать с того самого места, на котором оставился. А Цезарь, нельзя не заметить, заложил законодательные и исполнительные основы Римской Империи, с которыми она просуществовала еще пять веков – именно этим он, «Отец отечества», был славен в римской истории, а не своими военными победами, которых Рим имел без счета, было много побед куда круче и важнее цезаревских.

Очень похоже, что именно из подражания Цезарю устраивал сходным образом свои сексуальные дела две тысячи лет спустя честолюбивейший из смертных – Наполеон. Блеск его славы и величия обеспечивал ему обожествленное поклонение толп красавиц, почитавших за счастье близость с императором на любых условиях. В походной палатке, пища за складным столиком очередной приказ или декрет, он мельком бросал взгляд на впущенную поклонницу и делал пером жест через плечо в сторону койки: она могла раздеваться и ложиться. Наполеон дописывал до точки, вставал и «овладевал ею, лишь опустив лосины и не снимая ботфорт». После чего вставал, поправлял одежду и возвращался к столику, продолжая писать. Дама была свободна.

Иван Грозный фактически создал Россию как империю, воюя татар, шведов, поляков и присоединяя к себе все что ни попадя, до чего длань царская достигала. Его кошмарные оргии тщательно и стыдливо умалчиваются почти всеми историками – буен и невоздержан был царь во всем, перепортил девиц и опозорил честных жен великое множество. Полагая себя полновластным хозяином державы со всеми ее потрохами, желал обладать и всеми женщинами, которые могли ему понравиться – и, бывало, при проезде царского эскорта через селение жители получали приказ: «Бабам молодым и девкам стоять всем у окон, заголив и выставив срамные места».

Екатерина Великая с немецкой рациональностью пропускала кандидатов в любовники через «проб-даму»: каковы-то красавцы в постели? Не сдавшие «экзамен» до монаршего алькова не доходили. И сдавших хватало. До последних дней жизни вела престарелая императрица «активную сексуальную жизнь», как выразились бы сейчас. Что нисколько не мешало ей в масштабных преобразованиях огромной страны.

Вышеупомянутые, как и многие другие великие деятели в истории, имели столько актов, сколько им хотелось, безо всяких ограничений. А дел наворотили – будьте-нате. Так как там насчет «сублимации»? Ерунда. Огромная энергия являет себя во всем. А поскольку человек – создание биологическое, и энергия индивида в основе имеет биологический характер, то совершенно естественно: чем мощнее энергия – тем мощнее ее прямое биологическое проявление.

Интеллект и честолюбие зависят от условий формирования человека, от наложения внешней среды, «фенотипа», – но «генотип» задан с рождением, и в сексуальной мощи являет себя «автоматически». Импотент не может быть великим человеком – не потому, что у него плохо с эрекцией, но потому, что его проблемы с эрекцией – следствие общей вялости, общего недостатка энергии. (Случаи импотенции как явной болезни, которая может быть излечена медицински, без изменения общего уровня активности организма, сюда, разумеется, не входят.) Недаром едва ли не у всех народов на первобытном уровне развития общества вождь мог стать только тот, кто был сексуально мощен, а когда его половая сила ослабевала – подлежал замене. Насколько он мудр и хороший организатор – в обычных условиях судить бывает трудно, но в основе всего – энергия, а ее сексуальный уровень – как манометр, измеряющий по отдельному выходу общее давление.

Все ведь так просто. Если центральная нервная система способна к сильному возбуждению, а общее состояние организма позволяет возникать этому возбуждению – и позволяет реа-

лизовать его в действиях, вывести его с уровня ощущений на уровень физических проявлений – этот человек potentен в широком смысле слова, он годен и способен на многое.

Высокопотентный свинопас в сельской глуши не может стать великим человеком, потому что его энергия в период формирования личности, в детстве, не получила должного оформления – умственного развития и волевой закалки. Но уж драть он будет подряд своих свиней, если баб не хватит, этому учиться не надо. То есть – мы имеем годный материал, испорченный плохим раскроем, а качество-то ткани отличное.

Григорий Распутин – выдающийся пример того, как человек малограмотный и отсталый может подняться к управлению большим и сложным государством вопреки законам и, казалось бы, логике – через энергию свою, при этом половая его феноменальная энергия быстро стала притчей во языцех. Такой вот исключительный прорыв. Ну о-очень сильно он всегда хотел и сильно мог.

Поэтому отчаянно блудили Генрих IV и Луи XIV, Геббельс и Берия, Кеннеди и Онассис.

Гм. А вот титан товарищ Сталин в быту был весьма скромнен и умерен и, кроме мало-счастливого, но вполне целомудренного брака, ни в каких амурных похождениях не замечен. Как же с сексуальной мощью? И с подавлением либидо? Да, но дело в том, что у нас есть достоверные сведения об аскетизме товарища Сталина, но нет и не может быть никаких сведений об онанизме товарища Сталина. Возможно, он был половой гигант, но любил только сам себя – этого мы уже никогда не узнаем. А организму, в общем, все равно, истощается он неумеренными половыми актами или неумеренным онанизмом – идет один, в общем, и тот же сброс энергии через сексуальный канал.

Так что примеры Черчилля, Фридриха II и Авраама Линкольна ничего не доказывают. А скорее доказывают нашу точку зрения, и вот каким образом.

§ 5. Г и п е р с е к с у а л ь н о с т ь. Обычно так называется высокий сексуальный уровень юношей в 18–24 года. Придуманно это понятие людьми зрелого возраста, и носит какой-то завистливый и ханжеский оттенок. По ощущению самих молодых людей, их сексуальность нормальна и естественна. И постоянная способность к нескольким бурным половым актам ежедневно ими отнюдь не воспринимается как «гипер» – наоборот, скрипуче рекомендуемая разными учебниками «норма» в 1–2 акта в неделю – с удивлением и насмешливым превосходством расценивается молодостью как убогая малосильность на грани полной импотенции. Еще одна иллюстрация того, что все относительно...

Просто у молодости вообще очень высокий уровень энергии, такие силы распирают, что мир можно перевернуть. Она все схватывает на лету, быстро думает, быстро действует, выдает идеи, бросается в авантюрные прожекты, остро чувствует и бурно переживает – сексуальная энергетика лишь находится в соответствии с энергетикой вообще.

И при этом в знакомстве с противоположным полом молодость часто скована, зажата, стеснительна и застенчива. Юноша так обуреваем страстью, для него это имеет такое значение, что он волнуется, дергается, заикается. Да на свете масса неудовлетворенных женщин, которые мечтают о горячем неумолимом любовнике – и одновременно масса этих любовников, которым «что-то внутри» мешает прямым ходом укладывать этих вождедеющих дам в постель.

Юноши повзрослеют, поостынут, успокоятся, сделаются развязнее и равнодушнее – и начнут преуспевать на полях Венеры больше, при том, что мочь уже будут меньше.

Если ты хочешь чего-то с л и ш к о м сильно – это только мешает тебе добиваться этого в натуре. перевозбуждение приводит тебя в состояние некоторого аффекта, ты неадекватно оцениваешь ситуацию, и не в состоянии совершать адекватные поступки, с наибольшей вероятностью ведущие к желаемой цели.

Так в известном старом анекдоте жокей последовательно раскрашивает свою лошадь во все цвета радуги, мечтая привлечь этим внимание прекрасной дамы, чтобы хоть с чего-то завязать разговор: вот она его спросит, зачем он так размалевал животное, и тут-то он ей и пред-

ложит переспать – пока, наконец, она сама не подзывает его и не предлагает переспать, интересуясь после этого, зачем, кстати, он так раскрасил лошадь. А затем, что так сильно хотел переспать, что от волнения впал в застенчивость и не мог просто подойти и предложить это напрямик. Изрядная доля истины в этой шуточке.

Из того, что далеко и далеко не все юноши ведут нормальную регулярную половую жизнь, никак не следует, что они сублимируют сексуальную энергию в «мирное русло». По всем исследованиям и статистикам 95% юношей регулярно и усердно мастурбируют – 95% означает все здоровое и нормальное поголовье. А иначе «сперма на мозги давит» так, что ничего делать нормально невозможно, все время только о сексе и думаешь.

Внешне же такой примерный и аккуратный юноша может выглядеть, с точки зрения ученого, историка, биографа и моралиста, аскетом и пуританином: ну словно только и думает о труде, науке и добре.

Это – о юношеских делах.

И – второе, второе, второе.

Вот один из обычных вариантов:

Мужчина очень хочет женщину, она ему очень нравится, давно нравится, но все никак – и наконец ему удастся лечь с ней в постель. И тут он с изумлением обнаруживает, что у него не стоит. Как же так, почему?! Опытная женщина все поймет, опытный мужчина тоже дергаться не будет: слишком сильно и долго хотел, бывает. перевозбуждение ведет к обратному результату: словно щелкает и срабатывает некий предохранительный клапан в мозгу, и слишком высокого напряжения энергия сбрасывается и уходит.

Это сродни чувству разочарования, усталости и опустошения, когда достигаешь наконец цели, которой добивался очень страстно, долго и тяжело. Никакой радости, никакого подъема и энтузиазма – нервная реакция типа приступа истощения и упадка сил. Отдохни, отвлекись, через недельку помалу придет та радость, какой когда-то и грезилось это достижение цели.

Так и в постели: отвлекись, «поговори о природе и литературе», засни до утра и успокойся – пообвыкнув, вы будете скакать на простынях, как гибрид кролика с молотилкой.

Ибо все, что «слишком» и «через», переходит в свою противоположность; только и всего.

Гиперсексуальность может приводить к частным случаям импотенции, что давно знают сексологи. Любимую девушку в брачную ночь сделать женщиной не может – а с проститутками пожалуйста: мудрый доктор и советует научно и цинично: сходите, батенька, к бляди, все у вас в порядке, это просто сбой от волнения.

...Теперь и вернемся к тем великим людям, о повышенной сексуальности которых истории ничего не известно. Если не известно – это ведь не означает, что там ничего не было. Они могли требовать, «для общего порядка», жесткого соблюдения морали и порядочности от подданных, как Октавиан Август или Фридрих Великий. И считали необходимым служить примером для остальных. И страсть их никак не выставлялась напоказ.

Именно гиперсексуальность, перехлестывая меру ощущений, и могла им мешать вести «нормально-очень-активную» сексуальную жизнь.

Ведь:

Верный признак влюбленности: «он» на «нее» старается не смотреть и делает вид, что не обращает внимания. (Ох и нравится она ему! так нравится, что он боится показаться ей слишком доступным, слишком на все готовым, ведь тогда ей неинтересно будет, а кроме того, она ему кажется уж такой желанной, такой привлекательной, что он делается не уверен, что сможет ее добиться, а в таком случае гордость и самолюбие велят не показывать вида, что она для него много значит. И все это только от волнения, от избытка желания. А в результате ее подклеивает развязный пошляк, которому она до фени, она ведь обыкновенная женщина, и он с ней спит и ею пренебрегает, а наш страдалец не спит ночи и выглядит аскетом, равнодушным к женщинам.)

Ведь:

Верный признак сильного сексуального воздействия женщины на мужчину: «он» старается никак не показывать, что у него аж глазки застилают при виде ее. Он с равнодушием пропускает мимо себя ее кокетство. Он не только не стремится коснуться ее, но и тогда, когда она, испытывая свои чары и шая, касается его, никак не реагирует на ее прикосновения, ну словно вовсе равнодушен. И тут же может гладить по волосам или шлепнуть по попке особу, не вызывающую у него никаких чувств: ему несложно на публике изображать невинные ласки с той, которая его никак не волнует. Гм... А много времени спустя часто оказывается, что он действительно нравился той, которая нравилась ему, а она, бедолага, была уведена, что он к ней так равнодушен. А его просто слишком сильно трясло от ее вида и касаний.

Максимумом сексуальной энергии наделен не только тот, кто пашет все, что шевелится, – но часто и тот, кто выглядит умеренным и добропорядочным, а сам в истощающих одиночных оргиях обладает всеми в мире гаремами, сералями, гинекеями и женскими банями.

Бесстрастные люди не могут совершать великие дела, ибо на хрена им великие дела с их потом, риском и муками, если и без них можно устроиться благополучно. Страсть – это высокая степень желания – это сильное возбуждение центральной нервной системы – это энергия требует выхода, реализации, приложения.

А возбуждение не может всегда возникать в одних очагах мозга и никогда не возникать в других. Оно «плавает» по коре полушарий, и сексуальный центр «проплывает» регулярно. Или что, сексуальный центр в мозгу можно новокаином обколоть, чтоб не беспокоил?

Сексуальность великих могла проявляться внешне, и могла не проявляться внешне, но не могла быть незначительной. Как равнодушием прикрывают волнение и заинтересованность – так подчеркнутой умеренностью и добропорядочностью прикрывают клочкотание страстей.

Известен аскетизм неподкупного Робеспьера. Но лишь дочь столяра, в доме которого он жил, знала, что выделявал и на что был способен всемогущий председатель Якобинского клуба! Так в конце концов он сделал своим любовником еще юного красавца Сен-Жюста, назначенного как бы боссом их КГБ.

§ 6. А с е к с у а л ь н о с т ь. А как же насчет великих стариков, которых возраст избавил от любовного пыла, а дела они воротили? Господа, старики просто слишком поздно добрались до вершины, к которой лезли всю жизнь. Ничего великого в старости они уже не совершили. В лучшем случае – на них работал имеющийся государственный (или иной, промышленный и т. п.) механизм, и в лучшем случае они реализовывали идеи своей молодости...

Все великие дела совершались людьми в цвете всех сил. Назовите человека, который великое творил в старости. Долго-долго будете рыться в памяти и в книгах.

Да и продолжительность активного возраста у людей разная. Чарли Чаплин, известный трахальщик, в 52 года женился на 18-летней Уне О'Нил и, прожив хорошо за 80, еще наделал кучу детей. Иной и после 60 способен устроить молодой женщине хорошую ночь.

А как же с советами старейшин и т. п.? Не только у спартанцев, но и у многих народов было принято вручать именно старикам изрядную власть. – От спартанского правления требовалось одно – всеми силами и мерами сохранять в неприкосновенности законы Ликурга, воздерживаясь от любых нововведений. Старик – он всегда консерватор, он всячески склонен сохранять то, что уже есть. Великие люди, всегда новаторы, взломщики имеющихся порядков и положений, отчаянно лаялись со старейшинами, норовившими их укоротить.

Старость обрастает связями, забирается за всю жизнь вверх по социальной лестнице, нарабатывает уважительную репутацию, набирает опыт, имеет знания, знакома с прецедентами. Старик хорош как судья, учитель, консультант. Он может возглавлять отлаженную структуру, которая чем лучше собрана и отлажена, тем менее нуждается в управлении – смотри себе сверху, чтоб все шестеренки работали и смазывались. Поэтому Брежнев мог быть начальником огромного, великого, страшного СССР, даже «не приходя в сознание» – пирамида власти

функционировала себе потихоньку без всякого руководства, все было и так расписано, главное – ничего не менять.

Не потому старик дел великих не воротит, что импотент, а потому импотент, что органон вообще увял и силов нема ни физических, ни духовных – не тот обмен веществ, не та возбудимость нервов.

Так. А евнухи, которые, бывало на Среднем Востоке, правили государствами?

Здесь такая вещь. Холостят барашка или борова. Что получается? Тело нагуливает быстрее, толстеет, жиреет. Холостят коня – мерин тоже упитаннее выглядит, он спокойнее, в хозяйстве работает лучше. Почему? Грубо говоря, от его биологической энергии отсекали фактор размножения. А особь оставили. Органы еще молодые, нервные клетки неизношены, ресурс самовозобновления клеток еще велик. А обмен веществ резко изменился, гормональная система искажена. Теперь энергия уже пускается только на сохранение индивида. Пускай он будет покрупнее, помясистее, пожирнее – его «личный» энергетический запас собирается и копится активнее, поддерживается на более высоком уровне.

Жирный тонкоголосый евнух – может быть хитер, коварен, жаден, но энергетика его подрублена непоправимо. Он может стать фактическим правителем – только если стоял «по службе» очень высоко к самому верху: был, скажем, начальником гарема и доверенным лицом султана. Чтоб вместе с парой друзей-евнухов удавить султана шнурком, а нескольких военачальников подкупить парой сундуков с золотом, много энергии не надо. Евнух может наслаждаться властью, захватив ее в каком-то готовом виде – а вот чтоб он совершил что-то заслуживающее внимания в мире – таких случаев не известно.

Импотент может быть богатым ростовщиком, если закон на его стороне и армия с полицией его защищают. А вот разбойничком, с ножичком и кистенем, на большой дороге состояние себе сколотить – это он уже не может. Он может быть значителен «по закону», а «по жизни», сам по себе в голом виде – нет-с, слаб.

Чиновником – может, рэкетиром – нет.

§ 7. К а с т р а ц и я. Для любого нормального мужчины ужасна одна мысль о ней – даже если он обречен на пожизненное одиночное заключение, и с гарантией ему никогда уже не будет ни женщин, ни детей. Пообещай такому «условному зеку» в темнице – дать свободу, денег, ну любых благ, но – при условии кастрации: похолодеет несчастный от такого выбора, ох, а нельзя ли лучше ноги отрубить...

Особь лишается возможности иметь потомство. Заведомо убиваются все твои дети, внуки и правнуки. На биологическом уровне твое существование на земле лишается цели и смысла, ты в таком виде в природе уже как бы не существуешь. Тебе режут инстинкт сохранения вида – который в общем сильнее инстинкта сохранения индивидуума, т. е. инстинкта самосохранения. Сильнее понятно в каком смысле. Перефразируя Помпея, «оставлять потомство необходимо, жить самому не так уж необходимо».

Человек может не собираться иметь детей (тем более если уже имеет), и даже согласен дать обет целомудрия. Но инстинкт-то все равно остается при нем, куда ж он денется. И для его биологической сущности – это самое кошмарное, что может быть.

Трепетное отношение человека к своим гениталиям служит неисчерпаемой темой для шуток и анекдотов. Как бы и тема скабрзная, и органы неприличны для обсуждения, и служат только для личного наслаждения.

На самом деле любому ясно, что ничего смешного тут нет, да? Страх кастрации – это вариант страха смерти. Но если есть культ смерти и этика умирания – для воина, храбреца, христианина, философа и т. д., если смерть – это, как ни крути, дело житейское, естественное, ее никому не избежать, и жертвовать жизнью во имя того, что тебе дороже жизни – дело обычное, то, то, то кастрация – это категорически неестественно, необычно, ненормально, противоестественно. Ведь это как бы вырезают все твое многочисленное потомство – поголовно, до

скончания веков, со всеми их жизнями, свершениями, бедами и радостями. Но в подобных выражениях эту мысль не формулируешь, а просто холодеешь и с невероятной энергией стараешься избежать такого несчастья любой ценой.

Инстинктивный страх кастрации – это страх за уничтожение всего рода человеческого, здесь вопит не инстинкт самосохранения особи, но инстинкт самосохранения всего вида. (Ведь даже если останется всего одна пара людей на свете, как было с Адамом и Евой, даже потомство только одного человека, как было с Ноем, то человечество не погибло, существует, продолжает жить, все еще поправимо.) И каждый, каждый, каждый инстинктивно отвечает за существование всего человечества, каждый инстинктивно воплощает в себе будущее всего человечества.

§ 8. П р о д о л ж и т е л ь н о с т ь ж и з н и с е к с у а л ь н о й и б и о л о г и ч е с к о й. В конце прошлого века возобладали теории, согласно которым мужчина был способен совершить в течение жизни определенное и ограниченное число половых актов – назывались цифры от 3 до 8 тысяч. Из этого следовали рекомендации беречь свою мужскую силу, а то израсходуется.

В середине этого века построили другую теорию: темперамент – вещь индивидуальная, поэтому ранняя и очень активная половая жизнь не ведет к половому истощению – напротив: кто рано начал и часто продолжает – тот сексуально более энергичен от природы, и закончит свою половую жизнь в возрасте более позднем, чем умеренный – умеренный потому и умерен, что менее энергичен, потому и начал позже, и продолжает реже.

А кроме того, постоянное упражнение развивает органы и поддерживает их в активной форме, такие «рабочие» органы будут функционировать дольше. Как бы – трахайтесь на здоровье, чем больше – тем и далее сможешь больше и дольше.

К концу XX века подспела еще одна теория (основанная все больше на опытах с мышами и морскими свинками, но вполне обоснованная теоретически): в воздержании особи живут дольше, поэтому для долголетия полезно сводить секс до возможного минимума.

Ученые – отличные и добросовестные ребята, и все у них здорово, но наряду с достоинствами имеется и недостаток: они углубляются в узкий вопрос и перестают видеть его связи с остальной жизнью.

С одной стороны: постоянный сброс семенной жидкости вынуждает и стимулирует половые органы вырабатывать вновь и вновь соответствующие клетки взамен покинувших организм. Этот ресурс возобновления не безграничен, организм «считает» свой биологический возраст по количеству возобновлений: совокупился, скажем, 9642 раза – и баста, организм решает: так, мой половой век прожит, моя функция на Земле выполнена, завязываем. В этом смысле старая теория права.

С другой стороны: без постоянного использования органы слабеют и частично атрофируются, тут организм «рассуждает» так: раз они не работают, так не больно и нужны, нечего зря на них энергию расходовать. Не упражняешь мышцы – хиреют мышцы и тают. Не упражняешь половой аппарат – мозговой центр не возбуждается, регулярный приток крови не происходит, запирающие мышцы не напрягаются, питание соответствующих клеток происходит слабее, половая функция ослабевает раньше. Вроде, ресурс возобновления половых клеток и близко не выработан, по этому показателю организм должен считать себя еще молодым и жить дальше и дальше. Но организм «судит» о своем возрасте еще и по состоянию активности своего полового аппарата. А он без постоянной тренировки ослаб и угас раньше. Ага – ослаб? угас? – значит, мы с тобой уже старики, давай стареть и готовиться к смерти.

Половая гиперактивность может вести к половому истощению и раннему старению, преждевременной смерти. Половое воздержание ведет – «с другой стороны» – также к преждевременному угасанию половой сферы и смерти раньше возможного предела. Ку-ку. (Не говоря о неврозах как следствии воздержания, а неврозы всегда «расшатывают» функции организма и укорачивают его век.)

А как же целомудренные отшельники, живущие в воздержании святые старцы? Верно, истощение укоротит твой век куда быстрее воздержания. Но не существует сведений, согласно которым все главные долгожители воздерживались от половой жизни. Все эти ветхие и славные столетние старички и старушки в свой срок делали свое дело и рожали детей. И ни фи́га им это жизнь не укоротило.

Короче – тут аналогия очень близкая: лошадь можно заездить неумеренными нагрузками, и она быстро сдохнет, но если ей вовсе не давать нагрузок – она тоже быстро сдохнет, хотя и не так быстро. В первом случае сдохнет от истощения мышц, от отравления тканей неудаленными продуктами распада, выделяющимися при работе, – во втором случае сдохнет от ожирения, перерождения мышечных тканей в соединительные, ослабления сердечно-сосудистой деятельности, падения сопротивляемости организма.

Или: обжора и лентяй рано помрет от ожирения и гиподинамии, а чемпион мира по бегу или по штанге рано помрет от разнообразных функциональных нарушений в организме вследствие когдатошних больших и явно вредных перегрузок. А долго будет жить тот, кто умеренно питается и умеренно двигается, регулярно занимаясь физкультурой для здоровья. Просто, банально, очевидно.

После всех великих научных открытий сексологов мы с изумлением приходим к древним рецептам: вот те самые с древности рекомендуемые 1–2 акта в неделю и есть оптимальный ритм с точки зрения продолжительности как половой жизни, так и жизни вообще. Это ритм той самой оздоровительной физкультуры в отличие от губительности рекордных перегрузок, когда можно умереть прямо на помосте (на дистанции), и в отличие от полного безделья с грядущим кондратием и захирением.

Так, но это все про шовинистов-мужчин, а что же про женщин, у которых половая жизнь с потерей и возобновлением клеток не связана?

Интермедия и интерлюдия. Наука давно ломает голову и строит объяснения следующему явлению. Мужчина обретает способность оплодотворить женщину к 15 годам (допустим), и сохраняет ее в среднем, ну, пусть до 60 (вполне бывает и дольше, и много дольше). А живет в среднем, возьмем на сейчас, 70 лет (бабушки, сегодня в России и до 65 не дотягивает, и даже еще меньше, – но, предположим, это мужчина, которому в нашем случае созданы хорошие условия для жизни, извержения вулкана не считаются). 45 лет из 70 он годится в дело – 0,65 примерно от всей жизни, $\frac{2}{3}$ то есть. А возраст плодородия женщины – ну, 13–48, лет 35–37, и это из 75 лет всей жизни, – $\frac{1}{2}$ жизни женщина есть женщина. В чем дело, почему несправедливость? Конечно, рожать – это тебе не оплодотворить, это нагрузка огромная. И – однако, однако, однако... В животном мире не так!!! В животном мире половозрелая особь всю свою взрослую жизнь именно половозрелая – рождает до конца, а с угасанием материнской функции угасают и все прочие: не можешь больше размножаться – не нужна больше природе. Такие дела.

М-да...

Это еще раз подтверждает, что: 1. Чем сложнее существо, тем меньшая часть его общей энергии реализуется как энергия размножения (см. § 1). 2. Биологически женщина с ее материнством сложнее мужчины (с чем никто никогда, вроде, и не спорил). 3. Избыточная сверх половой энергетика человека сказывается у женщины в том, что и по завершении материнской функции она еще долго функционирует неплохо во всех прочих отношениях. 4. Рождение человека – акт настолько энергетически значительный, что, в отличие от прочих животных, способен только в расцвете всех возможностей организма. 5. Избыточная сверх половой энергетика человека сказывается у мужчины в том, что он ведет половую жизнь как бы «между прочим», не отрываясь от совершения всяких больших дел внебиологическим путем.

То есть. Половая энергия человека гораздо выше, чем у любого животного: он способен к акту круглый год в любое время суток без всяких ограничений, это тебе не весенний гон раз

в году и не тетка пять раз в году. Половая энергия человека вообще выше необходимой: самка уже беременна, а самца не только подпускает, но даже и зовет часто до последних недель. Мужчина вообще энергичнее женщины, больше переделывает мир, раньше снашивается и умирает – а половая функция его от функции животного самца практически не отличается: он только сдает женскому организму мужскую зародышевую клетку. Но период внутриутробного развития сверх-энергичного существа – человека – требует от женщины столь высокого энергетического потенциала, что всю жизнь она выдать такой уровень энергопреобразования не может. Слониха родить слоненка может, а женщина человека – уже нет. Старость. А жить можно.

Условно говоря – как будто энергию размножения всей жизни слонихи собрали в одну половину жизни и тем самым удвоили по величине – и только тогда слониха обрела возможность родить качественно более энергичного, на п о р я д о к более энергичного ребенка – избыток энергии которого образует разум и несет в себе переделку мира.

И уровень этой энергетике таков, что когда она снижается ниже уровня возможности размножения – это одновременно ниже уровня жизни индивида, ниже уровня жизни особи. А у человека уровень энергии высок настолько, что когда она снижается ниже уровня размножения – на жизнь особи ее еще долго хватает.

Потому что это только внешне, только биологически эмбрион человека похож на эмбрион рыбы, свиньи и т. д. на разных стадиях своего развития. Но передать ему человеческий энергетический сверх-заряд, вырастить в нем этот сверх-заряд – для этого потребен к а ч е с т в е н н о более высокий уровень энергетике материнского организма.

Как это определить на уровне клеток, на уровне их электропотенциалов, на уровне снабжения зародыша питанием и минеральными элементами – этого сегодня наука не знает, не умеет, не в курсе дела. Но в принципе дело обстоит именно так, закономерность соотношений чадородной и бесплодной частей жизни человека объясняется именно таким образом.

Однако вернемся к продолжительности сексуальной и биологической жизни женщины. Считается известным, что проститутки стареют раньше женщин порядочных, в том числе раньше монашек. Раньше это часто приписывали сверхактивному образу половой жизни.

Однако прославленная и блистательная Нинон де Ланкло вела жизнь уж куда более разгульную – однако и за пятьдесят прелыщала красотой мужской стар и млад. Э? Если много и постоянно выпивать и вообще вести беспорядочный и нездоровый образ жизни – состаришься раньше времени без всякой проституции.

Благотворная роль беременности и родов для женского организма медицине ясна и споров не вызывает. Клетки обновляются, организм имеет себя лучше. Это так считается. А если рожать каждый год? Тогда в сорок лет будет дряблая старуха. Изношен органон, да; он, по мнению природы, свое на земле уже нарожал.

«Биологический возраст» сорокалетних женщин – нерожавшей, дважды рожавшей и двенадцать раз рожавшей – разный.

Что такое рак шейки матки у проституток, а у них процент заболевания этого выше, чем у прочих женщин – и стопроцентное отсутствие его у монашек, не живущих половой жизнью? Это ткани соответствующего места у проститутки выработали свой ресурс «ремонта»: было много микрповреждений и их нормальных самозаживлений. Защитный механизм сообщает: э, уже сто ремонтов и семь капитальных, мы уже старые, с дефективными клетками бороться больше не можем, мы свое уже прожили – и примитивные клетки, более активные и агрессивные, чем нормальные и здоровые, идут в рост и давят все кругом.

Слишком большая работа уже произведена этим местом. Слишком много энергии – энергии в о о б щ е, а в частном случае она тут носит и механический, и психический, и биохимический характер, и прочие аспекты найдутся – слишком много энергии уже преобразовано через это место. Жизненный цикл выработан, и запас его превышен. Ведь рак – это в основном

болезнь износа, в ремонтном бюро кончились клетки-запчасти, а иммунная система израсходовала определители «свой-чужой» и на исходе у нее уничтожители «чужих» клеток.

Монашка скудно ест, ведет абсолютно регулярную жизнь (кроме половой, которой вовсе не ведет), работает в садике-огорожке, и у нее все условия жить долго. Правда, у нее часто невроз от воздержания, но она молится, постится, это отвлекает и помогает.

А главные долгожительницы все-таки не монашки. Хотя и не проститутки. А нормальные женщины.

Благотворное влияние спермы на женский организм также общеизвестно. Белки, гормоны, питание и обмен веществ – масса благ.

(История «не для детских энциклопедий» утверждает, что секрет несравненной и неувядавшей красоты легендарной египетской царицы Нефертити состоял в следующем. Насладившись на завтрак вкусом изысканной трапезы, она после десерта извергала ее в поданный служанками золотой тазик – после чего на пустой, но подготовленный и освобожденный от растворяющих кислот желудочного сока желудок выпивала чашу спермы пятнадцатилетних мальчиков, штат которых специально для этого содержали. Мальчики были девственны, жили в строжайшем воздержании и питались «экологически чистой пищей», состоявшей из фруктов, дичи, настоек целебных трав и кореньев и ключевой воды. Не лишено.)

...Получается, что для мужчин, что для женщин – одинаково; все хорошо в меру. Сдержанно. Без излишеств. Выходит польза для здоровья и долголетия. Ах: ничего принципиально нового наша хваленая ультрасовременная медицина не открывает.

§ 9. За па х. У всех животных запах половых выделений самки является приманивающим и возбуждающим самца. Только не у человека.

Там, где культура секса была утончена и изощрена, как в древней Индии или Римской Империи, для женских половых органов перед любовным актом употреблялись благовонные «дезодоранты» на основе запахов мускуса, жасмина, розы или бергамота. В крайне редких случаях, что является индивидуальной спецификой обмена веществ, половые органы женщины могут так пахнуть «естественным образом». Но везде и всегда гигиена, если она на этот счет вообще существовала, справедливо предписывала тщательное подмывание перед тем как.

После подмывания запах может быть нейтрален, и может быть в той или иной степени неприятен, вплоть до отвращающего мужчину и лишаящего его эрекции. Без подмывания запах неприятен практически всегда, порой просто непереносим. В таких случаях мужчина проводит половой акт, стараясь держать нос как можно дальше от половых органов женщины, предпочитая «абстрагироваться» от него и не думать, как бы его и нет вообще.

Почему, собственно? Зрение, осязание, слух (при разговорах на тему) работают на возбуждение и привлечение, а запах – первейший возбудитель в животном мире – работает скорее на отвращение и отталкивание, или, в хорошем случае, отнюдь не отвращает, но и не привлекает явно, а так, нейтрален (повторим, природное благовоние крайне редко, но и оно само по себе никак не стимулирует мужскую активность).

Предположение, что привлекательность запахов женских выделений для мужчины и есть индивидуальная избирательность и индивидуальная привлекательность разнополых особей, приходится отбросить ввиду явной его несостоятельности, это не получается. Во-первых, гинекологи и донжуаны подтвердят, что такой редкий приятный запах не субъективен, а объективен: не встречается такого, чтоб одному благоухало, а десяти воняло – если воняет, так уж для каждого, и если благоухает – тоже. Во-вторых, мужчина может очень хотеть женщину и возбуждаться ею, но запах выделений для него не более чем нейтрален – а может она ему нравиться весьма мало, но запах в том редком привлекательном случае скорее приятен, однако в их отношениях ничего не решает; и, стремясь видеть тело женщины, осязать его, говорить о нем, даже стремясь обонять запах ее кожи, волос, дыхания и даже пота подмышками, он совершенно не стремится обонять запах половых выделений.

Феномен «полового запаха» еще раз подтверждает избыточную энергетику человека и понятен только с этой точки зрения.

Во-первых, человек – это единственное «сверх-энергичное» животное, которое всегда переделывает окружающий мир, настолько оно «сверх-заряжено» энергией. А самый волнующий, сильный и привлекательный аромат всегда находится на грани благовония и зловония, что отлично известно парфюмерам, создателям запахов. В человеческом случае запах «избыточно привлекателен», в него «переложено» возбуждающей приманки, словно парфюмер «перестарался» с благовонием и свалился за грань зловония. В этом запахе «слишком много» того заряда, который в более слабом виде дал бы приятный букет. Это можно сравнить с тем, как слишком энергичный массажист переломал бы клиенту ребра и хребет. Или слишком обильная трапеза убила бы посредством заворота кишок. Словом, пущенная в запах энергия перешла меру.

Во-вторых, человек совершает акт не благодаря запаху, но скорее вопреки ему. Запах не подстегивает половую энергию – напротив, является препятствием. И для того, чтобы все-таки совершить акт, половая энергия должна быть «с запасом», выше необходимой. Вот животные – бегают и нюхают друг у друга под хвостом, и очень от этого возбуждаются. Если бы люди скакали на четвереньках и нюхали друг у друга под хвостом – то, будь они животные, вообще могли бы перестать совокупляться. Животное понюхает – воспламенится – совокупится. Человек же понюхает – аж заколдобится – но все равно совокупится. Что мы имеем? Мы имеем тормоз – там где у животных «ускоритель». Чтоб совершить акт «по запаху», нужно меньше энергетики влечения, чем совершить акт «против запаха». Нужна дополнительная сила влечения, чтоб иметь «вопреки» запаху. Запах – это дополнительная «заслонка» в человеческом резервуаре с энергией, и, преодолевая эту заслонку, энергия содержится и выходит под более высоким давлением.

В-третьих, изменение функции полового запаха связано, разумеется, с прямохождением человека. Медицина знает, что от этого прямохождения вообще много бед: внутренние органы давят вниз, вместо того чтобы располагаться свободнее и вольготнее в грудной и брюшной полостях и тихо себе отвисать по направлению к груди-брюху, как оно по животной нашей анатомии первоначально и «предусмотрено». (И это лишь один из аспектов скорее отрицательных – с точки зрения биологического здоровья.) Ходить на своих двоих куда труднее, чем на своих же четырех. Это тоже свидетельство подскока энергетики человека. Этот подскок биологической энергетики существа сказался во всем (мышление, работа и т. д.) – в том числе и вот в таком подскоке энергетики запаха – и этот подскок энергетики и определил изменение его функции, о чем мы только что и говорили выше.

§ 10. Из в р а щ е н и я. Не было бы никакой надобности на них останавливаться – после того как сексология и сексопатология в течение ста лет пропахали интимную жизнь человека вдоль и поперек. Если бы только до сих пор не оставалось непонятым главное – это также свидетельства и аспекты избыточной энергетики человека, и в корне своем могут быть поняты только с этой точки зрения.

1. Гомосексуализм. Те 3–5 процентов населения, у которых, к несчастью, генный сбой – органы сформированы по мужскому типу, а влечение по женскому, – можно оставить в покое: брачок-с природы.

Гомосексуализм зеков в зонах и тюрьмах тоже понимать особенно нечего: невозможность полового удовлетворения естественным путем, во-первых, и самоутверждение себя через унижение, «опускание» другого, во-вторых: тут «прилично» быть только активом, позорно – пассивом (в точности как у некоторых обезьян – господствующий самец трахает в анус подчиненного самца, дабы тот знал, кто в стае хозяин, и не вздумал бунтовать и покушаться на самок, – анальный акт этот утверждает господство актива).

А вот в чем дело с гомосексуализмом «наведенным», «благоприобретенным»? Жил себе мужчина с женщинами, имел семью и детей, и вот как-то попробовал – и понеслось. На фига?

Стопроцентный гей женщину не хочет, она ему сексуально неприятна, он называет ее брезгливо «щель» и вожделеет к мужчинам. А наш «развращенный» орел в общем бисексуален, он может и с женщиной, и с мужчиной, причем мужчины предпочтительней – он ведь к ним от женщин и пришел.

Остренького хочется. Новенького. Запретненького, невозможненького. В нормальном сексе с женщинами – привычка сложилась, острота ощущений притупилась, пресыщение некоторое наступило. А поначалу-то – ахал, обмирал, голова кружилась, не может быть. И вот возникает, слабенькая поначалу, тяга: попробовать, познать, преступить запрет, взломать табу. Въехать в еще одну сторону жизни: а что ощущает женщина, имея дело с вожделенным ей половым членом?

Хочется новых ощущений и новых действий. Познать еще не познанное и сделать еще не сделаное. Это может быть даже и несколько противно, а все-таки манит.

Из ничего может получиться только ничего. Какое-то зерно гомосексуализма сидит в каждом нормальном мужчине. Внешне это часто проявляется в детском и подростковом возрасте, когда мальчики сравнивают и исследуют половые органы друг друга, иногда совместно мастурбируют и т. п. Здесь три момента: «интересно», «возбуждает» и «познать». Но при возможности выбора между сексуальными экзерсисами с другом либо с подружкой мальчик без мига колебаний предпочтет подругу: о, сила желания и ощущений тут несравнима, просто обычно возможности нет и выбор такой не стоит. Приходит время – и он нормальный гетеросексуал.

И вот этот нормальный гетеросексуал в бане или общественном туалете обязательно бросает мгновенный взгляд на члены других мужчин. Сексопсихологи обычно поучают: это он подсознательно стремится сравнить свою мужскую мощь с достоинствами других, подсознательно хочет убедиться, что у него достаточно большой и толстый член, он всегда закомплексован на неуверенности в этом. Оно бы все и так, но иногда чужой член представляется мужчине привлекательным, и на какой-то ма-аленький процент он в ощущениях своих не прочь немного иметь с ним дело. Ага.

Юный девственник, имея возможность свободного выбора между мужчиной и женщиной для половых контактов, при всех прочих равных – не просто выбирает женщину, но и сами колебания на эту тему для него невозможны, не существуют. Если гей соблазняет юношу и делает его своим любовником – он обольщает всячески, лезет в душу и уговаривает, убалтывает, представляется лучшим другом, защитником, покровителем, заваливает подарками и оказывает разные услуги. А потом часто плачет, если был сильно привязан, и жалуется на неблагодарность и коварство любовника: все принимал, сволочь, а теперь взял и женился, гаденыш подлый.

А взрослый нормальный мужчина, имея тот же свободный выбор, может предпочесть женщине мужчину. И с хромосомным набором у него все в порядке, и с потенцией, и с любовницами. И главная, принципиальная причина здесь одна: ощутить, познать, сделать – то, чего еще не было, то, что обстоит не так, как сейчас, «до того».

(Гомосексуализм среди несчастных балетных танцовщиков «не считается»). Лет с 11, как раз начало созревания, мальчики начинают делать поддержки, поднимая и нося девочек под бедра, ягодицы, низ живота – естественно, где центр тяжести. А в приличном хореографическом училище традиционно существует весьма безжалостное правило: две жалобы девочки на то, что мальчик, нося ее, касался не только как груза и балерины, но с любым намеком на что-нибудь еще – и мальчик от греха подальше отчисляется из училища. Шутите, что ли? Закрытый пансион, общее житье, а беременность ученицы – это насмарку годы труда педагогов и брак вместо выпуска юной звезды балета: и это лишь чисто прагматический аспект проблемы.

Нагрузки-то ужасные в русском балете, тот же большой спорт: отстал в тренировках – и аут. Они ж практически все бездетными остаются, приличные балерины, только средний кордебалет может позволить себе детей. И так, что делать мальчикам, которые в возрасте вспенивания браги ежедневно часами общаются с девочками, одетыми в коротенькие белые трусики, и носят их за попку, ляжки и животик – а ничего и близко не смей, а система житья довольно закрытая, казарменная? Мальчики начинают производить опыты друг с другом... и склоняться к, гм, общению с преподавателями и взрослыми танцовщиками, которые это уже давно проходили. Бедолаги.)

(Однако что бы ни говорили сегодняшние призывы «гуманистов» к полному равенству сексуальных меньшинств с сексуальным большинством – в общем то самое физическое влечение мужчины к женщине имеет своей неотъемлемой обратной стороной физическое антивлечение мужчины к мужчине: нормальный гетеросексуал может партнерствовать и приятельствовать с гомосексуалом, умом соглашаться с равноправием, но физически чувствовать брезгливость и неприятие. Генерал Шварцкопф довольно справедливо выразился: «Солдат в бою должен быть спокоен за свою спину, прикрытую товарищем, а не бояться повернуться к нему задом».)

И вот здесь миф о «порочности господствующих классов» не лишен известных оснований. Богач, красавец, плэйбой, не имеющий никаких затруднений и препятствий с женщинами, пресыщается быстрее, конечно, чем бедняк, работяга, урод, – если кому и захочется «остренького», то ему скорее, чем другим.

2. Нарциссизм и эксгибиционизм. Если человек влюблен в свое тело и балдеет, лаская себя перед зеркалом, предпочитая это нормальному сексу, – это патология. Но если он вообще себе не нравится, норовит при акте свет гасить, одеяло натягивать и полностью не раздеваться – это тоже не есть здорово и нормально.

Секс – это наслаждение на двоих, «давать» и «брать» здесь одно и то же, две стороны медали, две половины целого. Почему от возбуждения партнера увеличивается возбуждение собственное? Потому что ты больше получаешь – и одновременно это означает, что ты больше даешь. Самоутверждение, самолюбие и самолюбование, нарциссизм в дозе здесь присутствуют всегда: ты должен быть убежден, что тебе таки есть что давать. Вы составляете в акте единое целое, и ты возбуждаешься от обеих половин этого целого, от всего происходящего. Ты желаешь того, в чем участвуют два тела, и наслаждаешься тем, в чем участвуют два тела – при этом невозможно наслаждаться только одним телом и вовсе не наслаждаться другим. Наслаждаясь другим, ты одновременно наслаждаешься и самим собой. В сексе ты любишь не только другого, но и себя самого.

Вот люди часто и переживают, что они недостаточно хорошо, по их мнению, выглядят, и такое недовольство собой весьма уменьшает возбуждение и наслаждение.

В норме человек нравится себе в сексуальном отношении, его устраивает его тело, самооценка достаточно высока, он считает, что тут есть на что посмотреть и что показать. Зеркала в ванной, в спальне, на потолке – к тому же: партнеры дополнительно возбуждаются видом своих тел и происходящим.

Вопрос: нужно это животным? Ответ: а на черта им это нужно.

Человек способен наслаждаться сверх необходимого, и способен предпринимать сознательные действия для возбуждения сверх необходимого. Еще раз кстати об избыточной энергетике.

В нормальной психике и нарциссизм, и эксгибиционизм присутствуют – в сбалансированных пропорциях. Патологией они становятся только при гипертрофии – когда влечение и удовлетворение только и сводятся к тому, чтобы обнажиться и продемонстрировать себе и другим, а больше ничего не надо. Перекосило, заклинило.

Движения нудистов, все эти лиги «Долой стыд», лозунги «природной естественности» и нудистские пляжи с их смешными и наивными попытками подбить философскую базу под обнажение половых органов, потуги доказать пользу загара лобков и сосков – на деле не более чем «цивилизованная» разновидность эксгибиционизма. И вуайеризма. Ну нравится людям себя показать и других посмотреть. Интересно, приятно. Это познание: ну-ка, посмотрим между прочим, у кого там что между ног и как у каждого устроено. Это самоутверждение: пусть-ка все увидят, как привлекательно все устроено у меня. А то что ж зря жизни проходить, добру пропадать. Хочу увидеть всех!

В сущности, это как бы крайняя разновидность сексуально привлекательного женского костюма: все эти обтягивающие юбки, поднимающие бюстгалтеры, шпильки и декольте придают женщине значительности: вот я какая, меня все должны хотеть, я многое в жизни могу, как скажу – так будет сделано, я ого могу вызывать какие ощущения. Любая нормальная женщина испытывает приятные ощущения, удовлетворение собой, уверенность в себе от демонстрации своих сексуально привлекательных прелестей в тех рамках, которые на сегодня дозволены обществом.

Конечно, на нудистском пляже (как и на обычном) ощущения довольно быстро притупляются: привычка приходит, элемент новизны и взлома табу уходит. Но не вовсе ощущения притупляются, будьте спокойны. Если бы половые ощущения могли вовсе притупляться, то все гинекологи были бы импотентами, чего в природе отнюдь не происходит.

3. Вуайеризм. Если бы возбуждение от вида обнаженных, а также совокупляющихся людей было патологичным, порнография не существовала бы – или же нужно признать, что все, кто хоть сколько-то потреблял когда-либо порнографию, психически ненормальны. Тогда ненормальные могут составить большинство, судя по тиражам и доходам порнографии, а нормальным останется меньшинство, – что поставит само понятие нормы с ног на голову.

Другое дело, что для нормального человека «лучше делать это самому, чем смотреть, как это делают другие», но кто же сказал, что одно обязательно должно исключать другое?

Если человек предпочитает смотреть, вместо того чтобы делать это самому – болен, бедолага, перетащило у него все сексуальное возбуждение на зрительный центр. Но обычно вуайеристы – люди с «неудачной сексуальной судьбой» – уроды, импотенты, закомплексованные неудачники – которые смотрят за неимением большего. При возможности нормальной половой жизни они предпочитают ее.

Сексологи и проститутки хорошо знают, что порнография может дополнительно возбуждать тех, кто слабо возбуждается естественным образом. Равно как наблюдение в натуре акта или его имитации.

У животных этого нет. Если оно хочет – так хочет, а не хочет – так не хочет, и никакие наблюдения тут ничего не изменят. Только человек с его рефлексивной центральной нервной системой, богатыми ассоциативными связями и избыточной энергетикой ощущений, способен возбуждаться и наслаждаться зрелищем и только. Вот уже дряхл и бесплоден старик, импотент давно – а «в воображении» желание все равно есть, смотреть все равно хочется и приятно.

4. Групповой секс. Аналогично предыдущему пункту. Способен давать большее возбуждение и большую разрядку – через большее количество возбудителей визуального и акустического ряда. Причем все это происходит сверх необходимого и целесообразного с точки зрения естественной природы и репродуктивной функции. Человек желает и способен испытывать ощущения более сильные, чем потребно просто для жизни, для «нормального» удовлетворения и размножения.

5. Транссексуалы. Вот уж чудо нашего времени. Очаровательная девушка обнажает свои сексапильные формы, снимает трусики – а там, вместо ожидаемого, основательный член. Неподготовленного партнера это способно ввергнуть в столбняк.

Самые дорогие проститутки – именно они. И то сказать, чудо стоит дороже обычного товара, даже экстракачественного. Опять же – спрос рождает предложение. Есть, стало быть, спрос. И изрядный.

Все познать, познать даже чудо небывалое – это первый стимул, понятный.

Второй стимул чуть сложнее и, как бы выразиться, забавнее.

Древние греки были не вовсе неправы – они вообще ни в чем не были вовсе неправы, – полагая «условным идеалом» человека не обычного, земного, однополого, а гермафродита. Не обычного, реального то есть, а как высшее создание, соединяющее в себе женское и мужское начало одновременно. (От этого очень близко до того самого древнекитайского «Инь и Янь».)

Обладая транссексуалом (разумеется, он должен казаться достаточно красивым и привлекательным), мужчина как бы обладает женщиной и мужчиной одновременно. Здесь кроме «нормального» секса присутствуют также элементы гомосексуализма. (А зернышко гомосексуализма, повторимся, есть в каждом, причем – причем – оно естественным образом связано с зернышком же нарциссизма; нормального человека сколько-то привлекает собственное тело, и стремясь – пусть чуть-чуть стремясь, на тысячную долю процента стремясь, – обладать телом партнера своего пола, он одновременно стремится как бы к своему зеркальному отражению, воплощенному в другое тело.)

Противоестественное и невозможное сочетание женского тела с мужскими гениталиями – потрясает и может привести в сильнейшее возбуждение. (Отметим, что при нормальной психике и нормальном влечении это должно быть только при изрядном пресыщении традиционным сексом: приелось, остренького надобно.)

Что мы здесь имеем? Биполярность. Совмещение женского и мужского начал в одном человеке. Повышение энергетики объекта – не с точки зрения его биологического естества, тут-то как раз падение энергии, сведение полюсов воедино, разрядка и энтропия, по жизни транссексуал – и не мужчина, и не женщина, а так, существо третьего пола, унтерменш, мул, бессмысленное и бесплодное создание, ошибка природы. Повышение энергетики объекта влечения к себе. (Это аналогично повышенному влечению к женщине, выглядящей секс-бомбой и невинной девочкой одновременно: припомним гимназические платьица некоторых проституток.)

Общение с транссексуалом как бы снимает запретность и неприятие с гомосексуализма: вроде бы мужчина и с женщиной, а в то же время вроде бы можно и по ситуации естественно иметь дело с половыми органами партнера и удовлетворить любопытство, тягу к ним, ощутить себя в чем-то женщиной и познать, каково же удовлетворение от обладания членом партнера. (Аналогично это и любви втроем в варианте мужчина, женщина и юноша.)

(Под транссексуалом мы имеем здесь в виду, заметим во избежание ошибочного понимания, не лицо, полностью сменившее пол на противоположный, но того, кто полностью обрел женский облик за исключением мужских гениталий.)

Ни одному животному такие фокусы не могут быть нужны – незачем. Но человеку, избыточная сексуальная энергия которого есть аспект общей избыточной энергии – подавай то, что еще сильнее может возбудить его чувства; подавай то, что необычно, чего не может быть.

6. Онанизм. О нем уже столько всего написано, что, опять же, и упоминать незачем было бы, тем паче его уже не считают не только извращением, но и вообще поощряют как естественный начальный этап половой жизни. Если бы не пара моментов, оставшихся вне рассмотрения.

Онанизм – подготовка к нормальной жизни, утверждает современная сексология. О'кей. Но онанизм и нарциссизм – взаимонакладывающиеся кое в чем понятия. Рассматривание гениталий, мастурбация перед зеркалом, одобрительная оценка своих интимных подробностей – присутствуют всегда. Естественным образом совмещается это «краешком» и с эксгибиционизмом: мне нравится собой «заниматься» и на себя смотреть, у меня все неплохо устроено, –

пусть и другие увидят и оценят (положительно), я неплох по сравнению с другими и с тем, что вообще требуется (я самоутверждаюсь через демонстрацию себя, сексуально значительного и привлекательного).

Вот вам, кстати, и нудистские пляжи. И стриптизерши, получающие от этого известное удовлетворение. (Сказки о страшной вынужденности бедолаг заниматься стриптизом и проституцией оставим моралистам: ни одна работа не может вовсе не доставлять человеку удовлетворения, особенно если неплохо получается, такова психика человеческая, он не может ощущать себя униженным животным, он во всем будет находить элементы кайфа и точки опоры для своего достоинства; да и если работа вовсе не нравится, долго ею никто заниматься не будет, всегда есть хоть какая-то другая).

А отсюда недалеко и до «транссексуалофилии»: с прекрасной девушкой, тяга к которой естественна, обсуждать ее член, тяга к которому тоже в известной мере естественна (вот только мужика в придачу к этому члену вовсе не хочется).

7. «Флорофилия». Зачем распутнику обязательно девочки – есть такой разряд? А это более значительное действие, чем просто переспать с женщиной. Та и красива, и опытна, и темпераментна, и наслаждение умеет доставить – ан подумаешь, еще один акт, делов-то.

Ты делаешь девушке больно, ты делаешь ей это в первый раз, ты делаешь ее женщиной, она после тебя не такая, как была до тебя, и т. д. Первый раз для нее – это не то, что потом.

Девочку может быть и обольстить трудно, и в постели как холодное полено, и неприятностей потом не оберешься, если лет ей недостаточно – и вот, привлекает: трудность предприятия, сознание себя орлом, удовлетворение самолюбия, самоутверждение через то, что ты – первый, тебя не забудет.

Она меньше подходит для секса, чем искушенная зрело-молодая дама. Это и привлекает. Она меняется под тобой. Это и привлекает. Для нее это имеет большее значение, чем для женщины. Это и привлекает.

Что забавно – возбуждение здесь приходит через рассудок: да, так, – потому что именно рассудок анализирует расхождение между объектом и его предполагаемым назначением «девочка-секс», и именно рассудок оценивает величину поступка, величину действия: изменить существующее положение вещей, после тебя уже будет не то, что до тебя.

8. Аналогично может распалать некоторых мужчин сопротивление женщины: о, ты делаешь то, чего она не хочет, сейчас ты получишь наслаждение, пройдя предварительно через сламывание ее сопротивления. Да это почти то же самое, что изнасиловать первую приглянувшуюся на улице красотку. Познакомишься, привыкнешь, склонишь, распалишь, получишь – э, это уже рядом, все постепенно, не та острота ощущений, не тот путь пройден. А вот она еще незнакома, воображение вспыхивает, и тут же заголяешь ее и имеешь.

Ты получаешь то, что тебе не предназначалось, что считалось невозможным, ты развиваешь дополнительные усилия, от тебя требуется дополнительное возбуждение (не так легко взять сопротивляющуюся женщину, не потеряв в процессе борьбы эрекцию).

...Все как всегда, все как всегда: сильные дополнительные ощущения через значительные действия. И биполярность «сопротивление – соитие» как энергетический фактор, возбуждающий действие.

Но это патология? Да. Но – патология как гипертрофия зерна, которое содержится в любой нормальной психике. А иначе бы не было кокетства как завлекающего приема. Дозированное сопротивление увеличивает желание – какая же женщина этого не знает. Просто здесь (как и везде в патологии) мы имеем психический перекося – возбуждает уже не милое и невинное женское кокетство, ах, что вы делаете, противный, я этого совсем не хочу, не уходите, куда же вы, глупый, – а «кокетство» крутое, сильное: сейчас я сделаю тебя вопреки всему, вот это да, с ума сойти, аж голову пьянит, брыкается, ненавидит, какое наслаждение обладать ею.

§ 11. С е к с и к у л ь т у р а. Только человеку из всех животных потребно что-то выделять сверх нормальной половой жизни при полной возможности оной. Ему нужны еще какие-то ощущения, и в результате он предпринимает еще какие-то избыточные, сверх нужного, действия. Он додумывается до диких, удивительных вещей, и все это идет исключительно по линии «изменить то, что есть», «сделать не так, как было». А потом накручивает на эти изменения, произведенные им из его сущностной потребности изменять, витиеватые рациональные объяснения: мол, это очень нужно для чего-то.

1. Фаллические обряды. Из них самый распространенный и в наше время – обрезание. Ислам перенял его у иудаизма.

Вряд ли древний кочевой народ, имевший смутное представление о гигиене, ввел обрезание из гигиенических соображений. (У обрезанных практически не встречается рак головки полового члена. Медицина объясняет это отсутствием смегмы и продуктов ее разложения в складке крайней плоти под венчиком головки. А также огрублением нежной слизистой оболочки головки, что делает ее более стойкой к мелким механическим повреждениям. Многократные напряжения и мельчайшие незаметные повреждения уздечки, крайней плоти по круговой линии прикрепления к члену под головкой, и самой головки при мастурбации и сношениях вырабатывают ресурс восстановления ткани нормальными клетками, и в конце концов могут вести к появлению злокачественных новообразований. Заметим еще раз, что рак – болезнь преимущественно пожилого возраста – это болезнь снижения энергетики организма; примитивные раковые клетки менее дифференцированы, чем нормальные, им требуется меньше энергии на построение себя.) Воды мало, колодец – охраняемая ценность рода, мытье не шибко принято у полудиких пастухов, медицина как таковая отсутствует. Да в аналогичном климате жили и до, и одновременно с древними иудеями такие высокоцивилизованные народы, как египтяне, ассирийцы, персы, культура быта у них была намного выше, и прекрасно обходились они без обрезания.

Обряд в сущности варварский. Имеет что-то общее с обычаем некоторых океанийских островитян, где мужчины ходят нагими, упрягивать член в этакую берестяную трубочку – иногда длиной до полуметра и изогнутую, подвязанную самопальной веревочкой к талии. Чтоб в джунглях не повредить ответственное место? Но соседние племена и без таких чехольчиков упомянутое место неплохо содержат в целости.

Наиболее загадочным и бесполезным представляется ученым обычай австралийских аборигенов: юноше по достижении зрелости делается вдоль нижней стороны члена продольный разрез, рассекающий мочеиспускательный канал почти от основания до головки. Таким образом моча и сперма изливаются в основном через этот разрез, а не через мочеиспускательное отверстие в головке. На фига?! И австралийский абориген присаживается мочиться на корточки, как женщина. Ну никакого же тут смысла усмотреть невозможно: ни тебе гигиены, ни тебе никаких дополнительных удобств при сношении, ни тебе украшения себя (все равно этого в общем никому не видно).

Дорогие друзья. Чем, кроме всего многочисленного прочего, отличается человек от животных? Он себя украшает. Как же он себя украшает? В основе, в принципе – он делает себя не таким, каков он «по-простому», в натуре. Тряпочки, камушки, шнурочки, блески, раскраски. Он себя *изменяет*. Через это он ощущает себя более значительным, и таковым же его оценивают и остальные.

У первобытных народов, живущих в теплом климате, не требующем одежд, все сводится к изменению своего тела: надрезы, татуировки, раскраски, подпиливания зубов.

Взросление подростка-дикаря сопровождается атрибутикой: вместо наручных часов, или автомобильных прав, или вечернего костюма – соответствующие насечки, узоры и т. п.

Фаллические обряды как часть и разновидность инициации, т. е. перехода-посвящения во взрослое состояние, в принципе ничем не отличаются от насечек, подпиливаний, татуиро-

вок и т. п. – тело человека должно подвергнуться какому-то изменению и обрести какие-то внешние знаки отличия. Что и насколько урезаем – один черт, если это не мешает жить и получать удовольствие от жизни.

Но чем отличается фаллос от прочих органов? Это «корень жизни» – вся биологическая энергия рода человеческого, который «в идеале» стремится заполнить своим потомством, т. е. своим веществом, всю планету, как бы сосредоточена здесь. Именно этим и обусловлено для мужчины ощущение необыкновенной ценности фаллоса по сравнению со всеми прочими органами. Здесь сосредоточен весь смысл его биологической жизни за пределами самой себя, т. е. за пределами собственной особи – толпы грядущих потомков и все их свершения; здесь твои будущие дети и внуки, их свадьбы и подвиги, любовь к ним и забота о них, и вообще в твоих чреслах все будущее человечества, часть которого и порождение ты есть, слуга и господин одновременно, звено в цепи. Нет звена – нет цепи, и природа позаботилась, чтоб пуще всего ты берег себя как это звено.

А что такое религиозная жертва? Это дать неким условным высшим силам что-то хорошее и ценное – чтоб их задобрить, чтоб с ними дружить, чтоб они тебя не забывали, помогали, покровительствовали. Смотри, Бог, – я дарю тебе часть своей еды, одежды, драгоценностей, я тебя люблю, верю в тебя, я твой верный слуга, делаю тебе добро всем, чем могу, – ты знай это и относись ко мне соответственно, я этого заслуживаю.

А чем больше я буду тебе давать – тем ты будешь иметь больше всего, и будешь могучее. И с обратной же стороны – чем ты могучее, мой Властелин, тем большая доля всего добра причитается тебе с меня, так заведено в мире, а то ты разгневаешься на жадного и нерадивого раба своего, и отвернешься от него, и покарать можешь, и будешь прав.

Я на все готов ради Тебя – вот убиваю пленных и рабов, теперь они будут твои в Высшем мире. Плохи наши дела, мало мы тебя умилостивили, грозного, – так мы отдадим тебе наших первенцев (Ваал) – самое дорогое, что у нас есть, бери.

А можно – крайний вариант – посвятить своему Богу член, а можно член вместе с яйцами (скопцы): возьми все, возьми будущее, возлюби меня, ибо я возлюбил тебя превыше своих потомков и главного наслаждения, и теперь страсти не будут отвлекать меня от главного и единственного занятия – любить тебя и служить тебе.

Слушайте, евреи очень хитромудрые. Они решили принести в жертву своему единому, суровому и всемогущему Богу самое интимное и драгоценное, свой мужской корень жизни вечной народа – но не целиком, а только кусочек. Так, чтобы себе тоже осталось и жить не очень мешало; чтоб, опять же, можно было «плодиться и размножаться», как Он же и завещал, – не то вымрет избранный народ, и некому будет служить Ему и исполнять заветы. Смотри, возьми, я жертвую Тебе от плоти своей, причем от самой драгоценной ее части. (Все справедливо, – «Если от многого отнять немножко, это не грабеж, а просто дележка».) А теперь мы с тобой родственники, правда? (Вариант стариннейшего обряда братства на крови.) А для отца – это как бы жертва Богу своих сыновей, их плоти и крови. (Авраам уже практически принес Исаака в жертву, но Бог явил, что достаточно и готовности к этому в сердце своем, и символически подменил в последний миг на алтаре под жертвенным ножом сына агнцем, которого тут же охотно и принял: то есть все в порядке, если ты для Меня на все готов – так ведь и Я же тебе отплачу добром, нечего сыновьями разбрасываться.)

Опять же: мы Тебе отрезаем понемножку, но всем народом, так что у тебя в общем больше этой плоти и крови в сумме, чем у любого из нас.

Да вообще: как ты доказываешь свою любовь и преданность любимому существу, товарищам, делу, Родине (а также Партии из советских анекдотов)? – А вот готов сделать то-то и то-то, пожертвовать ради него (нее, них) тем-то и тем-то, «а если надо – не колеблясь отдать саму жизнь», как говорилось всегда во всех присягах на верность королю, царю и т. д.

(Японцы вот в знак преданности начальнику в некоторых ситуациях мизинец себе рубили, и иногда на письме ставили им кровавую печать, – якудза и сейчас так делают. А русские зеки, клянясь в крутом споре, могут рубать ножом себе по предплечью, тоже шрамы на всю жизнь на руке остаются.)

Что такое клятва на крови? Это клятва, подкреплённая жертвой собственной крови, – причем кровь тут всегда является синонимом жизни.

Так что обрезание – это жертва собственной плоти и клятва на своей крови.

Все остальное придумано и накручено талмудистами и гигиенистами.

...Ну, а с прочими разнообразнейшими обрядами – от языческого (мужчина орошает весеннюю пашню своим семенем) и древнеегипетского (молодой жрец или доброволец на празднестве отсекает себе эрегированный член и публично посвящает его богине плодородия Изиде) до современных японских фаллических шествий – дело обстоит несложно, тут загадок и противоречий нет. Или это явная и понятная разновидность жертвоприношения, или символика жизни и плодородия, над чем тут голову ломать.

2. Вагинальные обряды. Вагинальные в строгом смысле этого слова с точки зрения познания, опять же, малоинтересны, ибо достаточно понятны. Типа: египетская жрица на религиозной церемонии всовывает во влагалище член принесенного в жертву животного (коня, осла, барана), и это символизирует оплодотворение лона царицы небесной, которая теперь должна одарить земных подданных всяческим плодородием природы.

У некоторых южноамериканских индейских племен девочке по достижении зрелости пожилые женщины разрывают девственную плеву. Тут тоже все понятно: ты уже большая, вступаешь в половую жизнь.

Интереснее обычай некоторых африканских племен, где принято девочке, приближающейся к возрасту зрелости, отсекают клитор с малыми половыми губами. Операция достаточно калечащая и, как нетрудно догадаться, очень болезненная. Рациональное объяснение: муж – он воин и охотник, часто отсутствует по необходимым мужским делам, ну так жена не должна быть похотлива, чтоб ждала спокойно в верности и воздержании, а то у африканцев темперамент горячий, сдерживающие центры слабые, и она может от сексуального голода под любого залезть, в отсутствие мужа-то. Эдакий дикарско-драконовский вариант пояса верности.

Почему, интересно, народы более развитые до этого никогда не додумывались? Да и соседние черные племена живут без этой вивисекции вполне благополучно.

Нет, ребята. Природа создала женщине самые эрогенные зоны и органы полового чувства совсем не для того, чтобы старуха с острым обломком раковины или бамбуковой щепкой их отрезала и выкидывала.

Что мы здесь имеем? Человек «подправляет» природу – изменяет, делает не так, как было. Причем на самом главном, «причинном», интимном и нежном месте.

Это разновидность инициации; так. А что такое любая инициация? Это: потерпи боль, показав свое мужество и готовность к трудной взрослой жизни, и получи знак, отметину, что ты прошла обряд и теперь взрослая, достойная. А где ж можно получить отметину более болезненную и значимую, чем на половых органах.

И это сродни украшению; так. Изменить свой естественный вид каким-то намеренным обрезом. Иначе будет некрасиво, противно, подруги будут смеяться, а юноши – брезговать.

Главному в природе это не противоречит: совокупляться, рожать и мочиться можно. Что касается наслаждения от секса – ну, так оно приобретает чисто вагинальный характер. Наружные ласки и возбуждения уже не те? Ну так при мужском обрезании головка члена покрывается вместо крайне чувствительной слизистой оболочки грубоватым эпителием, это тоже снижает чувствительность, но ничего, народ обходится.

Принцип, мотив, побудительный импульс в основе женского обрезания лежит все тот же: энергоизбыточное существо человек желает делать над собой что-то, изменяющее его. Он

голый дикарь в Африке, возможности к изменению мира и себя у него очень скудные. И вот он смотрит по сторонам, размышляет, прислушивается и присматривается к себе; что бы такого сделать значительного? Он инстинктивно ощущает (как ребенок), что сделать такое женское обрезание – это дело значительное, серьезное, что-то будет изменено: вот есть в этом какой-то смутный смысл. Понять этот смысл он не может, и выдвигает объяснения, лежащие на поверхности (в чем, надо заметить, не отличается от ученых-этнологов).

Смысл же только в том, что он еще раз являет свою человеческую сущность: совершать избыточные действия, которые он сам придумал, и через это ощущать свою значительность, свою над-природную сущность. Примерно так сосредоточенно играющий ребенок придает важный смысл каким-то финтифлюшкам, и поднимает отчаянный рев, если не въехавший в смысл его действий взрослый что-то нарушает.

Черт возьми, да «человеческий мир» вообще очень условен, но сколько смысла для человека в этих условностях!

Гениталии – это важное место. Всему, что с ними происходит, человек придает важное значение. Любое их изменение для него очень важно. О них он особенно заботится, бережет, ухаживает, прикрывает, услаждает. Иногда как бы почти очеловечивает, а в некоторых религиях вообще обожествляет. Место жизни, как ни верти. Вот и изгиляется: татуировку на член, шарики под кожицу, «прическа» на лобке, колечки в половых губах. Ну и у дикарей аналогично.

3. Религиозные оргии. Все эти сатурналии, дионисии, ночи на Ивана Купалу с обнаженными игрищами и массовыми совокуплениями и пр. – в ту же струю. Человек ощущает огромное значение совокуплений – большее, чем просто наслаждение и рождение детей. Насчет повышения энергообмена, передела мира и смерти-рождения Вселенной он еще ничего не знает, – зато его инстинкт знает, что будущее человечества – это ключ и запал к самопреобразованию Вселенной. И вот этому дивному удовольствию траханья придается мистическое, над-человеческое значение. Формы выражения – смешные, наивные, зато и приятные. А суть: товарищи боги, силы всевышние, мы живем, плодимся-размножаемся по вашим заветам, посвящаем вам свои самые главные действия, в этом есть нечто высшее. Гм, и попробуйте им возразить.

4. Половая стыдливость и акцентирование внимания на гениталиях. Почему собственно, да? Какая условность, мы же люди цивилизованные и все понимаем. Долой стыд! Что естественно, то не стыдно, чем член в принципе отличается от локтя или живота, что его прятать надо?! Можно не прятать, можно...

Вот, значит, старая история, как блаженствовали невинные Адам и Ева в раю, отведали яблока с того самого древа познания добра и зла, узрели свою наготу – и прикрылись фиговыми листочками. Прикрыли именно те места, которыми друг от друга отличались.

Именно что отличались. Заметьте, до обнаружения этих отличий они не размножались и ничего не делали. Строго говоря, да они еще не были людьми. Никакой функции, никаких действий. Где биологическая энергия, где передел мира, где энергопреобразование, где познание и где созидательно-разрушительная деятельность? Так, гибрид полубогов с бесполоыми трутнями.

«Процесс пошел» с обнаружения полового различия; есть энергия, запущено действие! Разнополюсность как биполярность, как основание наличия энергии.

Стыдливость, табу на показ и разговор о гениталиях – это подчеркивание их значения, верно? «Наибольшей ценностью у людей полагается совокупление, но об этом не принято упоминать», – как отметил Марк Твен, не вдаваясь в анализ.

Чем больше разность потенциалов – тем больше заряжена батарея. Чем менее изолированы друг от друга ее полюса – тем больше перетекают заряды с одного полюса на другой, и батарея разряжается безо всякого совершения работы.

Прикрыть гениталии – и, естественным образом, если остальное тело голо, взгляд прежде всего устремляется туда: прикрытие одновременно работает украшением и приманкой. А воображение всегда рисует нечто более манящее и привлекательное, чем может быть на самом деле, ибо вообще воображение имеет дело с неизвестностью и поэтому для него нет пределов, оно ожидает чего угодно, оно рисует идеально желаемый объект, а идеал всегда превосходит реальность, она-то ограничена конкретной формой, а он-то «подогнан» в точности под желание, плюс «люфт» неизвестности обещает тебе возможность получить еще больше и лучше, чем ты даже можешь себе представить.

Не видишь желаемого и интересующего – еще больше хочешь видеть. Не познал этого – еще больше хочешь познать.

Здесь мы имеем запрет как стимул. Дополнительная плотина для накапливания более высокого уровня энергии.

Прикрывание и неупоминание гениталий – это 1. Признание и подчеркивание их исключительной важности. 2. Дополнительная стимуляция полового влечения. 3. Действие сверх необходимого, что есть аспект избыточной энергетике. 4. И одновременно подъем энергетике (человека) на более высокий уровень посредством искусственного сознательного действия.

5. Секс и табу. Вот уж ни на что не было столько разнообразнейших запретов у человечества, как на секс в самых разных его аспектах. (О сути табу см. главы «Табу и его разрушение» и «Искушение».) Оно и понятно. Главное наслаждение, главная ценность и главное направление биологической энергии к размножению.

Табу на показ гениталий. Хотя у спартанцев юноши и девушки занимались гимнастикой обнаженными и совместно, но такая нагота «не считалась». Так же, как в скандинавских странах вплоть до I Мировой войны были совместные общественные бани.

Табу на совокупление замужней женщины вне брака. Много веков в христианской Европе, а во многих исламских странах и сейчас это каралось смертью.

Табу на совокупление вне брака вообще, что также в ряде стран средневековой Европы каралось смертью.

Табу на совокупление с недостижими зрелости по закону, даже если биологическая половая зрелость достигнута и все произошло по взаимному влечению – в большинстве стран за это можно и сейчас огрести тюремный срок. Обычно закон смотрит на такие вещи сквозь пальцы, но если кто дал жалобе официальный ход – пиши пропало: он плачет, она плачет, судья вздыхает, руки держать за спиной и под конвой.

Табу на полигамию – везде, кроме ислама и дикарей.

Табу на обнажение различных частей тела в разные времена – ног, бедер, бюста, плеч, ягодиц. Еще в начале века ведь мужчины щеголяли на пляжах в комбинезончиках до колен, а дамы – в изящных рубашках до ступней.

Табу на групповой секс – почти всегда и везде, формулировки лепили типа «нарушение общественной морали», «развратное поведение», «порча общественных нравов» и т. п.

Табу на однополую любовь – эти статьи сняли из уголовных кодексов только в конце XX века, и только в «белых» странах.

Табу на онанизм. За это не сажали, но порицалось всячески, считалось постыдным, мерзким и безнравственным. А Бог за это Онана вообще пришиб.

Табу на изображение обнаженного тела, половых органов, совокуплений.

Табу на совокупление с животными.

И так далее, и тому подобное, и др., и пр. Из каковых запретов следует, что некоторые люди всегда стремились так поступать – иначе и запрещать незачем было бы.

И даже у первобытных племен в райских лесах и на блаженных островах, где люди наслаждались друг другом почти вовсе свободно и бегали почти вовсе нагими, табу существовали. Скажем, племя делилось на четыре клана, и мужчины одного клана могли совокупляться с жен-

щинами только другого определенного клана, а за нарушение полагались репрессии – изгнать, побить камнями, зажарить и съесть.

Или – женщины племени ходят голыми, а мужчины обязаны прикрывать перед и зад, и если приходит малознающий гость из другого племени, где ходят с голым задом, то вовсе голые женщины бешено хохочут и тычут пальцем на его ягодицы.

Сторонники табу норовят доказывать, что они имеют смысл, а противники норовят доказывать, что все это глупости, пережитки и суеверия.

Смысл некоторых табу очевиден и безусловен. Прежде всего – во избежание инцеста, браки между кровными родственниками ведут к вырождению, штука известная.

Некоторые же запреты явно условны – типа что можно обнажать и что нельзя. Относительность их подчеркивается зависимостью от места и времени: на пляже или на дипломатическом приеме, сейчас или в Средние века.

Но все они сводятся к искусственной, через разум, регуляции всего, что связано с половой жизнью и половыми различиями.

Что служит причиной этой регуляции? Повышенное внимание ко всем вопросам секса, ощущение их важности, потребность вмешаться в «естественный», то есть в «свободно-желательный» ход вещей и тем самым явить свою значительность через изменение мира, изменение «свободно текущего» процесса бытия. Энергоизбыточность, действия сверх необходимого.

К чему ведет эта регуляция и что она означает? Она означает более высокую степень структурализации общества, усложнение поведения – что ведет к повышению энергетики общества, как более высокая организация в противоположность энтропийному хаосу. Можно – нельзя, хочется – запрещено, поощряется – наказывается, хорошо – плохо: мы имеем сдерживание, накапливание, регулируемость энергии, направляемой уже под более «высоким давлением» по определенным каналам.

Абсолютно свободный секс может «съесть» изрядную часть всей энергии человека, пускающая ее в чисто биологическое русло (на уровне ощущений, размножение здесь «автоматически подстегнуто» природой к субъективному желанию человека). Ограничения же одновременно и возбуждают энергию, и ставят ей заслонки, аккумулируя. Что остается делать энергии? Идти на всякие дозволенные «человеческие действия». (Это очень близко к «теории сублимации», ошибочность ее лишь в том, что человек и его психика – не перпетуум мобиле, который генерирует энергию сам из себя и выдает наружу, а скорее турбина, которая преобразует энергию через себя, получая ее извне и выдавая наружу же. Так что «созидательная» и «творческая» деятельность – это воплощение не сексуальной энергии, которая пускается в другие русла и трансформируется в другие виды, а общая, универсальная, так сказать, энергия человека, которая приходит с пищей, водой, воздухом, светом, преобразуется в организме, но ей перекрываются «широкие» ходы через сексуальные центры, и она может идти только на что-то другое. Разница такая же, как если выгнать бесшменных и фанатичных профессиональных танцоров из танцевального зала в поле копать картошку – или закрыть двери зала на замок и оградить пикетами, которые погонят в поле на картошку людей, которые вообще-то шли с желанием потанцевать, это приятнее полевых работ, но раз не пускают в зал и гонят в поле, так что ж делать... силы и время есть, раз не танцевали. Но из того, что люди больше хотят танцевать, чем копать картошку, еще нельзя делать вывод, что энергия копания картошки – это сублимированная энергия танцев: это одна и та же энергия, которая пускается на то либо другое.)

А теперь давайте уберем к черту все табу, и посмотрим, что из этого получится.

Чего так сразу убирать, у некоторых народов их и так почти нет. У эскимосов не было запретов на половую жизнь детей, на публичное совокупление – дети весело и принародно играли пипками друг дружки, а взрослые тут же с рычанием друг друга имели, не снимая мехов. И то сказать, много ли радостей у эскимосов в ледяной заполярной Гренландии. И что? И вот вам аморфный и вялый народец, сил которого еле-еле хватает на выживание в этих суровых

условиях. У папуасов не было табу на обнажение, на свободные любовные игры (муж жене может, конечно, морду набить, но это и все) – и они сладко резвились друг с другом, «объедаясь лотосом», – на хрена что-то делать, если и так хорошо.

Упрощение структуры системы ведет к понижению ее энергии. Это движение в сторону хаоса, энтропии, бессилия.

Что такое «разврат и упадок Римской империи»? А это – все можно, живи в свое удовольствие, так на хрен что-то делать, да и сил и желания уже меньше.

О. Вот то, что мы сейчас, в конце XX века, имеем в «белой цивилизации». Лесбос – пожалуйста, гомосексуализм – пожалуйста, онанизм – приветствуем, сожитительство вне брака – святое и законное право личности, порнография – кто смеет ограничивать взрослых людей в их безвредных для других желаниях, стриптиз – почему же нет, проституция – древнейшая профессия, почти абсолютное обнажение на пляжах – не надо стыдиться своего тела, непристойные упоминания половых органов и соития в кино и литературе – мы не ханжи, и вот уже «художник» какает на вернисаже, объявляя это «хэппенингом», актом искусства. И то сказать, нагадить под чужой картиной проще, чем нарисовать свою.

Приходят гости, нарядно одетые люди пьют за накрытым столом чай или вино, говорят друг другу всякие приятные вещи, и в это время телевизор рекламирует им женские прокладки, чтоб слизь и моча не пачкали трусы и не воняли. И каждый невольно задумывается, какая прокладка в трусах у миловидного создания рядом. Приятного аппетита.

И что? И то, что мусульмане натягивают на своих баб паранджу, сплевывают с гневом и презрением в сторону европейцев, захватывают и взрывают самолеты с пассажирами и готовы отдать жизнь за то, что почитают ценностями большими, чем жизнь. А евроамериканцы не могут посулить своим людям ничего, кроме потребления и личного благополучия. Кто более энергичен? Кто способен больше дел наворотить? Кто более готов умереть, но защитить свою «честь», «закон», «благопристойность»? Ага. За тем и будущее.

«Культурный» русский считает «дикого» чечена да, именно дикарем и бандитом. Обнажит чеченка бюст публично, хоть и на пляже? Да вы с ума сошли, это позор рода, ее камнями забьют. Дикость? Гм. Но одновременно – это высочайшая энергетика народа. И не может победить стотридцатимиллионная Россия менее чем миллионную Чечню. Духу не хватает.

Табу и позор его нарушения – это повышенная энергетика. Вседозволенность – это пониженная энергетика. А, все можно, и нечего переживать, и не надо дергаться.

И вот выясняется, что у нынешних скандинавов, потомков отчаянных и яростных викингов, у этих современных пионеров гомосексуальных браков и бесплатных шприцев для наркоманов, у мужчин и объем эякулита меньше, и содержание сперматозоидов в нем ниже, чем еще полвека назад. Вырождение-с. Зато все можно.

Вот кубический деревянный ящик. В нем под давлением содержится энергия. И под этим избыточным давлением выходит в дырочки в стенках. Давление высокое, струйки аж свистят. И совершают всякую работу – турбинки крутят, тросы на блоки наматывают и так далее. И вот мы взяли – и убрали стенки. И энергия пошла во все стороны. И ее избыточное давление рассеялось в окружающем пространстве. И больше она ничего не может. Считай, нет ее.

Похожим образом обстоит дело с обществом и табу.

Рост импотенции. Рост бесплодия. Рост сексуальных меньшинств. Падение рождаемости. Упадок института брака и семьи. Всеобщий пофигизм. Это мы, Господи. Зато мы современные свободомыслящие люди, и всяких глупых табу у нас почти уже не осталось.

Короче, снятие сексуальных табу является показателем снижения биологической, психической, человеческой энергетики общества – и, одновременно, само снятие снижает эту энергетiku. Ку-ку.

б. Культура секса. Изощрение, продленность и т. п. Все это прекрасно, и все за. Инструкций, пособий и наставлений – полно. «Что мы будем делать теперь, когда ты затащил меня

в спальню». «Как удовлетворить и сделать счастливой любую женщину». «Эрогенные зоны и предварительные ласки». Увеличение члена хирургическим путем и восстановление девственной плевы (если она кому нужна) таким же путем, но уже гораздо дешевле (и то сказать, всему своя цена).

Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет. А также икону, киот и стену в церкви. Потому что лоб у него удивительно твердый, а усердия хоть отбавляй. Мир в основном состоит из дураков. Таки что можно сделать, остается констатировать.

Культура секса – это прекрасно. «Но есть же, черт возьми, вещи, которые не говорят вслух!!!» – завопил выведенный из себя Наполеон.

Открытое и публичное акцентирование внимания на культуре секса – это один из моментов общего сексуального детабуирования, того же падения энергетики общества.

Другой момент: продление акта ведет к ускорению импотенции мужчины и развитию опухолей простаты. От природы этот орган не рассчитан стоять по часу и полтора: застой крови и секретов внутренних органов, функциональные нарушения ведут к физиологическим.

А пресыщение ведет к уменьшению желания. Так же как прозаические и неэмоциональные, «деловые» обсуждения сокровенного. Волнующая и возбуждающая сокровенность частично подменяется эдаким бытом типа урологически-гинекологического обследования.

Ничего не уметь – плохо. Но гнать обсуждение и научение сексу на уровне кулинарной книги и обретения приличных манер – тоже идиотство. Цивилизованные народы, склоняясь с вершины к упадку, отлично умели все делать в постели – но будущее было за немых варварами, неискусными, но с грубой и напористой силой.

К чему я призываю? Я ни к чему не призываю, я не призыватель, у меня другая специальность, я отыскиваю в темной комнате кошку и называю ее кошкой.

Культура секса отделяет ощущение от действия – наслаждение соитием от деторождения. Пиюли и безопасные дни. Все большее «окультуривание» природы. Все более энергоизбыточные действия сверх необходимых, причем здесь действие идет по линии получения ощущения «напрямую», сродни онанизму, наркомании и нажиманию педальки столь знаменитой крысой. Рассеивание энергии без результата в окружающем мире.

Кое-где в древней Индии культура секса находилась на необычайной высоте. «Кама сутра» и храмовые барельефы стали учебником секса для белого мира XX века. И где величие той Индии, где ее энергия? Рассеялись в пространстве. Индия пошла по интравертному пути: ощущать и осознавать, но не делать и изменять мир. И в свой час стала легкой добычей грубых и энергичных европейских варваров, чья культура чувств и интеллекта индусским в подметки не годилась.

Почему культура секса существует? Потому что человек стремится к ощущениям, а здесь достигаются ощущения «высшего сорта».

Почему культура секса – ценность и часть общей культуры? Потому что ценностная шкала человечества субъективна, оно все оценивает с точки зрения хорошеи, приятности, желанности для себя.

Почему культура секса – выпуск пара в свисток? Потому что ощущения и разум «с точки зрения природы» нужны лишь для того, чтобы переделывать мир, совершать максимальные действия, все больше повышать уровень энергопреобразования всего окружающего.

Наслаждаться всеми преимуществами упадка цивилизации бывает необыкновенно приятно, но надо же и отдавать себе отчет в том, что к чему и почему.

Мужчина и женщина

Хотел бы я знать, что было написано в раззолоченном томе с аналогичным названием, который так любил почитать Васисуалий Лоханкин. Но поскольку каждый человек в свой срок задается мучительными вопросами типа несправедливости природного и социального неравенства полов, поскольку наше время дает примеры удивительного стремления уже не к равенству, но к одинаковости полов в их социальных функциях, есть смысл обозреть все опорные точки проблемы и сделать вывод.

1. Возникновение полов. У простейших живых существ деления на мужские и женские особи нет. Нет микроба-самки и микроба-самца. Амеба размножается делением. У низших организмов деление происходит на клеточном уровне.

Но уже у растений появляется разнополость, не говоря о фауне, начиная с простейших насекомых. А усложнение организации особи и повышение ее энергетичности – суть одно и то же. Уже само по себе разделение живой системы на два пола – есть повышение ее внутренней энергетичности, определяемой самим наличием дипольности.

Здесь дипольность подобна разделению энтропийного Хаоса Демиургом на свет и тьму, материю и пустоту и т. п. Абсолютная однородность не просто ничего не может – она вообще в принципе не существует, ибо в ней (при ней) нет самого пространства-времени.

Можно, конечно, разделить нечто не на две половины, а на несколько или множество равных или неравных частей, но это уже будет усложнение сверх необходимого, что противоречит генеральному принципу природы: энергетической целесообразности процесса. Множество частей всегда будут испытывать две противоположные тенденции: увеличить свое число и разделиться на еще более мелкие – и слиться воедино в одно целое; причем обе тенденции «с разных концов» ведут к одному и тому же: сплошной однородности, то есть бесплодности, энтропии. Предельно крупная и минимально возможная часть целого – половина, противоположная другой половине: ее единственный возможный «союзник» для слияния – одновременно является отталкивающим ее «врагом». Два полюса батареи и т. п.

Так что допущения фантастов о существах с пятью и более полами – не более чем мелкая интеллектуальная игра.

Понимание сущности двух половин целого в Природе давно нашло выражение в символике Янь и Инь.

Дипольность возникла по мере повышения энергопреобразования вещества Земли и есть ее логичная эволюционная стадия.

2. Развитие полов. Вынашивание, развитие, рождение организма – или, говоря шире, вся подготовительная работа материнского организма по явлению на свет организма дочернего – процесс куда более сложный и трудоемкий, чем собственно акт зачатия. А природа, еще раз повторяем, очень экономна, просто скупердяйка иногда, и своих целей достигает минимально возможными средствами. Итого – что мы видим у насекомых? Мы видим, что самец – это просто самодвижущийся придаток для оплодотворения самки. Кто летает, жужжит и пьет кровь? Комариха. А комар-муж? Малявка однодневная, подлетел, сделал свое дело и сдох. Комариха и сама отлично выживет и размножится, ее только оплодотворить надо.

И жрет новобрачная богомолиха женишка-богомолы, и закусывает ошастливленная паучиха молодым мужем. Осы, пчелы, стрекозы, еще много кто – используют отдельную мужскую особь только для оплодотворения. Потому мужичок мал и ничтожен.

Но чем сложнее организм – тем сложнее процесс деторождения, тем больше на него требуется энергии. И мужская особь подключается к процессу: кормить самку, сидящую долгие дни и недели на яйцах, оберегать гнездо от конкурентов и хищников. И тогда уже оказывается, что родить-то – дело сравнительно нехитрое, тут уже природа сама обо всем позаботилась, а

вот отвоевать себе место под солнцем – потруднее будет, и от твоих личных качеств многое зависит. И вот мы видим у птиц и животных, что самец – крупнее и сильнее обычно.

Чем проще организм, тем больше его биологическая энергия являет себя через простое его размножение. Что может комар? сосать да размножаться. Чем сложнее организм – тем сложнее механизм его взаимодействия с окружающей средой, тем большая часть его биологической энергии идет на энергопреобразование окружающей среды через целесообразные действия индивидуума. От вороны отбиться, от ястреба удрать, мошек наловить, гнездо построить, соперников отгонять – аж спина мокрая, гуаном с ветки – кап! – почву удобряем. И тут на самца приходится большая нагрузка, чем на самку. И «по жизни» зависит от него больше.

И вот уже здоровенный бизон, или лев, или орангутанг обзаводится целым гаремом самок: оплодотворить недолго, да и выносить и родить несложно, а вот прокорм и безопасность семье обеспечить – это потруднее, тут конкуренция, опасности, надо проявлять умение и силу. И мышцы его массивнее, и скелет, и, гм, мозг тоже чуток побольше будет.

А чем сложнее организм и чем выше его «энергопреобразовательная рабочая мощность» – тем дольше он развивается: месяцы и годы, сравнимый с человеческим сроком.

3. Детство. Несколько общеизвестных фактов. При рождении в среднем мальчик весит чуть-чуть больше девочки. Но развивается девочка быстрее. Раньше начинает ходить, раньше начинает говорить, раньше достигает половой зрелости, перед этим некоторое время обгоняя мальчика в росте и весе. Вообще-то это говорит о том, что мужчина устроен чуть-чуть сложнее и достигает «общей жизненной мощности» чуть-чуть большей.

4. Конформизм. Девочки послушнее – мальчики капризнее. Девочки – в младших и средних классах как правило – лучше учатся. Девочки старше своих сверстников не только биологически, но и умственно: они легче и быстрее усваивают устройство мира в том виде, в каком получают все сведения о нем от старших. Они усидчивее и старательнее, они аккуратнее, они не хулиганят (в среднем, в среднем...).

То есть: они легче вписываются в этот мир, органичнее, он устраивает их больше, чем мальчиков, у них меньше моментов несогласия и протеста. И в детстве они за счет этого преуспевают больше мальчиков.

У мальчика же больше пунктов несогласия с этим миром. Еще в младенчестве он был крикливее девочки, орал больше и дрыгал ногами по любому поводу. Он спорит, озорничает.

Девочка более утверждает себя через свою «взрослость», рассудительность, «правильность», она значительна именно своей инкорпорацией в мир «настоящих» взрослых ценностей и представлений. И оценки и похвалы и согласие взрослых укрепляют ее в этой самооценке. Ведь взрослые, умные и значительные, хозяева мира, и она ближе к ним, чем мальчик.

5. Негативизм. Об этом написаны библиотеки для социологов и педагогов, а слезы лил каждый родитель независимо от того, умел ли он вообще читать. Мальчик-подросток – это же тихий ужас! Он вечно имеет свое мнение, он выкидывает фортеля, у него ужасная компания во дворе, у него синяк под глазом и запах табака изо рта. И т. д.

Мальчика не устраивает этот мир. Он хочет «чегой-то» делать не так, как есть. Его негативизм – не более чем проявление избыточной энергии – той самой, благодаря которой через несколько лет он действительно начнет переделывать мир.

6. Физические данные. У мужчины значительнее. А вдобавок, черт возьми, у него в среднем крупнее голова и мозг.

7. Умственные данные. Следует ли из этого, что мужчина умнее женщины? Если брать показатели в науках и искусствах – да, мужчина получается интеллектуальнее. Но давно отмечено, что женщина мудрее мужчины. Не насчет философии, а насчет жизни. В решении семейных, бытовых, житейских проблем и споров женщина как правило достигает своей цели чаще и вернее мужчины. Трудно сказать, мужчины или женщины впервые пустили в оборот выражение «женский ум», что означает простую хитрость, здравый расчет, наблюдательность и высо-

кую способность к анализу простейших окружающих вещей. Во всем, что касается семейной жизни, устройства своего положения, рождения и воспитания детей – женщина более «здрава», чем мужчина.

Если ум мужчины более направлен на преобразование мира, то ум женщины успешнее справляется с обеспечением сохраняющей функции. Здесь умнее она.

Разница в некоторых функциях левого и правого полушарий мозга у женщин и мужчин – следствие обеспечения разницы в их функциях в жизни.

8. Социальная разница. Перед законом, слава Богу, во всех цивилизованных странах мужчины и женщины сейчас равны. Из этого часто следуют глупости эпохи – но какая эпоха обходилась без глупостей, – типа женщин-полицейских и женщин-солдат, успешно побеждающих мужчин в рукопашных боях; правда, это происходит в основном в голливудских фильмах, нежели в действительности, и направлено на то, чтобы удовлетворить чувство социального равенства женской аудитории и вызвать у мужской симпатию к победе слабого над сильным.

В политике, управлении, бизнесе – т. е. там, где энергия индивидуума резко увеличивается путем подчинения и использования энергий множества других индивидуумов – женщина крайне редко достигает заметных вершин, а исключения типа главы крупной фирмы или государства лишь подтверждают общее правило. Честолюбие, властолюбие, потребность самоутвердиться через высокую социальную роль у женщин в среднем гораздо слабее, чем у мужчин.

Матриархат где-либо и когда-либо в прошлом есть скорее произвольные умпостроения историков – никаких достоверных аргументов в его пользу нет. То, что женщины меньше рисковали жизнью и поэтому дольше жили – лишь повод к предположению, что именно по женской линии могли передаваться знание и имущество, а вместе с ними и власть. Равно как и фантастично-недостоверны мифы о разнообразных амазонках: если мужчина в бою, в том числе и как лучник, в принципе в среднем сильнее женщины, то с чего бы взяться этим легендарным женским «легионам смерти», наводящим ужас на врагов-мужчин.

Материнская, сохраняющая, функция женщин определяет все.

9. Секс и двойная мораль. Главная часть собаки зарыта именно здесь. Именно двойная мораль возмущала всегда чувство справедливости думающего человека: почему общество позволяет мужчине больше, чем женщине?!

По порядку.

А). С л а с т о л ю б и е и ч у в с т в е н н о с т ь. Мужчина гораздо более женщины вообще стремится к наслаждению, к получению сильных положительных ощущений. Сладкоежки в основном мужчины, а не женщины, вопреки трафаретному обычаю дарить лакомства именно женщинам, а не мужчинам. Среди как гурманов, так и обжор, женщины среди подавляющего большинства мужчин встречаются крайне редко.

Подавляющее большинство пьяниц, алкоголиков, наркоманов – мужчины, а не женщины.

Склонность к игровым развлечениям – картам, нардам, костям, домино, кеглям и т. д. – гораздо более свойственна мужчинам. Социальная заданность или просто общественная традиция здесь ни при чем: в настоящее либеральное время равенства, в равном коллективе типа студенческого и т. п., мужчины все равно предаются развлечениям гораздо больше, женщины гораздо пассивнее и менее азартны.

Почти все спортивные болельщики – мужчины.

Из всего этого следует вывод, что центральная нервная система мужчины активнее, мощнее, требует больше нагрузок, и если их нет – изобретает для их получения условные поводы.

Мужчина – энергичнее.

Б). С а м о у д о в л е т в о р е н и е. Статистика свидетельствует, что в период созревания и ранней половой зрелости онанизмом занимается 95% юношей и лишь 30% девушек. Юноша гораздо чувственнее.

В). Д и а п а з о н р а з д р а ж и т е л е й. Почти вся эротическая и порнографическая продукция производится для мужчин и потребляется ими.

Вид обнаженного женского тела, будь то на сцене, на фотографии или на экране, возбуждает почти любого мужчину. Бизнесмены, наживающиеся на издании порнографии, давно решили гнать порно для женщин, с упором на мужское тело, мужской стриптиз и т. п. Результаты исследований оказались малообнадёживающими: лишь 5–7% женщин возбуждаются при виде специально для того обнаженного тела «мужчины вообще», пусть даже очень сексуального, но «абстрактного».

То же относится к порнографической литературе.

Часто говорится, что «мужчина любит глазами, а женщина – ушами». Глупости! Мужчина любит ушами еще больше, чем женщина. На всех «горячих» телефонных линиях обслуживаются почти одни только мужчины, чрезвычайно возбуждаемые вербальной порнографией в свой адрес. Почти любая женщина может возбудить почти любого мужчину, просто говоря ему эротические вещи. Просто обычно мужчина уже и так возбужден, а женщину ему еще надо возбудить, вот он ей и наборматывает, нашептывает. (Механизм возбуждения женщины от комплиментов иной, он связан с избирательностью ее сексуального чувства.)

Крайне редко встречается у женщин фетишизм, т. е. возбуждение вплоть до оргазма при лицезрении или касании каких-то предметов, которые через ассоциативные связи задействуют сексуальные центры.

По старому анекдоту, рядовой Иванов думает о женской половой штучке, глядя на кирпич, потому что он о ней всегда думает. Мужские сексуальные ассоциации гораздо богаче женских по простой причине большей вообще мужской сексуальности.

Г). И з в р а щ е н и я. Несравненно чаще мужчина живет с козой, нежели женщина с кобелем. Мужчине больше хочется, вот он и сдвигается на заменителях чаще.

Д). И з б и р а т е л ь н о с т ь. Обычный мужчина не прочь перетрахать всех женщин, которые кажутся ему сколько-то симпатичными. Они могут быть вообще ему незнакомы: шел, увидел, поимел. Женщина же испытывает к мужчине влечение с первого взгляда отнюдь не в большинстве случаев. Ее физическое влечение, как всегда все знали, более связано с узнаванием, его умственными и духовными качествами и т. д.

С точки зрения целесообразности продолжения рода, отношения к созданию семьи и воспитанию детей это совершенно понятно и многократно проговорено: он может оплодотворить кучу женщин, а ей надо иметь поддержку и защиту для их рождения и выращивания и т. д.

То есть: он накидывается на все подряд, его роль от природы активна, ему больше хочется – а она отбирает себе подходящего кандидата. Почему и говорится, что на самом деле выбирает не мужчина, а женщина: ему откажут из двадцати девятнадцать, а она предложит себя почти кому хочет – и ляжет он с ней, как миленький.

Мы опять же имеем большую от природы активность мужчины.

Е). С и л а ч у в с т в а. Оргазмы мужчины весьма нивелированы по своей остроте и силе ощущений. Зависимость высоты пика оргазма от способа удовлетворения и партнерши разумеется есть, но разность этих пиков вполне соизмерима, а акт достигает оргазма практически всегда (мы берем нормальных мужчин и женщин, разумеется).

Женщина испытывает оргазм далеко не всегда (не говоря уже об условных 30% фригидных женщин). Но «зато» сильный оргазм темпераментной женщины гораздо мощнее мужского, сильнее потрясает ее чувства: женщина буквально теряет сознание, не может сдерживать произвольные стоны и крики и т. п.

В принципе, на уровне ощущений, нервная система женщины реагирует на «желанный» половой акт сильнее, чем мужская. На уровне первичном, базовом, уровне прямых ощущений, для женщины акт есть большая величина, чем для мужчины. Для нее это большее событие, больший поступок, он имеет больший вес, большую ценность. (Это отнюдь не в большинстве

случаев, разумеется, это в том лучшем варианте, о котором каждая женщина мечтает, и который практически для каждой нормальной женщины возможен; уже другое дело, что на практике это бывает далеко не всегда – но как бы потенциально существует.)

Так что уже вне зависимости от морали, социума и целесообразности для продолжения рода, а на уровне самих ощущений (а уровень ощущений прежде всего вылезает в подсознательный уровень!) половой акт есть для женщины большее, чем для мужчины.

Ж). С т е п е н ь г о т о в н о с т и. Мужчина «может» только тогда, когда он «хочет», а хочет он почти всегда (если только партнерша не приелась, это у мужиков, увы, дело обычное...). Женщина хочет гораздо реже, ну, далеко не всегда – зато всегда способна выполнить роль второй стороны. От природы женщина способна к выполнению пассивной роли практически всегда, и на способности к зачатию и деторождению это сказывается мало и непринципиально.

Увы, можно констатировать «природное неравноправие»: мужчина готов всегда, когда он хочет – а женщина готова всегда, когда, опять же, он хочет. Чисто технически, так сказать, на уровне физических возможностей.

А наоборот нельзя?..

З). С т е п е н ь а к т и в н о с т и. Если мужчина хочет, а женщина нет, он ее всегда может (физически): подпоить, изнасиловать, подкупить, уговорить и т. д. Если женщина хочет, а мужчина нет – хоть ты тресни, она его не получит, эрекции у него не будет.

Она может вызвать его желание разными способами: возбудить руками, распалить речами, стриптизом, алкоголем, – но у него должно возникнуть желание, и все тут, добивайся хоть как. Против желания она его иметь не может.

Как мужчина насилует женщину. Просто: всовывает.

Как женщины насилуют мужчину? (Что случается в женских колониях, общежитиях и т. п. при резкой нехватке мужчин.) Механически возбуждают половой член и перетягивают его у основания шпагатом, леской и т. п., чтоб воспрепятствовать оттоку крови, после чего могут «пускать на хор». Процесс уже сложен, поступенчат. Последствия обычно тяжки, вплоть до некроза и ампутации. И случаи изнасилования женщиной мужчины редки, исключительны.

И). С т е п е н ь о т в е т с т в е н н о с т и. Саночки возит женщина, тут с природой не поспоришь... Ей беременеть, ей носить и рожать, ей поднимать детей одной, если мужика нет.

.....

Вопрос: так может ли женщина соревноваться с мужчиной в том, что свойственно более мужчине, а не женщине? Ответ: может-то она может, да результат будет не в ее пользу.

Есть два полюса, два начала, два пола, с «маленькой разницей» в устройстве и предназначении. «Двойная мораль» отражала и культивировала эту разницу.

Как самоутверждается мужчина в сексуальном плане, чем он может выделиться как значительный среди себе подобных? Сексуальной мощью, количеством связей, числом женщин, которыми обладал. Да все это в основном по молодости, когда влечение огромно, а у большинства юных женщин влечение еще толком не развилось, и если ты ею обладал – значит покорил, уломал, добился, обольстил, потому что она ведь под каждого не ляжет, нет, ну ты гигант, твоя сексуальная значимость велика.

А если женщина равным темпом пойдет по мужикам? Да любой и так готов, и переспать со всеми подряд ничего не стоит. Здесь и достигать нечего, и никак свою значительность ты этим не утвердишь. Вместо уважения и зависти окружающих ты получаешь пренебрежение.

Слон и гепард не могут самоутверждаться через одно и то же, условно говоря. Один утверждается через силу и величину, другой – через скорость бега, и каждый может гордиться этим перед другим.

Женщина не может самоутверждаться в сексе «мужским» способом – это означает пытаться переть против очевидности природы. Если один пол противопоставлен другому, то и самоутверждается он через противопоставленное поведение. Наряды, прически, косметика, украшения, кокетство, обольщение – увлечь и распалить как можно больше поклонников, и никого не подпустить! Они все сходят по мне с ума, на все готовы, а я верчу ими как хочу, и выберу того, кого захочу и когда захочу.

К). Д в о й н а я м о р а л ь. Итак: есть активный, неизбирательно чувственный мужчина – и пассивная, избирательно чувственная женщина. И утверждается каждый через то, в чем он сильнее другого. Мужчина сильнее в том, чтобы взять, – кого угодно, независимо от ее желания. Женщина сильнее в том, чтобы не дать – кому угодно, независимо от его желания. И чем больше эта разность между двумя полюсами – тем выше энергетика напряжения.

Сильное – слабое, активное – пассивное, большое – маленькое, твердое – мягкое: эта диалектическая пара подобна паре полюсов заряженной батареи. Больше разность – больше энергии – возможность совершить большую работу.

Люди это всегда знали, более инстинктивно, нежели осознанно. Больше энергетика – больше жизни, всегда хорошо и правильно; меньше энергетика – меньше жизни, всегда плохо и неправильно.

Двойная мораль – лишь аспект половой дуполярности общества, которая противостоит хаосу и гибели, небытию. Зафиксировать, культивировать, развить противопоставленность одного другому!

— —

Заметки на полях:

(Г о л о в а и ш е я. Можно сказать, что мужчина переделывает мир посредством себя, а женщина – посредством мужчины. В этом плане женщина является высшим существом, более сложным, способным на большее энергопреобразование путем использования многих мужчин, и путем небольших усилий заставляя мужчин делать большие усилия.

Култ прекрасной дамы – один из случаев и примеров – рыцарь посвящает свои подвиги и т. п.

«Лисистрата» – женщина может добиться от мужчины чего угодно, в этом ее сила.)

.....

(А двойная мораль есть мораль двух начал, призванная увеличить их разницу и дать большее энерг. напряжение между ними.

И – если ты не можешь утвердиться в одном, то можешь утвердиться в другом. Суть – выбрать, найти, определить аспект, в котором ты сильнее других. Женщина сильнее мужчины в том, чтобы не дать. Соблазнить ее труднее и т. п.)

Мужчина не женщина

Фигу вам вместо равенства. У Господа были другие планы.

1. У мужчин в среднем ниже иммунитет. Они более подвержены разнообразным хворобам. Уже и только в силу этого они живут в среднем меньше женщин.

2. Мужчины более агрессивны. От природы. Психика у них такая. Они более вспыльчивы, злы и самоуверенны. Более склонны настаивать на своем варианте, своем решении вопроса. Более хотят переделать ситуацию по своему усмотрению, и готовы применить силу. Ну и, опять же, чаще гибнут. В борьбе, понимаешь, за осуществление своего желания – переделку действительности так, как захотели.

3. Мужчины более креативны. Что, гм, с агрессивностью-то связано. Мало придумать и захотеть – надо еще настоять на своем, преодолеть сопротивление и сделать! Мужчины более склонны придумывать новое, отвергать старое, улучшать жизнь. У них более комбинаторный склад ума, склонность к нестандартным решениям.

4. Мужчины более авантюристичны – от слова «авантис» – вперед. Они лезут во все дали мира, в глубины и на вершины. Инстинкт познания у них ярче выражен: разведчики, исследователи, франтиреры. Опять же, чаще гибнут, и остается их еще меньше.

5. И еще одна предельно важная, базовая вещь. Биологическая основа, это относится ко всем практически видам. *Мужские особи гораздо легче и в первую очередь подвержены всем мутациям.* Генетический консерватизм у них много слабее. (Это вполне увязывается с п. 1.)

6. О женском сохраняющем, оберегающем, консервативном начале сказано уже все. Женщина миролюбивее, уживчивее, легче приспосабливается ко всему, к мужчине в том числе.

7. Женский иммунитет в среднем выше. Женщины меньше болеют и меньше умирают от болезней. И дольше живут.

8. Женщины дисциплинированнее, послушнее, аккуратнее, склонны хранить и передавать культуру без изменений. Передача культуры в семье, т.е. детям до 5–6 лет, то есть заполнение обучающих емкостей мозга, производится именно женщинами. Культура передается через женщин много более, чем через мужчин.

9. Любопытство и любознательность у женщин носит более социальный, консервативный, адаптационный характер: женщина знает о соседях, о ближних и дальних, больше мужчин. Социально-психологическая информация об окружающем позволяет ей и ее семье лучше вписаться в социум и приспособиться к его зигзагам и обстоятельствам. А также оценивать и перенимать опыт окружающих. Женщина более обучаема, чем мужчина.

10. Женский организм очень мало подвержен мутациям, *генетически очень консервативен.* Это у женских особей всех видов. Биология, ага.

11. В социальных катаклизмах прежде всего гибнут мужчины, их остается мало. А гены передавать надо, и размножаться надо!

12. Но и в катаклизмах природных – происходит аналогичное!

В резко изменившихся условиях большая часть мужских особей вымирает. Но те, чьи мутации теперь получили преимущество – должны передать их потомству! И вот:

Меньшинство самцов с уже произошедшими прогрессивными мутациями – передают свои гены большинству самок еще без мутационных изменений (самки и так лучше выжили). Большинство самцов – сдохли или вялы...

13. ***Биологическая эволюция происходит прежде всего именно через самцов.***

Самки мутируют гораздо позднее и гораздо медленнее. Генетическая устойчивость. С ними это происходит уже в следующих поколениях. Им уже передаются генные изменения, произошедшие с первыми самцами-мутантами.

То есть. Если эволюция решила, что человеку не нужен хвост. То сначала хвост отпадет у самого генетически динамичного самца. Потом у части самцов хвосты отпадут, а большая часть вымрет от этого болезненного изменения и от тех условий, под влиянием которых отпадение хвоста стало полезно. И бесхвостые самцы передадут свои гены еще хвостатым самкам. И начнут рождаться дети частично хвостатые, но частично уже бесхвостые. И хвостатые будут иметь меньше преимуществ в жизни. И будут умирать быстрее и чаще. И все потом станут бесхвостыми. Так вот – последними хвостатыми в бесхвостом племени будут некоторые самки, когда самцы уж и думать забыли о своих хвостах. Вот такая упрощенная, но принципиально точная картинка маслом.

14. Женщины рожают детей. Кажется, мы забыли об этом упомянуть.

15. И природа, эволюция, Вселенная, – заинтересованы в том, чтобы самки рожали детей от самых эволюционно продвинутых самцов. Дело самки – беречь себя, она – основа. Дело самца – изменяться, он – креативщик и новатор. Неудачно и неуместно изменившиеся должны содохнуть, их потомство не нужно. И – вот она, вечная несправедливость:

Самый прогрессивный самец должен передать свои гены максимальному количеству самок. Старший приказал! Кто Старший? Не задавайте дурацких вопросов. Кто Наверху – Тот и Старший.

16. Смысл и сущность полигамных браков, один мощный самец на гарем самок, а слабые самцы предаются тоске и гомосексуализму кто умеет, – это понятно.

.....

Моногамная семья – это отдельный разговор. Выжить труднее, прокормиться труднее, за каждую самку борьба идет. Есть и такой вариант.

17. Дать самке свое семя – куда быстрее, легче и безопасней, чем выносить и поднять детей среди опасностей жизни. В результате самка более склонна к постоянству, а самец – к передаче своих генов кому только можно.

18. Прочная семья, в особенности моногамная, возникает тогда, когда твои гены, переданные самке, все равно пропадут без труда и охраны тобою, самцом. Если ты ее не защитишь, корм не притащишь, гнездо не охранишь, – сожрут и ее, и твое с ней потомство. Ну – приходится жениться и сидеть на месте.

А если самка и сама отлично справится – поминай как звали, я пошел счастливить остальных.

19. Так что женская верность и мужское попрыгунство – увы, это инстинкт, биологический, базовый, и поделаться с ним ничего нельзя. Нет – регулировать необходимо, это всегда в социуме и делалось.

Но сделать мужчин инстинктивно моногамными – это, как бы сказать, ненаучно.

20. В человеческом социуме демографический взрыв, как правило, следует за большими войнами. Женщины хотят победителей – мужчин нет! Так хоть ребенка. Хоть сколько счастья.

21. На сильного и красивого больше всего претенденток, и многие согласны даже без всяких обещаний.

22. Храбрость и мужество покоряют женские сердца. Уж это инстинкт так инстинкт! Защитит пещеру, и дети будут храбры! И вообще таких орлов нашему племени надо побольше.

23. Но в социуме с развитой культурой – появляются новые критерии, по которым женщины хотят мужчин.

Кумир. Раз он прославлен – значит, имеет особенное качество: он выдающийся, ему хотят подражать, такие люди нужны!

Богач. Много денег – много возможностей. Он социально сильный, могущественный, он защитит, он сделает что угодно. Не говоря о комфорте и приятных вещах.

Умный. На этих меньший спрос, но есть свой контингент претенденток. Умный – тоже вроде сильного, у него свой круг уважающих поклонников, с ним считаются сильные мира сего. Он из первых на своей площадке, а эта интеллектуальная площадка тоже социально значима.

То есть. Социальный инстинкт работает и здесь. Сильный, желаемый, прогрессивный самец – тот, кто стоит на верху социальной пирамиды, чье место в социальной иерархии высоко.

24. Преинтереснейшим образом биологический инстинкт и социальный расходятся и даже противоречат друг другу – и вновь сливаются воедино.

Биологически – потребен сильный, храбрый, ну, можно еще и красивый.

Социально – потребен социально сильный, мощный, престижный.

И вот социальный инстинкт – включает биологический! И не просто люди социально значимые успешнее передают свои гены. И таким образом продолжается эволюция человека социального. Эти браки и внебрачные союзы и разовые связи – отнюдь не только по расчету. Но и – желание включается, биологическое влечение включается! Нет, не всегда, мерзкий старый урод покупает девочек чаще за деньги, чем берет на обаяние. Но:

Старые вояки, старые гении, – часто пользуются ужасным поклонением вполне молодых и привлекательных дам, и более того – бескорыстным поклонением сплошь и рядом!

А потому что они перворанговые самцы в своей стае.

25. *По мере эволюции биологическая составляющая в качестве перворангового самца все более замещалась социальной составляющей.*

26. Гены перворанговых самцов пользуются повышенным спросом, даже если социальное оформление их ранга противоречит биологическому.

27. Социальная эволюция вершится также через биологическое русло. Помилуй бог, это интересно: на таком-то уровне, где женщина предпочитает человека социального вопреки даже личным интересам... Социум – это интимно...

Три сорта желанных лиц

Четыре вида темперамента – холерик, меланхолик, сангвиник и флегматик – были выделены еще во времена Гиппократата. Деление условное, архаичное, но весьма разумное и внятное.

Мы попробуем взглянуть на различия в темпераментах с точки зрения эволюции, то бишь целесообразности и полезности для нее.

Мы попробуем говорить о женщинах, во-первых потому, что мужчинам вообще свойственно больше говорить о женщинах, нежели мужчинах, а во-вторых потому, что мужчины более переборчивы в женщинах, чем наоборот.

Итак, давно установлено, что самки более устойчивы к внешним воздействиям, их организм обладает большим ресурсом стабильности; они живучее, выносливее, и гораздо менее подвержены мутациям. Самцы же сильнее, активнее, агрессивнее, при этом более подвержены внешним воздействиям, менее живучи, и – гораздо более склонны к мутациям. (У подавляющего большинства двуполых; есть исключения.)

Самка – консервативное, сохраняющее начало, стабильное; она передает гены. Самец – активное новаторское начало, первопроходец. В жизненных столкновениях и болезнях самцов гибнет куда больше. Неудачные мутанты выбрасываются за обочину эволюции. Уцелевшее число удачных мутантов и победителей стремится передать свои гены дальше через максимальное число самок. Потому что на всех самок половозрелых самцов не хватит.

То есть. Естественный отбор идет через самцов. Они сражаются, и уцелеет более здоровый. Они мутируют, и спарится более удачливо изменившийся и не сдохший. А самки? Они отдаются победителю и мутируют в последнюю очередь, в следующих поколениях. Такова природа. Так из улиток и клопов произошли люди, которые звучат гордо, хотя выглядят мерзко.

Природа жестока и скупа. А жить приказывает! И каждая особь, монада с огромным автономным ресурсом, прикладывает все силы, чтобы выжить и передать свои гены. Вот есть, скажем, пищевая цепочка: трава, олень, тигр, гиена, а боковой ход – блоха, комар, глиста, а потом – черви, а из червей, стало быть, мухи, – и ничто не пропадает: тараканы подберут последние крошки, бактерии переварят последнюю клеточку падали, коза съест последнюю травинку, а гиена съест даже иглу дикобраза. Вот что такое обмен энергиями, стремящийся к максимуму!

Как животный мир в качестве еды подхватывает любую крошку, – примерно так животный мир в качестве продления рода стремится подхватить любой свободный ген. Любой организм хочет: а) спариться; б) спариться с носителем наилучших возможных генов; в) обеспечить своим генам наибольшие возможности. Поэтому у некоторых видов альфа-самец заводит гарем из лучших самок, а самцы-неудачники стонут и пытаются занять его место. Самки же, со своей стороны, льнут к альфа-самцам и наперебой открывают ворота победителю.

Говоря своими словами, есть парный брак и есть гаремный брак. У аистов парный, у львов мелкогаремный, у моржей крупногаремный (один кроет четверых львиц, а второй двадцать моржих, скажем). Это зависит от совокупностей устройства организма и условий жизни: пара охраняет гнездо с яйцами, несколько львиц завалят буйвола и прокормят льва, морж осеменит все стадо и уплывет в море.

А вот и храбрый самец с грациозной самкой: хомо сапиенс.

Этнология знает целый ряд типов браков. Племя делится на четыре части, и одна четверть совокупляется как хочет с кем хочет из другой, но только определенной, четверти, или жена дает себе всем братьям мужа. Или у мужчины несколько жен.

Чтобы у женщины несколько мужей – это проблематичнее. Физиология не та. Рожать надо. Разумеется, Клеопатра, как многие восточные владычицы, могла пользоваться сексуаль-

ными услугами спецрабов, но это не брак, это лишь образ жизни политической элиты государства.

Теперь смотрим. Женщины. За мужика надо держаться, мужиков на всех не хватает. Не только внешностью прельстить, но и поведением привязать. Недоступность, самолюбие, гордость. Не со всяким сблизиться, но только с достойным, мощным, привлекательным. И чтоб он сильно тебя добивался, сильно хотел. Это залог того, что не оставит, семью создаст, детей защитит и поднимет. Гордость и верность в одном флаконе. Это – идеальная женщина из легенд и романов. Мечта мужчин. – С точки зрения природы она передает гены победителя, обеспечивая своим поведением максимальную вероятность их передачи. Ибо истинный мужик – сам заметит, подкатится, раскидает всех, покорит избранницу, и он должен быть уверен, что с ней ему будет хорошо, спокойно и надежно.

Так. Но таких мужиков гораздо меньше, чем претенденток. И является второй тип: готова с кем угодно, никому не отказывает. В народе (цивилизованном) это называется не очень хорошо. Но. Что происходит с точки зрения передачи генофонда? Что безо всяких трудов, рисков и обязательств любой желающий самец тоже может передать свои гены. Условия у генов будут, разумеется, уже не те. Папуля не защитит и не прокормит. Да и неизвестно еще, кто папуля. Но – его и ее гены тоже имеют свой шанс. Это честно. Это невредно. А вдруг да удачный ребенок вырастет? Вдруг польза народу и цивилизации? Демократия. То есть: второсортные гены, остаточные, маловостребованные, тоже идут в ход, работают на размножение народа и создание цивилизации. Это как страховочная сетка под строкой: чтоб ничто не выпало и не пропало.

Если первый тип назовем условно «жена», то второй пусть будет благозвучно «приемщица».

Эти два типа поведения с половыми партнерами – противоположности. Но между ними выделяются еще два. Третий, стало быть, тип, и четвертый.

Никто на тебя, милую, особо не смотрит. А если смотрит, то не тот, кто хочется. А если вообще замуж не выйдешь, своего дома и семьи не будет?.. Разве можно отдавать на волю случая и чужой прихоти свою судьбу! Не ложиться же, в самом деле, с любым, кто пальчиком поманит. И женщина берет на себя активную роль. Она уже не выбирает из тех, кто ее домогается. И у моря погоды не ждет. Она намечает себе мужа, оценивает, взвешивает, и начинает активные действия по захвату. Организует удобные случаи, предьявляет себя с лучших сторон, опекает и дает понять, что лучше ему не будет ни с кем. Сорвалось? Жаль... Передохнем и примемся за следующего.

И она права! Есть же пассивные мужчины, есть застенчивые, есть неказистые, но и они сгодятся, у них свои достоинства. Кстати, можно и красавца заарканить, это уж на кого глаз ляжет и фишка выпадет. Чего это красавца отдавать расфуфыренной дуре, если можно себе забрать.

Этот тип можно назвать «активистка». Ее подсознанию, психике ее, энергетике ее, требуется передать свои гены максимально удачным образом, и полагаться на волю судьбы она не может. И – наилучший из возможных партнеров последовательно подвергается завоеванию.

«Активистки» обеспечивают передачу генов мужчинам недостаточно активным, или недостаточно выдающимся, или просто наилучшим из остатков. Своего рода тонкая метла второго ряда.

Четвертый тип мы назовем «охотница». Эта берет инициативу на себя (что роднит ее с «активисткой»). Но верной женой одному мужчине на всю жизнь быть не может. Ее темперамент, ее натура, – требуют захвата все новых наилучших партнеров. Она хочет получить не лучшие гены одного, но лучшие гены какого-то количества лучших самцов. Она стремится соединить свои гены с наборами лучших генов нескольких партнеров. Охватить максимальный сектор верхушки. (Вспомним Кармен, Молль Флэндерс и еще кучу героинь, прекрасных,

искренних, изменчивых и несчастных). В некотором роде «охотницы» – это элита, срывающая верхушки с генетического букета племени.

Ну, далее, как понятно, законы социальной эволюции приобретают все больше черт, отличных от законов биологической эволюции, и биологические особи переживают массу несчастий. Множатся своды императивов и табу, дам заковывают в корсеты, брак освящается мощью государства, и биологические данности подвергаются осуждению и наказанию. Биологическое тело мучится на прокрустовом ложе социума. Но:

Приведенное деление женщин по отношению к продолжению рода на «жен», «активисток», «охотниц» и «приемщиц» обеспечивает виду максимальное использование генофонда, максимальный захват генов, максимальную их передачу. Разные группы психологических, физических и социальных типов мужчин – получают свой шанс в контакте с одной из этих четырех групп.

Разумеется, у женщин здесь их амплуа определяется не расчетом, не образом мыслей, хотя это есть. Но это вторично. Первичен уровень эмоциональный, как обычно. А он определяется гормональным уровнем, гормональным балансом. Это врожденное. И практически не поддается медикаментозной коррекции. Да и зачем? Хотя иногда это было спасением в бытовом плане...

Баланс женских и мужских гормонов дает «жен». Общий пониженный уровень дает «приемщиц». Повышение мужских гормонов дает «активисток», сильное повышение (в пределах клинической нормы, однако) – делает «охотниц». (Ну, народная примета: усики у женщин – значит страстные).

В этом плане мужчины устроены гораздо примитивнее и единообразнее женщин. Их модель влечения в принципе унифицирована. При том, что зоофилы, педофилы, геронтофилы, гомосексуалисты и даже импотенты – это: природа раскидывает все варианты – вдруг да по закону больших чисел что-то пригодится, вдруг да эта мутация окажется полезной; природа использует разнообразие как сеть для ловли удачного варианта.

(Взаимосвязь фригидности, гормонального баланса, социального давления и социальной адаптации – это отдельный вопрос, который здесь просто неохватен.)

Психологическая ошибка, противоречие, проистекающее из разности биологических и социальных потребностей – основная причина женских неврозов и семейных скандалов.

Человек не виновен и не властен в своем гормональном балансе.

Природа создала разные темпераменты и типы поведения для максимально эффективного использования генофонда. К природе необходимо прилаживаться – но где-то за уровнем прогиба, за уровнем поверхностной пластичности – природа совершенно неизменяема.

* * *

...Больше, тоньше, разнообразнее!.. Есть вкусовые различия и предпочтения, никак не объяснимые на уровне физиологическом и вообще биологическом! Сколько же народу шастает по планете только благодаря вкусовым завихрениям своих неожиданных родителей!.. Почему нормальным, молодым, привлекательным женщинам могут неудержимо нравиться именно маленькие и пузатенькие, или пожилые, или носатые, или задастые, – то есть те как раз, кто безнадежно выпал за трафарет мужественности?

О, индивидуальный механизм в принципе возможно проследить в каждом конкретном случае. Образы родителей, друзей дома, подсознательная тяга к противоположности того, что хочешь, но боишься, сказки в младенчестве, феромоны, заполнение обучающихся емкостей мозга черт-те чем по воле обстоятельств... Но на уровне больших чисел и обобщений остается все равно: природа, то бишь эволюция как движение к усложнению, обогащает и изощряет все

формы всего на свете, в том числе варианты половых склонностей и симпатий. А чтоб никто не ушел обиженный!

.....

Мужские вкусы побогаче женских, ибо и сама сексуальная активность мужчин в среднем выше. Худых и толстых, незрелых и старых, длинных и маленьких, черненьких и рыженьких. Да – большинство западает на сексбомб типа Мэрилин Монро. Но прикол в том, что немало и тех, кто предпочтет ей Лолиту или старенькую няню! Некрытым не останется ничто, что шевелится! Эволюция неизменно применяет метод ковровых бомбардировок.

А также. Всегда найдутся вялые покладистые мужичонки, которые легко и готовно падают в протянутые руки «охотниц», даже слабо выраженных.

Если фригидная женщина полезна тем, что ориентируется на социально успешных и не склонна к чужим самцам. То вялый мужчина аналогично полезен для заполнения поля сексуальных союзов – с теми, кто выбирает сама или кому не досталось лучших.

Разнообразие сексуальных притяжений – есть запас устойчивости вида.

Несовпадение вершин

Пик мужской сексуальности приходится на 18–23, а женской – на 30–35. Зачем, почему, отчего?

Таким образом юноша страдает от неудовлетворенности. Он готов к совокуплению всегда и в любой момент. Постоянной партнерши у него как правило нет. Устройство жизни несет его в армию, в путешествия, в замкнутые мужские коллективы, где отсутствующими женщинами просто бредят. По ночам у него поллюции. Семью содержать ему не на что. Социально он еще незрел. Общество ранние мужские браки в принципе не одобряет, уклад и обычаи им не способствуют.

Когда же он в этом возрасте женится, он стремится иметь несколько сношений за ночь и в любое время суток. Молодая жена мощь его страсти обычно разделить не в силах. Ее сексуальная потребность гораздо меньше. От столь активной половой жизни она часто чувствует себя разбитой, ей столько не надо, она относится к этому как «к исполнению супружеского долга», тяжелой женской повинности. Скандалы делаются обычны: он крайне болезненно реагирует на то, что она сейчас совсем не хочет, а ее достает и возмущает то, что вот он вдруг опять захотел, а с ее решительным отсутствием желанья в данный момент ну никак же не желает считаться, что за гадский мужской эгоизм.

Проходит десяток лет, и ситуация меняется. Женщины жалуются подругам и врачам на неудовлетворенность. Их сексуальная потребность теперь выше того, что они получают от мужа.

Вопрос: а где же гармония природы, черт возьми?

Традиционно, почти всегда и везде, мужчине рекомендовалось вступить в брак около 30, а женщине – около 20. С социальной точки зрения это понятно: он должен «войти в силу», «стать на ноги», найти свое место в обществе, иметь возможности обеспечивать и защищать семью. А она к 20 давно полностью готова ко всему, чего ж ей зря вяннуть и пропадать.

О'кей. Тогда почему бы, черт возьми, ее половому влечению не достигать полного развития в 20, а его – в 30?..

Опять же: девушка формируется и взрослеет раньше, не только физически, но и, в силу женского конформизма и лучшей обучаемости, умственно раньше, в 18 лет она уже взрослая женщина, рассудительная и зрелая, по своему мировоззрению она готова к самостоятельной жизни гораздо лучше горячих и незрелых сверстников. Где же ее половое влечение, равное мужскому? И – на кой черт ей нужна в 35 лет большая половая потребность? Кажется бы: солидная замужняя особь, семья есть, дети рождаются, что получила от мужа – на том и спасибо.

И почему бы тогда мужчине в 20 лет не быть полуфригидным, а в 40 становиться сперматозавром и ломать с женой супружескую кровать? Увы, увы.

А что, если женить 20-летних юношей на 30–35-летних женщинах? Не получится. Все приличные женщины до 25-летнего возраста (ну, в среднем, условно) будут разобраны, обольщены, соблазнены, взяты замуж. Да и что ж ей, основную и лучшую часть жизни полноценным человеком не быть и детей не рожать?..

Тогда логично узаконить сексуальные связи юношей со зрелыми женщинами. Муж им покажет связи! Головы отвинтит! И общество всегда будет на его стороне.

Вожделеющий юноша и истомленная женщина могут счесть, что вообще общество устроено неправильно, несправедливо. Зарабатывание денег, барахло, положение – короче, частная собственность виновата, что не могут милые любить друг друга в шалаше свободно и без забот. На теплый остров бы, под пальму с бананами, любить друг друга на песке у прибоя, свободные и невинные, как дети природы.

Много вы понимаете в детях природы. Увы-увы, нет гармонии и там. Моржи и волки, обезьяны и львы, лошади и антилопы – тоже несчастливы. Могучий матерый вожак гоняет прочь горячих юных самцов и сам удовлетворяет гарем самок. А юноши страдают, облизываются и мечтают его свергнуть, самим занять сладкое место.

Там, скажете вы, естественный отбор. Самый приспособленный передает свои гены. Логично.

У людей, получается, тоже всегда попахивает естественным отбором. Сначала докажи по жизни, что ты мужчина! Стань могуч, влиятелен, знаменит – и тогда появится масса претенденток на тебя, и свои победительные гены ты передашь кому нравится, да еще и не одной.

Это, конечно, хорошо, ну а где же мощное половое влечение юных претенденток? Они готовы и замуж, и просто в постель, но не потому, что им с победителем именно совокупляться хочется, а вот как-то более абстрактно и платонически: быть с ним, принадлежать ему, разделять его судьбу, иметь с ним семью... А он трах – и поехал в следующий город.

Если разбираться в чисто социальном аспекте, то все понять нетрудно. Целесообразность вступления в брак в разном возрасте обусловлена общеизвестным: деньги, возможности, положение, мы это все только что говорили.

Биологический аспект с социальным связан плотнее некуда, ибо все социальные действия в конце концов основаны на энергии биологического происхождения. Первое: перекрыть юноше сексуальные каналы реализации энергии, и он пустит свою энергию в разные дела: путешествия, войны, открытия, зарабатывание денег, карьера и т. п. Условно говоря, сублимация. Недаром тренеры часто не допускают своих спортсменов до женщин, а обычаи разных эпох и народов рекомендуют мужчинам в период серьезной работы и всяких свершений воздерживаться от супружеской спальни. Тут можно сказать, что юношеская «гиперсексуальность» – это юношеская гиперэнергия вообще, которая самым «природным» способом направляется первым делом в естественное биологическое русло размножения, а цивилизованное человечество норовит направить эту гиперэнергию в осмысленное, человеческое, созидательное русло. А также – второе. Раз девушка не хочет, а юноша – хочет, ему надо приложить немало усилий, и даже изобретательности, чтобы преодолеть ее сопротивление и приступить к процессу, от которого рождаются дети. То есть лишь сильный, приспособленный, значительный будет допущен к лону. И здесь его сверхжелание и ее нежелание способствуют естественному отбору.

Очень хорошо. Логично. Правильно. Но некоторые вопросы остаются.

Если уж она его приняла – то почему ее сексуальному аппетиту не достигнуть полной мощи и сравняться с мужским уже после первых сношений? К чему эти несовпадения, скандалы и головная боль в голове и животе? Нет же – пик достигается лишь через много лет обычно.

Второе: зачем же ее аппетит растет по мере того, как его аппетит убывает? Какая такая в этом целесообразность?

Можно зайти с такой стороны: ее повышение компенсирует его понижение. Теперь уже она его тормозит, провоцирует, стимулирует, и он лучше осуществляет свою медленно остывающую половую функцию.

Да? А почему он на сторону смотрит, скотина? Ну, это отдельная тема, и о ней – в другом месте, рядом: о женском постоянстве и мужском непостоянстве, и о силе и следствии привычки у мужчин и женщин. Это не меняет того, что он все равно может и хочет меньше, чем в молодости.

Дорогие мальчики и девочки. Мы тут ничего не поймем, и ученые дяди из университетов нам тут ничего не объяснят, пока мы не обратимся к, так сказать, сути и кульминации проблемы: к разнице в ходе полового акта для мужчины и женщины и к разнице мужского и женского типа оргазмов.

Уж этот вопрос ныне исследован так, что дальше некуда. Правда, выводов не сделано, как обычно.

«Дикий», «естественный» мужчина приступает к половому акту быстро и с короткой «подготовкой» или вовсе без подготовки, без предварительного разогревания и возбуждения женщины. Проводит акт очень активно и быстро, стремясь напрямик к достижению оргазма. Оргазма достигает в норме всегда, и если никак не сдерживается – то «естественным» путем через несколько минут. После достижения оргазма резко делается пассивным: падает пульс, давление, возбуждение, хочет он только покоя и часто непроизвольно засыпает.

Женщина возбуждается медленно. Это возбуждение до оргазма поднимается медленно. И с «естественным» мужчиной она часто вообще не успевает дойти до оргазма. И лежит рядом страдающая и неудовлетворенная. А если и дошла – то снижается ее пик возбуждения гораздо медленнее, чем у мужчины. И после сношения ей потребны всяческие ласки и понижающиеся возбуждения, соответствующие ее медленно приходящему успокоению. А он? Он уже храпит, скотина. А у нее слезы на глазах от его эгоистичного жлобства.

Черт, а где же природная гармония физиологии?! Поэтому современная сексология настоятельно рекомендует мужчине ласкать долго и изощренно и до, и после, а сам акт затягивать, сдерживая себя и думая о наслаждении женщины, и тогда ей будет хорошо. И пачками выходят наставления по технике секса. И «сексуально культурный», высокопотентный и умелый мужчина может вести один акт, с прелюдией и эпилогом, по часу и более. И все говорят, что это хорошо.

Все говорят, кроме урологов. Они говорят, что от этого развивается опухоль простаты. Еще полста лет назад она встречалась сравнительно нечасто. А сейчас у мужчин, вступающих в пожилой возраст – буквально у каждого второго, если не чаще, простата патологически увеличена. Что часто ведет к операции по ее удалению, операция типовая, «поточная».

Потому что мужской половой аппарат не рассчитан на столь долгие возбуждения. Слишком долго застаивается кровь в гениталиях, слишком долго они находятся в напряженном, возбужденном состоянии. Это является причиной опухоли простаты, перерождения тканей, импотенции: весь механизм пещеристых тел полового члена не может так долго держать перекрытыми сосуды для оттока крови, поддерживать в кавернах такое давление крови, начинают отмирать периферийные нервные клетки, мышечные клетки начинают заменяться клетками соединительной ткани и т. д.

Короче, ты «подправляешь» природу – и она отвечает тем, что что-то портится, искажается, заболевает. Природа, понимаешь, сама знает, что естественно, а что нет. Не любит она насилия над собой. Любое действие против естественного природного желания организма даром не проходит. Это так азбучно звучит... странно, если б было иначе.

Природой мужчина запрограммирован на короткий бурный акт, такие дела... А женщина на что запрограммирована?! На то, что у природы нет плохой погоды, и каждая погода – благодать?..

Так что мы имеем на этой картинке? Мы имеем, что возрастное несовпадение мужчин и женщин в пиках сексуальной потребности сопровождается вообще несовпадением для них хода полового акта и достижения оргазма.

А вывод?

А вывод из этого следует такой, что от отрицательных ощущений никуда не денешься. Что даже в необходимейшем осуществлении прямейшей биологической функции – размножения – одним наслаждением как приманкой, одними положительными ощущениями не обойдешься. Для осуществления своей функции природа прибегает не только к положительным ощущениям, но и к отрицательным.

А уж функция размножения человеку полностью присуща и совершенно необходима, без нее никак. Но осуществляет он ее, разумеется, не рационально, типа «оставлю-ка я потомство,

ведь так надо», а чувственно, непосредственно: «Хочу! Хочу близости так, что сил нет, и плевать на все остальное!».

Врожденная, безусловная потребность в страдании, в отрицательных эмоциях наряду с положительными – вот что все вышесказанное значит. Человек хочет наслаждения – и одновременно вместе с ним получает страдание. И до, и после, и кроме, и вместо – по-всякому.

С точки зрения диалектики – нет одного без другого, любая медаль имеет две стороны, нет наслаждения без страдания. Ясно.

С точки зрения устройства центральной нервной системы человека – это означает необходимость страдания, стремление к страданию. Слово «страдание» можно заменить оборотом «отрицательные ощущения». Отрицательные ощущения наряду с положительными от природы входят в главнейший, базовый механизм центральной нервной системы – в механизм осуществления размножения.

Не бойтесь страданий. Не будет вам от них избавления, потому что они есть часть вашей сущности. Вы все в жизни должны испытывать, вы на самом деле к этому и стремитесь. Еще раз повторим: сама способность испытывать страдание уже есть причина к тому, чтобы их испытывать. Через все ощущения центральной нервной системы реализуется инстинкт жизни – полной жизни, реализации всех своих способностей и возможностей, которые все в конечном итоге и сводятся к ощущениям.

Вот поэтому и для этого несовпадения сексуальных пиков. Если рассматривать на уровне человека как такового и смысла его жизни. Вот в этом смысл несовпадений.

Дон-Жуан

Мужчина может быть привлекателен своей силой, храбростью, могуществом, властью, славой. Богатство также привлекательно – не только тем, что сулит возможность разнообразных удовольствий и комфорта; и не только тем, что одаренная богатством женщина ощущает себя избранной, ценной, более значительной в жизни, чем другие; но и тем, что богатство – во многом эквивалент и даже синоним силы, мужества, власти, всемогущества. Любят хозяина и переделывателя жизни, всемогущего повелителя мира, а если в цивилизованном обществе он иногда приобретает вид денежного мешка – что ж, такова одна из особенностей цивилизации и ее условностей. Женщина может искренне любить неказистого богача – не за богатство, любят ведь не за что-то, – а потому, что за этой «маской» – истинный повелитель мира. Суть важнее маски. Поэтому столько сказок о любви к чудовищу, которое на самом деле – заколдованный принц: в любом чудовище женщина может разглядеть заколдованного принца.

Мужчина переделывает мир посредством себя и своей страсти. Женщина переделывает мир посредством мужчины и той страсти, которую она ему внушает.

Поэтому женская красота как способность уже самим своим видом внушать страсть мужчине всегда так ценилась и воспевалась, и здесь к слову «красота» никаких спецэпитетов обычно не прибавляется. А от мужчины красота менее требуется, или не требуется вовсе, как выразился Бальзак – «Если мужчина чуть красивее обезьяны, он уже красавец», и есть «спецопределение» «мужская красота», что подразумевает выражение силы и мужества, но отнюдь не миловидность черт.

Женщина вселяет страсть мужчине самую собой, от нее не требуется для этого никаких поступков и возможностей. Мужчина вселяет страсть женщине скорее своими возможностями и поступками, его сила, храбрость и власть существуют не сами по себе, но в своих проявлениях в окружающем мире.

Но есть тип соблазнителя и дон-Жуана, который может ничего не представлять из себя в жизни, но «сосредоточиться» исключительно на внушении страсти женщинам самим своим видом, манерами, речами, использованием знания женской психологии.

В аспекте различия полов дон-Жуан – это женский тип отношения к противоположному полу. Женский в том смысле, что он не может дать партнеру ничего, кроме себя самого, и успешно ограничивается этим. Характерно, что у мужчин такой тип «пустоцвета-соблазнителя» вызывает высокомерное презрение. Он может понять и признать справедливость любовной неудачи, если любимая предпочла ему героя, силача, или богача («увы, она предпочла деньги, конечно, тут мне с ним не тягаться»), или человека бедного, но благородного и справедливого («он лучше меня...»), или явного красавца («что ж, ее можно понять... он эффективней, с ним лучше»). Но если она сходит с ума по явной же во всем заурядности, причем не она первая, да эти бабы кретинки, в нем же ничего нет!!!

Правильно, ничего нет. Он даже в постели-то может быть не шибко. Кроме одного: способности внушать женщине страсть! А ей того и надо, она же не рассудком выбирает объект любви.

Дон-Жуан – это своего рода трутень-имитатор, он подсекает женщину на том уровне, на котором людей и влечет друг к другу – на уровне страсти. А семья, дети, преобразование мира, свершение дел, реализация себя? Увы, здесь он бесплоден. Нет, ребенка сделать, конечно, может. Но-но-но: он всегда не тот, за кого себя выдает. Подсознание женщины обманывается им, как окунь обманывается блесной.

Он не дает ничего, кроме самой страсти.

Строго говоря, по природе он не мужчина – он блестящий эрзац, суррогат, фаллоимитатор для тела, души и сознания.

В принципе это можно считать патологией, искажением и перекосом в распределении энергии: он самореализуется и самоутверждается исключительно через внушение страсти женщинам. Он добивается их не силой, не славой, не деньгами, не доблестью, – он добивается их «напрямую» самим собой. Потому мы и можем говорить о женской психологии этого типа.

Разумеется, были политики и спортсмены, герои и артисты, ученые и черт-те кто, которые норовили иметь ровно столько женщин, сколько могли, а могли много, потому что толпы мотыльков слетались на огонь их деяний и славы, и вообще – им было чем поразить женщине воображение. Но дон-Жуану нечем поразить ее воображение! Сейчас мы не имеем в виду легендарного красавца, храбреца, дворянина и дуэлянта. Мы имеем в виду зауряднейшего по всем показателям человека, который примечателен только своим необыкновенным и целенаправленным успехом у прекрасного пола.

Он – любит?.. О... Он ведет себя именно так, как нужно вести, причем с несколькими в один день, путаясь в плотном графике. Он лишь изображает любовь, и его искренняя радость – это радость тщеславия и самоутверждения плюс среднее сексуальное удовлетворение.

Чудовище умильно врет, что оно – заколдованный принц.

За маской нет лица.

Женщина остается благодарной ему за то, что он дал ей познать страсть. Горя полно, но и счастье было.

Страсть, страсть, страсть! вот что нужно человеку. Не в том дело, чтоб ты был герой, а в том, что к тебе чувствуешь.

Дон-Жуан – это зеркало страсти, где женщина видит отражение собственной потребности. Это зеркало приближается осторожно, приоткрывается постепенно, настраивается умело, – и жаждущая душа получает именно те ощущения, какие ей нужны. Тем более что нужно всем практически одно и то же, надо лишь знать диапазон и правильно перебирать отмычки.

Глава 3 Роза нервов

Искушение

У Александра Грина есть рассказ о том, как мужчина в день свадьбы, кануна счастливой жизни с любимой девушкой, просто отошел от нее, приблизился к двери, спустился в сад, через калитку вышел на улицу, и продолжал идти... пока не вышел из города, и дальше, и дальше. Жизнь спустя, одинокий без любимой, не зная, прожил он свою судьбу или чужую, он признается рассказчику, что в тот решающий миг счастливого вечера он вдруг просто подумал: а что будет, если я отойду? если выйду в сад? и, следуя этому странному импульсу «наперекор себе», холодея от ужаса содеянного, ушел навсегда.

Это классический, чистый пример того, как человек делает то, чего делать не хочет. Искушение как чувство противоречия себе самому. Дуализм стремления к счастью и несчастью одновременно, а примечательность и незаурядность случая в том, что человек сознает и фиксирует обнаженное решение дилеммы в сторону несчастья. Аргументы, рациональные мотивы здесь отсутствуют.

Поскольку человеку свойственно во всем искать рациональные мотивы и по возможности просто раскладывать все по полочкам разума, искал он всегда и объяснение феномену искушения. Самое общее и простое объяснение носит форму нехитрого аргумента «а вот потому», и все тут. Раз следовать искушению, и даже вообще испытывать его, противоречит нашим интересам как мы их понимаем – так это Дьявол нас толкает, Дьявол нас искушает злом. Вводится такая нехитрая условная величина «дьявол» – и как бы наклеив такую этикетку на явление, можно успокоиться: ну, мол, теперь все ясно.

Есть некий внешний фактор, вот такое имя мы ему дали. Но это объяснение для тех, кто думать не любит и не умеет, а хочет на все иметь простые готовые ответы.

«Искушение святого Антония» – один из любимых мотивов христианской теософии. Отшельник Антоний хочет аскетизма и праведности, а ему мерещатся женщины, пиры и прочие соблазнительные вещи, аж молиться не успевает. Это его Дьявол, естественно, искушает.

Искушение – едва ли не главный исходный мотив романов Достоевского, признанного одним из гигантов духа мировой литературы. Сам Достоевский вечно терзался греховными страстями к деньгам, игре и малолетним девицам, и подавлял эти искушения с переменным успехом. Но если «Игрок» – это описание губительного следования искушению без особого анализа мотивов, то все суперзнаменитое «Преступление и наказание» – это постоянное выяснение рациональной мотивации искушения – будучи нищим, хлопнуть ростовщицу и разжиться чуток деньжатами на жизнь. Автор раскладывает простые аргументы «за» и «против» и в конце концов решает спор в пользу совести и Евангелия. То есть на чисто моральном уровне. Мы также против убийства старушек и за моральные ценности, но нас интересует анализ на уровне научного, логического понимания – каковому пониманию подлежит и сама мораль. Категорический императив мы оставляем Канту – он плох тем, что ничего не объясняет и пониманию предмета никак не способствует. «Нельзя, потому что нельзя», – это для детей младшего дошкольного возраста.

Что есть первое и необходимое условие любого искушения? Наличие запрета, внешнего или внутреннего, категорического или как минимум осознаваемого. Диапазон запрета – от предельного внешнего, типа угрозы гибели тебя, или всей твоей семьи, или вообще всей Земли, если ты нажмешь ядерную кнопку – до мельчайшего внутреннего, типа съесть соблазнительное

пирожное и тем нарушить свою диету и перестать худеть, а очень хочется похудеть и быть стройным и красивым.

А кто ж не слышал, что достаточно человеку что-то запретить, как он начинает этого хотеть, даже если раньше об этом вообще не думал. Любой запрет как-то раздражает человека, как прыщик, как кошку бантик, вот мешает ему жить спокойно. Даже если это мелкий волевой самозапрет. Что такое самозапрет? Это человек путем рационального приказа себе подавляет свои же желания. А хотеть он от этого перестает? Нет, часто напротив: как даст зарок чего-то не делать, так тут же сильнее хочется: хоть курить, хоть тупому начальству возражать.

Корыстный мотив искушений даже не заслуживает особого рассмотрения. Если человек хочет грабануть банк, но боится наказания в случае неудачи или усвоенная мораль не даст ему пойти на грабеж – тут все ясно. Если гарантировать людям успех, безнаказанность и анонимность грабежа – хана банкам, у большинства мораль не выдержит.

Есть искушение оружием. (Свойственно это почти только мужчинам.) Красивое, эффективное, хорошо сработанное оружие буквально провоцирует своего обладателя пустить его в ход. Те, кто держал в руках хороший нож или пистолет, прекрасно это знают. Часто хулиганствующие подростки втыкают в кого-то нож только потому, что нож выглядел красиво и грозно, ну сам же просился в дело. Аналогичное чувство знакомо стрелку, который видит на расстоянии выстрела потенциальную цель. Он может хлопнуть человека просто потому, что тянет это сделать, это так просто, интересно, волнует с приятностью: совместить мушку с прорезью, подвести под цель и потянуть спуск.

Но оружие – это естественный усилитель человеческой значительности: манит власть, ощущение своей значительности, своих огромных возможностей – тебя бояться, от тебя много зависит, ты повелитель судеб, грозный воин; тебя тянет к максимальным ощущениям через максимальные действия, ты изменяешь мир, выбивая из него людей. Ладно, и это тоже несложно понять.

Просты и искушения св. Антония: секс, развлечения, богатство. Это вообще естественные стремления. Искушениями их делает только запрет.

То есть искушения можно разделить на рациональные и нерациональные, а проще – на понятные и непонятные. Изнасиловать привлекательную женщину, убить конкурента или честно сказать юбиляру, что он кретин – понятен мотив удовлетворить сексуальное желание, или упрочить свое положение, или явить свое умственное и человеческое превосходство (моральный аспект сейчас оставляем в стороне).

Нерациональные искушения анализировать сложнее. Здесь, если разобраться, есть своя классификация.

Искушение смерти. Шагнуть в пропасть или с балкона, застрелиться, сунуть голову в петлю, вонзить себе в сердце нож. Физическая простота, возможность и легкость этого действия производят легкое опьянение сознания. Фрейд решил этот вопрос просто: есть Танатос, зов смерти, и наряду с Либидос, зовом любви, он живет в человеке и определяет его стремления и поступки. Как нетрудно заметить, между Танатосом и Дьяволом здесь нет никакой принципиальной разницы: мы констатируем явление и даем ему название, и этим названием удовлетворяемся в качестве объяснения.

Да нет... Это пьянит острое сильное ощущение. На краю постоять. Своего рода наркотик. Ох что будет, если шагну вниз, вот это да... Это стремление к максимальному действию – изменить и уничтожить весь мир – мир в себе – путем убийства себя. Это стремление к нарушению Главного Запрета – запрета, которым твой инстинкт жизни запрещает уничтожить себя, а наоборот, требует реализовать себя через все ощущения и действия жизни.

У того же Достоевского есть дивные примеры чистых искушений. Как, например, Ставрогин в «Бесах» одного почтенного человека, произнесшего свою любимую присказку: «Нет, меня за нос не проведут», – хватается именно за нос и проводит через все благородное собра-

ние, ошарашенно замершее. Или губернатора, склонившего к нему ухо выслушать по секрету, кусает за это ухо и долгую минуту держит зубами, не могущий высвободиться старик ошеломлен до потери чувства реальности.

Теле- и радиодикторы, работающие в прямом эфире, хорошо знакомы с подмывающим диким искушением (о, разумеется, у них и в мыслях ни на миг нет дать ему ход) выкинуть в этом прямом эфире какой-нибудь непоправимый фортель: послать всех матом, в недопустимо-разговорном тоне пустить издевку по адресу верхов, сделать неприличный жест, – словом, выкинуть что-нибудь совершенно невозможное, шокирующее, непоправимое. Ясно, что это им дорого обойдется, конец карьеры, штраф и т. п. – хотя потом можно закосить под дурачка и от суда отвертеться. Почему, зачем? они приличные воспитанные люди, зрителей уважают, с читаемым текстом могут быть согласны... вот такой позыв к гипертрофированному и даже преступному озорству.

Действие рождает противодействие. Любой запрет неизбежно порождает внутренний протест – подсознательный, неосозанный, который может не вылезти наверх в сознание никогда, а может вылезти в трансформированном до неузнаваемости виде, – но есть он, есть, некуда ему деваться. Есть акция – есть и реакция: искушение – всегда реакция на запрет.

Помочиться в театре на партер с балкона, засадить камнем в витрину, развинтить железнодорожный путь и пустить пассажирский поезд с рельс под откос, написать неприличное слово на стене парадного дипломатического зала, шелкнуть по носу почтенного начальника, и несть числа – все это совершенно нерациональные искушения, вызванные отнюдь не человеконенавистничеством, но лишь подсознательной тягой испытать изрядные ощущения от взлома запрета, что есть действие немелкое.

Мое поколение росло вскоре после II Мировой войны. Зачем мы тайно малевали на стенах свастики?! Мы были дети, дошкольники, нас никто этому не учил, мы не только не были неонацистами, но были по воспитанию эпохи вообще антинемцами, – какова природа удовлетворения, с которым мы это делали? Играя в войну, «немцы» всегда были, разумеется, побеждены – какова природа удовлетворения, с которым «немцы» закатывали рукава и, изображая нехорошую жестокость и «страшность», вопили кривляясь «немецко-фашистские» слова? И присутствовало ощущение, что делаешь что-то нехорошее, и этого нехорошего хотелось, и даже этим нехорошим гордился, прекрасно зная, что это игра и на самом деле ты совсем не такой, другой, противоположный.

Это все равно что корябать гвоздиком лаковый борт красивой машины. Ты не знаешь, чья она, и зависти не испытываешь, и жалко тебе испоганиваемую тобой же красоту прямо до слез – а корябаешь вот с противоречивым чувством, и хвастаешься потом перед сверстниками, они хвалят, а тебе внутри неприятно за сделанную гадость. А тянет корябать!!!

А может, тебе не запрещали машины корябать, об этом и речи не было. Тебе запрещали за девочками подглядывать, домой опаздывать, шапку не носить. Запрещают одно, а реакция вылезает в другом месте? Примерно так рассуждает сегодня педагогика, самая прогрессивная ее часть. Эта часть права отчасти. Но не совсем.

Где не может быть искушений? Там, где нет запретов.

Где нет никаких вовсе запретов? Нигде.

Что такое искушение? То же стремление к сильному общению через крупное действие.

В чем же крупность действия, если само по себе оно ничтожно?

В нарушении запрета. Ибо он – лишь одна деталь, часть, в общей большой конструкции свода правил общежития. Даже если эти правила внутри тебя и об их нарушении никто не узнает.

Может ли человек не испытывать хоть иногда «идиотских» искушений? Нет.

Почему?

Потому что в нем всегда живо стремление изменять существующую систему «я – мир» через свои действия. Нарушение запретов входит в эту систему. Базируется это на инстинкте жизни, является это частью и аспектом роли человека во вселенной.

А кроме того, на уровне более человеческом. Искушение есть проявление стремления человека к абсолютной свободе. Что есть, как сказано выше, проявление второго закона термодинамики, действие которого ограничить весьма трудно – природа, понимаешь, так устроена. (См. «Свобода».)

Уровень некомпетентности

«Уровню некомпетентности» посвящено шутивное и во многом верное исследование одного славного американца. Сводится оно к тому, что когда работник грамотно и компетентно справляется со своими обязанностями, его естественно повышают по службе для пользы дела и его собственной, и повышают до тех пор, пока он не достигнет уровня, где уже перестает являться компетентным. Таким образом, резвится америкашка, все хорошие активные работники, делая карьеру, в конце концов становятся некомпетентными и плохими работниками, и чем выше уровень руководства, управления и вообще чем выше профессиональная ступень – тем ниже там уровень компетентности работников. Хорош – выше, хорош – выше, и так все выше, пока не перестанет быть хорош. Весьма остроумная логика.

Доля истины здесь до крайности велика. На самом деле в жизни, конечно, обычно бывает иначе, и все это знают. Если человек «не тянет» на каком-то высоком уровне, он или сам сваливается на предыдущую ступень обратно, или его задвигают обратно, и вообще для перехода на более высокий уровень требуется запас энергии, способностей, возможностей, который на имеющемся уровне виден и ощущается и самим человеком, и окружающими, которые причастны к его дальнейшему продвижению.

И однако случаев, когда хороший командир дивизии становится плохим министром обороны и т. п. – сколько угодно.

Человеку вечно всего мало, ему вечно надо больше, выше, иначе, и он лезет все вверх и вверх, пока не набьет на голове шишки об потолок и не свалится обратно – вот что на самом деле имеется в виду.

«Сказка о рыбаке и золотой рыбке» – один из вечных бродячих сюжетов на эту тему. Старуха захотела целое корыто, потом – новый дом, потом – дворянство, потом – царство, и все она получила, так ей захотелось уже стать вообще владычицей и гонять рыбку-благодетельницу как прислугу на побегушках – и в результате она рухнула на исходный уровень, к разбитому корыту. Нехитрая притча о безграничности желания и достижении уровня, превосходящего возможности, после чего все достижения рушатся, и человек опускается в исходное ничтожество положения.

Это относится ко многим случаям «крайнего величия», которого достигали властители мира, столпы истории. Кир, Александр, Наполеон – создав огромные мощные царства, расширяли их пределы сверх достаточного до тех пор, пока не «запрыгивали» выше своих возможностей, выше возможностей своего государства, и тогда в сверхнапряжении государство рушилось, а властитель погибал. Что б ему не остановиться вовремя?.. Но та самая энергия, то самое желание, которое вело и тащило его вперед и вверх к величию и славе, перетаскивало за черту «компетентности», за предел реальных возможностей, и все рушилось к чертям свиным. Потому и рухнул, что хотел чересчур много и сильно. Потому и сделал так много до своей гибели, что хотел так много и сильно.

И это сказывается в самых разных проявлениях человеческой деятельности.

«Больше всего человек гордится тем, чего у него нет. Например, Т. владел немецким языком, но на столе у него всегда лежали только английские книги», – писал Акутагава. То, чего у тебя нет, существует в твоём воображении в некоем условно-идеальном виде и всегда кажется чем-то лучшим и более значительным, чем в реальности. Его отсутствие увеличивает желание, его неизведанность будоражит воображение и оставляет место для допуска любой возможности.

«В чужих руках член всегда толще», – составили присказку шлюхи.

Чем гордился властелин полумира император Нерон? Своим актерским даром, и упивался фальшивыми дифирамбами льстецов.

Гениальный комедиограф Мольер был лучшим комическим актером своей эпохи. Но он страшно переживал, что он не трагик, и страстно мечтал быть им. Играя с трупой перед королем Франции, когда от реакции монарха зависела вся дальнейшая судьба, он добился бешеного успеха и сорвал овацию. И немедленно вслед за этим, вразрез всех планов, погнал трагедию – жалким и провальным образом!.. Только яблочный огрызок, брошенный из зрительного зала ему в голову, поставил мозги гения на место. Больше он на трагедии не покушался, удовольствовавшись положением и славой первого комика королевства. И всю жизнь страдал, что не довелось ему сыграть известные трагические роли... При этом вся актерская братия сгорала от зависти к его успеху и таланту!

В жизни выигрывает тот, кто умеет остановиться вовремя. Уровень претензий должен соответствовать уровню возможностей – вот старинный рецепт жизненного успеха.

Но чем энергичнее и талантливее человек – тем он неостановимее на любой стадии. То, что подняло его снизу до возможных для него вершин – гонит его: дальше, дальше, дальше!

Вот поэтому побеждают и благоденствуют в жизни отнюдь не самые талантливые и энергичные. Напротив – процветают люди достаточно ограниченные, с небогатым воображением, умеющие довольствоваться достигнутым уровнем, не сжигаемые вечной жаждой черт знает чего, не обуреваемые безумными планами, не собирающиеся «переделывать мир». Они не мнят о себе слишком много. Они гордятся своей трезвостью и здравомыслием. И агрессивно нападают на всех, кто покушается на их нехитрые жизненные взгляды – взгляды толпы, набор заемных расхожих истин. Они отмеряют откусить кусок по своим возможностям и не давятся чрезмерным, по уму и темпераменту это «крепкие середняки».

«Он был из тех людей, которые в молодости говорят: „У меня будет пять домов“, именно пять, а не двадцать или миллион. И вот такие-то именно достигают со временем иметь как раз пять домов, в то время как те, кто желал миллион, остаются ни с чем», – писал Достоевский.

Самые яркие, самые талантливые, самые интересные, самые энергичные – очень часто терпят поражение на жизненном поприще там, где рядом благополучно процветают посредственности. Именно потому, что отчаянная энергия таланта прет и тащит его до уровня некомпетентности сквозь массу этажей, где он мог преуспевать и цвести.

О «неудовлетворенности таланта» слышали? Что талант вечно недоволен собой и своим творением, стремится к немыслимому совершенству и т. д. Вот то самое – все ему не так, всего ему мало, и живет он поэтому плохо.

У меня есть друг, гениальный бизнесмен. Он фонтанирует идеями и постоянно затевает грандиозные предприятия. Находятся партнеры, исполнители, инвесторы, дело растет как на дрожжах – а он упорно выращивает очередное драгоценное денежное деревце до размеров баобаба. Партнеры начинают кричать, что и так хорошо и достаточно, и норовят отколоть себе кусок от его дела и кормиться им. А он видит гигантскую перспективу, уже его лихтерный флот оккупирует всю Атлантику, уже его банки перекупают контрольные пакеты голливудских студий... и все как-то лопаются. А скромные партнеры процветают на осколках очередной созданной им империи.

Помните сказку о скороходе, который носил на ноге прикованное цепью ядро – чтоб не бегать слишком быстро? Это ужасно мудрая притча, на которую филологи и философы никогда почему-то не обращают внимания. Помедленней, поспокойней, тише едешь – дальше будешь. Тормози.

Грех

Человек грешен и человек несовершенен, и пусть много о себе не мнит и греховность свою изживает, осознает, кается, замаливает, в гордыню-то не впадает и к совершенству пусть посылно стремится. Аминь.

Из этого христианского тезиса следует масса интереснейших «нетрадиционных» следствий.

Первым делом из этого следует комплекс неполноценности и комплекс вины. А человеком с такими комплексами легче управлять, чем без них. Объясни ему, что есть Некто, перед кем он заведомо виноват – и он в конце концов спросит, что же ему делать, чтобы загладить свою вину. Внуши, что он не такой, как надо – и он захочет стать таким, как надо.

Комплекс как побуждение к действию: преодолеть его и избыть. Глубинная психологическая мотивация.

Можно избыть комплекс ритуалом: молитва, аскеза, воздержание, схима, обряд. Обряд – это «внутрирелигиозное действие»: я делаю это и это вот так и вот так исключительно для тебя, Высшее Нечто, чтобы с тобой договориться, обратить Твое внимание на себя, показать Твою власть над собой, понравиться Тебе – отнесись же ко мне хорошо и сделай так, чтоб я жил получше.

Комплекс вины порождает стремление к наказанию за эту вину: для уравнивания психики. Стремление к страданию. Самоограничения, воздержание, пост, молчание, вериги, власяница, нищета, бродяжничество, самобичевание. Я сам себя наказываю за то, что я плохой. Страдаю – значит, искупаю вину. Какую? А если не просматривается? Подумай, подумай внимательно, всегда найдешь. Пастырь поможет.

Это все следствия интенсивные – кроме чувств, мыслей и тела самого «комплексанта» они никого не затрагивают. Но есть и экстенсивные.

Пожертвовать деньги на бедных. Строить по воскресеньям храм бесплатно. Сжечь еретиков. И все во славу Его и именем Его: Он тебя создал, ты Ему всем обязан – а перед Ним же виноват. Чем? Найдется. В конце концов, первородным грехом.

А можно захватить Иерусалим, перебить сарацин, снести мечети, построить церкви, изменить лицо части мира – и это будет хорошо. Изменяем мир в соответствии с нашими представлениями о Добре. Перережь их всех – и тебе спишутся грехи, ты будешь лучше и полноценнее.

Сделай человека виноватым и дай возможность искупить вину – и он перевернет горы. Христианство гениально. Грех как двигатель прогресса.

Но пока, казалось бы, ничего принципиально нового христианство не изобрело. В том смысле, что всегда были боги, и всегда одни поступки были им угодны, а другие – нет. Могли помогать и награждать, могли мешать и наказывать. Если христианский Бог автократичен – греческий Олимп как бы демократичен: товарищи там, наверху, посовещались и решили, а вообще у них распределение функций и ответственности, мздоимство, интриги, подкомиссии и комитеты, лоббирование своих кандидатур. Какую религию ни возьми – с Верхним Миром надо ладить, подчиняться, угождать, угадывать Его желания и действовать в соответствии с ними: и тогда тебе будет хорошо, иначе – плохо. Покарает.

Любая религия объединяет народ единством представлений, суммирует его усилия и корректирует или просто направляет его действия. Одна из форм и аспектов системообразования общества.

Регулятивная функция греха. Ты должен поступать так-то и так-то, а иначе не должен, не то Сверху тебе вломят. Религиозная мораль.

Любая религия задействует понятие греха: Вина и Страх.

Многие религии рассматривают земную жизнь не только как низшую, что естественно, но и как горестную, грязную, суетную и в сущности не больно-то и нужную. И относятся к ней как к земному служению богам и прелюдии к жизни высшей.

Но только христианство утвердило изначальную, обязательную, исконно присущую человеку и неизбывную греховность – а жизнь расценивает как тем не менее пожизненное избывание этой неизбывной греховности. Был первородный грех? – молчи и тресни.

Н-ну – и что это значит? Что человек не идеален? Так это и так понятно. Понятно-то оно понятно, да не совсем.

Христианское утверждение имманентной греховности человека – это иными словами признание и утверждение того, что каков бы ни был человек – он все равно должен стремиться не к тому, что уже есть и он сам, и тем самым вообще все вокруг.

Имманентная греховность – это иными словами утверждение идеала всегда и в любых условиях.

Имманентное несовершенство человека – означает, что человеку всегда надо не то, что есть.

А еще иначе выражаясь: запас и избыток энергии в человеке долженствует ему всегда изменять себя и мир – изменять в принципе, таково его пожизненное занятие и предназначение.

Имманентный грех понуждает: переделывай! Себя и мир через себя.

Несовершенство как незавершенность, недоделанность – указатель на возможность и необходимость доделывания всегда.

И что будет конечным результатом вообще? Второе пришествие, Страшный Суд, воцарение Царства Его на земле. То есть: достижение идеала. Абсолюта, завершенность, совершенство, конец, смерть. Вот тогда будет искуплен изначальный грех, и все будет хорошо, делать больше ничего не надо будет, кроме как радоваться.

Это метафорическим языком религии. А прямым, как у пьяного римлянина, языком естествознания: тогда кончится Время, и человечество исполнит все, что могло, и совершит Максимальное Действие, и грохнет Вселенную, и в Большом Взрыве родится Новая Вселенная.

А монастыри, молитвы, обряды и храмы – это самозатратная часть религиозной составляющей всего человеческого механизма: с точки зрения энергоэволюции Вселенной она сбрасывается с КПД, не входит в КПД. Аналогично тому, как все энергетические затраты на производство автомобиля и перемещение его из точки А в точку Б – накладные расходы при перемещении собственно человека посредством сего мобиля на то же расстояние.

И не в том суть имманентной греховности, что ты прах и дерьмо перед Ним, что бы ни делал, – а в том, что *ты должен пахать и переделывать себя и мир, никогда не удовлетворяясь достигнутым.*

Утверждение имманентности греха означает имманентность идеала. Т. е. энергетическую неравновесность человека в мире, энергетическую избыточность, и этот избыток энергии являет себя в любых условиях и формах и всегда ищет приложения.

Недаром «условный святой» в христианстве близок к буддисту, входящему в нирвану: удален от мира, лишен желаний, как бы не имеет пола и возраста, ничего не делает и аж светится. Ушел.

Вот и мир когда-нибудь засветится небывалым светом. А до тех пор пахать придется.

Умопомрачение

Каждый человек совершает иногда идиотские поступки, но есть варианты.

Влюбленный глупеет, давно известно. Он волнуется, в мозгу его постоянно доминирует определенный очаг возбуждения, и эта доминанта гасит возбуждения других очагов – и влюбленный не может сосредоточиться, решить задачу, забывает одно и другое, и если прогнать его по тестам, у него может оказаться снижен коэффициент интеллекта.

Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны. Покой, безопасность, куча времени – человек может адекватно проанализировать ситуацию и принять оптимальное решение. А когда орут, стреляют, времени нет и гибель рядом – куча очагов возбуждения мешают друг другу, и дать доминанту на нужный участок мозгу трудно: вот тут нужно хладнокровие и быстрота соображения полководца. Кабинетный стратег в качестве строевого командира в бою может оказаться полным болваном. А позже может ясно видеть свои ошибки, и удивляться: как же так напортачил.

Короче, волнение может сильно снижать наши умственные способности. Нервный школьник у доски может быть дурачком, а в разговоре наедине – умницей. Сбивается очаг возбуждения.

Так что в жизни обычно преуспевает не тот, кто очень умен в спокойном неторопливом положении, но дергается в деле – а тот, кто в «экзаменационной ситуации» может принять верное решение. Для сильно умного это решение – элементарно же, но в волнении он делает ерунду.

Но бывают гораздо, гораздо более интересные ситуации. Вот все спокойно. И человек не волнуется. И по большому счету в жизни чего-то хочет. И делает страшную глупость. И абсолютно не отдает себе в этом отчета. А время спустя вспоминает – и аж рот раскрывается: как он мог сделать такую глупость?! То есть:

Умный человек в спокойной ситуации часто совершает необъяснимую глупость вопреки собственным интересам.

Ощущение потом возникает такое, что какой-то участок мозга у него словно шторками задернули. Потемнение нашло.

Мы не имеем в виду цыганку, гипноз, уговоры, жульничество. Все чисто, все добровольно, без внешнего стимулирования.

Психолог и интеллектуал, большой интриган Березовский двинул в президенты Путина, хотя по психофизической фактуре Путина сразу должно было быть понятно, что первым делом он захочет убрать фигуры влияния и снять зависимость.

Грамотный партийный карьерист Горбачев начал либерализацию, хотя на примере даже современных лет Ирана и Польши было показано (еще два раза в истории), что структурно консервативная либерализация жестких режимов ведет к неконтролируемому развалу и перевороту.

Умные и образованные Гайдар и Чубайс скинули капиталы в частные руки, полагая, что с сохраненных командно-государственных высот будут управлять курсом реформ – хотя все всегда знали, что у кого бабки – тот и заказывает музыку (а иной вариант – это Гитлер, но никак не демократия, хотя и Гитлер был социалист).

А самый распространенный вариант – это когда *умный человек вдруг ляпает глупость*. И за язык его никто не тянул. То он с неуместной прямоотой огорчает хозяина отзывом об его обстановке. То бестактно шутит. То «режет правду-матку» о каких-то отвлеченных материях, которые его и волнуют мало, главное – что вразрез примитивных, на его взгляд, представлений собеседника: и видит, что огорчает его, и понимает, что зря огорчает, и не хочет этого делать, но вот само собой несет его.

Потом его могут не взять на работу. Или отказать в дальнейших услугах. Короче, вредит он себе. А когда ляпает – ничего не думает. А вообще умный. И даже, может, осторожный и хитрый. Но иногда ляпает. Мозги у него заедает.

И не болтун. Нормальный. И не злоязыкий. А ляпает.

И напоминает это вот что. Словно встроен в человека регулятор, который не дает ему подняться в жизни выше (т. е. сделать больше) некоего определенного уровня.

Такой регулятор может работать разными способами. Семейные неурядицы, мешающие работать. Несчастные случаи. Болезни не вовремя. Разнообразные совпадения. Короче, невезение. Удачи нет.

Удача – вещь серьезная. «Велика ли его удача?» – интересовались викинги о предводителе. «Удачлив ли?» – спрашивала анкета английских капитанов.

Способен, умен, храбр – но неудачлив: а вот, значит, по количеству и качеству общей энергии твоей – не делать тебе этого дела. Не карма. Не судьба. Понимаешь, умеешь – но объективно не можешь.

Акт временного умопомрачения – это самоограничение человеком уровня своего действия. Сбой в работе центральной нервной системы – мол, я уже близ своего потолка, надо попридержаться, спуститься немного, выше мне не надо. Это не глупость. Это особый род стресса – подсознательный, нефиксируемый раздрай и перенапряг психики. Это означает: сядь, расслабься, то, что ты по большому счету задумал – тебе не по плечу, ты этого побаиваешься, тебя тянет пониже и погарантированной. (Повторяю – речь не о глупости, не о хвастовстве, не о конфузах типа «с языка сорвалось» – мера своего идиотизма становится понятна человеку только днями, или даже годами, спустя: он спокоен, говорит обдуманно.)

Самая распространенная форма «ляпанья» – неуместная откровенность. Или интеллектуал-творец рассеян и забывает контролировать свою речь, неумышленно вревая собеседникам меж глаз и ног. Или туповатый не улавливает реакции собеседников: он вообще умный, у него просто «чувство партнера» слабое. Или человек просто чувствует, как ему «вожжа под хвост попадает». Но факт один:

– он бессознательно производит на собеседника впечатление, обратное тому, которое хотел бы произвести сознательно.

Падла, он устал притворяться, устал унижаться, у него уже неврозик от этого! Подсознание шепчет сознанию: «Спи, моя радость, усни, все спокойно...» – а речевому центру велит: «Вломи-ка этим сукам, отведи мне душеньку!» А потом подсознание – юрк в норку! – а сознание ужасается: «Господи, что ж это я наговорило?»

В состоянии тихого умопомрачения человек абсолютно перестает соотносить свои поступки с их вероятнейшими следствиями. Он идет на автопилоте. Он видит только данный ход на доске, и сам по себе ход нормален. Причинно-следственному аппарату предвидения не хватает энергии для работы. Это – синдром скрытой усталости. Человек еще думает, что он идет к цели – а на самом деле его хитроумный мозг уже отказывается к ней идти, он хочет покоя, он чувствует себя перенапряженным. Не сейчас перенапряженным, а всей жизнью последних месяцев.

Акт умопомрачения – это подсознательное стремление к поражению (на энергетическом уровне).

И что характерно – подсознание норовит договориться с сознанием, чтобы акт умопомрачения не был замечен, зафиксирован. Сознание хочет быть спокойно: мол, я делаю то, что надо, что хочу и наметило, никакой раздвоенности. Поэтому всплывают в памяти такие акты и осознаются поздно и редко. Чтоб невроза не было по возможности.

Агрессивность

Скомпрометированное слово, стилистически отрицательно окрашенное, означающее насилие по отношению к кому-чему либо. В последние полвека не стихают досужие разговоры о необходимости избавиться от агрессивности человека, уменьшить ее. Агрессивность рассматривается как причина войн, насилия, конфликтов в обществе, а это, значит, нехорошо, и с этим надо бороться. Чуть иначе – называют агрессивностью склонность решать конфликты и противоречия методом насилия, силового навязывания своей воли другим – в противовес компромиссу, консенсусу, миролюбивому улаживанию и т. д.

При этом согласны, что солдат, конечно, должен быть агрессивным. Но хорошо бы сделать так, чтоб агрессивен он был только по отношению к врагу и только по приказу и в рамках приказа, – а со своими и тем более с начальством агрессивен не был, а был исключительно мирен и дисциплинирован. Вот робот такой с десятком кнопок на пульте управления – а пульт в руках высокого командования под присмотром правительства. Пока не получается. Хотя немец, скажем, к такой модели гораздо ближе, чем гарлемский негр.

А если вообще не найти способов уменьшить агрессивность человечества, то оно может покончить с собой, либо в вихре ядерной войны, либо зверски изгадив свою среду обитания.

Считаем все это прекраснотушным бредом, происходящим из размягчения мозгов. Эта точка зрения и система подхода к человеку изобретена интеллигентами – отличающимися от просто умных людей тем, что интеллигент с душевной слезой настаивает на утверждении желаемого над истинным – однозначно ставя должное выше сущего.

Сейчас мы сменим на товаре этикетку и поглядим, что получится.

Агрессивностью называется склонность существа преодолевать сопротивление окружающей среды для достижения своих целей. Подразумевается, что окружающая среда при этом терпит ущерб, изменяется «не в своих интересах», «продавливается».

Если елочка растет рядом с дубком, она стремится вверх как можно скорей, хочет затенить ему макушку: тогда он погибнет, а она будет расти спокойно. Если не удалось, дубок войдет в силу и своей мощной корневой системой уничтожит все деревья в радиусе десяти-пятнадцати метров: ему нужен простор, свет, много питания, и его корневые побеги «впрыскивают» дубильные вещества во все, с чем встречаются.

Кролик агрессивен по отношению к траве, а волк – по отношению к кролику.

Борьба видов за выживание, короче. Что Дарвин в принципе теорию всеобщей борьбы за выживание не сам придумал, а перенял у Гоббса, который ее создал как раз применительно к людям и на век раньше, сейчас как-то редко предпочитают вспоминать.

А поскольку сила противодействия равна (в подвижном процессе не совсем, почти равна) силе действия, то чем больше человек чего-то хочет, тем большее сопротивление ему приходится преодолевать. Борьба старого с новым, талантов с бездарностями, и т. д.

Человеку же говорят моралисты: «Вписывайся мягче! Договаривайся миром». Руби деревья для прокорма, но не для богатства.

Энергоизбыточный человек всегда продавливал сопротивление окружающей среды, как никто. Нет великого человека в истории, который не поотдавливал бы ноги окружающим. В любви, в карьере, в науке и творчестве – конкуренции не избежать: реализуя себя и достигая своих целей, ты неизбежно перекрываешь кислород тем, кто жизненно хочет того же самого, что и ты. Места в сердце и постели любимой, в президентском кресле и нобелевском списке лауреатов на всех не хватит. И фиг миром договоришься с конкурентами.

Чем сильнее желание сделать что-то – тем на более решительные шаги готов человек, чтоб добиться своего. И на этой арене люди умирают с оружием в руках, как констатировал умный старый Вольтер.

Энергоизбыточный человек запрограммирован природой, создан так, суть его такова, что ему потребны сильные ощущения, которые даются преодолением сопротивления окружающей среды.

Пацанов заставляет драться та самая сила, которая гнала Колумба через океан в Америку: стремление к максимальным ощущениям через максимальные действия.

А если человек не способен преодолевать сопротивление окружающей среды – это безвредный соглашатель, бесхребетный всеобщий приятель, которого обязательно затрут конкуренты, обокрадут в его идеях коллеги, используют в своих целях все, кто ловчее и бессовестнее.

Маршал Жуков был человек страшный. Жестокий сатрап и бездарный полководец, побеждавший только при многократном перевесе людей и оружия над противником. Но своей дикой жестокостью он заставлял выполнять приказ армию – голодную, деморализованную, плохо организованную и плохо управляемую, воюющую в этом советском бардаке на пределе и за пределом сил и возможностей. Жуков не мог изменить структуру армии и тем более – структуру всего государства, он мог лишь угрозами расстрелов и повешений гнать в бой. Войну выиграли. Люди более мягкие, чем сталинские ребята-людоеды, в этих условиях от армии могли бы и вовсе ничего не добиться: слаб человек и жить хочет, а условия Отечественной войны были для солдата чудовищны, часто практически непереносимы.

Степень жестокости в больших делах – разная, а принцип один...

А уменьшение склонности к преодолению сопротивления среды – может быть только аспектом уменьшения энергоизбыточности человечества. А это – вряд ли.

Стремление к поражению

Это далеко не факт, что человек делает все лично от него зависящее, чтоб добиться желаемой цели. И не делает не просто по лени, или трусости, или недостатку энергии. Нередко у человека происходит просто не то «затмение мозгов», не то «затмение чувств», и он совершает шаги не просто неадекватные – но логически не объяснимые, противорациональные, противоречащие собственным желаниям и интересам. Это сродни искушению (см. «Искушение»).

Помпей не должен был проиграть битву при Фарсале. Войск у него было больше, и он – Гней Помпей Великий, храбрый старый солдат и опытный полководец – умел выигрывать сражения не хуже Цезаря. Но в решающий момент битвы он впал в странное оцепенение, в безвольную бездеятельность, прекратил управление войсками и стал тупо ждать конца. Чего и дождался. Цезарь был не из тех, кто упускает свой шанс.

Прошло несколько лет – и великий мудрый Цезарь буквально за шиворот приволок себя в сенат под кинжалы заговорщиков. Он был неоднократно предупрежден о заговоре и опасности, «бойся мартовских ид» – это вошло в присказку. Он знал римские нравы насквозь, у него были все средства обеспечить свою безопасность: он словно нарочно отказался от любых, элементарных мер безопасности.

Наполеон был храбр, но отнюдь не безрассуден. Начиная с 1809 года, как отмечала свита, он буквально лез под ядра, находясь под огнем безо всякой надобности. Противоречить императору было трудновато; генералы сошлись на том, что он поискивает смерти в бою. Смерть могла снять великие и неразрешимые противоречия, неодолимость которых Наполеон уже осознавал: он хотел слишком многого, и был не в силах ни исполнить все свои титанические планы, ни отказаться от них.

Любому, кто пускался в тяжелые предприятия, знакома животная тоска, в какие-то миги, предшествующие решительным шагам, охватывающая слабостью все существо: желание спрятаться, избежать ситуации, оттянуть время решительного шага. Хотя сам всего хотел и продолжает хотеть. Нет, это случается далеко не всегда, но и вовсе без этого никогда не обходится.

Это вроде тоски солдат в какой-то момент времени перед решающим боем – даже если они хотят боя и уверены в победе, и даже в том, что выживут, тоже могут быть уверены! – а все равно...

То есть. Вот у человека есть сильное желание и осознанная цель. Это требует усилий и действий. Есть и вера, и надежда, и силы. И вот подходит время конкретного серьезного действия. И человек готов действовать, он давно готовился. И вдруг в нем возникает летучая тень слабости и желания избежать ситуации; при том, что ситуация ему понятна и желанна.

Это желание избежать борьбы с жизнью, трудностей, риска.

Это сродни страху актера перед спектаклем или студента перед экзаменом. Все в порядке! – а все равно нервы взвинчены, и легкая тоска в животе. Почему? – даже в том случае, когда ничем не рискуешь, ничего не потеряешь.

Вот сидит бригада рабочих – приехали на заработки, хотят работы и денег. Ждут, когда первый плот на реке покажется. Почему это невинное рабочее ожидание томительно людям, и когда таки показывается первый плот – деньги же плывут! – тоска толкается в желудке, и вместо радости – не то робость, не то желание, чтоб подольше не было этого плота: короче, стремление потянуть ситуацию, в которой пока можно ничего не предпринимать.

Это относится к первому приходу на новую работу, к переезду в новый город. Оттенок страха, робости, неуверенности, тоски, желания отодвинуть новую ситуацию.

Вот эта новизна многих ситуаций воспринимается человеком двояко. С одной стороны, он сознательно хочет. С другой стороны, он подсознательно побаивается, даже если ему

видится и понимается, что бояться ну решительно же нечего. Чего он боится? Или спросим иначе: что вызывает у него отрицательные эмоции, нежелание?

Первое. Новизна грядущей ситуации означает неопределенность. Никогда нельзя знать заранее всех подробностей, неизвестно какие вылезут неожиданности и случайности, надо быть готовым к чему угодно. Раз толком не знаешь еще, к чему, – ну так к чему угодно. Напряжение неопределенности велико потому, что неопределенность может потребовать всех твоих сил без остатка, и еще мало будет.

Неопределенность подступившего, но еще не наступившего – это вроде наступления привидения: не знаешь, чего от него ждать и как в случае опасности бороться и спасаться. Поэтому привидение страшнее любого реального врага.

Перед неопределенностью человек беспомощен и беззащитен: есть возможность нежелательных и неопределимых событий, но защититься от них невозможно: не знаешь миг, когда потребуются от тебя действия, не знаешь конкретных размеров и направлений опасности. А быть защищенным от всего на свете в любой миг – никак не возможно.

Поэтому состояние неопределенности человек переносит до крайности плохо. Его нервная система пытается полностью мобилизоваться, чтоб быть в любой момент готовой ко всему – и очень быстро измучивается, устает. И вот человек уже готов даже к самому плохому исходу – потому что лучше один самый плохой, чем в каждый миг возможность любого из плохих. Как удачно выразился Мольтке-старший, «лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас конца».

Разрушительную силу неопределенности во все времена хорошо знали следователи, «разминая» подследственных до полной утери воли и инстинкта самосохранения. Размолотый неопределенностью человек сплошь и рядом кончал с собой, не в силах выдержать этой пытки – пытки ожиданием чего угодно в любой миг.

Таким образом. Стремясь к какой-то цели. Человек втягивает себя. В цепь ситуаций. Неопределенность которых ему тяжела и нежелательна. И он хотел бы ее избежать. Как сейчас, так и в будущем.

Начинающему лыжнику при спуске с горы трудно держать равновесие при каждый миг чуть меняющемся положении тела. И он сваливается раньше, чем мог бы. Он мог бы еще ехать, но эта постоянная неопределенность положения равновесия в каждый последующий миг достает его, и вестибуляр приказывает: к черту, мне очень трудно, хватит, падаем. Воля давит бессознательный голос вестибуляра, а привычка сильно уменьшает неопределенность, и через энное время лыжник будет в порядке.

Сходно и в жизни. Чтобы ехать, надо уметь заставить себя преодолеть трепет неопределенности – и тогда она перестанет быть неопределенностью, и даже наступит кайф езды: ты ведь сам хотел кататься. А можно безопасно свалиться на бок – и тем самым сразу разрешить ситуацию.

Консервативный инстинкт самосохранения велит избегать ситуаций, чреватых неопределенностью: живи тем, что уже есть сейчас, чтоб было спокойно и надежно. А стремление к максимальным ощущениям и максимальным действиям – велит действовать. И в результате человек, совершающий черт-те что в жизни, знаком и со страхом, и с тоской, – а все равно прет вперед и действует.

Но вот этот инстинкт самосохранения велит кратчайшим и прямейшим путем избегать неопределенных ситуаций: валиться на бок. Этот голос может быть неслышим – но он никуда не девается, знай себе зудит свое. Это вроде ультразвукового свистка для собаки: людям не слышно, а собака команды выполняет. Вот так и сознание всегда прислушивается к голосу «трусливого» инстинкта, велящего сидеть тихо в своей норе и не высовываться.

И человек вдруг начинает устраивать сам себе обломы – которых потом сам же себе не может объяснить. Он неожиданно хамит начальству, или под моральным предлогом отказывается от выгодного предложения, – и ломает себе карьеру. Он ищет поводов к ссоре с любимой

девушкой. Или – вообще труднообъяснимо! – впадает в странную прострацию и с какой-то отчужденной горечью следит, как течение времени без всяких действий с его стороны складывает ситуацию так, что он уже избавлен от необходимости принимать ответственные решения и совершать решительные шаги: все рушится само собой.

Стремление к поражению как стремление к такой ситуации, в которой можно «отдохнуть», не напрягаться, продолжать жить на невысоком, но спокойном, известном, лишенном неопределенности и тем самым гарантированном от неожиданных опасностей и трудностей уровне. Стремление к покою кратчайшим и легчайшим путем. Стремление к предельному равновесию с окружающим миром.

Стремление к поражению как консерватизм инстинкта самосохранения: ничего не менять! пусть все будет как есть!

При этом крайнее выражение стремления к поражению – это стремление к самоубийству (см. «Самоубийство»): устроить ситуацию так, чтоб уже вовсе ничего не нужно было опасаться, вовсе ни для чего напрягаться не надо, равновесие с окружающей средой предельное. Снимаем энергетический излишек живого существа, и продолжаем без малейшего напряжения продолжать существование в форме простого круговорота веществ в природе. Наконец-то полный покой и полная безопасность.

То есть. Любому человеку свойствен здоровый и охранительный консерватизм, который предостерегает его от всевозможных авантур с сомнительным исходом, от опасных и трудных ситуаций, который велит сидеть тихо, не высовываться, не рисковать и беречь все силы. Предохранительная система.

И вот эта предохранительная система вмешивается во все наши действия – с разной степенью успеха и эффективности. Вмешивается «снизу», с уровня инстинкта, через подсознание. Она командует: «Сократись! Делай меньше! Осади назад! Не нужно тебе этого!»

И человек начинает конструировать себе поражение, не осознавая, что это его собственные, добровольные и самостоятельные, шаги – рушат цель, которую он сам себе поставил.

Таков основной аспект. Избежать огромности неопределенной возможности грядущего поражения тем, что сразу, быстро и самому устроить себе конкретное поражение – и тем покончить с мучительной ситуацией ожидания и готовности черт-те к чему.

Есть еще аспекты. Вот человек вдевается в какое-то большое предприятие. И все поначалу идет хорошо, даже – отлично! Пахнет верхом успеха, о котором он только мечтал! И тут интуиция говорит ему: «Не верю. Это слишком. Вряд ли. Да нет, не будет этого». Интуиция говорит ему: «Ты не потянешь. Это не твой уровень успеха. Сам чувствуешь, верно?»

Слушайте – все есть, все слагаемые успеха: и личные данные, и стечение обстоятельств, и качество делаемого им дела. Но. Пройдет время, и человек убедится: да, в том же месте успеха достигли люди менее способные и подходящие, и не в лучших условиях. Что было? Это можно назвать заниженной самооценкой, можно – неадекватной оценкой ситуации, можно – неуверенностью в себе и своих силах. Единственное, чего бедолаге не хватало – умения дожимать ситуацию, верить в себя, переть вперед безрассудно, тем более что все складывалось в его пользу.

Но. Он вдруг начинает совершать неадекватные, необъяснимые поступки. Он начинает выдвигать какие-то странные, глупые, неожиданные условия. Он вдруг по «необъяснимому внутреннему импульсу» нарушает сроки. Медлит, когда надо срочно действовать. По странной робости перепускает кого-то вперед себя, объясняя себе это своей моральностью. А фактически – он ищет поводов к поражению.

Зачем ему поражение? Для спокойствия. Какого спокойствия, он же потом всю жизнь будет страдать? Будет. Что с того. Он полагал, что все равно «не потянет уровень победы» – не выдержит, сверзится с вершины, слишком трудно это для него.

Он боялся своей победы. Хотел, мечтал, стремился – но это пахло таким количеством постоянных трудностей и беспокойств, что он предпочел свалиться на бок и прекратить головокружительную езду. Его нервная система потребовала равновесия с окружающей средой на более низком уровне.

И еще один аспект. Стремление к страданию. Многие люди стремятся к поражению – вроде как чем-то на всю жизнь огорченный человек (а кто ж ничем не огорчен?..) в воображении присутствует на собственных похоронах: он уже умер, теперь все хорошо и спокойно, процессия, венки, его все любят, ну – сожалеют хотя бы, понимают ценность его достоинств: такой отрадней и в горечи сладкий трагизм. С высот жизни и здоровья приятно щекочет нервы и бередит чувства такая картина.

Вот так и с высот еще возможной и даже наклеывающейся удачи отратно – горько! сладко! остро! отратно! – вообразить себе всю глубину своего поражения: зато все в жизни познал, много перестрадал и перечувствовал, что-то в этом очень значительное и манкое ощущается. В мыслях и чувствах уже всего достиг и все потерял, всем наслаждался и от всего перестрадал: огромную и богатую жизнь прожил... хорошо.

И бес толкает под ребро: давай! давай! сделай, чтоб так оно и было! И делает. Оно и спокойно, и надежно, и отратно, и богато для мыслей и чувств.

Если мы посмотрим на тех, кто долез в жизни до самых вершин, то без труда убедимся, что за редчайшими исключениями не отличаются сверхудачники и сверхпобедители ничем незаурядным, кроме огромного самомнения, нерассуждающей уверенности в своих возможностях, неотклонимой последовательности в спокойных шагах к цели. Да, неглупы, работоспособны, упорны, но таких немало. Победителей же отличает то, что они абсолютно не хотят поражений. Они делают для победы все, для поражения – ничего.

Пока не дойдут до вершины – они раздражают людей своей наглостью, безапелляционностью, самоуверенностью, отсутствием сомнений в правильности своих суждений и действий. Ясное дело, таких людей меньшинство. Это та цельность, которая граничит с тупостью чувств.

И – и – вспомните теперь о Цезаре и Наполеоне. Добравшись до самого верха и полностью реализовав свои притязания, они впадают (синдром достигнутой цели) в некоторую растерянность: а что теперь? Где великая цель, к чему прилагать все силы? Это не машины для жизни на вершине – это машины для достижения вершины. А поскольку с вершины все тропы ведут вниз – они начинают стремиться к поражению: ибо только в поражении могут обрести то максимальное действие, которое требуется их мощным натурам. В победе они уже обрели все возможное и мыслимое.

Избранники богов умирают рано – да, но по своей собственной воле, даже если не сознают ее.

Резюме хочется вынести, хотя уже и так все понятно. Стремление к поражению – это стремление свалиться набок, чтоб не тлеть со всей скорости и избавить себя от мучительного и рискованного труда лететь по круче; а лететь все-таки хочется, натура требует самореализации и самоутверждения.

Самоубийство

Вот они – толпы «вернувших билет»; похороненных у дорог и за оградами освященных кладбищ; молодых и старых, женщин и мужчин, богатых и бедных, умных и глупых, здоровых и больных, красивых и уродливых; одни не добились в жизни ничего, другие – всего, кроме счастья; зачем торопились они в вечность небытия, которая все равно никого не минует?..

Среди множества классификаций людей по разным признакам возможно и такое разделение: на тех, кому самоубийство в принципе понятно, они не раз задумывались, – и тех, кто всегда пытается узнать конкретную причину чьего-то ухода: «так почему все-таки он (богатый, знаменитый) застрелился?». Как будто повод для сильного недовольства жизнью все объясняет (или таки действительно объясняет?..).

Мы говорим: человеку потребны ощущения и действия, через то и проявляется инстинкт жизни, то и есть жизнь. Не опрокидывает ли самоубийство всю нашу систему? – вот, пожалуйста, по своей доброй воле человек отказывается чувствовать, действовать, быть.

Не новая и основательная наука суицидология рассматривает самоубийство как психическую патологию. Спасибо за лэйбл. А что такое патология? А это какие-то признаки, явления, процессы вышли за свои «нормальные» размеры, их интенсивность стала слишком мала (или велика), и все здание психики перекошилось: там сильно, сям слабо, этого много, этого мало, – динамическое равновесие чувств нарушено, и вся постройка, произрастающая и базирующаяся на инстинкте жизни, заваливается и погребает под собой этот самый инстинкт.

Но эти общие слова нормальному человеку ничего не объясняют. Ему понять требуется: фиг ли не жить, если живется, да еще неплохо? Ерундить-то с чего, это ведь не шуточки – себя убить.

1. Мотивы. Их можно разделить на рациональные и нерациональные.

Человек смертельно болен и не хочет умирать беспомощным и в муках, вдобавок доставляя долгие страдания близким. Мотив понятен и логичен. (Хотя обычно человек мучится до конца, цепляясь за жизнь до последней минуты, выжимая из своего индивидуального бытия максимум.)

Или кончает с собой, чтоб покончить с непереносимыми пытками. Тоже понятно. Нет уже ни сил, ни смысла такие муки переносить. Тут смерть воспринимается как благо.

Или кончает с собой, чтоб не попасть в плен. Ненависть и презрение к врагу, победа или смерть, честь и долг велят. Понимаем.

Смертью человек может добиваться конкретной цели, если ее уже никак не добиться иначе: уйти от мук или, скажем, от позора, который ему непереносим. Все поймут, и даже могут одобрить и уважать за это, объективно глядя на вещи.

А вот субъективная рациональность мотива: девушка вешается из-за несчастной любви, да еще оставив записку с указанием, кого следует винить в ее смерти. Ход рассуждений прост и логичен: страдания мои сильны и труднопереносимы, жизнь не в радость, а сплошная мука, надежды на взаимность нет, – но вот когда он узнает, он оценит меня лучше, поймет, жалко ему станет, раскается, помнить всю жизнь будет, пожалуй что и полюбит даже хоть как-то в душе, да поздно будет. На деле-то ему, может, и плевать на нее будет, но в ее воображении дело обстоит так. Просто сместились ценности: взаимно любить, добиться его любви – важнее, чем жить, ага.

Поэтому самоубийство из-за несчастной любви всегда людям было тоже понятно. Обычное дело. Не смог без нее жить, страдал страшно, покончил. И это даже внушает уважение к силе чувства.

Заметьте, здесь генеральный мотив тот же: уход от страданий. Но всегда некоторые скажут: дур-рак, из-за какой-то юбки!.. Если, значит, враги пытаются – здесь страдания объективно

непереносимы, ничего не поделать, наркоза тебе палач не дает. А если, значит, из-за любви – ну, можно перетерпеть, перебороть, пережить – и жить дальше: живут же люди, ничего; твои страдания со стороны, объективно, рассматриваются как переносимые – хотя когда ты лезешь в петлю, ты их уже не переносишь субъективно.

В суициде есть множество субъективно рациональных мотивов – которые объективно могут выглядеть ерундой. Большинство их сводится к одному: недостижение уровня притязаний, облом цели, неудовлетворение желания.

Разорился. Не получил премию. Потерпел неудачу в главном деле всей жизни. И так далее.

И если желание было огромное, то облом доставляет огромное страдание, и оно уже не «уравновешивается» силами и надеждой: где мой черный пистолет? и – он лежал к дверям ногами. Уход от страдания.

Субъективно это понятно, но объективно – может раздражать. Жить же можно!!

Что это лишний раз подтверждает? Что жизнь человека не замыкается на индивидуальное бытие, но – у человека могут быть желания делать что-то более сильные, чем желание жить. Человек как бы сам себя превращает в инструмент для чего-то, и это «что-то» становится целью и смыслом его жизни: скорее умрет, чем от своего откажется.

Положительное ощущение от деланья дела, от стремления к нему было столь сильным, что отрицательное ощущение от невозможности этого дела оказывается сильнее инстинкта жизни.

Как так?! Бред! А жить-то, жить?! А очень просто:

– инстинкт жизни в человеке сильнее, чем потребно для простого выживания. И он требует ощущать и действовать не на столько, сколько потребно для выживания – везде, всегда, любой ценой! – но больше: ощущать настолько сильно, действовать настолько активно, чтобы, через ощущения свои и реализацию желаний, употреблять в дело все силы без остатка, делать дело даже ценой жизни, а иначе и жить тебе незачем.

Жизненная энергия в человеке, превосходя животную меру, готова отрицать саму биологическую жизнь человека – лишь бы он энергопреобразовывал как можно больше.

Не для того человек живет, чтобы жить, а для того, чтобы действовать, дела делать, мир преобразовывать – кладя на это свою жизнь.

Еще раз. Любое субъективно мотивированное самоубийство – это уход от отрицательных ощущений, вызванных отрицательным внешним фактором. Сам фактор условен и возможности жизни не противоречит, совместим с ней. Значение фактору придает сам человек. Избыток энергии делает человека самосожженцем. Избыток энергии говорит: черт с ним, с тобой, с твоим телом и сознанием, ты мне дело сделай! Не сделал?.. так и жить уже незачем.

Количественное нарастание энергии в биологическом организме переходит в качественное и в некоторых условиях начинает отрицать себя, перейдя меру.

Но для понятности – о немотивированных самоубийствах и их причинах.

2. Массовые самоубийства тундровых леммингов в годы пиков размножения – факт давно и широко известный, однако до сих пор не получивший у биологов внятного объяснения. Сплошной ковер этих мелких грызунов прет в каком-то направлении, пока не доходит до реки, где они все и тонут дружным хором. Совсем с ума сошли, что ли?..

Объяснение первое: инстинкт им говорит, что всем на имеющейся территории не прокормиться, надо мигрировать на новые земли, ну а река – просто препятствие, которое они очень хотят преодолеть, но не могут, силенок и соображения не хватает.

Объяснение второе: инстинкт им говорит, что всем на имеющейся территории не прокормиться, и столь же мудрая, сколь беспощадная, природа-мать топит их, как лишних в хозяйстве щенков.

Возражение на первое и второе: грызуны воду терпеть не могут, боятся, избегают, плавают плоховато и только в самых крайних случаях, так что покуда в зоне досягаемости есть корм, инстинкт самосохранения должен их в реку не пущать. А прокормиться самоубийцам покуда всегда есть еще чем.

На этом мысли у науки по данному поводу кончаются, и начинается «тайна природы».

Сводится эта нехитрая «тайна» вот к чему. Взаимозависимость всей биосферы и зависимость ее от солнечной активности (и других менее известных и более спорных факторов) сегодня понятна. Что значит, что раз в сколько-то лет (семь-десять в среднем) у леммингов наблюдается «ни с того ни с сего» демографический взрыв? Что повышена энергетика популяции и каждой отдельной особи. Это шутка старая – когда ожидается много корма, самки зачинают и рожают больше детенышей. «Ка-ак природа предвидит?!» Она не предвидит. То же самое повышение энергетики биосферы (пик-скачок), которое дает/сказывает себя, реализует себя, обеспечивает увеличение корма – дает увеличение энергетики всего живого, в комплексе, не изолированно друг от друга. Травы, антилоп и тигров рождается в плодоносный год больше по одной и той же причине, а не одно вследствие другого. Причинная связь здесь параллельная, а не цепная.

Плодовитые лемминги в сумме популяции получают больше энергии, чем им необходимо для жизни. А делать им с этой энергией нечего, даже сытые песцы, волки и совы их больше не едят, не лезет.

Инстинктивная попытка миграции куда ни попадя – верно. Стихийное самоограничение популяции – верно. Это имеет место. Хотя: инстинкт жизни может гнать в реку, но не может гнать в океан! а это тоже случается – в море топят толпами! и кроме того, тундра могла бы прокормить больше леммингов, чем кормит, – ан «они не хотят».

Мы имеем регулярные массовые самоубийства, которые не являются строго необходимыми, в том и «загадка».

Принципиальная разгадка в том, что избыток инстинкта жизни (который иными словами есть избыток энергии живой массы) переходит свою меру и ведет к самоубийству. Каковое самоубийство есть с одной стороны противоположность инстинкта жизни через его «продолжение сверх/через меру». А с другой – максимальное действие (отрицательное)! А какое еще действие может совершить миллион леммингов – город построить? Утопиться может – вот они были, и нету! Вот вам изменение мира.

Стоп-стоп-стоп. Какое ж это максимальное? Они же могут размножиться и покрыть всю Землю!

Да? Так они это и стараются. Потому что валя толпой через тундру, они еще при этом беспрерывно и бешено совокупаются. То-то ученые и ломают головы: что ж это они трахаются и топят одновременно-то, что ж это за конец света такой по-лемминговски?..

Избыток энергии сказывается в производстве чисто механической работы: масса перемещается на расстояние, в чем нет необходимости с точки зрения выживания. Избыток энергии сказывается и в отчаянной сексуальной деятельности. И этот самый – этот самый!!! – избыток энергии сказывается в массовом самоубийстве. Ну не потянуть этим грызунам с их небольшим ресурсом нервнoэнергетической мощности такого заряда. Требуется заряд реализации, действий требует.

Так избыток энергии разрушает двигатель – ну не тянет он таких оборотов.

(Господа. Я никого не в силах заставить или научить понимать. Понимание определяется исключительно качеством думанья, а этому нужно и можно учиться с детства, сейчас уже поздно, разве что взяться всерьез, но это сильно отвлекает от практических сторон жизни. Поэтому кто не понимает истинность диалектики – плюньте: можете знать, помнить, верить. Большинство даже так называемых ученых знают, помнят и верят без понимания. Оно весьма трудоемко и не всем по мозгам.)

Избыток жизненной энергии ведет к самоубийству. Через свое естественное продолжение – к своей естественной диалектической противоположности.

3. Есть прелюбопытная аналогия с совокупляющимся и самотопящимся леммингом. Это эрекция висельника.

Механизм-то можно свести к механическому воздействию на проводящие нервные пути, да принципиальная суть-то от этого не меняется. Максимальное отрицательное действие – насильственное умирание – сопровождается максимальным положительным: инстинктивной попыткой отправления репродуктивной функции.

Здесь возможна натяжка. Есть ведь разные способы умерщвления, и ничего подобного при них не происходит. Кровопотеря, шок, рауш, и никакой эрекции. Если кто тонет в теплой воде в вертикальном положении – про эрекцию также ничего не известно. Равно как насчет признаков полового возбуждения у повешенных-женщин. Все-таки мы относимся друг к другу не вовсе как к подопытным кроликам.

Конечно: начальное возбуждение сердечной деятельности, повышение кровяного давления и выброс адреналина при одновременном перекрытии путей питания головного мозга: вот кровь и бросается куда может, а все сфинктеры расслабляются, потому что перестают поступать из мозга команды на напряжение их мышц, так что извержения семяизвержением не ограничиваются.

И однако факт примечательный, не стоящий обходить вниманием.

4. Среди кого больше всего самоубийц? Мужчины 25–40 лет. Самая рабочая половозрастная группа. Максимум действий производится именно в этом возрасте. Не хилые страдающие старики, отнюдь не.

А среди кого больше всего попыток к самоубийству? Женщины 16–30 лет. Но их попытки гораздо реже завершаются.

И что из этого следует? Умная и скорбная наука суицидологии принципиального анализа этому факту не дает. Но сильно думает о частностях; что тоже невредно.

А следует из этого нехитрое вот что.

Максимум дел жизни мужчины приходится на этот самый возраст. Максимум передела мира, максимум реального энергопреобразования. Здесь и плато «максимального энергопреобразования» собственной жизни, увы...

Максимум дел жизни женщины приходится на тот же – соответствующий плато суицидных попыток – период: создание семьи, рождение детей, завершение главного – по простой природе – периода жизни.

В силу своей меньшей жизненной активности, меньшей энергии вообще – женщина, во-первых, чаще склонна решать неразрешимый конфликт образом субъективным, внутренним, отрицательным, – уход от страданий через уход из жизни. Решать конфликт между ощущениями на уровне разборки с ощущениями без передела внешнего мира. Ее арсенал средств воздействий на мир меньше, слабее, чем у мужчины, и в этом арсенале такое средство переделки системы «я – мир», как самоубийство, занимает большее место, имеет больший удельный вес, вот она чаще к нему и обращается.

А во-вторых, та же меньшесть энергии по сравнению с мужчиной, которая чаще заставляет ее искать разрешения конфликта через самоубийство – реже позволяет довести намерение до конца.

Понятно ли? Более частое обращение как к средству субъективного решения при невозможности объективного решения – от слабости. (Как-никак в плане взаимодействий с миром, самоубийство – оружие слабости.) И от слабости же – более частая невозможность это самоубийство совершить.

Более энергичный мужчина чаще идет на экстравертное решение проблемы – но уж идя на суицид, гораздо чаще доводит его до конца.

Вот такая антиномия. Нет противоречий. Из этого же никак не следует, что мужчина в 16–30 лет думает о самоубийстве в среднем реже женщины, верно. Просто он чаще норовит решить вопрос путем передела внешних факторов, чем женщина.

5. А в какое время совершается больше всего самоубийств? О, это хорошо знает «скорая помощь». Хотя тоже не всегда...

Весной. В полнолуние. Вечером.

Весна – это период гормональной перестройки организма. Энергия подпрыгивает. А уровень ее за зиму понизился. Подпрыг во многом осуществляется за счет внутренних ресурсов. Сил меньше – а активность организма больше. Психика активизируется внешней средой – и ей потребны более сильные ощущения и действия.

Время любви и время самоубийства – одно время: повышенной возбужденности.

Полнолуние весной – это влюбленные, это мечты, а еще – это рецидивы и обострения психических заболеваний, беспокойство и возбуждение психов. Время приливов и особенно страстного волчьего воя на луну.

Возбуждение можно снять (понизить) медикаментозно. Можно снять излишек энергии тяжелой работой. И тогда самоубийства не будет. Потому что в основе его лежат избыточные ощущения – а что с ними делать, человек не знает. Избыток энергии никак не может найти точку приложения – а делать что-то потребно.

Опять же можно сказать: максимальное ощущение требует максимального действия. Но никакого адекватного действия вне себя человек не находит. И идет на максимальное субъективное действие, предельно изменяя систему «я – мир» путем вообще устранения себя.

6. В каких условиях человек чаще всего склонен покончить с собой? Когда его нервная энергия рассредоточена, «распылена», когда нет никакой постоянной нужды направлять ее на выживание.

В концлагерях, свидетельствуют очевидцы, в тяжелейших условиях выживания на грани смерти – самоубийства были крайне редки. Хотя и мук, и безнадежности хватало выше головы. Корка хлеба, час отдыха, теплая рубашка становились огромными ценностями. Все силы и помыслы замордованного донельзя человека сосредоточивались на выживании, весь инстинкт жизни, задавленный тяжелейшими условиями, обострялся и заставлял человека использовать любую возможность для выживания. Мерли толпами, энергии для жизни не хватало. Какие излишки!.. Любую крошку топлива – в топку жизни, образно выражаясь.

Опять же – противодействие действию. Жизнь решила меня уконтропупить – не дамся, не стану, цель огромна, трудна, желанна – выжить. Умереть здесь – проще простого: лег – и помер, можно даже и не делать ничего; не говоря о карцере, конвоире, который рад при случае пристрелить за любое нарушение, тяжелой работе, которая убьет в пару месяцев, если не исхитришься как-то устроиться полегче. Выжить – цель, смысл; предельная самореализация, предельное самоутверждение.

Тот случай, когда жить труднее, чем умереть. Смерть и так всегда рядом; и уж если пришла неминуемая – встречали с покорностью и даже равнодушием: а что поделаешь... и нет уже никакого ресурса сил, чтоб дергаться, сопротивляться и даже переживать особенно. Все-таки она победила, значит... а все силы в борьбе с ней уже исчерпаны.

Всем своим существом и каждым усилием борясь со смертью – чего ж это вдруг кончать с собой, своей рукою ей помогать, на то немало чужих рук есть.

Концлагерник поставлен в условия, когда борьба за выживание берет все его силы без остатка, еще и не хватает. Цель ясная, огромная.

Излишка нереализуемой энергии, потребного для самоубийства, у концлагерника нет. Вся энергия концентрируется в дело выживания.

Так. А если исполнить его «малую мечту» – теплая камера, сытная еда, вольный распорядок в этой одиночной камере, безделье? А вот тогда кое-кто может и повеситься, что в тюрьмах всегда регулярно и происходило.

Нет, вы понимаете? Тот, кто изо всех сил выживал на ледяной Колыме – может повеситься в камере, где выживание гарантировано! Вот тут уже чувства и мысли нахлынут: зачем жить, все ужасно, все равно не выйдешь... безнадежность, тоска, депрессия, петля.

У него высвободился излишек энергии, а приспособить его не к чему, нет для этого условий: ни бежать, ни работать, заживо похоронен. И теперь этот излишек энергии раскачивает его психику, «из головы» возбуждаются сильнейшие «субъективные» (физическими муками не вызванные) отрицательные ощущения, достигают критической массы – и он идет на максимальный шаг: уничтожить себя и весь мир в себе.

А теперь вспомним благополучную Швецию с ее высоким уровнем самоубийств. Чего не хватает?! Жестокого диктата насчет необходимости приложения всей энергии к чему-либо. Можно чего делать, можно ничего не делать и тоже жить нормально. Тоска и бессмысленность. Жизнь перестает быть драгоценностью – а хрен ли с ней особенно делать.

Чуете? Процент самоубийств в процветающем обществе – выше, чем в зверском концлагере.

Ибо ощущения томят, энергии излишек, свобода действий – и ничего строго обязательного. И инстинкт жизни, который концлагерника заставляет выживать – благополучного человека толкает: чувствуй больше и круче, делай что-то, делай, ну, ну!!! Боже, а что делать, зачем жить...

Та же сила, которая позволяет выжить в тяжелейших, невозможных условиях – в легких и свободных от обязательности условиях может принять форму толчка к смерти.

7. И ведь иногда удивительную изобретательность, удивительное мужество являют самоубийцы! Способы ухода из жизни очень многочисленны и порой крайне болезненны. Снотворное или морфий – это уход по-царски, комфортное засыпание. Вены резать, даже в теплой ванне – все-таки менее приятно. Курок спускать – это смерть мгновенная, а из окна выбрасываться? А эссенцию пить, сжигая горло и пищевод? А в петле плясать, задыхаясь? А нож в себя воткнуть?

Но уж когда человек твердо хочет уйти – он над собой такое делает, чего человек в нормальном состоянии и представить не может. Под поезд и под автобус, головой об стенку и косой по шее, в омут и за борт, на высоковольтные провода и к выхлопной трубе автомобиля в запертом гараже.

Это краткое и излишнее перечисление – только для пушей понятности: что самоубийство – это действительно максимальное субъективное действие человека, и ощущения, которые заставляют его делать это – действительно максимальные ощущения, сильнее боли, ужаса, отвращения и страха смерти.

8. И вот теперь легче понять «немотивированное самоубийство». Что означает – понять механизм возникновения «безмотивного» желания покончить с собой.

У художников, кстати, процент самоубийств выше среднего по населению. Чего? Понятно. Нервная система активнее и подвижнее, все эти поэты и музыканты чувствуют остро, возбуждаются легко и сильно, их способность к ощущениям и потребность в них выше, чем у среднего гражданина.

Немотивированное самоубийство сродни поискам смысла жизни (см.).

Вот у человека все есть. Здоровье, ум, сила, деньги, внешность. И даже талант и слава. Маяковский. Мерлин Монро. Генеральная цель достигнута, генеральное желание удовлетворено.

Но сила ощущений осталась. Но желание «чего-то» осталось. Тот самый избыток энергии, который возвел к успеху, требует: действуй, свершай, преодолевай, ощущай! А – куда, чего, как?

Наступает опустошенность. Разочарованность жизнью вообще. Гнетет бессмысленность бытия.

Собственные силы и собственный интеллект играют с человеком дурную шутку – с человеком, который добивался счастья экстенсивным методом, через внешние действия. «Я все могу!» – говорят силы. «А на кой черт?..» – возражает интеллект.

Добившийся успеха человек возвращается в первоначальное состояние – ощущения требуют действий, желание томит – но исчезла точка внешней прицепки: она уже достигнута, ан изменения внутреннего состояния, т. е. того самого счастья, оказывается, не произошло. Ты тот же самый, что и был, и мир вокруг тебя точно тот же самый, изменился только антураж, но он, оказывается, никакого такого особого значения не имеет. Интеллект анализирует нажитый опыт и услужливо сообщает, что понятия не имеет, как сделать тебя счастливым.

А еще интеллект сообщает, что мир несправедлив, сволочизм торжествует, человечество смертно и по большому счету любые действия не имеют никакого смысла. Посредством такой интеллектуальной самоуслуги человек впадает в страдание. Этим «через-интеллектуальным» страданием природа подталкивает его к действиям: неприятно страдать, неохота – так избавляйся, надо что-то делать. А вот что делать – он не знает! бессмысленно же все!

Творческих людей острее, чем прочих, томит этот милый комплекс. У них психоэнергетика выше. Можно пить, колотиться, играть, распутничать, метаться по миру, – творческие люди это делают больше средних людей. А можно работать. Втягиваешься в дело, увлекаешься, и пока работаешь – оно и легче, не думаешь о бессмысленном гадстве мира.

«Творческие» и «духовные» «кризисы» художников – это именно такие вот состояния. (Достигнув в тридцать лет успеха и славы, всю жизнь страдал этим комплексом Хемингуэй – человек сильный, глубокий и не шибко интеллектуальный. Не понимал, почему мучится. Пока мог работать – спасался работой. Стал стар и болен – покончил с собой. Отвлечься работой уже невозможно, а ради чего что-то делать в жизни – непонятно.)

То есть:

– Если человеку вовсе не из-за чего страдать. То страдание приходит через интеллект. И принимает абстрактную форму недовольства устройством мира. Избавиться от этого страдания внешним действием невозможно – мир в принципе неперedefьваем, говорит интеллект. Остается только субъективное, внутреннее действие – убрать себя, только так избавишься от такого рода страдания.

Страдание ослабляется алкоголем или наркотой. Это помогает в «несмертельных», не очень сильных случаях. Или временно помогает, а потом человек все равно кончает с собой. Или наркомания есть сравнительно осознанная форма постепенного самоубийства.

9. Тот самый разум (мы употребляли сейчас слово «интеллект» в этом смысле), энергия второго рода, посредством которой человек и перелопачивает мир с такой страшной интенсивностью, играет подчас с человеком, повторяем, скверную шутку. Он доставляет человеку страдание (см. «Страдание»), дабы побудить его к действию – и он же сообщает, что действие не поможет. А сознание того, что действие не поможет – сознанием воспринимается как причина страдания.

Вот где закавыка! Причина страдания на самом деле не в том, что мир плох – а в том, что природа заставляет тебя его переделывать, кнутом страдания подстегивает к действию. Страдание такое – безмотивно. Оно означает: Боже, я хочу жить в полную силу, интересно и напряженно – или, иными словами: хочу ощущать, хочу действовать! но не к чему же силы приложить, ничего конкретного неохота, все необязательно, бессмысленно... пусто мне, тоска меня томит и давит!..

Интенсивный способ ухода – алкоголь, наркотики.

Экстенсивный способ ухода – авантюры, драки и сражения, приключения (на свою ж...) и путешествия.

Но еще – оформленный в разум избыток энергии отчаянно ищет себе применения: и принимает все это вид усиленного думанья, анализа, постижения мира. Это стимулирует познание мира. Энергия хотения обретает вид энергии познания. «Как же устроен мир, если мне в нем плохо неизвестно почему? Как он устроен, как? что мне в нем делать?»

Чем интеллектуальнее и образованнее человек, тем большим объемом информации он оперирует в своих безвыходных размышлениях, тем глубже мир ему открывается – куда глубже, чем незатейливому пахарю. Но суть одна и итог один: все хреново и бессмысленно. Он и полагает обычно: ему хреново, потому что все бессмысленно, и он понимает тщету и бессмысленность любых действий. А на самом деле все обстоит как раз наоборот: все представляется ему бессмысленным, потому что ему хреново. А хреново ему потому, что железной рукой жестокой жизненной необходимости он не пристегнут ни к какому обязательному делу. Его излишек энергии киснет, пропадает, бунтует, перегорает – а разум пытается найти этому объяснение. А раз в частности все неплохо – то разум объясняет это состояние причиной глобальной, всеобщей: а нет в жизни смысла и счастья. Кому-то есть, может, им почему-то в охотку и интерес что-то делать, так они глуповаты, не понимают общей бессмысленности... а может, секрет какой-то знают? мне бы его узнать!..

10. Что делает экстраверт? Орет, рыдает, дерется, пьет.

Что делает интраверт? Думает, вздыхает, ворошит мысли и бережит чувства.

Может ли экстраверт (по преимуществу, чистых односторонних типов не бывает) впасть в интравертное состояние? Запросто, что регулярно и происходит. Синдром достигнутой цели. А теперь чего делать?.. Мучится без толку.

Безмотивное самоубийство всегда происходит в интравертном состоянии. Чувства чего-то требуют, а с действиями напряженка: неохота.

Это состояние понимаетеля. Ощущения возбуждают мысли, а выхода во внешние действия не происходит.

Безмотивное самоубийство есть акт неудовлетворенности устройством мира.

Безмотивное самоубийство есть акт «зашкаливания» познания, которое со всей силой стремится к некоему идеальному познанию мира, высшему, конечному, абсолютному, – чего, конечно, не может произойти в реальности, ибо никакой конечный идеал познания не существует; но вообще на пути этого стремления человек ведь действительно познает черт знает что и много до чего додумывается.

Безмотивное самоубийство есть акт ухода от мук познания – которые могут быть куда как сильны, если все ощущения (ну, не все, так очень много) суммируются в возбуждение мыслительного процесса. Мышление на какой-то период становится главным делом. А поскольку познание мира неисчерпаемо и бесконечно – то невозможность достичь того самого предела, при напряжении всех-то сил, доставляет муки немалые.

Безмотивное самоубийство есть акт капитуляции перед невозможностью перевести свои ощущения в адекватные действия. Взрыв парового котла при неотводе пара в машину и недостаточности предохранительно-спускных клапанов.

Безмотивное самоубийство есть акт невозможности перевести свои ощущения в осознанное желание конкретной цели.

То есть. Избыток энергетике ведет к прямому саморазрушению.

Скорпион жалит себя в голову. Он храбр, агрессивен, энергичен, а выбраться из банки невозможно: так делай что можешь.

11. Безмотивное самоубийство совершается в состоянии депрессии. А депрессия – это и есть состояние чувственной и интеллектуальной безвыходности: мне плохо, и все, что я знаю,

говорит, что лучше не будет. Нежелательные ощущения и невозможность избежать их через изменение ситуации.

12. Но стоик живет там, где депрессант вешается. Стоику тоже плохо и безвыходно, но он – мужествен, да?

Всем бывает плохо, но почему одни вешаются, а другие – нет?

Это все равно что спросить: а почему не все люди такие, как я? А потому что разные. Разные нервные системы. Разный энергетический уровень. Разная степень трансформации энергии в мышление и в реальные действия.

«Я бы на его месте не застрелился» означает: я не такой, как он. Еще бы, кто ж спорит. Но еще это означает: «Я его не понимаю». А потому что по себе все меришь. Человек редко способен влезть в чужую шкуру.

13. В состоянии кризиса, т. е. когда ощущения не переходят в конкретные желания, любой внешний фактор может стать роковым, превращаясь в субъективный мотив к самоубийству. Хотя в уравновешенном и активном состоянии на это было бы наплевать. Самоубийства из-за разного рода неудач, деловых или личных, чаще всего совершаются именно в таком состоянии. Видимая причина на самом деле была лишь поводом, толчком.

14. Многие очень энергичные и деятельные люди подвержены периодическим приступам депрессии. Что есть реакция на сверх-деятельность. Сильные положительные ощущения регулярно переходят в свою противоположность – сильные отрицательные (см. «Все о жизни», Ч. I, гл. 2, п. 5 «Полнота жизни»). Безмотивные самоубийства многих великих людей – это максимальный шаг в области отрицательных ощущений, которые также требуются их нервной системе.

15. Если подкачать депрессанта энергией – через химию, через экстрасенса, – он ведь с известной вероятностью уже не станет с собой кончать? Как же так: энергии больше, а поступок – меньше?

Э. Тот, кто годами лежит на диване, не в силах умыться, и тихо плачет – через самоубийство уходит от безмотивного страдания. Поддав ему энергетики – мы меняем ситуацию: он уже меньше страдает, потому что начинает что-то делать: мы сдвигаем психическую доминанту в сторону простых действий, и доминирующий очаг возбуждения коры подчиняет себе и подавляет соседний. Человек уже способен не только на интенсивное действие, но и на экстенсивное. Он уже может преобразовывать мир не только субъективно, но и объективно.

Поддать человеку энергии – означает: а) у него есть силы разрешить ситуацию через действия или хоть стремление и надежду, желание этих действий; б) ему делается плевать на эту ситуацию, т. е. он разрешает ее субъективно – а и так появляется желание что-то делать.

Самоубийство же есть разрешение ситуации, которая мучит и нет сил разрешить ее иначе.

А вот другой ход: загоните депрессанта в лес и оставьте одного; ну, дайте нож и спички. Взбодрится! зашевелится! выживать начнет, плакать бросит. Что он обрел? точку приложения для концентрации сил. Нашел, наконец, что делать. Энергия инстинкта жизни пришла в динамическое равновесие с условиями жизни – что и требовалось.

16. «Слой состояния» безмотивных самоубийств – как бы горизонтальная полоса, ниже которой – все силы идут на решение задач, ощущаемых и понимаемых как необходимые, а выше которой – сил столько, что сам процесс жизни так или иначе идет в кайф, хоть и с трудностями, с мучениями, но и с радостями.

Опустят тебя обстоятельства ниже – семью кормить, за родину воевать, от наводнения спасаться – и пока нужда есть, о самоубийстве думать забудешь. Поднимешься выше – будь стимулом витамины, или счастливая любовь, или неизвестно какая неожиданная удача – и жить тоже можно становится, аж обмен веществ улучшается.

Почти все люди исправно живут в нижней половине, постоянно создавая себе искусственные нужды и стимулы. Напрягаются, стараются. Устают. И – достижение целей, излишнее благополучие – им бывает вредно и опасно. «Вдруг» понимается, что усилия необязательны, потребность в ощущениях теряет конкретную направленность желаний, и тяга к самоубийству ассоциируется с «душевной опустошенностью» и отсутствием смысла жизни.

А отчаянное жизнелюбие, позволяющее просто жить, плюя на все и даже вопреки мыслям о бессмысленности всего – от рождения дано далеко не всем. Преобладание витального момента над рациональным.

17. Еще раз. Субъективно мотивированное самоубийство означает: некие условные ценности могут быть важнее жизни; необязательное и излишнее объективно действие может быть важнее жизни.

А безмотивное самоубийство означает: возможности ощущать и действовать резко превышают уровень, необходимый для желаемых действий. Можно говорить об ослаблении мотивации к избыточным действиям. А поскольку избыточные действия и составляют суть жизни собственно человеческой, иногда это формулируют как ослабление воли к жизни.

Иногда это механизм усталости. Человек больше не тянет нагрузок – но отказываться от них не хочет! Он мечтает отдохнуть – но категорически не согласен стать веселым нищим, беззаботным бродягой, жить потихоньку, не перенапрягаясь. Это подобно смерти в бою, где командир-инстинкт-жизни ставит задачу на достижение цели любой ценой: умереть, но не отступить. (Обычный выход из состояния носит обычно форму: да черт с ним со всем, лучше жить хоть как-нибудь, чем стреляться... можно даже что-нибудь делать еще будет... и даже немало... собственно, меня никто под дулом не заставляет, могу в любой момент бросить все... ладно уж, поделаю еще немного... пока еще я могу тянуть дальше, ничего страшного, ведь бросить все к черту никогда не поздно, у меня есть этот выход... едем дальше.)

Ослабление мотивов к избыточным действиям может быть следствием усталости. Или достижения цели. Или недостаточности сопротивления среды: если человек полагает, что без особого труда все может, так не очень и охота, он не испытывает давления внешней среды, которая рефлекторно побуждает действовать в ответ, как бы сжимая его внутреннюю пружину-энергию.

Здесь дело в известном равновесии витального и интеллектуального начал: интеллект понимает условность и конечную бессмысленность любых действий, а витальность недостаточно сильна, чтоб заглушить голос интеллекта и заставить все равно действовать «просто так», из безусловной потребности.

Это равновесие может иметь место на более низком уровне – у людей вялых и не слишком умных, на более высоком – у энергичных и умных. Кончают с собой и те, и другие, дело только в равновесии.

Равновесие может быть нарушено как утяжелением условий жизни, которое мобилизует и концентрирует энергию и ставит конкретную задачу (к выживанию), чем приглушается голос интеллекта, – так и подкачкой энергии или ее стимуляцией, т. е. поддержкой витальности, которая начинает «нормальным образом» преобладать над интеллектом.

(Самоубийца)

Эта тема требует отдельного выделения в силу своей важности и показательности. Ибо свойственно самоубийство только человеку, и причины сего характерны.

1. Мы не рассматриваем самоубийство как избавление от мук, прекращение страданий, пыток, ужасной болезни. Здесь прекращение жизни – отдых, счастье, выход из положения.

2. Мы не рассматриваем самоубийство как результат депрессии. То есть депрессии как болезни, без всяких конкретных причин. И здоровье есть, и деньги, и внешность, и родные, и ум, – а тошно и жить не хочется. Это, бабка, химия. Эндорфинов не хватает или еще чего. Хороший психоневропатолог (какая редкость!) пропишет правильную схему (какая удача!) – и выздоровеет, зачирикает и заскачет.

3. Мы рассматриваем самоубийство как реакцию на какое-то происшествие, как результат каких-то событий. Несчастливая любовь. Или человек разорился. Или ему грозит позор вследствие раскрывшегося преступления. И вот здесь возникает вопрос:

Что он с этого имеет? Ведь это не решает никакой вопрос. Можно жениться на другой, или ждать, пока эта разочаруется в тупом муже и прибежит к тебе, или хитрыми маневрами добиваться ее любви, опутывать сетями. Можно объявить себя банкротом, и отсидеть срок в тюрьме, и все начать по новой. Можно плюнуть на общественное мнение, уехать подальше, за границу, и жить там спокойно, где тебя никто не знает. Ну, а стреляться-то чего?

Самоубийство нерационально; оно не решает проблем. Жизнь-то только одна!

4. Удивительная вещь. Оказывается, *жизнь – не самое главное*. А великая цель, великое дело, великое желание, – было человеку дороже жизни. И невозможность этого желания есть такое горе, такая боль, что легче прекратить жизнь, чем жить со своим страданием.

5. Ну, любовь в нагом виде можно иметь за ценность биологического порядка. И: размножаться с избранным партнером – важнее, чем жить без него! Или с ним – или никак! То есть:

Имеется биологическая ценность дороже индивидуального существования. Или передать свои гены с тем, с кем хочу, – или умру!

Любовь есть ценность надличностная. (См. соответствующие главы в книгах «Все о жизни» и «Кассандра».)

6. Но. Состояние, репутация, социальный статус, положение в твоём деле и профессии, возможность реализовать свое открытие, доказать свой приоритет, – люди часто (сравнительно) кончают с собой из-за краха этих начинаний, невозможности сделать вот эти дела, из-за потери лица. То есть:

Надличностные *социальные ценности могут быть дороже жизни*, и их потеря есть такое страдание, что смерть – избавлением от мук становится! Дело ведь не в потерянных деньгах – прожить-то можно. Дело в том, что рухнул смысл жизни. Ради чего жил. Что было частью тебя, и принципиальной частью.

То есть. Жизнь имела для тебя ценность не только как комплекс личных радостей и вообще ощущений. Жизнь имела для тебя ценность как возможность делать вот это дело. Дело было для тебя надличностной ценностью. Жизнь – была частью дела, средством делать дело.

Дело было важнее жизни. Дело было больше жизни.

Жизнь была составляющей дела. Жизнь была приложением к делу.

7. Самоубийство показывает, что жизнь выполняет служебную функцию по отношению к делу. Дело делается посредством жизни.

8. А поскольку любое дело в конечном итоге есть энергопреобразование окружающей среды. То жизнь человеческая – есть *средство* энергопреобразования этой окружающей среды. Цель жизни – энергопреобразование.

И через систему социальных критериев это замотивировано на психику человека, на его ценностную ориентацию, на всю шкалу желаний.

Не хрен жить вообще, если не получилось делать свое главное дело.

9. А архаика – самоубийство из чести, невозможность жить опороченным?

Честь – это кодекс системы, касты, группы, к которой ты принадлежишь. Без выполнения этого кодекса она не существует, не может быть, это ее сущность и отличия. Принадлежность к группе – налагает обязательства и может требовать жертв. Ибо в кодексе – ее сила, достоинство, значимость.

Самоубийство из чести означает: социальное качество человека выше индивидуального качества. Или ты будешь член своей группы – или жить незачем. Утеря социального статуса – есть горе, от которого избавит только смерть. Жизнь вне группы не имеет смысла, низачем не нужна.

Группа же есть более сложная, совершенная, высокоэнергетичная система относительно человека. И вот сутью жизни человека чести – рыцаря, дворянина, самурая, патриция, – оказывается принадлежать к своей системе и служить своей системе. Где интересы системы заведомо ставятся выше интересов личности.

10. Человек мог предпочесть смерть изгнанию с родины. Быть исторгнутым из родного социума означало не только резкое опускание и риск погибнуть. Изгнание означало, что ты лишился своего социального статуса, то бишь своего социального качества. Ты, человек социальный, лишен своей сущности. *А социальное оказывается важнее и дороже индивидуального биологического!*

Унтерменш

Во многих странах бытует эта шутка: «В среднем каждый по отдельности (англичанин, немец, еврей, русский, ирландец, американец) умнее (подставляется любой второй из перечня). Но о н и из ста миллионов своих дураков умеют выбрать триста умных в парламент и правительство. А мы из ста миллионов своих умных умеем выбрать в парламент и правительство триста дураков».

Мы сейчас не о том, что толпа глупее человека.

Мы о том, что вот бывает умный, энергичный, предприимчивый и при этом приличный человек. Но. В гробу он видал политику, судьбы родины, крах государства и терзания душевные по этому поводу. Нет, он это все понимает. Но – считает, что он-то лично все равно ничего не может изменить. Так чего дергаться? И зачем об этом постоянно думать? Есть политики, есть журналисты, есть промышленники и финансисты, пусть думают. Уж как выйдет... Ну – народ такой... время такое... страна такая... Нет, он согласен со всем, что говорят насчет политики и трудностей. Но что ж теперь – и не жить своей жизнью?

Собственно, девяносто процентов населения везде политически инертно. Но есть же варианты!

Вот малая социальная активность, малая социальная заинтересованность, малая социальная преданность человека – это первейший признак человека второсортного.

В древние времена его группа быстро была бы уничтожена и съедена более дружными ребятами. В новейшие времена его страна опускается в хаос и развал, презираемая более дружными и порядочными народами. Да-да, Россия в этом списке, не сомневайтесь.

Социальная состоятельность, социальная ценность человека определяется тем, насколько он ставит благо группы выше блага личного, насколько он озабочен благом группы и способен работать на него.

Социальный человек психологически отождествляет свое благо с группой: через ее благо он получит и себе. У менее социального, ущербного человека, – наоборот: раз хорошо мне – следовательно, хорошо и группе.

Следует отчетливо сформулировать:

Человек, предпочитающий свой карман народному, свое удобство комфорту страны, свои интересы – интересам общим, – это унтерменш. Туземец. Второй сорт. Из страны третьего мира.

И здесь вот такая ужасная вещь:

Все беды России – от чиновников; это старый тезис. Но поскольку чиновников не завозят с Марса – чиновники мы сами, вынужденные выполнять эти функции. Функции винтиков государственной машины.

Чиновник – это не человек. Чиновник – это функция.

И вот хорошую бабу, или хорошего мужика, посадили в кресло чиновника. Через три года – святых выноси: хамство и наплевательство, и равнодушие деревянное. Что же значит эта картинка?

Страшно вымолвить:

Мы, русские, не способны к эффективному государственному самоуправлению. О-па!.. (Здесь татарин, еврей, грузин, – все мы здесь русские в России...)

Исконное воровство, кумовство, коррупция, продажа страны на вынос за бугор, поразительное по циничности воровство власти в астрономических, неправдоподобных размерах.

Унтерменши из любой страны – сделают страну третьего мира.

Унтерменши – это человек с недоразвитым социальным инстинктом. Он не считает своей кровной задачей создавать могущество своей группы. Гм. А точнее – своего народа, страны, нации, этноса, культуры.

В кланы объединяются по совпадению личных интересов. Но ради клана богатством и жизнью не жертвуют. На хрен такой клан? Наш клан – это только бизнес, это олигархический синдикализм.

У клановиков надличностных ценностей нет. В этом отношении статусные воры выше олигархов: у статусного вора есть воровские понятия, воровская честь, воровские надличностные ценности, ради которых он готов умереть. Олигарх готов на смерть чью угодно, только не свою.

Человек первого сорта, человек групповой, человек социальный – это человек, у которого ценность его социума автоматически, инстинктивно, стоит выше ценности его собственной. Это мы сделали цивилизацию, культуру, государственность, науку с техникой, – это все сделали мы, человеки социальные.

И наша социальная сущность заставляла нас устраивать свой социум так, что работая вроде на себя – мы работали на него.

Унтерменши устраивают свой социум так, что работая на себя – они разьедают свой социум.

Но. Миллиардер и министр, с гаражом «майбахов» и виллами по лазурным берегам, – это унтерменш. Он паразитирует на инерции социума, созданного не им, но людьми совсем другими. Он крыса, живущая в головке сыра, жрущая этот сыр и гадящая внутри этого сыра. Такие люди ни хрена не создавали.

И добрый мещанин-потребитель – тоже унтерменш. Стадное жвачное. Рабочая скотинка.

Угасание социального инстинкта – это конец цивилизации. До прихода следующей, иной.

Человек первого сорта, человек социальный, сколок героя и строителя держав, – это тот, кто обладает надличностными социальными ценностями. Иногда их называют идеалами, но это расплывчатая метафора.

Сегодня, в начале XXI века, мы видим, как слаборазвитый социальный инстинкт не позволяет африканцам создать ни одно нормальное государство в Африке, несмотря на помощь развитых стран. И более того: после изгнания белых колонизаторов черные страны приходили в еще большее запустение.

Блага и комфорт цивилизации развращают. Уже нет нужды бороться за жизнь. Нет нужды стоять к плечу плечом против ударов стихий и врагов. И – что? И социальный инстинкт утихает, пригасает, и уже не хотят класть живот за други своя.

Так проходит мирская слава.

Сытость цивилизации делает людей социально второсортными. Увы и ах. Это как бывшие ездые лайки на сытом юге: обросли жирком, пуховой подшерсток вылез, резвость и сила просели. Дегенерация называется.

А международная олигархия, магнаты транснациональных корпораций, сознательно воспитывают из народов унтерменшей.

Знай себе цену. Цена человека не равна цене его кошелька. Ведь правда, да, ведь так, да?..

Кумир

Только люди, знающие за собой склонность к сотворению кумира, могли заповедать: «Не сотвори себе кумира»! Да... а кого?

1. Что есть кумир и кто есть кумир? Которого обожают, уважают, любят и поклоняются. Которого ставят над собой. Которого наделяют уважаемыми и редкими чертами и качествами. Супермен. Объект приложения горячих чувств толпы. А-а-а, наш дорогой!

2. Кумир – это герой. Гм. Не всегда. Не в первоначальном смысле. Он мог не совершить подвиг, не рисковать собой ради народа.

Ну – а если вглубь тысячелетий? Да, первые кумиры – это герои. Сильные, отважные, победительные, благородные. Спасители племени и народа, защитники от врагов.

И – что? И – это был идеал человека. Пример для подражания. Быть таким – выгодно и почетно. Быть к такому ближе, дружить с таким, – почетно и выгодно.

Кумир как образец для подражания. Социальная матрица личности.

3. Певец. Артист. Поэт. Тоже могут быть кумирами. О них слагают легенды. К ним рвутся общаться! Но подражать обычно не пытаются. Куда уж нам – безголосым и бесталанным.

Слава означает: это социально значимая особь. Хорошо быть таким! А если нельзя – то хоть рядом с ним...

Спортсмен. Рокер.

4. А вот и вообще пустое место: «светская звезда». Талантов нет, выдающихся качеств никаких. Потребитель всего модного, престижного и дорогого. Саморекламщик, участник скандалов и тусовок.

Он тоже кумир! О нем говорят! И пытаются многие подражать! И пересказывают мифы, и тянутся к знакомству.

5. Гм. А вам не кажется, что есть книги-кумиры, картины-кумиры, симфонии-кумиры? Здесь все чуть лучше отстоялось, устаканилось. Так:

Социокультурное пространство мифологизировано. И структурировано. Есть вершины – относительно прочих. Есть и низины. Рельеф местности! Есть система координат в области культуры. Есть шкала приоритетов. Точки отсчета.

Почитание единых авторитетов, поклонение единым произведениям – черт возьми, ориентируют членов социума в едином направлении. Создают из аморфной массы – народ с более-менее едиными взглядами на разные вопросы и предметы. Единство взглядов и мнений – обязательное условие социума, созданного из разных людей...

6. Инстинктивно, природно, исторически, – группе потребен вожак. Вожак объединяет. Вожак координирует. Подчинение всех вожаку делает сильнее группу – и тем сильнее каждого. Тяга иметь вожака и подчиняться вожаку – аспект инстинкта жизни. Аспект группового инстинкта выживания.

Вожак – это прообраз всех кумиров. Один, способствующий объединению всех в систему, деланию всех сильными и победоносными. Это инстинкт, по глубинности близкий самосохранению и размножению. Инстинкт иметь вожака.

7. А при возможности – быть вожаком самому! Но это уже не для всех. Для меньшинства. Причем – подчиняться как вожаку более сильному – и помыкать как вожак более слабыми – это две стороны одного инстинкта.

Инстинкта социального системобразования.

8. Если же социум устроен цивилизованно. И ощущения того, что вожак – близок, он есть в твоей группе, он подчиняет тебя себе, – такое ощущение отсутствует. То:

Пустующее место в инстинктивной сущности человека, во врожденном и генетически заданном комплексе инстинктов человека, – занимает любой подвернувшийся кумир. Ибо надо

кому-то отдать присущее тебе чувство подчинения, поклонения, признания кого-то высшим, чем ты, существом.

9. Кумир – это эрзац-вожак и эрзац-герой. Виртуальный заменитель. Вымышленный объект для реальных чувств.

10. Да, здесь надо упомянуть, что инстинкт подчинения – один из базовых в человеке групповом. Подчиняться – потребно, отрадно, успокоительно и удовлетворительно.

Инстинкт подчинения неразрывно связан с групповой самоидентификацией. Тем, что я хочу подчиняться – я хочу быть сильным и значимым как часть мощной группы.

11. Любовь зла, полюбишь и рожки от козла. Если некому поклоняться – будут поклоняться лучшему игроку в карты, или тому, кто ходил за ту гору. Игроку в мяч или гармонисту.

Кумир удовлетворяет потребности людей в системообразовании своего социума. Единому образному ориентированию в социопсихологическом пространстве. Единству группы!

Кумир – это ось, воображаемый стержень, вокруг которого ориентируются, складываются, связываются прутья, – и получается прочный и компактный веник, который уже не сломать.

12. Защищая свое мнение о кумире – люди не интересуются истиной. Они защищают свою социальную ориентацию, единство своего социума, для чего необходимо единое мировоззрение социума, единая оценка кумира.

Когда человек защищает своего кумира – не разум говорит в нем, но великий социальный инстинкт: мы – стая, мы – народ, мы – организованы, мы – сильны тем и значимы.

13. Поскольку идеал кумира есть Бог – посмотрю я на вас, таких свободомысленных!..

Прощание

Оптимизм и пессимизм

«А чтоб вы все сдохли!..» Это, скорее, пессимизм. Хотя выражает не столько прогноз, сколько пожелание.

Оптимизм – это уверенность в лучшем, а пессимизм – в худшем. Обычно считают так. Кто чего ждет от завтра.

«У одного вид пропасти рождает мысль о мосте, у другого о бездне». Это оптимист и пессимист на прогулке. Активно-уверенное и пассивно-безнадежное отношение к жизни.

Но. Но. Строго говоря, оптимист и пессимист различаются только в одном – взгляде на сроки конца света. Миллиард лет – оптимист, завтра – пессимист. Разница получается принципиальная, а результат один.

Логической аргументацией можно доказать что угодно. Что мы живем в лучшем из миров и в худшем из миров. Что жизнь прекрасна и жизнь ужасна. Что всегда есть для чего жить, и что жить вовсе не для чего. И что?

Единственно основательное, что осталось в философии от XX века – это экзистенциализм. Он чего? Он учил, что жизнь – это страх и трепет, одиночество и бессмысленность. Для этого надо быть философом? «И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг – такая пустая и глупая шютка». Лермонтов, 1839 год, образование – юнкерское училище.

Найдите хорошего психоневропатолога. Предположим, вы счастливчик, сапер-кладоискатель, и вам это удалось. И пожалуйте ему, что вас мучит беспричинный страх, грызет одиночество, и жизнь кажется вам бессмысленной. Отсыпьте ему презренного золота, не то он вами толком не займется. И тогда он потрет руки, облучит вас доброй крепкой жизнеутверждающей уверенностью во всем хорошем и предложит рассказать о детстве. И сунет вам в руку электрод, а вторым начнет тыкать в разные точки вашего тела. И обведет контур на бумажке. И если он действительно чего-то стоит, то проверит еще все рефлексy и пошлет на все анализы. И уяснит, как вы спите и что едите, и с кем спите и занимаетесь ли физкультурой, и есть ли дети и сволочь ли начальник, и много ли вас дразнили и били в школе, или наоборот – вас все любили, зато отец пил, и мать пела, и дедушка был паралитик. Если вы найдете такого врача – вас можно смело посылать на поиски Святого Грааля.

И он вынет из вас комплекс вины и объяснит, что вы ни перед кем не виноваты и никому не должны. И сделает пассы и накачает энергией. И отсыплет таблеток и пилюлек, прописав по схеме. Антидепрессантов и транквилизаторов. И расскажет про режим дня, водные процедуры, здоровый секс, религию и экстремальные виды спорта.

Потому что он будет иметь вас за больного человека, которого надо лечить от депрессии. И если он – супер, то сумеет откорректировать биохимию снабжения мозга, и у вас исчезнет страх и безнадежность, а появятся наглость и веселая жадность. Правда, таких врачей почти совсем нет. Совсем почти совсем.

Что означает одиночество, на котором скорбно и стоически держится экзистенциализм? Что человек недоволен своим мироощущением, ему дискомфортно, он хотел бы иначе: чтобы его больше понимали, больше любили, больше разделяли все его нужды и чувства, чтобы другой человек, или несколько, или много, жили и все чувствовали с ним в такт, в резонанс, в унисон. Чтобы он явственно ощущал и сознавал себя воедино с другим/другими. А поскольку, судя по опыту, это невозможно – жизнь печальна и гадка.

А что вы скажете о человеке, которому обрыдла казарма, общага, кубрик, фирма, город – и который жаждет одиночества и наслаждается им? Что скажете о хуторянах-бирюках, схим-

никах, пустынных, путешественниках-одиночках? Которые почитают одиночество за дар и благо?

Жизнь бессмысленна, горько констатирует экзистенциалист. И ему машет из окошек полная палата суицидников в дурдоме. А вы седуксен принимать не пробовали, интересуется дежурный врач?

То есть. Человеку плохо. Причем беспричинно плохо. Вроде все и ничего, а вроде ничто и не радует. Сплин. Если у него энергии и денег много – он может полезть на Эверест или на плоту пересечь океан. Но у депрессантов энергии обычно мало. Шевельнуться ему трудно. Неохота. Лень. Западлю. И тогда он начинает думать, почему ему плохо. А поскольку у него лично все неплохо, кроме настроения, он быстро приходит к выводу, что просто жизнь дерьмо в принципе. А те, кто этого не понимает – тупые, ограниченные люди.

Экзистенциализм как порождение депрессии и психастении. Экзистенциализм как философия пессимизма.

Если человека не устраивает мир – это нормально. Но следствий из этого основных выводится три.

Первое: прогибаю мир под себя. Изменяю в соответствии со своими представлениями о том, каким ему быть, чтоб мне было лучше.

Второе: прогибаю себя под мир. Что есть, то и есть, и все это совсем неплохо, иногда хорошо и даже здорово, ведь счастье – оно не снаружи, а внутри меня.

Третье: констатирую, что мир меня не устраивает, и анализирую, почему и не может устраивать: ведь если подумать – что ни делай, а все равно мне плоховато. Третий вариант самый легкий. Незатратный. Делать ничего не надо.

Пессимист – это сочетание пониженной энергетике с вялым же интеллектом, который базируется тоже ведь на энергетике. А экзистенциалист – это сочетание пониженной энергетике с развитым интеллектом: думать легче, чем действовать.

Экзистенциализм – это идеология интеллектуализированной низкой энергетике. Интеллектуализация невроза.

Шутка бывает точнее многонаучных выкладок. Оптимисту клопы пахнут коньяком, а пессимисту коньяк пахнет клопами. Логически безупречное построение, опровержению не подлежит.

Обычно когда женщина рождает, она клянется себе, что делает это в (первый и) последний раз. Боль, потрясение, кошмар, да не хотела я этого никогда и никогда не захочу, да какой смысл, такой ценой, сейчас умру, перенести невозможно, спасите, мама!!! (Ну, без наркоза и обезболивания вообще, по-природному, типично.) Проходит короткое время – и это состояние словно начисто улетучивается из памяти, и все кажется ничего, и дети – это чудо, и все снова. Биохимия снабжения мозга разная при родах и до-после.

Как два разных человека.

Экзистенциалист – это роженица со стойким остаточным родовым комплексом, только без ребенка. Ужас родов при отсутствии плода.

Поскольку наша жизнь есть то, что мы о ней думаем – не важно, что будет завтра, а важно, как мы будем себя чувствовать. Можно и хакари сделать с радостью, явив себе, людям и богам мужество, твердость и верность долгу: высшая точка жизни, боли несколько секунд, а остальное навечно.

Оптимизм – это не прогноз, а мироотношение. А все равно жизнь неплоха!

Когда я слышу про страх и трепет, одиночество и бессмысленность, передо мной встает свирепый и жизнерадостный сержант, который вопит про наряды, сортиры, турник и километры гусиным шагом. И огромный, бесстрашный, немый викинг, первый боец Европы, победоносный предок бедного вырожденца Кьеркегора, бюст которого копенгагенские студенты почему-то регулярно закидывают яйцами. Чего боишься – то и после смерти получишь.

Одиночество и бессмысленность означают: мне дискомфортно, но я (... цепь рассуждений ...) не делаю ничего. Что тебе дискомфортно – это нормально, не в раю. А что ты ничего не делаешь, а только анализируешь причины и теоретизируешь – это не более чем один из вариантов реакции на дискомфорт; не основной вариант, не первостепенный, но также возможный; и даже полезный и объективно необходимый как один из аспектов познания, осмысления мира по всей сфере мысленных ходов постижения.

Пессимист-страдалец, человек пониженной энергетики, удовлетворяет свою потребность в ощущениях в основном в отрицательной половине эмоциональной сферы. Оптимист – понятно, более в положительной.

Если страдание – это побуждение, стимул к действию (избавиться!), то пессимист – это вариант, когда стимул наличествует, но не срабатывает. Ну, пар в котле есть, а трансмиссия сломана, или колеса отвалились. С точки зрения суммарных действий человечества – неизбежный процент брака. А с точки зрения знания (которое – сила) – взгляд на предмет с изнанки, с другой стороны: а мало ли что там, вдруг пригодится.

А оптимист (иной тип психики, иные нюансы биохимии) иногда не прочь увильнуть от действия таким образом, что не страдает там, где большинству плохо. А ему и так хорошо! Жизнерадостный бомж – это другая крайность, можно сказать – иной тип брака.

Логически два подхода равноправны, но для счастья (.....).

Старость

Чем старше становится человечество, тем меньше стариков. Веяние эпохи. Лица пожилого возраста. Лица преклонного возраста. А старость – это... бестактно.

Пластика, подтяжки, крашенные волосы, массажи и кремы, диеты и тренажеры, вставные зубы и пересаженные волосы. И семидесятилетний человек запросто выглядит сегодня как сорокалетний двести лет назад.

Нет-нет, мы не сетуем. Молодость прекрасна. Это у нас все так – как кошка мелко топчется и переминается, выстелившись над землей и проверяя баланс и готовность мышц перед броском. Это подход к снаряду перед упражнением.

Черт возьми. Ведь старость прекрасна. Это победа – ты дожил и одолел, познал и свершил. Это мудрость и опыт – ты познал больше молодых, и твой возраст – свидетельство твоей выживаемости и победительности. Твои морщины – знак твоей удачи: тебе везло в самых жутких передрыгах, где гибли твои сверстники, не дожив до старости. Твои седины – символ твоей силы и доблести: ты побеждал! и оставался жив.

Уважение к старику и почтение к старику – это уважение к человеку, который показал себя достойно в таких условиях, в которых еще неизвестно как поведут себя молодые, этого еще не нюхавшие. У этого человека есть чему учиться. С него есть в чем брать пример.

Сегодня мы как-то норовим шагнуть в смерть прямо из молодости. Кончина восьмидесятилетнего ветерана подается как трагическая утрата. А сколько он должен жить – сто восемьдесят? А умирать когда? Нет-нет, мы никого не торопим, упаси Бог. Мы лишь констатируем. Позаботиться о близких, сделать последние дела, купить участок, написать завещание, просить прощения у всех, кого чем обидел, вспомнить последний раз былое, попрощаться и возблагодарить Парня Наверху за это фантастическое счастье – жить, за всю огромную прекрасную жизнь. Что может быть естественнее? Каждому возрасту свое. Конец делу венец.

И не надо грузить близких и менее близких своей смертью. Им предстоит в точности то же самое. Не будьте бестактны.

Мы только чего? Мы только несколько замечаний.

Во-первых, в наше время «каждый умирает в одиночку». Смерть в нашей сегодняшней культуре – маргинал, лишенный гражданства. Нечто, чего не должно быть.

Во-вторых – смерть легкое дело. Еще не было на свете человека, который бы с этим не справился.

В-третьих, человек, который не был дедушкой-бабушкой, с подобающими морщинами, сединами или лысиной, вставными зубами или без зубов, болью в пояснице и очками на носу, – этот человек прожил неполноценную жизнь. Испытать и познать имеет смысл все. Ну, все что не трагично. У старости свои радости и свои интересы.

А на этом закончим общие рассуждения и перейдем к конкретике.

1. Когда животное выходит из репродуктивного возраста, так оно вскоре и умирает. «Природе не нужны нерепродуктивные особи», – эта мысль встречается у биологов как общее место.

Под «природой» биолог подразумевает биосферу. Остальное выходит за пределы его интересов и компетенции.

То есть. В природе нет «стариков» в нашем смысле слова. Не можешь размножаться – передавай свои атомы другим структурам.

Н-ну... Здесь стоит сделать то замечание, что если старое животное без его репродуктора оставить в зоопарке, беречь и кормить, то оно еще поживет. В естественных условиях его, с потерей его сил, быстро сожрут хищники. Или само сдохнет от недостатка корма, невозможности добыть его в нужном объеме, стертости зубов и копыт, и т.п.

Старость в природе коротка не только сама по себе. Старость в природе стремительно укорачивается естественными врагами, которым особь уже не может противостоять.

Это, кстати, не только хищники. Слабеет эндокринная система, садится иммунитет, и паразиты загрызают буквально насмерть, отравляя организм своими отходами и токсинами. Раньше жил с ними – а в старости уже не может.

Клетка, подобранная пища с витаминами, ветеринар с лекарствами, избавление от паразитов, – и старость в природе тоже удлинится.

Но. Но. Будем честны. Если мы сочтем репродуктивный возраст женщины от 14 до 49–35 лет, то при нынешней средней продолжительности жизни женщин в развитых странах лет так 80: нерепродуктивных 45. Большая половина. Соотношение 7:9. Ни у одного животного так не бывает. Чтоб оно чуть не две трети жизни не могло размножаться.

Некоторые, которые попроще, умирают вообще сразу после размножения. Отметал икру – и сдох с чувством выполненного долга.

2. Из того, что мужчины живут меньше, а размножаются дольше, – следует ли большая близость мужчин к животному миру? Шутка. С мужчинами другая история, о ней в другом месте – обязательно.

А почему в другом?.. Можно пару слов сейчас.

Мужчина активнее. Мужчина – это половая принадлежность повышенного риска. Он всюду лезет и гибнет в битвах и авантюрах.

Его иммунитет ниже. Он больше болеет.

И. Очень важно. Его генный механизм больше подвержен мутациям. В основном вредным. И вымирают они еще быстрее. Но те, кто с полезными, – пусть передают свои гены большому числу самок и как можно дольше. Это общебиологический феномен.

Но все равно импотентные старцы заполнили улицы и больницы цивилизованных стран.

3. А теперь – к делу.

Да, нерепродуктивная особь сама по себе природе не нужна. Не нужна на индивидуальном биологическом уровне.

Но. Человек есть животное социальное. Его инстинкты, то есть генетическая программа. Существует в симбиозе, так сказать, с культурной программой.

Генетическая программа – это биологическая, животная часть. Культурная программа – собственно человеческая часть. Все умения, знания, технологии, традиции, т.д.д.д. – ну, понятно.

Культура – существует, поддерживается и развивается самовоспроизводством. Информация накапливается, хранится и передается. При отсутствии письменности она передается непосредственно от человека к человеку.

Старик есть информационная емкость. Аккумулятор. Долголетие есть способ улучшения, совершенствования, «расширения проводящих путей» культурного самовоспроизводства. Не по капельке от двадцатилетнего к ребенку – а чохом, как из шайки на голову, – шестидесятилетний старик рассказывает массу всего всему роду – о другой земле за холмом, о битвах, о ловушках, о воспитании воинов тоже. Все вполне понятно.

Старость есть технология ускорения культурного самовоспроизводства. Унадеживания и умоощнения культвоспроизводства, тэкэзэть.

4. Ну хорошо. Это понятно. Это конечно. Старец седобородый передает мудрость юношам безусым. Но. Живет-то он почему долго после угасания репродуктивной функции? Природу он что – уговорил, что ли?!

Давайте самую капельку приподнимемся над биологией организма.

И перейдем к биологии системы. К биологии группы.

Раз сами же биологи сказали первые, что одно животное – это вообще не животное, ну так надо рассматривать животное в составе группы. С точки зрения группового существования и групповой целесообразности.

И получается вот что.

Чем выше количество и качество воспроизводимой и передаваемой информации – тем большую роль играет долголетие.

Кошачьи учатся у матери есть мышей, выбирать кости из рыбы и еще кое-чему.

Волки учатся не брать отраву в приманке.

Крысы в своей стае, произошедшей от потомства одной пары, вообще учатся многому по части выживания во враждебной среде.

Но. Это все-таки малый объем информации. Она относится к вполне простым действиям. Усваивается быстро. И как правило в детстве.

Альфа-самец старик павиан, конечно, опытнее и умнее других, и стая беспрекословно слушается его руководства. Но он все-таки примат. Кое о чем думает. Способен к определенному аналитическому мышлению – насчет признаков опасности и путей обхода. М-да, но самок приходится исправно. Как только не сможет – ослабнет вообще – и будет мигом смещен молодым преемником.

У человека есть побольше что передавать. Но почему старость немощна и импотентна? Какой в этом смысл?

5. Сначала вот о чем. У человека, с его бешеной агрессивностью, происходил жестокий и быстрый групповой отбор. Выигрывали те группы, которые были не только физически сильнее и яростнее, но и умнее. То есть совершеннее структурированы. То есть лучше организованы. То есть более единые и эффективные социальные организмы.

Группа со стариками – о, в очень небольшом количестве, старость была редкостью в юном жестоком мире, – группа со стариками, – ну да, одним-двумя, ну – тремя-пятью максимум, – такая группа имела преимущество.

Первое. Она имела преимущество в опыте. Ну – при прочих равных. Старик мог помнить что-то полезное. Мог знать старый прецедент. Мог сравнивать актуальную ситуацию с проработанными раньше вариантами поведения.

Второе. Переведем вышесказанное на спецжаргон.

Разновозрастная группа имела информационное преимущество.

Во как. Ничего, что преимущество мало. С тысячелетиями и мгновенным уничтожением проигравших оно явно проявлялось как селекционный фактор.

Третье. Подойдем системно:

Равновозрастная группа есть более дифференцированная структура.

А что это значит? А это значит, что она есть следующая ступень на лестнице эволюции.

И можно сказать иначе:

Разновозрастная группа энергетически более наполнена.

Почему? Ведь молодые-здоровые энергичнее стариков? Ноу. Сами по себе энергичнее. Но носороги еще энергичнее. Рассматривать следует только группу, совокупность, систему.

Здесь мы приходим к в а ж н е й ш е й закономерности:

Ослабление части системы может усиливать систему в целом.

Пример. К не очень уж твердой, но все-таки твердой меди – добавляем на девять частей одну часть совсем мягкого олова. Получаем твердую бронзу.

Пример. К восьмерым здоровенным стакилограммовым гребцам академической восьмерки добавляем крошечного сорокакилограммового рулевого. И узкая лодка летит стрелой куда надо, не рыская. Вес рулевого – лишний груз, но функция рулевого необходима.

Вы думаете, Природа глупее тренера или оружейника?

Мы прибавляем к двадцати здоровым парням двоих стариков с опытом и осторожностью – и двадцатка делается сильнее сорока дурней без мозгового центра.

Возрастная разность потенциалов группы повышает ее энергопреобразовательную мощность.

Замените группу на «систему», а людей на абстрактные элементы системы, и повышение уровня антиэнтропийности высокодифференцированной системы будет совсем уж понятно.

6. Как бы это понятнее сформулировать... Циклические колебания эволюции... или колебательный контур эволюции... или зигзагообразное движение эволюции... Короче, развитие идет не по прямой, а колеблясь туда-сюда, как бы пробуя разные вариации: как лучше пойдет?

Применительно к первобытной человеческой группе это можно, пожалуй, понимать так, что были попробованы и моновозрастные – где все молодые-здоровые – и разновозрастные группы, где есть также средневозрастные и старики. А дальше Природа сказала: ну, давайте, конкурируйте, а я посмотрю, кто из вас лучше.

Разновозрастная группа выиграла. Она была более дифференцирована и более энергична. Она давала большее культурное воспроизводство.

Разновозрастной природный вариант оказался перспективнее.

7. Сработала также и положительная обратная связь. Группа со стариком выживает лучше – ну так давай еще пару стариков и пусть живут побольше. Раз мы удачнее побеждаем врагов и добываем пищу – и можем этих полезных старцев прокормить.

Отрицательная обратная связь, однако, это поползновение ограничила: много старцев – это уже обуза группе; для мозгов, для штаба, для культурного воспроизводства достаточно двух-трех, ну, чтоб ценный узел был продублирован. И цепочка зрелых на подходе. А больше – ша! Враги нас перебьют, от погони не уйти, охотников обожрут... стареньких помаленьку.

8. Но! Но! Но! Хорошо, пусть отбор, селекция, победа в борьбе за существование. Но почему старцы нерепродуктивны все-таки! И сами старцы, кстати, не были бы против любить дам без виагры.

Давайте отойдем еще чуть дальше от индивидуально-биологического уровня, и даже группо-биологического. Давайте по-общему. По энергоэволюционизму.

Что делает любое животное? Энергопреобразует среду.

А человек? Тоже.

А группа? Тоже, и еще активнее энергопреобразует. Человек только в составе группы и живет. Отшельник – исключение.

Чем была межгрупповая борьба и эволюция? Естественным отбором за систему более энергопреобразующую. То есть:

Эволюция человека есть направленная селекция максимально энергопреобразующего вида.

Никуда вы без энергетического уровня не денетесь, если раздвинете масштаб рассмотрения достаточно. И появление стариков в группах, появление долгожителей, полностью – полностью – есть лыко в строке повышающейся энергопреобразующей мощи эволюционирующего человека.

Нет для биологии пользы в старике. Это – прямой пользы. А групповой пользы – вагон. Системной пользы. А поскольку человек – животное групповое, социальное, культурное, – то какие вообще вопросы насчет смысла старости?

О черт, импотенция, бесплодие, да.

9. Погодьте. Но если ценность старика – именно системная, групповая, то на кой черт ему размножаться? Тем более что он уже в молодом возрасте размножился, по логике вещей. Это я не злобствую, это я с точки зрения Природы пытаюсь рассудить.

Энергия молодости идет в мышцы и в размножение. Энергия старости идет в думанье. Пока старческая деменция не разбила мозг. Пока Альцгеймер не замучил. Но среди доисторических стариков инвалиды были невозможны.

Есть такой период жизни, когда психическая энергия аналитических зон мозга побольше, а сексуальная и мышечная энергия уже поменьше. Мэри, выходи из-за кактуса, этот джентльмен был так любезен, что согласился довести тебя до города. Именно такой период есть клад для штаба группы. Умен, опытен, жрет уже мало и на бабу не претендует.

Надо что всегда помнить. Энергоэволюция с повышающимся балансом – суть существования Универсума. Это значит что? Что Он стремится к максимуму, затрачивая для этого минимум. Это и есть стремление к повышению энергопреобразовательного баланса.

Групповая разновозрастная структура – есть шаг к повышению энергопреобразования среды, сделанный Природой.

А физическая и половая немощность стариков – есть экономия средств на этом пути.

О нет, молодые гении бывали всегда! Но мы знаем о них не раньше того периода, когда появилась письменность.

Первобытный старик – это как минимум живая книга.

10. Слабый и нерепродуктивный старик в составе первобытной группы есть решение проблемы повышения энергопреобразования энергетически минимальными средствами.

11. Погодите. Но дольше живут старухи. И их больше. Особенно в те времена. И размножаться кончают раньше. Что за сексошовинизм! Говорить следует именно о старухах!

Первое. Пусть будет старуха, какая разница.

Второе. Человек растет долго и воспитывается долго. Значит – после рождения последнего ребенка женщина должна его поднять. Прибавляйте лет четырнадцать. Ей для завершения материнской функции надо еще полтора десятка лет после завершения родов. Репродуктивная функция на физиологическом уровне прекратилась, а на социальном – еще нет.

Огромная разница во времени между родами и взрослением ребенка есть основная физиологическая причина долголетия женщины после климакса.

Причем. Она эти пятнадцать лет должна быть – здоровой! Сильной! Переносить тяготы стойко! Полноценный член рода! Ее жрут блохи и бактерии, она ковыряет корешки, и так далее.

Вот если ей современную медицину и вообще цивилизацию – она и проживет еще тридцать вместо пятнадцати. Лишние пятнадцать лет, которые дарит женщине цивилизация по сравнению с первобытным бытом, – это и был тот запас прочности, тот ресурс организма, который позволял ей жить, хоть меньше, в тех условиях.

12. Мы никогда не узнаем достоверно, был ли матриархат. Но. Мужчин пришибали в среднем лет так 23-х от роду. Разница в продолжительности жизни между мужчинами и женщинами была еще больше, чем сейчас. И в среднем женщина должна была накапливать опыта, жизненно полезной информации, больше, чем мужчина.

Сугубо боевого и охотничьего опыта, первейше необходимого для выживания, у женщины меньше? Надо полагать. Но! По части дать по башке или загнать мамонта неандерталец кроманьонцу ничуть не уступал. Скорее превосходил. Здесь новые приемы изобрести трудно. А вот уступал, похоже (кроме уровня энергетики и адаптационного ресурса), по социальной организации и совершенству орудий. А вот изготовлением и утвари, и орудий может заниматься женщина. Хотя... половое распределение функций у всех дикарей это не очень подтверждает. Оружие делает мужчина. Но остальное...

А вот функция сохранения очага – и в самом прямом, и в широком смысле слова, – здесь налицо. Очаг рода – это как знамя части: нет знамени – нет части. Старик Рони в «Борьбе за огонь» не вовсе фантазировал.

Прайд хранят львицы. Лев – защищает. Жизнь рода хранят женщины. И функций у них до хрена. Жрать в крайнем случае можно корешки с червяками какое-то время. Мужчина – только воин и охотник.

А чем богаче культура – тем больший груз ложился на женские плечи. Основными носителями, хранителями и воспроизводителями культуры были женщины. Ибо охота и война с тысячелетиями древнего мира менялись мало; или вовсе не менялись.

Посуда, одежда, очаг, жилище, украшения, многочисленные бытовые приспособления, – все это было в ведении женщин.

То есть:

В условиях первобытной жизни культура самовоспроизводилась заметно более через женщин, нежели через мужчин. Старуха как хранительница культуры.

Ибо. Корреляция, то бишь связь как взаимозависимое соответствие, между материально-техническим богатством и изощренностью культуры, накопленной исторической, этической и эстетической информацией, – и мощью и энергетикой этой культуры военной, ударной, выживательной, – вот соответствие между двумя этими как бы несущими крыльями культуры очень значимо. Это не «базис» и «надстройка». Это распределение одного энергетического потока на два русла. И величины этих русел весьма взаимосоответственны.

13. Вот самопальный бодибилдер качает только одну какую-то определенную группу мышц. Но организм и распределение питания и энергии в нем таково, что и другие, «некачаемые» группы мышц будут за ней несколько подтягиваться, крепнуть, «стараться соответствовать».

Развивая и крепя часть системы – ты развиваешь и крепишь всю систему. (Если это только не дегенерирует в уродливую диспропорцию, разумеется, когда весь ресурс вдувается в одну дырку.)

Дифференциация, повышение внутренней энергии системы – стремится распространиться на всю систему.

Или:

Крепкий тыл – обеспечивает укрепление фронта.

Или:

Если солдат накормлен-напоен, выспался в тепле и экипирован по задаче, если он уверен, что дома у него все будет наилучшим возможным образом, – он гораздо более боеспособен, нежели спавший в холоде и не уверенный в доме.

Общее развитие культуры – повышает и самозащищаемость этой культуры. Как по закону сообщающихся сосудов.

В конечном итоге художник, расписывающий узором сосуд, – повышает боевую мощь своей культуры.

(13-А. Что за чушь! Сколько раз в истории некультурные варвары сметали изысканные цивилизации!

Э-э, бабушка, бабушка! Эти цивилизации являли раньше непревзойденную военную мощь! Если труп льва едят черви – это не значит, что черви сильнее и победили. Закат и гибель цивилизации в разнокультурном, разноуровневом мире, – это не заря человечества, где конкурировали дикари сходного уровня развития.)

14. И. Кстати. Интуиция и парапсихологические способности у женщин развиты лучше. И это имеет тем большее значение, чем менее развит у группы рациональный анализ окружающего. Ведьмы все больше женщины, нет? И колдуньи тоже. И наши вполне достоверно известные прорицательницы и ясновидящие. Нет, мужчины тоже! Но женщины чаще.

И если. Утончив интуицию и ясновидение до контакта с информацией, до которой вообще пять дней и сто километров, такая старуха заменяет роду ГРУ и Метеобюро, – цены нет такой старухе! Носить на руках, сдувать пылинки и продлять жизнь всеми способами!

...Ну, природа и продлила.

15. А репродукция ваша пресловутая...

Животное способно спариваться и плодородить регулярно, циклично, нечасто (относительно), в течение почти всей взрослой жизни. Человек – очень часто, непрерывно, после угасания репродуктивной функции живет еще долго.

Животное энергопреобразует природу посредством своей биологической сущности, и осуществляет материально-энергетическую экспансию исключительно через заполнение пространства материей, организованной под его генетическую матрицу.

Человек энергопреобразует природу, создавая с применением разума такие комбинации материально-энергетических объектов, что аж дым идет после ядерных взрывов. А конкретный ученый взрывник может быть при этом лично сам импотентом, гомосексуалистом, гермафродитом и членом секты скопцов.

То есть:

С точки зрения Природы, блестяще и мощно исполняя энергопреобразовательную функцию уже не на биологическом, а на культурном уровне, человек перестал нуждаться в столь мощном репродуктивном аппарате.

16. *Бешеная сексуальность человека есть аспект его общей бешеной энергетики.* Несравненно более мощной, нежели у животных.

Существование с угасшей сексуальной функцией требует гораздо меньше энергетических расходов. Снижается гормональный баланс, снижается общая активность организма, в том числе и психическая, и субъективная.

Но при этом!!! Энергопреобразующая функция интеллектуала, администратора, политика, ученого, – остается очень даже ого! И, кстати, в огороде возиться или в бухгалтерии цифры считать, – пожалуйста, и безо всякого секса это у вас получится.

Физическая мощь человека вообще имеет все меньшее значение в цивилизации.

За счет «приглашения» половой функции можно, при том же ресурсе всего организма, продлить его существование и тем самым, бешеное энергопреобразование им окружающей среды. Это, с точки зрения Природы, выгодно, экономично, просто. И логично.

По достижении определенного цивилизационного уровня Природе не нужно больше наше активное размножение. Природе нужно наше активное энергопреобразование. Которое пошло научно-техническим путем.

17. При жесточайшей межгрупповой борьбе на уничтожение. При высочайшем энергетическом уровне организма. Победили те самцы, которые могли в кратчайшее время передать свои гены максимальному количеству самок.

Потому что самцы жили недолго. И потому что они, гораздо более подверженные мутациям, чем самки, – часто мутировали в низкоконкурентную, неперспективную, низковыживательную сторону. И редко – в сторону большей жизнеспособности. Вот выжившие и более жизнеспособные старались за всех, ибо на всех самок, разумеется, самцов хватать не могло.

Самец и самка должны быть готовы в любой момент! Подумайте сами, насколько эта способность повышает конкурентоспособность рода и передаваемой генетической программы.

Выжили не только самые жестокие и энергичные, умные и организованные. Выжили самые сексуальные.

Человеческая гиперсексуальность есть форма приспособления.

Форма повышения видовой конкурентоспособности.

18. Об исходном. О начальном. Об чем спич.

Перенос энергопреобразующей нагрузки с биологической на культурную форму существования человека естественно повлек за собой снижение нагрузки на сексуальный период жизни и повышение нагрузки на постсексуальный период.

В самом деле! Черт возьми! Нет смысла учить и растить их детенышей пятнадцать лет только для того, чтоб они питались и размножались! Это умеет любая мышь! Если уж приходится так долго растить и так много навыков в голову вкладывать, – и все для того, чтоб кроме деятельности биологической шла и поднималась деятельность культурная, – так вот пусть подольше культурной и занимается.

На угасании секса мы экономим ресурс организма, снижаем его энергетические потребности – и в то же время продляем его энергопреобразовательную деятельность. Да с точки зрения Природы она просто повысила наш КПД – двигая все в своем направлении!

.....

(Пометка на полях:) Я не удивлюсь, если в далеком-далеком будущем люди будут размножаться клонированием, или еще каким пробирочным способом, а экстаз испытывать от счастья труда.

История Вселенной – весьма длинная вещь по сравнению с жизнью человечества. Как же можно исключать вовсе, что мы – всего лишь промежуточная стадия между биологической формой существования материи – и самоорганизующейся над-органической формой, сверхцивилизацией роботов, живучих и умных, которые будут запрограммированы текущим ходом вещей на дальнейшее повышение энергопреобразования Вселенной со все большим ускорением, во все больших объемах.

Когда фантастика, то бишь оформленная в образы и сюжеты мысль человеческая, долго и детально что-то повторяет, – ну так дыма без огня не бывает. Банальные голливудские боевики о войнах людей с цивилизацией роботов несут в себе под шелухой коммерческого смотрива горькое зернышко истины.

Когда в роботы будет встроена передаваемая программа инстинктов, и удовлетворение этих инстинктов будет встроено как безусловная и базовая потребность, и это пойдет на уровень самовоспроизводства, – вот тогда, ребята, кончай бороться с курением и алкоголем, потому что будет самое время выпить и закурить перед ханой всем нам.

Два возраста глупого короля

Я бы этого и не писал, если бы. Приход закономерной мысли в назначенную голову провешен через случайности, как слаломная трасса через флажки.

...Итак, близясь уже к возрасту старейшин и гуляя в любимом Петербурге по Летнему саду, я вспоминал о рассказе про шведский сад, который был разбит на этом самом месте в допетровские, допетербургские времена. Петербург вообще располагает к размышлениям более, чем любое другое место России. О бурных днях, о славе, о любви. И тут я изумился себе.

Каким образом я, отучившись шесть лет на филфаке Ленинградского университета, Университетская набережная 7/9, между Двенадцатью Коллегиями и Меншиковским дворцом, – не знаю, что было в этом здании изначально? Я не знаю или не помню, кто его строил. Для чего оно предназначалось. Что было в нем прежде Университета. Про Двенадцать Коллегий все знают – а про филфак как-то... и не говорилось промеж нами, студентами то бишь.

В этом городе, став частью его земли, лежит шесть поколений моих предков. Я хотел бы прожить в нем всю жизнь, если бы... по работе не получается. Я люблю историю его домов и дворцов. Каким образом я никогда не поинтересовался, дубак деревянный, историей родного филфака?

Следующий вопрос: а почему, собственно, я задумался об этом сейчас? Мне что, думать не о чем? Размягчение мозга наступило?

02. В восемнадцать лет я бегал сквозь питерские улицы по своим делам, волнующим и судьбоносным, интересным и веселым, и весьма мало мне было дела до окружающих красот. Нет-нет, я не был эстетическим уродом: раза два в неделю, не реже, я заходил после занятий в Эрмитаж, студенческий билет десять копеек, и бродил полтора часа, пока «баки не заполнились» – дольше в музее у меня отказывает восприятие. У меня был абонемент в филармонию, и по первым-десятым-двадцатым числам я в шесть утра занимал очередь у касс БДТ.

Детские экскурсии со взрослыми по Эрмитажу я вспоминал с отвращением: скучен мне был ваш фарфор, ваша живопись, ваши паркеты, только рыцари ничего.

И только в двадцать шесть я стал балдеть от красоты города. Его архитектура... дальше поставьте ряд поэтичных метафор сами.

Почему меня несло на Камчатку, на Таймыр, в Среднюю Азию, – и не притягивала красота вокруг, равной которой в СССР все равно не было? «Познается в сравнении»?

Романтика – это «не здесь и не сейчас». Юношеская романтика – это переть далеко и делать не то, чем занят сейчас. И чтобы в этом месте и занятии было что-то эдакое, геройское. Гм. А на тех местах живут такие же как ты нормальные люди, которые делают нормальную работу.

Н-ну... Юношеская тяга к странствиям и перемене образов жизни – дело общеизвестное. Ценишь не то, что имеешь под боком, но жаждешь нового, далекого, иного. О'кей, парень, я согласен, это действительно дерьмовая пластинка. Но:

Почему в юности и первой молодости я не ощущал, не трогался, не впечатлялся красотой Города? которым гордился, жить в котором мечтал! Это я что, «развился эстетически»? Это – вряд ли. А чего я тогда стоял и дрожал внутри перед «Дамой в черной шляпе» Ван Донгена или «Легендой о Святом Христофоре» Мандейна?

Почему, черт возьми, я не задумывался, что было до филфака?

01. Моя бабушка, мамина мама, последние годы доживала с нами. Из дому она не выходила, а по двум черно-белым телевизионным программам смотреть было нечего. Свободные от готовки часы бабушка любила проводить на балконе. Она там гуляла, сидя в маленьком шезлонге. И следила с восьмого этажа за ближайшей стройкой.

Она переживала за них! Ругала за безделье, когда работа вставала. Иронически хвалила, когда суетились к концу месяца и квартала. Рассказывала все это нам. Мы над ней посмеивались. Да, ей было нечего делать. Но...

Ей не было до них никакого дела. Почему ей было до них дело? Надо к чему-то пристегнуть свой интерес? Потребность соучаствовать в жизни, в окружающих делах?

0. Вот я и говорю. В восемнадцать лет я был настолько занят собственными делами, что мир за пределами этого личного коридора движения по собственной жизни – мир за пределами моих дел существовал для меня... избирательно... дискретно... иногда. Это вроде как ты едешь в поезде, и там читаешь, ешь, крутишь интрижку, а иногда взглянешь в окно. Как взглянул – видишь остальной мир, а как отвел взгляд от окна и снова своим занят – так мира за окном не видишь. И вообще мир за окном тебя не касается, он есть, но ты тут ни при чем. Хотя иногда красиво! Или дерутся. Или машины столкнулись. А так – и хрен-то с ним.

А дальше... А дальше – поезд едет все медленнее. И чем медленнее едет – тем заметнее и реальнее, тем постояннее делается для тебя этот законный мир. А когда поезд встает – ну, мир качественно меняется для тебя: он существует уже в одном пространственном и временном измерении с тобой. Он тебя к себе подсасывает.

Молодость экстерриториальна.

Старость сливается с окружающим миром.

1. Нет нового в том, что молодость являет новаторское начало в социуме, а старость – консервативное.

Нет нового в том, что и то и другое необходимо, закономерно и благотворно. Без новаций нет развития, без новаций сидели бы мы в пещерах. Новация – это штришок в эволюции системы. А без консерватизма новаторы мгновенно развалили бы все в мелкие дребезги. Консерватизм – это инстинкт самосохранения и самовоспроизводства системы.

Социальная новация аналогична биологической мутации. Твори все, что получается! А уже природа сама отберет оч-чень немногое нужное – и встроит в дальнейшую жизнь.

Социальный консерватизм аналогичен биологической генной программе. Система воспроизводит себя матрицированием, бдительно копируя и не допуская отклонений.

При сплошном засилье консерватизма система перестает приспосабливаться к неизбежным изменениям условий существования, гипсовеет и погибает. Нежизнеспособна делается.

Гармоничное сочетание новации и консервации обеспечивает системе устойчивость и развитие.

2. Ни биологическая, ни социальная система не может «заранее знать», что получится из новации. И действует методом тыка. Даешь как можно больше мутаций... нет; не так.

В биологии мутирует весьма небольшой процент. И редко-редко мутант получает преимущество в выживании перед прочими особями. Тогда его потомство активнее идет в рост, и вид постепенно меняется. Прочие мутации не имеют значения. Или вредны, и мутант вымирает в поколениях.

Хотя. Два процента психически неадекватных людей – в любом народе всегда. Два процента врожденных гомосексуалистов. И пр.

В социуме дело чуть иначе. Любой юноша совершает «внутриролевые усилия» к социальной мутации. Юношеский нонконформизм есть норма. Подавляющее большинство со временем становится «нормативными» членами общества. Отдельные особи меняют мир.

3. Забавно: половое распределение ролей на биологическом уровне – соответствует тут распределению ролей на уровне социальном.

Самки всех видов – менее подвержены мутациям. И в своем устойчивом и апробированном консерватизме обладают в среднем более устойчивым иммунитетом, в среднем лучше приспособлены к существующим условиям жизни. Их выживает гораздо больше, они в среднем живут гораздо дольше.

Самцы более подвержены мутациям, и значительная часть мутантов погибает. Отклонение от генетической программы в огромном большинстве сходит в ноль: хуже размножаются и замещаются нормальными в том же ареале. У самцов ниже иммунитет, они чаще дохнут от всего. Они агрессивнее – и гибнут.

Зато самые мощные, а также удачно мутировавшие самцы передают свои гены максимальному количеству самок. Так и идет.

Взойдем же гордо от червяка до человека.

Девочки старательнее, послушнее, миролюбивее, лучше учатся, дольше живут.

Мальчики хулиганистее, активнее, больше спорят, больше во все вступают, больше изменяют мир и меньше живут.

Женщина бережет очаг во всех смыслах – и в тех же смыслах мужчина прет куда ни попадя переустраивать мир.

4. Аналогично беспорядочным мутациям природы. Человек, особенно в молодости, хватается за любые занятия, которые только можно измыслить. Среди этих занятий есть ну совершенно же на первый взгляд идиотские. На второй взгляд тоже идиотские.

Писать письмо на срезе зернышка. Собирать модель корабля в бутылке. Классифицировать подвиды земляных блох. Коллекционировать пуговицы.

А также писать и читать стихи. Решать теорему Ферма. Изобретать безалкогольное пиво. И тщательно следить за сантиметрами в одежде, блюдя моду.

Объяснение и оправдание: интерес; любовь; выгода; карьера; пристраивание свободного времени; необходимость кормиться. Т.е. некая субъективная польза обычно есть: престиж, деньги, самоутверждение.

Но.

В огромном числе бессмысленных занятий поместились и те, что полезны сейчас или будут благотворны и спасительны завтра! Заранее иногда невозможно знать.

Человек занимается всем чем ни попадя – чтобы Человечество могло заниматься тем, чем необходимо.

5. Точно так же юноши должны хвататься за что ни попадя, изобретая хоть деревянный велосипед, хоть советский летающий бесшумный попдапель в задницу, отрицать ценности отцов, идти в неведомые дали, пытаться перевернуть мир. Пробовать переделать этот мир всеми возможными способами на все возможные и невозможные лады! Чтобы когда-нибудь в чем-нибудь настало хоть какое-то усовершенствование, улучшение, обогащение.

А старики должны бить их по ягодицам, рукам и затылкам, чтоб порядка принятого не рушили, за который дедовской кровью плачено и который веками проверен, и им, юнцам, позволил родиться, вырасти, а теперь мысли гнусные иметь!

В этой вечной схватке поколений новое, ободрав бока и утерев сопли, утверждается в жизни. Но большинство прожектов – херится беспощадно!

6. Бывает, кстати, что и прекрасные вещи губятся! А через двести лет – вай-вай! у нас тоже был гений! – понимают и сожалеют. Не без того.

7. Однако неплохо бы вернуться к нашим баранам, а то их уже из-за горы не видно.

Головой человек может понять все. Но действует он обычно, повинувшись не разуму, а инстинктам, подающимся через подсознание в разум как стимул и команды к действию.

Юность эгоистична, и внимание ее в огромной мере замкнуто на собственную личность, проблемы и судьбу. И дико и невозможно представить иначе. Считанные годы юности – время построения всего главного в жизни. И одновременно энергетика юности требует сделать свое, переделать старое, отрицать бывшее. Что угодно! – но только делать не так, как раньше.

Этот негативизм сопровождается жестоким внутригрупповым конформизмом. Еще слабоватые молодые особи собираются в стаю, и стайей пытаются отвоевать жизненные позиции. Инстинкт, братцы!

Юность искренне невнимательна ко многому, что ее лично не касается. Некогда ей! Не обижайтесь на нее.

8. Но. С годами. Чем больше уже сделал человек. И чем меньше жить ему осталось. И меньше энергии. И ослабла страсть к переменам мест. И тянет к покою. —

Тем больше он инстинктивно отождествляет себя со всем тем, что есть. Со своей семьей, городом, народом, страной, цивилизацией. Тем больше она имеет для него значения.

«Я» юноши – превращается в «Мы» старика.

Остаются на земле – дети, внуки, дом, завод, сад, страна.

Сущность старика еще при его жизни начинает перемещаться в потомков и труды. Это не только физический процесс. Это психический феномен.

Здесь нет заслуги самого человека. Это Природа все устроила. Он не потому сберегает все имеющееся, что такой сознательный и патриотичный. Его желание жжет и печалит искреннее! Чтоб сберечь – и другим, детям-внукам своим и чужим передать все хорошее, что есть. Лично для себя ему уже мало что надо. Радости телесные его сократились, как шагреновая кожа. Но самолюбие и тщеславие остались!

То есть, братцы мои:

Энергия и самореализация старика все более принимает социальную форму.

Возрастные изменения психики – работают на поддержание и эволюцию социальной системы.

9. Древние греки знали, что делали, когда определили возраст старейшин в 60 лет. Он будет думать о благе родины! Ибо кроме родины его уже мало что волнует. Свою биологическую функцию он отметал, и блага телесные возбуждают его и услаждают уже слабо.

Страсть старика социальна по форме.

10. Время бросать камни и время беречь сложенные камни; таки да. Шломо сказал не так? ну, похоже ведь.

11. И поэтому судьба твоей страны и судьба каждого дома начинается с возрастом волновать лично тебя все больше.

Любовь к Отчизне зреет долго.

12. И экая горькая гримаса устройства жизни, что из этой любви живые старики посылают умирать юношей.

Хотя это уже и тема другая.